001
Э54

001(09)
Э54
06 эк+17
Э-54

СОЧИНЕНІЯ ЭМЕРСОНА

ТОМЪ II

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

Б3-351
(24-31)
ПРОВ
1955
Библиотека № 11
Дом Дворцова
Вітебскі Падагагічны

ЭМЕРСОНЪ

Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

3264

1(091)
Б7.37(Loe)5
54

I.

ПОЛЬЗА И ЗНАЧЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Вѣрить въ велцкихъ людей—вещь вполнѣ естественная. Если бъ изъ нашихъ сверстниковъ и товарищей дѣтства выходили герои, поднявшіеся на высоту царскаго могущества и славы, это бы насъ нисколько не поражало. Всякая миѳологія начинается съ полубоговъ, и все, что̀ ихъ окружаетъ, возвышенно и поэтично; это означаетъ, что во всемъ преобладаетъ господство ихъ духа. Въ легендахъ Гаутамы [1]), первые люди ѣли землю и находили ее восхитительно вкусной.

Природа кажется существующей лишь для того, что̀ велико и благородно. Міръ держится правдивостью хорошихъ людей: они дѣлаютъ жизнь на землѣ здоровой и осмысленной. И всѣ, кто жилъ съ ними, находили жизнь радостной и стоющей того, чтобы жить. Жизнь сладка и выносима лишь при нашей вѣрѣ въ общество такихъ людей, и, въ дѣйствительности или въ идеалѣ, мы стремимся жить съ тѣми, кто выше насъ. Мы даемъ нашимъ дѣтямъ и нашимъ землямъ ихъ имена. Ихъ имена превращаются въ глаголы языка, ихъ творенія и изображенія украшаютъ собою наши дома, и съ каждымъ моментомъ или обстоятельствомъ дня связано воспоминаніе о нихъ.

Исканіе великаго человѣка составляетъ мечту юности и самое серіозное занятіе возмужалаго возраста. Мы отправляемся въ чужія страны свѣта, чтобы взглянуть на его дѣянія,—и, если возможно, мелькомъ хоть взглянуть на него самого. Но вмѣсто этого отъ насъ отдѣлываются тѣмъ, что указываютъ на обычные дары фортуны. Намъ говорятъ, англичане—практичный народъ, нѣмцы гостепріимны, климатъ Валенціи восхитителенъ, а среди холмовъ Сакраменто попадаются обильныя залежи золота. Превосходно, но я вѣдь не отправляюсь путешествовать затѣмъ, чтобы встрѣчать людей, умѣющихъ комфортабельно устраиваться, либо богатыхъ и гостепріимныхъ, или же глядѣть на ясное небо и любоваться слитками, представляющими большую цѣнность. Но, если бъ была на свѣтѣ такая магнитная стрѣлка, которая бы показывала на страны и жилища, гдѣ живутъ лица, обладающія внутренними богатствами и могуществомъ, я бы все продалъ, чтобы купить ее, и пустился бы съ нею туда въ путь сегодняшній же день.

Славой и значеніемъ этихъ людей живетъ весь человѣческій родъ. Фактъ, что человѣкъ, который выдумалъ желѣзную дорогу, живетъ въ такомъ-то городѣ, возвышаетъ всѣхъ его жителей въ глазахъ свѣта. А огромныя населенія странъ, нищія духовными благами, такъ же отталкивающи, какъ кишащій червями сыръ, какъ копошащіяся муравьиныя кучи или гнѣзда

---

[1]) Gautama—прозвище основателя буддійской религіи Шакьямуни (Будды), а также имя предполагаемаго автора весьма цѣннаго сочиненія ведійскаго цикла санскритской литературы, Dharma-Sutra, являющагося однимъ изъ древнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ индійской словесности. Переводч.

блохъ. — чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ хуже.

Наша религія сводится къ любви и обожанію этихъ покровителей рода человѣческаго. Боги фабулы представляютъ собою лучезарные моменты изъ жизни великихъ людей. Мы отливаемъ всѣ наши сосуды въ одной формѣ. Наши грандіозныя богословскія системы Іудаизма, Христіанизма, Буддизма. Магометанства, являются необходимой и зиждительной работой человѣческаго духа. Тотъ, кто изучаетъ исторію, подобенъ человѣку, отправляющемуся въ магазинъ покупать ткани или ковры. Онъ воображаетъ, что нашелъ тамъ вещь, совершенно новую. Но пусть идетъ на фабрику, тамъ онъ убѣдится, что рисунокъ его новой матеріи воспроизводитъ тѣ же украшенія и розетки, которыя встрѣчаются на внутреннихъ стѣнахъ пирамидъ въ Ѳивахъ. Нашъ геніямъ есть очищеніе человѣческаго духа. Человѣкъ можетъ изображать, творить или мыслить только человѣка. Онъ вѣритъ, что начало великихъ элементовъ матеріальной природы лежитъ въ его духѣ. Наша философія находитъ всюду и во всемъ одну сущность, встрѣчающуюся въ состояніи концентраціи или разсѣянія.

Задаваясь теперь цѣлью изслѣдовать разные виды услугъ и пользы, получаемыхъ нами отъ другихъ, будемъ остерегаться опасныхъ заблужденій современныхъ изслѣдованій и начнемъ съ невысокихъ ступеней. Намъ не слѣдуетъ спорить противъ любви или же отрицать, что и жизнь другихъ людей представляетъ собою сущее бытіе. Я не знаю, что бы изъ насъ вышло. У насъ есть соціальныя силы и крѣпость. Наше доброе чувство по отношенію къ другимъ создаетъ извѣстнаго рода преимущество или пріобрѣтеніе, котораго ничто не въ состояніи замѣнить. Я могу сдѣлать помощью другого то, чего я не въ состояніи сдѣлать одинъ. Я въ состояніи сказать вамъ то, чего я въ началѣ не въ состояніи сказать себѣ самому. Другіе люди являются лупами, черезъ которыя мы читаемъ нашу собственную душу. Всякій человѣкъ тяготѣетъ къ тѣмъ, кто свойствами своей натуры отличается отъ него, равно какъ и къ тѣмъ, у кого эти свойства, превосходны и цѣнны на свой ладъ; иными словами, онъ тяготѣетъ къ другимъ людямъ и при томъ въ высшей степени или въ полномъ смыслѣ этого слова другимъ (otherest). Чѣмъ сильнѣе натура, тѣмъ сильнѣе она вліяетъ на другихъ. Здѣсь насъ интересуютъ душевныя качества чистѣйшей воды. Маленькіе таланты оставимъ въ покоѣ. Основное различіе между людьми сводится къ тому, на высотѣ ли они своего дѣла или нѣтъ. Человѣкъ есть то благородное эндогенное растеніе, которое, подобно пальмѣ, органически растетъ и развивается изъ внутри наружу. Свои собственныя задачи, хоть и невозможныя для другихъ, онъ въ состояніи разрѣшить быстро и играючи. Для сахара легко быть сладкимъ, а селитрѣ—соленой. Мы беремъ на себя большую толику труда и стараній для того, чтобы захватить въ сѣти и поймать то, что само собою попадетъ въ наши руки. Я считаю великимъ человѣкомъ того, кто всегда пребываетъ въ болѣе высокой области мысли, до которой другіе поднимаются цѣною труда и напряженій; такому человѣку стоитъ только раскрыть глаза для того, чтобы видѣть вещи въ истинномъ свѣтѣ и въ крупныхъ соотношеніяхъ, тогда какъ другимъ приходится прибѣгать къ стоющимъ тяжелаго труда поправкамъ и недремлющимъ окомъ озираться, остерегаясь различныхъ источниковъ заблужденія. Подобнаго же рода польза отъ него и служба, которую онъ намъ служитъ. Прекрасной личности никакого труда не стоитъ запечатлѣть свой образъ въ нашихъ глазахъ, а между тѣмъ какъ великолѣпно такое благодѣяніе! Не больше труда стоитъ мудрой душѣ сообщать свои качества другимъ людямъ. И каждый можетъ самымъ легкимъ образомъ дѣлать лучшее въ своей сферѣ. «Peu de moyens, beaucoup d'effet». Тотъ великъ, кто является тѣмъ, что онъ есть отъ природы, и кто никогда не напоминаетъ собою другихъ.

Но онъ долженъ имѣть отношеніе къ намъ и дать нашей жизни извѣстное обѣщаніе объяснить ее. Я не могу сказать, что я хотѣлъ бы знать; но я замѣчалъ, что есть люди, которые своимъ характеромъ и дѣйствіями даютъ отвѣты на вопросы, которые ставить у меня нѣтъ умѣнія. Одинъ человѣкъ отвѣчаетъ на какой-нибудь вопросъ, котораго никто изъ его современниковъ не ставитъ, и онъ стоитъ совершенно одиноко. Прошедшія и проходящія религіи и философіи даютъ отвѣты на какой-либо другой вопросъ. Извѣстные люди производятъ на насъ впечатлѣніе богатыхъ потенцій, обильныхъ источниковъ возможностей, но въ дѣйствительно-

сти безпомощныхъ для себя и своей эпохи;— игрушки, быть можетъ, какого-нибудь инстинкта, носящагося въ окружающей атмосферѣ, они не отвѣчаютъ нашимъ потребностямъ. Но истинно великіе люди намъ близки; мы ихъ узнаемъ съ перваго взгляда. Они оправдываютъ ожиданія и оказываются на своемъ мѣстѣ. Что̀ хорошо, то эффективно, т. е. дѣйствительно, плодотворно; оно создаетъ для себя мѣсто, пищу и союзниковъ. Здоровое яблоко производитъ сѣмя,—уплодочное—никакого. Если человѣкъ на своемъ мѣстѣ, онъ созидателенъ, плодовитъ, притягателенъ, наводняетъ и захватываетъ цѣлыя арміи преслѣдуемой имъ задачей, которая такимъ образомъ и осуществляется. Рѣка сама образуетъ свои берега, и всякая законосмѣрная идея прокладываетъ себѣ свои каналы и вызываетъ привѣтственныя встрѣчи,— взращивая жатвы для своего питанія, институты для своего выраженія, создавая оружіе для борьбы и послѣдователей, ее развивающихъ и объясняющихъ. Истый художникъ имѣетъ своимъ пьедесталомъ всю планету; карьеристъ же, послѣ многолѣтнихъ стремленій и борьбы, имѣетъ подъ собою почвы не больше ширины его сапогъ.

Въ обыденной бесѣдѣ мы различаемъ два рода пользы и услугъ, оказываемыхъ людьми высшаго порядка. Вѣра въ непосредственное даяніе пріятна первоначальному, наивному міросозерцанію людей, вѣра именно въ непосредственную матеріальную или духовную метафизическую помощь, въ видѣ ли здоровья, вѣчной юности, тонкихъ чувствъ, или искусства врачеванія, магической силы и пророчества. Мальчикъ вѣритъ, что есть учитель, который въ состояніи продать ему свою мудрость. Церкви вѣрятъ въ такія заслуги, которыя, такъ сказать, на роду написаны, вмѣнены извѣстнымъ личностямъ. Но, строго говоря, мы мало цѣнимъ и сознаемъ настоящія, прямыя услуги. Человѣкъ эндогененъ, растетъ своею внутреннею силой, и воспитаніе является процессомъ его поступательнаго раскрытія и развитія. Помощь, которую мы получаемъ отъ другихъ, представляется механическою, въ сравненіи съ раскрытіями природы въ насъ самихъ. Что̀ мы такимъ образомъ изучаемъ, восхитительно въ своемъ проявленіи, и дѣйствіе его оставляетъ прочный слѣдъ. Правильная этика является центральнымъ закономъ, исходящимъ изъ души наружу. Случайный внѣшній даръ противорѣчитъ закону вселенной. Служеніе другимъ есть служеніе намъ самимъ. Я долженъ оправдать себя передъ своею совѣстью. «Думай о своемъ дѣлѣ, глупый человѣкъ!» говоритъ духъ;—«неужели ты хотѣлъ бы лучше вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся неба или другихъ людей?» Но остается еще служба и польза, которая приносится не прямо, а косвенно. Люди обладаютъ символическимъ или представительнымъ свойствомъ и служатъ намъ духовно. Бемень и Сведенборгъ познали, что вещи вообще являются символами и представителями. И люди также обладаютъ свойствомъ представительности; они, во-первыхъ, представители вещей, и, во-вторыхъ,—идей.

Подобно тому, какъ растенія превращаютъ минералы въ пищу для животныхъ, такъ и каждый человѣкъ превращаетъ какой-нибудь сырой матеріалъ въ природѣ въ полезный людямъ предметъ. Открыватели огня, электричества, магнетизма, желѣза, свинца, стекла, полотна, шелка, хлопчатой бумаги; изобрѣтатели — инструментовъ; сочинитель десятичной нумераціи; геометръ; инженеръ; музыкантъ, — каждый въ своей области, пролагаютъ для всѣхъ легкій путь сквозь хаосъ неизвѣстнаго и невозможнаго. Всякій человѣкъ таинственной, внутренней склонностью связанъ съ какой-либо областью природы, которой дѣятелемъ и толкователемъ онъ является; таковымъ былъ Линней по отношенію къ растеніямъ; Губеръ—по отношенію къ пчеламъ; Фрисъ — лишаямъ; Ванъ-Монсъ—грушамъ; Дальтонъ — атомнымъ формамъ; Эвклидъ — линіямъ; Ньютонъ—интегральному и дифференціальному исчисленіямъ.

Человѣкъ для природы является центромъ, отъ котораго идутъ нити отношенія черезъ всякую вещь, жидкую, твердую, матеріально осязаемую и неуловимую, элементарную. Земля вращается; каждый комъ земли, каждый камень проходитъ черезъ меридіанъ: такъ и каждый органъ, функція, кислота, кристаллъ, песчинка имѣетъ свое отношеніе къ мозгу. Долго они ждутъ, но каждому изъ нихъ приходитъ, наконецъ, чередъ. Каждое растеніе имѣетъ своего паразита, а каждая сотворенная вещь—своего творца, любителя и поэта. Справедливость уже отдана пару, желѣзу, дереву, углю, магниту, іоду, зерну и хлопку; но какъ мало использовано до сихъ поръ матеріаловъ

нашими искусствами! Масса созданій и качествъ все еще находится въ скрытомъ состояніи и ждетъ. Оно кажется, словно каждое изъ нихъ, подобно заколдованной принцессѣ въ волшебной сказкѣ, ждетъ своего избавителя въ лицѣ опредѣленнаго человѣка. Каждое должно быть освобождено отъ чаръ и выступить на Божій свѣтъ въ человѣческомъ образѣ. Въ исторіи открытій, созрѣвшая, но скрытая истина словно создавала и образовывала нарочный мозгъ для себя. Магнитъ долженъ былъ стать человѣкомъ въ лицѣ какого-нибудь Джильберта, либо Сведенборга, либо Эрстеда, прежде чѣмъ общечеловѣческій умъ могъ дойти до пониманія и пользованія его силами.

Если мы ограничимся одними первоначальными благами, мы увидимъ, что серіозная, глубокая красота свойственна минеральному и ботаническому царствамъ, которая, въ самые возвышенные моменты, обнаруживаетъ себя, какъ какое-нибудь чудо, прелесть природы: таковы — блескъ шпата, непреложность сродства, абсолютная точность угловъ. Свѣтъ и мгла, жаръ и холодъ, голодъ и питаніе, сладкое и кислое, твердое, жидкое и газообразное — чередуясь, вращаются вокругъ насъ вѣнцомъ удовольствій и своимъ пріятнымъ антагонизмомъ наполняютъ незамѣтно протекающій жизненный день. Глазъ каждый день повторяетъ первую хвалу, возданную вещамъ: «И онъ увидѣлъ, что онѣ хороши». Мы знаемъ, гдѣ найти ихъ, и послѣ того, какъ у насъ накопился опытъ относительно разныхъ ихъ родовъ и видовъ, соревнующихъ между собою, эти исполнители, участвующіе въ міровомъ концертѣ, вкушаются нами тѣмъ сильнѣе и глубже. Но мы имѣемъ право и на болѣе высокія блага. Что-то недостаетъ наукѣ до тѣхъ поръ, пока она не получаетъ человѣческаго, гуманнаго облика и направленія. Одна вещь— таблица логариѳмовъ, другая — жизненное отраженіе ея игры въ ботаникѣ, музыкѣ, оптикѣ и архитектурѣ. Для ариѳметики, анатоміи, архитектуры, астрономіи, прогрессъ, правда, въ началѣ едва подозрѣваемый, знаменуется,—тогда, когда, путемъ сліянія съ интеллектомъ и волей, онѣ восходятъ въ практическую жизнь и проявляются въ области разговора, характера и политики.

Но это приходитъ позже. Теперь мы говоримъ лишь о нашемъ знакомствѣ съ вещами въ ихъ собственной области и о пути, какимъ тѣ, повидимому, чаруютъ и притягиваютъ къ себѣ генія, всю жизнь занимающагося одной какой-либо вещью. Способность объяснить природу вещи основывается на тождествѣ того, кто наблюдаетъ, съ тѣмъ, что наблюдается. Каждая матеріальная вещь имѣетъ свою небесную сторону: она, при помощи человѣческаго духа, можетъ быть переведена въ сферу духовнаго и необходимаго, гдѣ она играетъ такую же вѣковѣчную роль, какъ и всякая другая вещь. И къ этимъ своимъ конечнымъ цѣлямъ непрестанно стремятся и возносятся всѣ вещи. Газы сгущаются въ прочный небосводъ; комокъ химическаго вещества попадаетъ въ растеніе и начинаетъ расти; онъ попадаетъ въ четвероногое и въ его образѣ начинаетъ ходить; попадаетъ въ человѣка— и мыслитъ. Но и составныя части, избиратели опредѣляютъ вотумъ избраннаго ими представителя. Онъ ихъ не только представляетъ, но является среди нихъ участникомъ, частью ихъ совокупности. Подобное можетъ быть познаваемо только подобнымъ. Причина, почему кто-либо знаетъ природу вещей, заключается въ томъ, что самъ онъ изъ ихъ числа; онъ обладаетъ тою именно натурою, что и познаваемая имъ вещь, или же онъ составляетъ часть этой вещи. Живой, одушевленный хлоръ можетъ познать природу хлора, а воплощенный цинкъ постигаетъ сущность цинка. Ихъ природный складъ опредѣляетъ его жизненный путь; и онъ въ состояніи на разнообразный ладъ вѣщать ихъ природу, благодаря тому, что они его образуютъ и входятъ въ его составъ. Человѣкъ, созданный изъ мірового праха, не забываетъ своего происхожденія,— и будетъ день, когда все, что пока пребываетъ въ неодушевленномъ состояніи, будетъ говорить и мыслить. Неявленная природа увидитъ всѣ свои тайны разглашенными. Развѣ нельзя утверждать, что кварцовыя горы разсыплются на безчисленныя части, олицетворяемыя Вернерами, фонъ-Буками и Бомонами, а великая лабораторія атмосферы содержитъ въ своемъ растворѣ какихъ-нибудь новыхъ Берцеліусовъ и Дэви?

Такъ, сидя у себя за печкой, мы охватываемъ полюсы земли. Эта мнимая, квазивездѣсущность является для насъ возмѣщеніемъ въ нашемъ жалкомъ, немощномъ положеніи. Въ тѣ божественные дни, когда небо и земля словно заключаютъ другъ друга

въ свои объятія и являются красою другъ друга, мы представляемся самимъ себѣ нищими, оттого что доступное намъ наслажденіе ограничено пространствомъ и временемъ: мы желали бы обладать тысячью головъ и тысячью тѣлъ, чтобы на разные лады и въ разныхъ мѣстахъ вкушать и славословить безпредѣльную красоту бытія. Можно ли назвать такое вожделѣніе фантазіей или причудой? Нисколько, ибо наше индивидуальное бытіе по истинѣ умножилось, стало во много разъ глубже и шире, благодаря жизни и дѣятельности тѣхъ, кто является нашимъ представителемъ и какъ бы уполномоченнымъ. Какъ легко мы усвоиваемъ и ассимилируемъ плоды трудовъ этихъ представителей и предтечъ! Всякій корабль, причаливающій къ берегамъ Америки, своею морскою картой обязанъ Колумбу. Всякое произведеніе изящной словесности является въ томъ или иномъ отношеніи должникомъ Гомера, заимствующимъ у него свои красоты. Всякій плотникъ, строгающій рубанкомъ, пользуется изобрѣтательнымъ геніемъ давно забытаго человѣка, выдумавшаго этотъ инструментъ. Вся жизнь опоясана зодіакомъ знаній и открытій, вкладами людей, не останавливавшихся даже передъ смертью для того, чтобы озарить новымъ лучомъ свѣта наши небеса. Инженеръ, маклеръ, юристъ, врачъ, моралистъ, богословъ, вообще, всякій, кто только обладаетъ какимъ-либо знаніемъ,—является опредѣлителемъ и картографомъ долготъ и широтъ нашего человѣческаго существованія. Эти піонеры, прокладатели новыхъ путей, обогащаютъ насъ со всѣхъ сторонъ. Намъ слѣдуетъ расширить арену жизни и умножить сѣть нашихъ отношеній. Открывая новое свойство въ старой землѣ, мы дѣлаемъ столь же цѣнное пріобрѣтеніе, какъ если бы мы присоединили къ своимъ владѣніямъ новую планету.

Въ отношеніи воспріятія и пользованія этими матеріальными или полуматеріальными вспомогательными средствами, мы проявляемъ слишкомъ большую пассивность. Намъ нечего изображать собою всепоглощающіе мѣшки и желудки. Чтобы идти дальше, скажемъ: наши добрыя чувства и симпатіи служатъ намъ лучшую службу. Дѣятельная натура дѣйствуетъ выразительно и увлекаетъ другихъ. Глядя, куда глядятъ другіе, и вращаясь въ сферѣ тѣхъ же вещей, что и они, мы улавливаемъ тѣ чары и ту прелесть, которыя ихъ плѣнили. Наполеонъ говорилъ: «Не слѣдуетъ слишкомъ часто воевать съ однимъ и тѣмъ же непріятелемъ, иначе онъ научится у васъ всему вашему военному искусству». Стоитъ только часто встрѣчаться и бесѣдовать съ какимъ-нибудь человѣкомъ могучей души, какъ пріобрѣтаешь очень скоро привычку смотрѣть на вещи его глазами и по каждому случаю предвосхищаешь его мысль.

Люди приносятъ другъ другу пользу умомъ и чувствами. Всякую другую пользу я нахожу ложной и показной. Если кто воображаетъ, что даритъ мнѣ хлѣбъ и топливо, я сейчасъ же чувствую, что плачу ему за это полной цѣной, и въ концѣ концовъ такое дѣяніе оставляетъ меня такимъ же, какимъ я былъ до него, ни лучше, ни хуже; тогда какъ всякая умственная и моральная сила, которую я пріобрѣтаю, представляетъ собою положительное благо. Она исходитъ отъ тебя, хочешь ли ты это или нѣтъ, и приноситъ пользу мнѣ, о которомъ ты никогда и не думалъ. Я даже слышать не могу разсказа о личной доблести какого бы то ни было рода, о какой-либо выдающейся силѣ творчества или исполненія, безъ того, чтобы въ моей груди не загоралась новая рѣшимость слѣдовать такому образцу. Намъ присуще чувство соревнованія и соперничества относительно всего, что человѣкъ въ состояніи сдѣлать. Слова Сесиля о сэрѣ Вальтерѣ Ралеѣ: «Я знаю, что онъ умѣетъ колоссально работать» — дѣйствуютъ, какъ ударъ электрическаго тока. Такого же рода дѣйствіе оказываютъ портреты, писанные Кларендономъ: — Гэмидена, напримѣръ,— «который отличался не поддающимся усталости трудолюбіемъ и бдительностью, которой трудолюбивѣйшіе усыпить и превозмочь не могли, и дарованіями, передъ которыми пассовали самые тонкіе и острые умы, равно какъ личнымъ мужествомъ, достойнымъ его лучшихъ дарованій»;— или портреты Фалькландъ, «столь строгаго почитателя правды, что притворяться и лукавить для него было такъ же немыслимо, какъ и красть». Мы не можемъ читать Плутарха безъ того, чтобы сердце не забилось сильнѣе, и я вполнѣ раздѣляю мнѣніе китайца Менгъ-Тце, выраженное въ его словахъ: «Мудрецъ есть наставникъ сотенъ поколѣній. Внимая повѣствованію о привычкахъ и поведеніи Лоо, глу-

ные становятся умными и колеблющіеся—рѣшительными».

Въ этомъ и заключается главная мораль біографіи людей прошедшаго; но все же трудно, чтобы мертвые оказывали на живыхъ вліяніе, подобное тому, какое оказываютъ на насъ наши современники, которыхъ имена, пожалуй, и не будутъ такъ долго жить въ памяти потомства. И что значитъ тотъ, о комъ я никогда не думаю въ то время, какъ въ любомъ уединеніи находятся такіе, кто питаетъ нашъ духъ и вдохновляютъ насъ удивительнымъ образомъ. Любовь обладаетъ силой отгадывать судьбу другого лучше, чѣмъ онъ самъ въ состояніи это сдѣлать, и силою геройскаго ободренія воспламенить его на предназначенное ему высокое дѣло. Что больше отличаетъ дружбу, какъ не ея возвышенное тяготѣніе ко всему хорошему и доблестному, что въ насъ есть? Не будемъ же никогда впредь легко думать о себѣ, о нашей жизни, какъ о чемъ-то малоцѣнномъ. Въ насъ загорѣлось стремленіе къ извѣстной высокой цѣли, и намъ уже не придется стыдиться и краснѣть передъ трудолюбіемъ рабочихъ и землекоповъ на полотнѣ желѣзной дороги.

Подъ эту точку зрѣнія подходитъ также и то поклоненіе, вполнѣ, по моему мнѣнію, чистое и безкорыстное, которое люди всѣхъ ранговъ оказываютъ герою дня, начиная съ Коріолана и Гракха вплоть до Питта, Лафайета, Веллингтона, Вебстера, Ламартина. Слушайте привѣтственные крики на улицѣ! Народъ не можетъ вдоволь имъ наглядѣться. Они упиваются однимъ человѣкомъ. Вотъ голова и фигура! Что за чело! Что за глаза! Плечи Атланта, вся поступь и держаніе—героя, съ достойною его внутренней силой руководить и править огромной массой! Это наслажденіе полнымъ выраженіемъ того, что въ обыденномъ частномъ опытѣ людей оказывается сдавленнымъ и парализованнымъ, достигаетъ еще гораздо большей высоты и заключаетъ въ себѣ секретъ того блаженства, какое испытываешь, когда читаешь произведенія какого-нибудь литературнаго генія. Здѣсь внутреннему восторгу нѣтъ удержу, и огня оказывается достаточно для того, чтобы горы золота превратить въ рѣки расплавленнаго металла. Главная заслуга Шекспира можетъ быть формулирована такъ: онъ лучше всѣхъ людей владѣетъ англійскимъ языкомъ и можетъ на немъ выразить все, что только хочетъ. А между тѣмъ эти незагражденные каналы и открытые шлюзы выразительности представляютъ собою не больше, какъ признаки здоровой и счастливой духовной организаціи. Имя Шекспира напоминаетъ о другихъ, и при томъ чисто интеллектуальныхъ благахъ.

Законодательныя собранія и государи, съ ихъ медалями, почетными мечами и геральдическими гербами не имѣютъ въ своемъ распоряженіи ни одного знака отличія, равносильнаго тому, какое достается человѣческому существу, когда ему сообщаются великія мысли, въ предположеніи, что онъ дорось до ихъ пониманія. Такого рода почесть, едва ли выпадающую на долю людей въ ихъ личныхъ отношеніяхъ болѣе одного, двухъ разъ въ жизни, геній воздастъ непрестанно, довольный, если кой-когда въ теченіе столѣтія его дарніе принимается и находитъ признаніе. Люди, указывающіе намъ на матеріальныя цѣнности, представляются опустившимися чуть ли не на степень поваровъ и кондитеровъ, при появленіи тѣхъ, кто обращаетъ наше вниманіе и взоры на идеи. Геній является естествоиспытателемъ и географомъ въ областяхъ сверхчувственнаго, начертывающимъ ихъ карты, и, знакомя насъ съ новыми сферами дѣятельности, охлаждаетъ нашу привязанность и влеченіе къ старымъ. Эти области, благодаря ему, представляются намъ сразу настоящимъ, дѣйствительнымъ міромъ, котораго внѣшнимъ отраженіемъ, показной стороной является міръ, въ которомъ мы пребывали.

Мы отправляемся въ гимнастическій залъ и въ школу плаванія, для того чтобы любоваться силой и красотою тѣла; но одинаковое наслажденіе и болѣе высокое благотворное вліяніе испытываешь отъ созерцанія интеллектуальныхъ подвиговъ всякаго рода,—каковы: изумительная память, чудеса математическаго комбинированія, удивительная сила абстракціи, сила воображенія, мѣняющаго по своему произволу видѣнія и образы, наконецъ, даже гибкость, эластичность и подвижность ума, равно какъ способность сосредоточенія,—всѣ эти проявленія внутренняго міра открываютъ передъ нами невидимые органы и члены духа, соотвѣтствующіе досконально частямъ тѣла. Ибо такимъ образомъ мы вступаемъ въ новую гимназію, школу духовныхъ упражненій, и научаемся

отличать людей по ихъ вѣрнѣйшимъ признакамъ, усвоивъ, говоря словами Платона, умѣніе «распознавать тѣхъ, кто способенъ безъ помощи глазъ, либо другихъ какихъ-либо органовъ чувствъ, стремиться къ тому, что истинно и дѣйствительно». Среди этихъ актовъ душевной дѣятельности прежде всего бросаются въ глаза удивительные скачки, чары и воспроизводительная сила воображенія. Когда послѣднее находится въ дѣйствіи, человѣкъ кажется обладающимъ удесятеренною или въ тысячу разъ умноженною силою. Оно доставляетъ восторги ощущенія необъятныхъ размѣровъ и придаетъ смѣлость и отвагу уму. Мы становимся такими же эластичными, какъ и пороховой газъ, и какая-нибудь мысль, вычитанная изъ книги, или слово, которое проронили въ разговорѣ, даетъ полетъ нашей фантазіи, съ помощью которой наши головы моментально воздымаются и тонутъ въ эѳирѣ млечныхъ путей, а ноги уходятъ въ бездну преисподней. И это именно благотворное вліяніе истинно и дѣйствительно, ибо мы имѣемъ право на такой ростъ въ высь и даль, и, разъ вышедши изъ рамокъ, въ которыя мы были заключены, мы ужъ никогда больше не окажемся тѣми жалкими педантами, какими мы были раньше.

Высокія функціи интеллекта настолько между собою родственны, что извѣстная сила воображенія обыкновенно присуща всѣмъ выдающимся умамъ, даже первоклассным математикамъ, особливо же созерцательнымъ натурамъ, мышленіе которыхъ носитъ интуитивный характеръ. Польза, приносимая намъ этой категоріей людей, обусловливается тѣмъ, что они обладаютъ способностью улавливать явленія тождества и взаимодѣйствія между вещами. Отъ глазъ Платона, Шекспира, Сведенборга, Гёте никогда не ускользало дѣйствіе какъ одного, такъ и другого изъ этихъ законовъ. Способность усмотрѣнія этихъ законовъ является своего рода мѣриломъ духа. Маленькіе умы малы, благодаря именно своей неспособности ихъ видѣть.

Но и эти духовные пиры, которые намъ доставляетъ поклоненіе героямъ духа, могутъ вести къ пресыщенію. Нашъ восторгъ передъ силою разума нерѣдко вырождается въ идолопоклонство передъ его герольдомъ. Примѣры всеподавляющаго, тиранническаго вліянія встрѣчаются особливо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ учителемъ людей является умъ, отличавшійся могучей силой метода. Таковы: безграничное господство Аристотеля, астрономическая система Птолемея, авторитетъ Лютера, Бэкона, Локка;—въ области религіи—исторія іерархій, святыхъ и сектъ, получившихъ наименованіе отъ именъ своихъ основателей. Увы! Всякій человѣкъ является жертвою такого всеподавляющаго вліянія авторитета. Ничтожество людей съ одной стороны всегда вызываетъ безстыдное высокомѣріе власти съ другой. Для вульгарнаго таланта упоеніе—поражать собою и ослѣплять зрителя. Истый же геній стремится оградить насъ отъ себя. Истый геній не обездолитъ, а дастъ намъ свободу и обогатитъ насъ новыми способностями духа. Появись въ нашей деревнѣ мудрый человѣкъ, онъ бы въ тѣхъ, кто находился бы съ нимъ въ общеніи, вызвалъ новое пониманіе и отношеніе къ богатству, раскрывъ имъ глаза на незамѣчаемыя блага и преимущества; онъ внушилъ бы своимъ окружающимъ чувство незыблемаго душевнаго равновѣсія и успокоилъ бы насъ увѣренностью, что мы никогда не можемъ быть обманутыми; ибо, благодаря такому учителю, каждый былъ бы въ состояніи распознавать оплоты и гарантіи своего положенія. Богатые тогда увидѣли бы свои ошибки и свою въ сущности бѣдность, бѣдные—выходы изъ своего положенія и свои ресурсы.

Но природа все это въ свое время осуществляетъ. Круговоротъ — ея корректив ное средство. Душа не терпитъ господъ и жаждетъ перемѣны. Хозяйки отзываются о хорошей прислугѣ: «она жила у меня довольно долго». Мы представляемъ собою тенденціи или, вѣрнѣе, симптомы, и ни одинъ изъ насъ не совершененъ. Мы приходимъ, понюхаемъ и уходимъ, едва отвѣдавъ верхнюю нѣнку многихъ жизней. Круговоротъ есть законъ природы. Когда міровой порядокъ уноситъ великаго человѣка, люди окидываютъ взоромъ горизонтъ, ища того, кто долженъ явиться ему на смѣну; но никто не является и не явится, ибо видъ, котораго онъ былъ представителемъ, пресѣкся вмѣстѣ съ нимъ. Слѣдующій великій человѣкъ явится въ какой-нибудь другой и совершенно иной области: не Джефферсонъ, не Франклинъ, но на этотъ разъ великій коммерсантъ, а послѣ желѣзнодорожный подрядчикъ, затѣмъ изслѣдователь рыбъ, а далѣе знаменитый охотникъ за бизонами и изслѣдователь не-

вѣдомыхъ пустынь, или же полудикій генералъ Запада. Такимъ путемъ мы ограждаемъ нашу самобытность отъ гнетущаго превосходства нашихъ болѣе грубыхъ вождей и учителей; что же касается лучшихъ, первоклассныхъ вождей человѣчества, то противъ нихъ есть болѣе деликатное средство. Богатства, которыя они сообщаютъ, не составляетъ ихъ собственности. Когда насъ вдохновляютъ идеи, мы этимъ обязаны не Платону, но идеѣ, которой должникомъ былъ самъ Платонъ.

Я не долженъ, однако, упускать изъ вида, что одному классу великихъ людей мы особенно обязаны. Жизнь это—лѣстница степеней. Между рангами, занимаемыми нами великими людьми, есть большія разстоянія. Человѣчество во всѣ вѣка сосредоточивало свое поклоненіе на нѣсколькихъ личностяхъ, которыя, въ силу ли величія той идеи, которую онѣ воплощали, или же въ силу ихъ необъятной воспріимчивости, были призваны играть роль вождей и законодателей. Такіе люди открываютъ намъ тайники и сокровенныя свойства первоначальной природы; они вводятъ насъ въ самую суть, основной строй вещей. Мы плывемъ изо дня въ день по рѣкѣ иллюзій и призраковъ и въ дѣйствительности тѣшимся воздушными замками, которыми люди вокругъ насъ водятся за носъ. Но дѣйствительная жизнь есть искренность сама. Въ свѣтлые промежутки мы говоримъ себѣ: «да откроется, наконецъ, предо мною входъ въ міръ дѣйствительной правды и реальностей; слишкомъ ужъ долго я носилъ шутовской колпакъ». Мы желаемъ знать истый смыслъ и значеніе нашей государственной экономіи и политики. Дайте намъ ключъ къ этому шифру, и, если люди и вещи представляютъ собою партитуры небесной музыки, дайте намъ разобрать ея мелодію. Мы обманулись на счетъ нашего разума; а все-таки были сильные и здоровые люди, которые наслаждались богатой и полной жизнью. То, что такіе люди знаютъ, это они знаютъ для насъ. Съ каждымъ новымъ великимъ умомъ дышетъ откровеніе новой тайны природы, и библія до тѣхъ поръ не можетъ быть заключена, пока не родится послѣдній великій человѣкъ. Это и есть тѣ люди, которые сдерживаютъ и исправляютъ бредъ и неразуміе присущей человѣку животной натуры, будятъ въ насъ разумъ и ведутъ насъ къ новымъ цѣлямъ и могуществу. Этихъ избранниковъ благоговѣніе народовъ ставитъ на высшую ступень величія. Взгляните на множество статуй, картинъ и поминокъ, посвященныхъ въ каждомъ городѣ, деревнѣ, домѣ и кораблѣ памяти объ ихъ геніи:

«Вѣчно ихъ тѣни встаютъ передъ нами,
Великихъ вождей, но все же намъ братьевъ;
Гдѣ мы спимъ, гдѣ ѣдимъ, они вѣчно предъ нами
Съ красою во взорахъ и словами добра» [1]).

Какъ освѣтить мнѣ отчетливую благотворность идей, пользу, приносимую тѣми, кто вноситъ нравственныя истины въ общее сознаніе?—Всю жизнь я томлюсь подъ непрестаннымъ гнетомъ тарифа, по которому приходится производить оцѣнку всѣхъ цѣнностей. Когда я работаю въ своемъ саду и подрѣзываю яблоню, это меня вполнѣ занимаетъ, и я могъ бы продолжать подобное занятіе до безконечности. Но вдругъ приходитъ на умъ мысль, что день прошелъ, и я провелъ его въ этомъ миломъ ничего недѣланіи. Я отправляюсь въ Бостонъ или Нью-Іоркъ и бѣгаю тамъ по своимъ дѣламъ: вотъ они устроены и сварены съ плечъ, но, вмѣстѣ съ ними, ухлопанъ день. Меня мучитъ мысль о цѣнѣ, какою я купилъ эту пустяшную выгоду. Я вспоминаю тогда басню о peau d'âne, въ которой всякій, кто садится на ослиную шкуру, осуществляетъ свое желаніе, но на исполненіе каждаго желанія уходитъ кусокъ этой шкуры. Я отправляюсь на собраніе филантропическаго кружка, но и здѣсь, при всемъ своемъ желаніи, я не могу спустить глазъ со стрѣлки часовъ. Но, появись въ этомъ собраніи нѣкая благородная душа, для которой личные или партійные интересы, вопросъ о Каролинѣ или Кубѣ совершено безразличны, но которая возвѣщаетъ законъ, обнимающій всѣ эти частные случаи, и такимъ образомъ, убѣждаетъ меня въ существованіи высшей справедливости, парализующей всѣ ходы фальшиваго игрока, и внушаетъ мнѣ сознаніе моей независимости отъ всѣхъ условій, мѣста, или времени, или же состоянія человѣческаго тѣла,—такой человѣкъ дастъ мнѣ свободу, и я забываю о времени, не вижу

[1]) «Ever their phantoms arise before us,
Our loftier brothers, but one in blood:
At bed and table they lord il o'er us
With looks of beauty and words of good».

Изъ стихотворенія Стерлинга: «Daedalus».
Переводч.

передъ собою часовъ, и, благодаря ему, выхожу изъ круга болѣзненныхъ, ненормальныхъ отношеній къ людямъ. Я исцѣленъ отъ всѣхъ своихъ невзгодъ. Я чувствую себя безсмертнымъ въ сознаніи своего обладанія нетлѣнными благами. На землѣ царитъ вѣчная борьба и антагонизмъ интересовъ между богатыми и бѣдными. Мы живемъ среди рынка, на которомъ существуетъ лишь опредѣленное количество пшеницы, шерсти или земли; и если у меня ихъ оказывается на столько-то больше, у всякаго другого ихъ должно оказаться на столько-то меньше. Можно сказать, что врядъ ли кто можетъ быть обладателемъ какого-нибудь матеріальнаго блага, не нарушая этимъ правила высшей справедливости и идеальныхъ добрыхъ нравовъ. Никто не радуется радостью другого, и вся наша общественная система представляетъ собою состояніе войны, обиднаго превосходства одного надъ другимъ. Каждый ребенокъ англо-саксонской расы воспитывается и съ молокомъ матери и всасываетъ въ себя желаніе быть всюду первымъ. Такова наша система, и, благодаря ей, человѣку приходится измѣрять свое величіе количествомъ огорченій, зависти и ненависти своихъ соперниковъ. Но въ указанныхъ мною новыхъ областяхъ духа достаточно мѣста для всѣхъ; въ нихъ нѣтъ только мѣста для самомнѣній и исключительно привилегированныхъ положеній.

Я отдаю дань удивленія великимъ людямъ всякаго рода, великанамъ дѣла и богатырямъ мысли; мнѣ любы суровые и кроткіе, «Бичи Божіи» и «Любимцы человѣческаго рода». Я люблю перваго Цезаря, и Карла V испанскаго, и Карла XII, короля шведскаго, Ричарда Плантагенета и Бонапарта. Я рукоплещу всякому дѣльному, своему дѣлу довлѣющему человѣку, должностному лицу, оказывающемуся на высотѣ занимаемой имъ должности: военачальникамъ, министрамъ, сенаторамъ. Я люблю мастера своего дѣла, твердо стоящаго на желѣзныхъ ногахъ, благороженнаго, богатаго, красиваго, краснорѣчиваго, одареннаго всѣми лучшими дарами, влекущаго къ себѣ всѣхъ людей и своими неотразимыми чарами превращающаго ихъ въ своихъ данниковъ и столповъ своего могущества. Мечъ и скипетръ, или же мече- и скипетро-подобные таланты двигаютъ всѣмъ міромъ. Но еще болѣе великимъ я нахожу того, кто въ силахъ упразднить самого себя и всѣхъ героевъ, вливая въ область нашей мысли этотъ элементъ разума, не взирающаго ни на какихъ особъ, эту утончающую и неудержимо въ высь стремящуюся силу, которая совершенно устраняетъ всѣ индивидуальныя различія между людьми,—силу, столь могучую, что передъ нею державный властелинъ ничто. Такой великій изъ великихъ воплощается въ лицѣ монарха, дающаго своему народу прочный государственный строй,—первосвященника, проповѣдующаго истое равенство всѣхъ человѣческихъ душъ и освобождающаго свою паству отъ оковъ ея прежнихъ варварскихъ вѣрованій и обрядностей;—императора, могущаго щадить свое царство и подъ сѣнью своей державы ограждать отъ опасностей и бѣдствій.

Да, но я вѣдь имѣлъ въ виду остановиться нѣсколько подробнѣе на двухъ-трехъ видахъ пользы, приносимой великими людьми. Природа никогда не скупится на заглушающія боль и усыпляющія средства и, гдѣ только она налагаетъ клеймо безобразія или дефекта на свое твореніе, она же щедро накладываетъ цѣлительную мазь на рану, и страждущій жизнерадостно проходитъ свой земной путь, совершенно не подозрѣвая и не будучи даже способенъ видѣть носимое имъ клеймо, хотя бы весь свѣтъ изо дня въ день показывалъ на него пальцами. Негодные и вредные члены общества, являющіеся для него настоящей чумою, обязательно считаютъ себя наибольшія гоненія среди смертныхъ претерпѣвающими существами и никогда не перестаютъ удивляться неблагодарности и себялюбію окружающихъ ихъ людей. Наша планета обнаруживаетъ сокрытыя на ней добродѣтели не только въ личностяхъ героевъ и архангелахъ, но также и въ кумушкахъ и нянькахъ. Не удивительно ли это устройство, въ силу котораго въ каждое созданіе вложено должное количество косности или инерціи, силы сохранности и сопротивленія, гнѣвной реакціи противъ всякаго будораженія и перемѣны? Каждому, совершенно независимо отъ размѣра его умственной силы, свойственна гордость собственнаго мнѣнія, увѣренность въ своей правотѣ. Нѣтъ той жалкой старушонки, ни того криворожаго идіота, которые бы не пользовались послѣдней искоркой разумѣнія и понятливости, какая у нихъ есть, для того, чтобы въ глубинѣ своего личнаго мнѣнія хихикать и торжествовать надъ

безтолковостью всѣхъ остальныхъ людей. Мѣриломъ людской нелѣпости является «различіе между мною и другими», и никто ни на минуту не допускаетъ мысли, что, можетъ быть, неправъ или ошибается онъ самъ. Не было ли это блестящей мыслью сплотить человѣческій міръ этой горной смолой, прочнѣйшимъ изъ всѣхъ цементовъ? А все-таки среди этого хихиканія надъ другими и самовозвеличенія нѣтъ, да нѣтъ, а попадается фигура, которой даже Терситъ не можетъ не любить и не поклоняться. Это и есть тотъ образъ, которому приходится предводительствовать нами по тому пути, по которому мы шли. Его благодатной помощи нѣтъ предѣла. Не будь Платона, намъ бы пришлось чуть ли не липниться вѣры въ возможность дѣйствительно разумной книги. Повидимому, мы нуждаемся въ одномъ лишь великомъ человѣкѣ, но этотъ одинъ и оказывается для насъ тѣмъ необходимѣе. Мы любимъ примыкать къ героическимъ личностямъ, ибо наша воспримчивость, рецептивность безгранична; а въ обществѣ или въ сферѣ вліянія великихъ, наши мысли и привычки сами собою легко заимствуютъ отъ нихъ отпечатокъ величія. Всѣ мы обладаемъ способностью схватывать и воспринимать, не смотря на то, что живой, созидающей энергіи въ насъ такъ мало. Въ обществѣ достаточно присутствіе лишь одного мудраго человѣка, для того чтобы всѣ стали мудрыми,—настолько заразительно и быстро вліяніе выдающейся личности.

Велікіе люди, такимъ образомъ, представляютъ собою своего рода глазную примочку, очищающую наши глаза отъ эгоизма и дающую намъ возможность видѣть въ истинномъ свѣтѣ другихъ людей, равно какъ и ихъ дѣла. Но существуютъ пороки и виды глупости, которыми поражаются цѣлыя націи и эпохи. Люди походятъ на своихъ современниковъ даже больше, чѣмъ на своихъ предковъ. Среди старыхъ супружескихъ четъ, равно какъ и у лицъ, живущихъ извѣстное число лѣтъ подъ однимъ кровомъ, наблюдается, что съ годами они становятся все больше другъ на друга похожи, и если бъ они жили вмѣстѣ достаточно продолжительное время, мы едва были бы въ состояніи различать ихъ другъ отъ друга. Но природѣ противна подобная податливость и согласованность, грозящая превратить весь міръ въ однообразную глыбу, и она спѣшитъ расторгнуть такія несуразныя соединенія. Нѣчто въ родѣ указаннаго уподобленія происходитъ среди людей одного города, одной секты, одной политической партіи; и созрѣвшія на древѣ времени идеи носятся въ воздухѣ и заражаютъ собою всѣхъ, кто имъ дышетъ. Съ извѣстной высоты, здѣсь этотъ городъ Нью-Іоркъ, тамъ городъ Лондонъ, вся западная цивилизація могутъ показаться грудою безсмыслицъ и абсурдовъ. Съ одной стороны, мы являемся другъ для друга подспорьемъ, съ другой, своимъ соперничествомъ доводимъ безуміе вѣка до крайнихъ предѣловъ. Щитомъ противъ угрызеній совѣсти оказывается ссылка на общепринятую практику, на современниковъ. Но вѣдь, повторяю, быть такимъ же мудрымъ и хорошимъ, какъ твои близкіе, товарищи, — вещь очень легкая. Мы научаемся у своихъ современниковъ тому, что они знаютъ, безъ особыхъ усилій, можно сказать, воспринимая это порами нашей кожи. Мы усвоиваемъ это, въ силу симпатіи, или же такимъ путемъ, какимъ жена подымается на высоту умственныхъ и нравственныхъ качествъ своего мужа. Но дальше нашихъ современниковъ мы не идемъ, останавливаясь тамъ, гдѣ они остановились, и съ величайшимъ трудомъ намъ удается сдѣлать собственный дальнѣйшій шагъ. Великіе люди, т. е. такіе, что непосредственно стоятъ къ природѣ и возвышаются надъ условнымъ и общепринятымъ своею вѣрностью міровымъ, универсальнымъ идеямъ, являются нашими избавителями отъ этихъ мірскихъ, общераспространенныхъ ошибокъ и ограждаютъ насъ отъ гнетущаго вліянія современниковъ. Они и есть тѣ исключенія, въ которыхъ мы такъ нуждаемся среди окружающихъ насъ условій общаго шаблона и нивеллировки. Каждая новая великая личность является какъ бы противодіемъ противъ отравляющей и сковывающей нашу духовную свободу кабалистики.

Такимъ образомъ, мы живемъ геніемъ и, благодаря его появленію, нѣсколько освѣжаемся въ удушливой атмосферѣ непрестаннаго общенія съ себѣ подобными, вкушая блаженство проникновенія въ глубокіе тайники природы по направленію, въ которомъ онъ насъ водитъ. Какое возмѣщеніе представляетъ собою одинъ великій человѣкъ наряду съ цѣлыми поколѣніями пигмеевъ! Каждая мать желаетъ себѣ одного сына-генія, хотя бы всѣ остальные оказались у нея посредственностями. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида особой опасной

стороны вліянія великаго человѣка. Его притягательная сила сдвигаетъ насъ съ подобающаго намъ мѣста, мы становимся въ подчиненное положеніе и превращаемся въ интеллектуальныхъ самоубійцъ. Но вотъ! Тамъ на горизонтѣ уже занимается заря нашего спасенія:—въ лицѣ другихъ великихъ людей, съ новыми доблестями и качествами, являющихся взаимнымъ противовѣсомъ другъ другу и задерживающимъ тормозомъ исключительнаго, всеподавляющаго господства каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Мы въ концѣ концовъ пресыщаемся медомъ, вкушаемымъ нами отъ каждаго вида величія. Каждый герой въ концѣ концовъ пріѣдается своимъ обожателямъ. Вольтера врядъ ли можно назвать человѣкомъ недобросердечнымъ, а между тѣмъ, онъ позволилъ себѣ о дивномъ, кроткомъ Іисусѣ выразиться слѣдующимъ образомъ: «ради Бога, не заставляйте меня никогда больше слышать имя этого человѣка». Тамъ кричатъ и превозносятъ добродѣтели Джоржа Вашингтона;—«Къ чорту Джоржа Вашингтона!»—вотъ все возраженіе и протестъ, который имъ въ отвѣтъ можетъ крикнуть бѣдный якобинецъ. Ничего не подѣлаешь: такой пріемъ огражденія цѣны и значенія своей собственной личности, оказывается, неизбѣженъ и коренится глубоко въ природѣ человѣческой. Увеличеніе центростремительной силы вызываетъ ростъ центробѣжной. Мы уравновѣшиваемъ силу и значеніе одного человѣка, ставя ему въ противовѣсъ его противоположность, и на такомъ равновѣсіи силъ покоится здоровье и благоденствіе государства.

Впрочемъ, польза и значеніе героевъ достигаютъ скоро своего предѣла. Всякій геній огражденъ отъ приближенія къ нему другихъ людей множествомъ вещей и обстоятельствъ, не представляющихъ для другихъ никакой цѣны. Великіе люди, правда, весьма притягательны и на большомъ разстояніи кажутся изъ нашего десятка; а между тѣмъ, пытаясь къ нимъ приблизиться, мы со всѣхъ сторонъ встрѣчаемъ преграды. Чѣмъ больше насъ къ нимъ влечетъ, тѣмъ больше они насъ держатъ на почтительномъ отъ себя разстояніи. Есть нѣчто непрочное въ томъ благѣ, которое дѣлается намъ другими. Самое лучшее открытіе—то, которое человѣкъ дѣлаетъ для самого себя, для другого же оно всегда останется до извѣстной степени недѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ его не осуществитъ. Оно такъ, словно Божество каждую душу, посылаемую имъ на свѣтъ, снабдило извѣстными качествами и способностями, не передаваемыми другимъ людямъ, и, посылая ее пройти новый путь въ циклѣ бытія, на сказанномъ нарядѣ души начертало слова: «безъ права передачи» и «годенъ лишь для этого маршрута». Въ томъ, что̀ касается общенія душъ между собою, есть нѣчто обманчивое. Границы между ними, правда, невидимы, но ихъ никогда не переступишь. На свѣтѣ проявляется столько доброй воли давать, сообщаться съ одной стороны и воспринимать, получать съ другой, что люди, казалось бы, рискуютъ превратиться одинъ въ другого; на самомъ же дѣлѣ законъ индивидуальности неумолимо сохраняетъ свою сокровенную и непремѣнную силу: ты еси ты, а я есмь я, и таковыми мы остаемся.

Вѣдь природа желаетъ, чтобы всякая вещь оставалась тѣмъ, что̀ она есть, самобытной, и въ то время, какъ всякая индивидуальность стремится къ безконечному росту и исключительному преобладанію и къ подчиненію всякаго другого творенія закону своего бытія, природа неуклонно стремится къ охранѣ всѣхъ другъ отъ друга. Каждый надѣленъ оружіемъ самозащиты. Ничто такъ не характерно, какъ сила, съ какою индивиды ограждаютъ себя отъ индивидовъ въ мірѣ, въ которомъ каждый благодѣтель такъ легко становится источникомъ зла и вреда единственно оттого, что его дѣятельность распространяется на области, гдѣ ей не мѣсто,—въ мірѣ, гдѣ дѣти оказываются до такой степени во властномъ произволѣ своихъ неразумныхъ родителей, и гдѣ почти всѣ люди отличаются слишкомъ большой общительностью и склонностью вмѣшиваться въ чужія дѣла. Говорятъ объ ангелахъ-хранителяхъ дѣтей, и вполнѣ справедливо: какое превосходство надъ нами въ ихъ огражденности отъ вліянія дурныхъ лицъ, отъ пошлости и задней мысли! Они озаряютъ лучами своей собственной обильной красоты предметы, на которые они взираютъ. Поэтому они въ сущности не предоставлены произволу столь жалкихъ воспитателей, какъ мы, взрослые. Если мы на нихъ серчаемъ и бранимъ ихъ, они скоро перестаютъ обращать на это вниманіе и пріобрѣтаютъ довѣріе къ самимъ себѣ; а когда мы имъ потворствуемъ до глупости, они научаются самообузданію и сдержанности другимъ путемъ.

Намъ нечего бояться чрезмѣрнаго вліянія. Позволительно болѣе благородное довѣріе. Служи великимъ! Не бойся покорности и преклоненія! Не скупись ни на какую услугу, которую ты въ состояніи оказать имъ! Будь членомъ ихъ тѣла, дыханіемъ ихъ устъ! Поступись своими эгоистическими чувствами! Кому до всего этого какое дѣло, разъ ты такимъ путемъ пріобрѣтаешь нѣчто болѣе великое и благородное? Не обращай вниманія на насмѣшки и упреки въ босвеллизмѣ [1]): беззавѣтная преданность и поклоненіе во всякомъ случаѣ выше и лучше жалкой, ревниво свои границы ограждающей гордыни. Будь другимъ! Не тобою самимъ, но платоніанцемъ; не самостоятельнымъ духомъ, а христіаниномъ; не натуралистомъ вообще, а картезіанцемъ; не поэтомъ, а шекспиріанцемъ. Напрасно! Колеса прогресса не остановятся, равно какъ безсильны задержать тебя наточкѣ неподвижности всѣ силы косности, страха и даже любви. Впередъ и вѣчно впередъ! Наблюдая въ микроскопъ монаду или коловратку среди кишащихъ въ водѣ инфузорій, вдругъ замѣчаешь, что на этомъ живомъ существѣ появляется точка, разростающаяся въ щель, и въ результатѣ изъ него образуются двѣ особи. Не останавливающійся процессъ отдѣленія и дифференцированія равнымъ образомъ происходитъ и во всѣхъ областяхъ духовной и общественной жизни. Дѣти обыкновенно думаютъ, что они не будутъ въ состояніи жить безъ своихъ родителей. Но, еще прежде, чѣмъ они это замѣчаютъ, черная точка уже показалась, и процессъ отдѣленія начался. Малѣйшій случай можетъ теперь открыть имъ ихъ независимость.

Но великіе люди... въ этомъ словѣ есть нѣчто обидное. Обособленная ли это каста людей? баловни ль судьбы? Что же послѣ этого добродѣтель и награды, которыя ей сулились и ее ждутъ? Вдумчивый юноша невольно приходитъ въ уныніе при видѣ столь односторонней щедрости и чрезмѣрной плодовитости природы. «Твой герой», говоритъ онъ ей, «благороденъ и прекрасенъ; но вотъ взгляни тамъ на бѣднаго ирландца, для котораго отечествомъ является его тачка; взгляни на всю его націю, состоящую изъ такихъ же несчастныхъ падди [1]), какъ онъ самъ». Отчего съ самаго разсвѣта историческихъ временъ человѣческія массы существуютъ лишь на то, чтобы служить жертвой меча и пушечнымъ мясомъ? Судьбы избранниками являются лишь немногіе, осѣненные идеей, вожди человѣчества, обладающіе пламеннымъ чувствомъ, ясностью мысли, силою любви и самоотреченія: они освящаютъ войну и смерть. Но что же остается несчастнымъ, которымъ приходится у нихъ наниматься и быть водимыми на убой? Дешевизна человѣческой жизни составляетъ трагедію обыденной жизни. То, что другимъ приходится пребывать въ ничтожествѣ и пресмыканіи, представляетъ такой же изъянъ въ порядкѣ вещей, какъ если бы намъ самимъ приходилось находиться въ такомъ же положеніи, ибо, въ силу общественности нашей натуры, мы безъ общества другихъ обойтись не можемъ.

На всѣ эти укоризненныя замѣчанія будетъ ли возраженіемъ отвѣтъ, что общество представляетъ собою своего рода Песталоццієвскую школу, въ которой всѣ бываютъ поочередно то учителями, то учениками? Намъ приноситъ одинаковую пользу какъ то, что мы получаемъ отъ другихъ, такъ и то, что мы другимъ даемъ. Люди, знающіе одинъ и тѣ же вещи, другъ для друга не подходящая и не самая лучшая компанія на долгое время. Но доставьте каждому общество разумныхъ и развитыхъ людей съ запасомъ знанія и опыта въ иной области, чѣмъ его собственные, и эффектъ получится такой, какъ если бы вы выпустили воду изъ озера, вырывъ подъ нимъ нижній бассейнъ. На первый взглядъ, оно представляется чисто механическимъ, внѣшнимъ преимуществомъ, а въ сущности такое общество является для

---

[1]) Boswellism: босвеллизмъ—обожаніе доходящее до идолопоклонства, до смѣшного,—терминъ, введенный въ англійскую литературу, кажется, Мэколеемъ (См. его біографію Питта: William Pitt. Sarl of Chathom, въ самомъ началѣ которой встрѣчается фраза: «Biographers, translators, editors, all, in short, who employ themselves in illustrating the lives or the writings ofothers, are peculiarly exposed to the Lues Boswelliana, or disease of admiration»), и произведенный отъ имени извѣстнаго англійскаго писателя XVII ст. Джемса Босвелля (Boswelle), воздвигнувшаго написанной имъ подробнѣйшей двухтомной біографіей своему знаменитому другу Джонсону памятникъ своей дружбы и доходящаго до смѣшнаго поклоненія.

Переводъ.

[1]) Насмѣшливое прозвище ирландцевъ, St. Patrick (патронъ Ирландіи).

Переводч.

каждаго участвующаго въ бесѣдѣ настоящимъ благодѣяніемъ, давая ему возможность и поводъ дать себѣ отчетъ и изобразить свою мысль передъ самимъ собою. Въ нашихъ личныхъ настроеніяхъ мы очень быстро переходимъ отъ полной достоинства самостоятельности къ чувству подчиненности и зависимости. И, если мы видимъ человѣка, который никогда не занимаетъ предсѣдательскаго кресла, но всегда на ногахъ и къ услугамъ другихъ, это происходитъ оттого, что собраніе, въ которомъ мы его встрѣтили, мы наблюдаемъ не достаточно продолжительный періодъ времени, чтобы имѣть возможность видѣть, какъ въ данномъ обществѣ чередуются всѣ роли, и каждый въ немъ успѣваетъ занять подобающее положеніе. А что̀ касается того, что̀ мы называемъ толпою и людьми низменными, мелкаго калибра, то на провѣрку оказывается, что такихъ людей въ сущности нѣтъ. Всѣ люди въ концѣ концовъ одного калибра, и истое искусство возможно лишь тогда, когда существуетъ убѣжденіе, что каждому таланту гдѣ-нибудь выпадетъ на долю свой апоѳеозъ. Свободное развитіе силъ и открытое поприще и самые свѣжіе лавры для всѣхъ, кто ихъ достоинъ и завоевалъ! Но небо предоставляетъ каждому изъ своихъ созданій одинаковый кругъ дѣйствій и горизонтъ. Никто не вкушаетъ удовлетворенія до тѣхъ поръ, пока онъ не озарилъ своимъ частнымъ, индивидуальнымъ лучемъ земной шаръ и не увидѣлъ своего дарованія въ благороднѣйшемъ и высшемъ проявленіи.

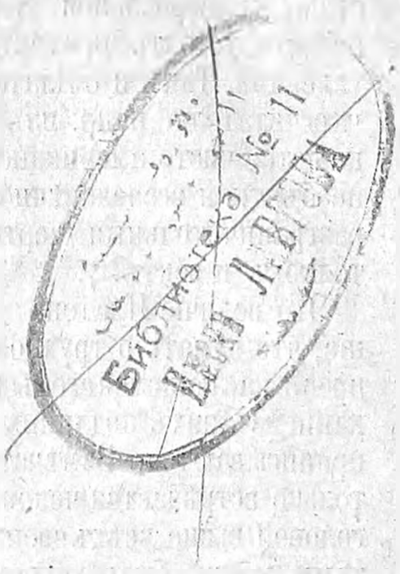
Герои дня относительно лишь велики; ростъ и слава ихъ болѣе быстры; или же они представляютъ собою тѣхъ, въ которыхъ, въ моментъ ихъ успѣха, полной зрѣлости достигло то качество, на которое тогда существовалъ спросъ. Другія времена потребуютъ другихъ качествъ. Есть такіе лучи, которые ускользаютъ отъ взоровъ обыкновеннаго наблюдателя и, для того чтобы быть замѣченными, нуждаются въ тонкомъ, приспособленномъ глазѣ. Спросите великаго человѣка, нѣтъ ли на свѣтѣ еще болѣе великихъ людей. Онъ знаетъ ихъ: это—его товарищи, которые отнюдь не менѣе, а скорѣе тѣмъ болѣе велики, что для общества они остаются незамѣтными. Природа никогда не посылаетъ на сей свѣтъ великаго человѣка, безъ того, чтобы не довѣрить тайны его величія другой, родственной душѣ.

Одинъ отрадный фактъ оказывается въ результатѣ предшествующаго анализа: — тотъ именно, что наша любовь обладаетъ способностью истаго восхожденія или прогрессивной возвышенности. Будетъ время, когда славныя имена девятнадцатаго столѣтія будутъ приводиться въ подтвержденіе его варварства. Настоящимъ предметомъ исторіи является геній человѣчества, біографія котораго заносится въ наши лѣтописи. Многое въ ихъ отчетѣ намъ приходится предполагать и выводить a posteriori, много пробѣловъ пополнять. Исторія вселенной носитъ симпатическій, а жизнь—мнемоническій характеръ, она запоминаетъ прошедшее. Ни одинъ изъ всей плеяды проходящихъ передъ глазами исторіи знаменитыхъ мужей не олицетворяетъ собою вполнѣ разума или свѣта или же той сущности, которую мы ищемъ жадными взорами, но каждый изъ нихъ является въ извѣстной области проявленіемъ и осуществленіемъ новыхъ возможностей, потенцій. О, если бы мы когда-либо могли закончить необъятный образъ, который эти лучезарныя точки образуютъ! Изученіе разныхъ индивидуальностей приводитъ насъ въ концѣ концовъ къ первоосновной, элементарной области, въ которой отдѣльный индивидъ теряется, или гдѣ всѣ своими вершинами соприкасаются. Пробивающіяся тамъ наружу мысль и чувство не даютъ себя запереть въ рамки одной личности. Въ этомъ и заключается ключъ къ отгадкѣ духовной мощи величайшихъ людей; ихъ духъ самъ собою разливается и распространяется вокругъ. Новое душевное качество или сила неудержимо несется день и ночь концентрическими кругами отъ первоначальнаго центра своего возникновенія и обнародываетъ самоё себя новыми, неизвѣстными раньше методами: обнаруживается вся глубина и сокровенность единенія душъ между собою; что̀ нашло доступъ къ одному, не можетъ быть удержано отъ единенія съ другими; малѣйшее завоеваніе новой истины или энергіи въ какой бы то ни было области является пріобрѣтеніемъ, новымъ вкладомъ въ общую сокровищницу всѣхъ душъ. Если неравенства природныхъ дарованій и положенія сгушевываются, когда отдѣльныя личности подвергаются продолжительному наблюденію, безъ котораго невозможно представить законченную картину жизненнаго поприща каждой изъ нихъ, то ужъ не-

сравненно быстрѣе исчезаетъ эта кажущаяся несправедливость, когда мы подымаемся на высоту пониманія основного центральнаго тождества всѣхъ индивидовъ и познаемъ, что всѣ они созданы изъ одной и той же субстанціи, которая велитъ и дѣйствуетъ.

Геній, человѣчества — вотъ единственно правильная точка зрѣнія для исторіи. Качества остаются: люди, проявляющіе ихъ и обладающіе ими то въ большей, то въ меньшей степени, сходятъ со сцены, качество же каждаго изъ нихъ пребываетъ, осѣняя собою новое чело. Это — нашъ ежедневный опытъ. Нѣкогда вы видѣли предъ собою фениксовъ; ихъ больше нѣтъ; но свѣтъ отъ этого нисколько не пострадалъ въ своемъ очарованіи. Сосуды, на которыхъ вы читаете священныя эмблемы, оказываются обыкновенными печными горшками; но смыслъ изображеній на нихъ тѣмъ не менѣе священъ, и тотъ же смыслъ можно видѣть изображеннымъ на стѣнахъ всего мірозданія. Въ теченіе извѣстнаго времени наши учителя служатъ намъ лично, въ качествѣ мѣрилъ или верстовыхъ столбовъ на пути прогресса. Когда-то они были въ нашихъ глазахъ ангелами знанія, и ихъ исполинскія фигуры достигали небесной высоты. Но съ теченіемъ времени мы все больше къ нимъ приближались, узрѣли ихъ ресурсы, культуру и предѣлы, и они уступили въ нашихъ глазахъ свое мѣсто другимъ идеальнымъ образамъ. Какое счастіе, когда хоть нѣсколько именъ остается на такой высотѣ, что намъ невозможно читать ихъ съ болѣе близкаго разстоянія, и ни вѣка, ни сравненіе съ другими не въ состояніи отнять отъ ихъ сіянія ни одного луча. Но, въ концѣ концовъ, намъ придется отказаться искать у людей одного только совершенства, и мы должны будемъ довольствоваться лишь ихъ соціальными и заимствованными у другихъ качествами. Все, что касается отдѣльной личности, отличается временнымъ, преходящимъ характеромъ и имѣетъ значеніе лишь для будущаго, подобно индивиду самому, подымающемуся изъ рамокъ своего личнаго существованія на высоту вселенскаго бытія. Мы до тѣхъ поръ не будемъ понимать и пользоваться истиннымъ и лучшимъ значеніемъ всякаго генія, пока мы будемъ считать его оригинальною, самостоятельною силой. Въ тотъ моментъ, когда онъ перестаетъ служить намъ, въ качествѣ причины, онъ начинаетъ быть намъ въ гораздо большей степени полезнымъ, въ качествѣ ея дѣйствія, ибо тогда онъ является экспонентомъ, выразителемъ болѣе могучаго духа и воли. Темное «я» становится прозрачнымъ, когда на него падаетъ свѣтъ Первопричины вещей.

Но, оставаясь въ предѣлахъ человѣческаго развитія и дѣятельности, мы можемъ сказать, что великіе люди существуютъ для того, чтобы могли явиться еще болѣе великіе. Назначеніе органической природы—вѣчный прогрессъ и улучшеніе, и кто можетъ указать его предѣлы? Задача человѣка подчинить своей волѣ хаосъ, сѣять, пока онъ живетъ, всюду сѣмена знанія и пѣсни, дабы климатъ, растенія и плоды, животныя, люди становились мягче и милѣе, и зерна любви и добра плодились и множились.



Инв 4733

II.

ПЛАТОНЪ ИЛИ ФИЛОСОФЪ.

Среди свѣтской литературы Платонъ одинъ могъ бы претендовать на комплиментъ Корану, сказанный фанатикомъ Омаромъ, въ его знаменитой фразѣ: «Предавайте огню библіотеки, ибо все, что̀ въ нихъ есть цѣннаго, содержится въ этой книгѣ». Мысли Платона обнимаютъ культуру народовъ; онѣ—краеугольные камни школъ; онѣ—родники литературъ; творенія Платона представляютъ собою цѣлое ученіе, школу въ логикѣ, ариѳметикѣ, вкусѣ и эстетикѣ, поэзіи, языкознаніи, реторикѣ, онтологіи, этикѣ или практической, житейской мудрости. Умозрѣніе нигдѣ не достигало такой высоты, какъ у него. Отъ Платона исходитъ все, о чемъ мыслящіе люди пишутъ и спорятъ понынѣ. Среди нашихъ оригинальныхъ умовъ онъ производитъ большой переполохъ. Мы, благодаря ему, достигли той горы, отъ которой отдѣлились всѣ эти сыпучіе пески. Онъ въ теченіе двадцати двухъ столѣтій — оставался библіей для ученыхъ, и любой изъ выдающихся молодыхъ людей, вѣщающихъ одинъ за другимъ своему глухому вѣку дивныя вещи,—Боецій, Раблѐ, Бруно, Локкъ, Руссо, Алфіери, Кольриджъ,—оказывается въ бо̀льшей или меньшей степени читателемъ Платона, блестяще переводящимъ его красоты на языкъ своего народа. Даже люди болѣе грандіозной величины испытываютъ извѣстное умаленіе (если я въ правѣ такъ выразиться) отъ того, что появились на свѣтъ послѣ этого всеобъемлющаго и всеисчерпывающаго обобщителя. Св. Августинъ, Коперникъ, Ньютонъ, Беменъ, Сведенборгъ, Гёте точно также его должники, и имъ приходится повторять то, что̀ онъ сказалъ. Ибо справедливость требуетъ признать за мыслителемъ, установившимъ самыя общія всеобъемлющія начала, честь установленія всѣхъ могущихъ быть выведенными изъ нихъ частныхъ положеній.

Платонъ есть философія, и философія есть Платонъ,—гордость и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдъ человѣчества, ибо ни саксонская, ни романская раса не оказались въ силахъ прибавить ни единой идеи къ его категоріямъ. У него не было ни жены, ни дѣтей, но мыслители всѣхъ цивилизованныхъ народовъ являются его потомками и пропитаны его духомъ.

Сколько великихъ людей природа безпрестанно высылаетъ на свѣтъ изъ мрака ночи, чтобы они были его людьми,—все платоники! александрійскіе философы—плеяда геніальныхъ умовъ; богатыри вѣка, Елизаветы, не менѣе великіе: сэръ Томасъ Моръ, Генри Моръ, Джонъ Хэльсъ (Hales), Джонъ Смисъ, лордъ Бэконъ, Джереми Тэйлоръ, Ральфъ Кюдвёрсъ, Сиденгэмъ, Томасъ Тэйлоръ, Марсиліусъ Фицинусъ и Пико ди Мирандола. Кальвинизмъ содержится въ его Федонѣ; христіанизмъ содержится въ немъ же. Магометанство, въ своемъ руководствѣ морали, Ахлакъ-и-Джалали, заимствуетъ у него всю свою философію. Мистицизмъ находитъ въ немъ всѣ свои положенія. Этотъ гражданинъ одного города въ Элладѣ не имѣетъ ни родины, ни отечества. Англичанинъ читаетъ его и восклицаетъ: «сколько въ немъ

Віцебскі Педагагічны

англійскаго, нѣмецъ—:«сколько германскаго!», италіанецъ—: «сколько римскаго и сколько греческаго!» Древніе греки говорили объ Еленѣ изъ Аргоса, что она обладала столь универсальной красотою, что никто не могъ устоять противъ нея, и всѣхъ она увлекала. Такъ и о Платонѣ можно сказать, что читателю напр. изъ Новой Англіи онъ кажется чисто американскимъ геніемъ. Его необъятная всечеловѣчность переходитъ за разграничительныя черты всевозможныхъ толковъ и сектъ.

Это величіе Платона даетъ намъ указаніе, что̀ думать о трудномъ и спорномъ вопросѣ, касающемся его выдающихся твореній; какія изъ нихъ подлинны, какія ложно ему приписываются. Замѣчательная вещь: гдѣ только встрѣчается человѣкъ, стоящій цѣлой головой выше всѣхъ своихъ современниковъ, тамъ, можно быть увѣрену, возникнутъ сомнѣнія относительно того, какія творенія его подлинныя. Такъ было дѣло съ Гомеромъ, Платономъ, Рафаэлемъ, Шекспиромъ. Это объясняется тѣмъ, что такіе люди магнетизируютъ современниковъ до такой степени, что ихъ товарищи и спутники бываютъ въ состояніи дѣлать то, чего они сами для себя никогда не въ состояніи сдѣлать, и, такимъ образомъ, великій человѣкъ живетъ словно во многихъ лицахъ, и пишетъ, либо рисуетъ или дѣйствуетъ при помощи многихъ рукъ; а въ результатѣ оказывается, что, по прошествіи извѣстнаго времени, не легко бываетъ рѣшить, какое произведеніе принадлежитъ самому мастеру, какое—лишь его школѣ.

Платонъ такъ же, какъ и всякій великій человѣкъ, воспринялъ и отразилъ изъ себя всю эпоху. Что̀ такое великій человѣкъ, какъ не одна изъ великихъ силъ духовнаго сродства, поглощающая въ себѣ, словно пищу, всѣ искусства, науки, все познаваемое? Ничто отъ него не ускользаетъ; онъ располагаетъ всѣмъ. Что̀ не годится ему для нравственнаго совершенства, можетъ годиться для знанія. Оттого и современники готовы очернить его въ плагіатѣ. Но только творческій духъ знаетъ, какъ и гдѣ заимствовать; а общество радо забыть безчисленныхъ тружениковъ, которымъ приходилось работать на этого архитектора, и всю свою признательность хранитъ для него. Когда мы восхваляемъ Платона, мы, въ сущности, можетъ быть, воздаетъ хвалу цитатамъ и заимствованіямъ изъ Солона и Софрона и Филолая. Хотя бы и такъ! Вѣдь каждая книга есть цитата или заимствованіе; каждый домъ есть заимствованіе изъ всѣхъ лѣсовъ и рудниковъ и каменоломенъ; и каждый человѣкъ есть нѣчто, заимствованное отъ всѣхъ его предковъ. А этотъ всеохватывающій творческій духъ беретъ дань отъ всѣхъ народовъ.

Платонъ впиталъ въ себя все научное знаніе своего времени:—Филолая, Тимея, Гераклита, Парменида, и что̀ тамъ еще было; затѣмъ своего учителя Сократа; и, чувствуя себя способнымъ охватить еще болѣе широкій синтезъ,—синтезъ, которому равнаго не было до и послѣ него,—онъ отправился въ Италію, усвоить тамъ то, что̀ Пиѳагоръ могъ дать ему, оттуда въ Египетъ, а, можетъ быть, еще дальше на Востокъ, для того чтобы и оттуда внести въ европейское сознаніе другой элементъ, въ которомъ Европа нуждалась. Такой широкій охватъ даетъ ему право фигурировать въ качествѣ типичнаго представителя философіи. Онъ говоритъ въ своей Республикѣ: «тотъ геній, которымъ философы понастоящему должны обладать, рѣдко всѣми своими сторонами встрѣчается въ одномъ человѣкѣ, но обыкновенно отдѣльныя его способности проявляются въ различныхъ лицахъ». Каждый, кто желаетъ сдѣлать нѣчто хорошее, долженъ подойти къ нему съ высшей точки зрѣнія. Философъ долженъ быть больше, чѣмъ философъ. Платонъ облеченъ силой и всѣми способностями поэта, онъ стоитъ на высочайшей вершинѣ, достижимой для поэта, и (хотя мнѣ думается, что онъ лишенъ былъ рѣшительнаго дара лирическаго выраженія) не сталъ поэтомъ главнымъ образомъ, потому что предпочелъ воспользоваться своимъ поэтическимъ даромъ для болѣе высокой цѣли.

Біографія величайшихъ геніевъ самая короткая. О нихъ вамъ ничего не могутъ разсказать ихъ родичи. Они жили въ своихъ произведеніяхъ, и оттого ихъ домашняя и уличная жизнь была самой тривіальной и заурядной. Если вы хотите знать ихъ склонности и обликъ, взгляните на самыхъ восторженныхъ изъ ихъ читателей: они собою ихъ болѣе напоминаютъ. Особливо Платонъ отличается полнымъ отсутствіемъ внѣшнихъ біографическихъ о немъ свѣдѣній. Если у него были возлюбленная, жена или дѣти, мы о нихъ ничего не знаемъ. Онъ ихъ

всѣхъ перемололъ и претворилъ въ краски своей живописи. Подобно тому, какъ хорошій каминъ сжигаетъ свой собственный дымъ, такъ и философъ превращаетъ все цѣнное въ своихъ судьбахъ въ творенія своего духа.

Онъ родился въ 427 году до Р. Х. около того времени, когда умеръ Периклъ; по происхожденію, связямъ въ родномъ городѣ и положенію, патрицій, онъ, говорятъ, въ ранней молодости проявлялъ склонность къ военному поприщу, но, встрѣтившись на двадцатомъ году жизни съ Сократомъ, легко поддался убѣжденіямъ со стороны послѣдняго отказаться отъ этихъ стремленій, и въ теченіе десяти лѣтъ, до самой смерти Сократа, оставался его ученикомъ. Онъ отправился затѣмъ въ Мегару, принялъ приглашеніе Діона и Діонисія къ Сицилійскому двору и трижды туда пріѣзжалъ, хотя и встрѣчалъ тамъ крайне неровное и прихотливое обращеніе. Онъ пустился странствовать въ Италію; затѣмъ въ Египетъ, гдѣ оставался долгое время; кто говоритъ три, кто тринадцать лѣтъ. Говорятъ, что онъ отправился еще дальше, въ Вавилонію; но достовѣрно это неизвѣстно. Вернувшись въ Аѳины, онъ преподавалъ въ Академіи тѣмъ, кого слава его туда привлекала; смерть, какъ гласитъ традиція, застигла его за работой перомъ на восемьдесятъ второмъ году жизни.

Но истая біографія Платона обнимаетъ его внутренній міръ. Мы поставили себѣ задачей объяснить, почему этотъ человѣкъ занимаетъ высшее мѣсто въ умственной исторіи нашей расы,—почему люди, по мѣрѣ роста ихъ культуры, становятся его учениками; почему, подобно тому, какъ наша еврейская библія проникла и пріобрѣла право гражданства въ застольной бесѣдѣ и домашней жизни каждаго мужчины и женщины среди народовъ Европы и Америки, такъ и писанія Платона занимали и захватывали всякую научную школу, всякаго мыслителя, всякую церковь, всякаго поэта, такъ что, на извѣстномъ уровнѣ, оказывалось невозможнымъ мыслить иначе, какъ при его помощи. Онъ стоитъ между истиной и душою каждаго человѣка и, можно сказать, наложилъ печать своего духа и имени на языкъ и первичныя формы мысли. Читая его, я поражаюсь удивительной близостью намъ, современностью его стиля и духа. Здѣсь передъ нами въ зародышѣ та Европа, которую мы такъ хорошо знаемъ, во всей долгой исторіи ея искусствъ и войнъ; здѣсь всѣ ея характерныя черты, уже ясно различаемыя въ душѣ Платона, но еще не обрисовавшіяся ни въ чьей другой до него. Это зерно Европы съ тѣхъ поръ расширилось на сотни историческихъ областей, но новаго элемента къ нему не прибавилось. Такая вѣчная современность является мѣриломъ цѣнности каждаго художественнаго произведенія; она показываетъ, что творецъ его не руководствовался ложно чѣмъ-либо имѣющимъ кратковременное или мѣстное значеніе, а держался дѣйствительныхъ и вѣчныхъ основъ. Какимъ образомъ Платонъ достигъ того, чтобы представлять собой Европу и философію и, вообще, литературу, это и составитъ предметъ задачи, которую намъ предстоитъ разрѣшить.

Этого не могло бы произойти, если бъ онъ не былъ здоровымъ, искреннимъ и вселенскимъ мужемъ, всечеловѣкомъ, способнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ постичь и оцѣнить идеалъ, или законы духа, и судьбу, или порядокъ природы. Первую ступень развитія народа, какъ и отдѣльной личности, составляетъ періодъ его безсознательной силы. Дѣти кричатъ, ревутъ и бушуютъ неистово, будучи неспособны выразить свои желанія. Но, какъ только они въ состояніи выразить и сообщить свое желаніе и его причины, они становятся кроткими и благонравными. Въ зрѣломъ возрастѣ, при тупой воспріимчивости и ограниченности понятій, разговоры, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ отличаются рѣзкостью и преувеличеніями, безтолковостью и задоромъ, пріемы ихъ и обращеніе носятъ печать отчаянности, рѣчи полны клятвъ и божбы. Лишь только, съ культурнымъ развитіемъ, вещи понемногу стали ясными, и не представляются уже сплывающимися въ безформенныхъ массахъ и глыбахъ, а ясно и точно обособленными и распредѣленными, люди оставляютъ эту безсильную рѣзкость и спокойно поясняютъ свою мысль въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Если бъ языкъ не былъ созданъ для произнесенія членораздѣльныхъ звуковъ, человѣкъ вѣчно бы оставался лѣснымъ звѣремъ. Тѣ же слабость и изъянъ, только въ болѣе высокомъ смыслѣ, встрѣчаются ежедневно въ воспитаніи пылкихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ. «Ахъ! вы меня не понимаете, я никогда еще не встрѣчалъ кого-либо, кто бы меня понималъ!»—вотъ ихъ нерѣдкія восклицанія, и они взды-

хаютъ и вопятъ, пишутъ стихи и одиноко бродятъ,—за неумѣніемъ точно выразить то, что они въ дѣйствительности думаютъ и испытываютъ. Мѣсяцъ, другой спустя, милостью своего добраго генія, они встрѣчаютъ какую-нибудь настолько близкую или родственную душу, что она въ состояніи отозваться на ихъ вулканическое душевное состояніе, и, разъ только между нею и ими установилось, какъ слѣдуетъ, общеніе, они съ того времени и становятся нормальными добропорядочными гражданами. Такъ оно всегда. Прогрессъ ведетъ отъ слѣпой силы къ точности, къ искусности, къ истинѣ.

Въ исторіи каждаго народа бываетъ моментъ, когда способности духовнаго воспріятія, прогрессируя отъ этого избытка юной, грубой силы, достигаютъ своей зрѣлости, не размѣниваясь еще, однако, на микроскопическія мелочи, такъ что человѣкъ, въ этотъ моментъ, охватываетъ всю лѣстницу и, все еще уходя ногами въ глубь огромныхъ силъ ночной тьмы, глазами и мозгомъ вступаетъ въ общеніе съ солнечными системами и надзвѣздными краями. Это — моментъ зрѣлаго здоровья, кульминаціонная точка мощи.

Такова исторія Европы во всѣхъ своихъ частяхъ, и такова она и въ области философіи. Ея древнѣйшіе, теперь почти затерянные отчеты, сообщаютъ о переселенческихъ движеніяхъ изъ Азіи, вносящихъ съ собою грёзы варварскихъ племенъ: хаотическую массу грубыхъ понятій изъ области нравственности и натуръ-философіи, постепенно консолидирующуюся и проясняющуюся, благодаря частичнымъ проникновеніямъ въ ихъ сущность и смыслъ со стороны отдѣльныхъ учителей.

До Перикла явились семь мудрецовъ и съ ними начала геометріи, метафизики и этики, вслѣдъ за ними парціалисты, производящіе происхожденіе вещей отъ теченія или воды, или же отъ воздуха, отъ огня, либо отъ духа. Всѣ они къ этимъ первопричинамъ примѣшиваютъ миѳологическіе образы. И въ концѣ концовъ является Платонъ, разграничитель и устроитель, который не нуждается ни въ варварскихъ краскахъ, ни въ татуировкѣ, ни въ боевомъ гикѣ, ибо онъ умѣетъ ставить предѣлы, опредѣлять. Онъ оставляетъ вмѣстѣ съ Азіей все огромное и непомѣрное, онъ знаменуетъ собою наступленіе разсудительности и точности. «Тотъ будетъ въ моихъ глазахъ богомъ, кто сумѣетъ правильно разграничивать и опредѣлять».

Это умѣніе опредѣлять и есть философія. Философія есть отчетъ, который человѣческая душа отдаетъ себѣ объ устройствѣ міра. Два кардинальныхъ факта лежатъ вѣчно въ ея основаніи: единица и два. 1) Единство, или Тождество, и 2) Многообразіе. Мы приводимъ всѣ вещи въ единство, улавливая законъ, который всѣ ихъ проникаетъ, подмѣчая наружныя различія между ними и глубокія, сокровенныя подобія. Но всякій умственный актъ,—это самое воспріятіе тождества, или единства, познаетъ также и различіе между вещами. Однотождественность и различность: не охватывая этихъ двухъ понятій немыслимо о чемъ-либо ни говорить, ни думать.

Умъ вынужденъ требовать и искать одной причины для многихъ дѣйствій, а затѣмъ причины этой причины и далѣе причины сей послѣдней, постоянно погружаясь въ глубину глубинъ, нося въ себѣ увѣренность, что онъ дойдетъ до абсолютнаго и достаточнаго, дальнѣйшихъ объясненій не требующаго Единаго,—до одного, которое есть все. «Внутри солнца есть свѣтъ, внутри свѣта есть истина, а внутри истины есть нетлѣнное бытіе»,—говорятъ Веды. Вся философія, какъ Востока, такъ и Запада, обнаруживаетъ одинаковое стремленіе къ одному центру. Подъ давленіемъ противоположной необходимости, духъ возвращается отъ одного къ тому, что не есть одно, а есть другое или многообразное, отъ причины къ дѣйствію, и подтверждаетъ необходимость бытія многообразія, самобытное существованіе того и другого, такъ какъ каждое изъ нихъ вложено и содержится одно въ другомъ. Эти тѣсно связанные и переплетающіеся между собою элементы отдѣлять другъ отъ друга и затѣмъ согласовывать—составляетъ задачу мышленія. Ихъ существованіе взаимно противорѣчиво и исключаетъ другъ друга, и каждое изъ нихъ такъ быстро проскользаетъ въ другое, что мы никогда не въ состояніи сказать, что есть одно, единое, и что не есть оно. Протей такъ же быстроподвиженъ въ высшихъ и глубочайшихъ основахъ, когда мы созерцаемъ единое, истинное, доброе,—какъ и на поверхностяхъ и наружныхъ сторонахъ матеріи.

Среди всѣхъ народовъ есть умы, склонные останавливаться на концепціи фундаменталь-

наго единства или единичности. Въ упоеніи молитвы и религіозномъ экстазѣ всякое бытіе тонетъ въ одномъ существѣ. Эта склонность находитъ себѣ высшее выраженіе въ религіозныхъ писаніяхъ Востока и главнымъ образомъ въ священныхъ писаніяхъ Индіи, въ Ведахъ, Багавадъ Гита (Bhagavat Geeta) [1]) и въ Вишну Пурана. Эти писанія ничего почти другого не содержатъ, кромѣ вышеуказанной идеи, и въ прославленіи ея они подымаются до высоты чистыхъ и выспренних пѣснопѣній.

Одинаковое, Одно и То же: другъ и недругъ изъ одного тѣста; пахарь, плугъ и борозда изъ одного вещества, а вещество таково и такъ обильно, что всѣ измѣненія его формы являются несущественными. «Ты способенъ постигнуть» (говоритъ высшій Кришна мудрецу), «что не отличаешься отъ меня. То, что я есмь, ты еси, и это есть также сей свѣтъ съ его богами, и героями, и всѣмъ человѣчествомъ. Люди созерцаютъ различія, потому что они поражены невѣжествомъ». «Слова *я* и *мое* означаютъ невѣжество. Что составляетъ великую цѣль всего, вы теперь узнаете отъ меня. Это есть душа,—одна во всѣхъ тѣлахъ, всепроникающая, однообразная, совершенная, надъ природой выдающаяся, свободная отъ рожденія, роста и разрушенія, вездѣсущая, состоящая изъ истиннаго знанія, независимая, ничего общаго съ тѣмъ, что недѣйствительно, съ именами, видами и тому подобнымъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ не имѣющая. Знаніе, что этотъ духъ, который существенно одинъ, пребываетъ въ тѣлѣ каждаго изъ насъ и въ тѣлахъ всѣхъ другихъ, составляетъ мудрость того, кто познался единство вещей. Подобно тому, какъ единый, всюду разлитый воздухъ, проходя черезъ отверстія флейты, различается нотами производимыхъ имъ звуковъ, такъ и природа Великаго Духа едина, хотя формы его, происходящія отъ слѣдствій различныхъ дѣйствій, разнообразны. Съ устраненіемъ разницы въ облекающей формѣ, будь то оболочка Бога или всего остальнаго, исчезаетъ всякое различіе». «Весь свѣтъ есть лишь проявленіе Вишну, который тождественъ со всѣми вещами и долженъ быть разсматриваемъ мудрыми людьми, не какъ различающаяся отъ нихъ, а какъ та же форма, что они сами. Я не хожу, ни прихожу; я также не пребываю въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ; и ты не есть ты, ниже другіе суть другіе, ни Азъ есмь Азъ». Это все равно, какъ если бъ онъ сказалъ: «все существуетъ для души, а душа есть Вишну; а животныя и звѣзды суть проходящіе образы; а свѣтъ не что иное, какъ бѣлила; всякая длительность (дленіе) — обманъ, а форма — плѣнъ, и само небо — одна приманка». То, чего ищетъ душа, есть раствореніе, погруженіе въ бытіе, высшее всякой формы,—вонъ изъ Тартара, какъ и изъ неба,—освобожденіе отъ природы.

Если, такимъ образомъ, умозрѣніе стремится къ страшнѣйшему единству, въ которомъ поглощены всѣ вещи, то всякая дѣятельность стремится въ обратномъ направленіи къ многообразію. Первое есть курсъ или линія тяготѣнія души; второе—сила природы. Природа есть многообразное. Единство поглощаетъ и расплавляетъ или сводитъ все вмѣстѣ. Природа раскрываетъ и создаетъ. Эти два принципа, вѣчно повторяясь, появляются и проникаютъ всѣ вещи, всякую мысль: единство и множественность. Одинъ есть бытіе, другой—интеллектъ; одинъ—необходимость, другой—свобода; одинъ—покой, другой—движеніе; одинъ—сила, другой—распредѣленіе; одинъ—крѣпость, другой—наслажденіе; одинъ—сознаніе, другой—опредѣленіе; одинъ—геній, другой—талантъ; одинъ—серіозное глубокомысліе, другой—ученость; одинъ—собственность, другой—обязательственныя отношенія; одинъ—кастовый бытъ, другой—развивающаяся культура; одинъ—монархія, другой—народовластіе; и, если отважиться въ этихъ обобщеніяхъ подняться ступенью выше и назвать конечную тенденцію того и другого принципа, то можно было бы сказать, что цѣль одного — уклоненіе отъ организаціи, естественнаго хода и органическаго порядка вещей,—чистое знаніе; тогда какъ цѣль другого—высшая инструментальность, организованность или высшая способность и умѣніе пользоваться средствами, божественность въ исполненіи.

Всякій изслѣдователь темпераментомъ своимъ и привычкой примыкаетъ либо къ первому, либо къ послѣднему изъ этихъ боговъ

---

[1]) Bhagavad-Gita («пѣснь Божества»)—названіе индійской дидактической поэмы, состоящей изъ 18 пѣсенъ религіозно-философскаго содержанія, излагающихъ на основѣ метафизическаго умозрѣнія систему высокой и чистой этики. Переводч.

духа. Религіозные запросы духа влекутъ его къ единству, монизму; умъ же или чувства— къ множественности. Слишкомъ быстрое обобщеніе съ одной стороны и чрезмѣрное углубленіе въ частности и мелочи съ другой — представляютъ собою двойную опасность спекулятивнаго мышленія.

Этой односторонности и различности основныхъ принциповъ соотвѣтствуетъ исторія народовъ. Страною единства и застывшихъ въ неподвижности учрежденій, очагомъ философіи, упивающейся абстракціями, людей, вѣрныхъ въ теоріи и въ практической жизни идеѣ глухого, неумолимаго, всеподавляющаго рока, — является Азія, и вѣрность этой идеѣ она осуществляетъ своимъ кастовымъ бытомъ. Въ противоположность ей, геній Европы дѣятеленъ и созидателенъ: онъ противопоставляетъ кастѣ культурное развитіе; ея философія всегда была наукой; она — страна искусствъ, изобрѣтеній, торговли, свободы. Если Востокъ любилъ туманную безконечность, то Западъ находилъ упоеніе въ томъ, что̀ опредѣленно и имѣетъ свои точныя границы.

Европейская цивилизація является торжествомъ таланта, систематики, изощреннаго разсудка, прикладного искусства, упоенія формами, упоенія внѣшнимъ выраженіемъ и ощутимыми, понятными результатами. Периклъ, Аѳины, Греція работали въ этой области съ радостью генія, еще не охлажденнаго никакимъ предвидѣніемъ вредныхъ послѣдствій отъ избытка такой работы. Ихъ не пугалъ впереди призракъ мрачной политической экономіи; они не видѣли передъ собою ни зловѣщаго Мальтуса, ни Парижа или Лондона, ни безжалостнаго подраздѣленія классовъ со всѣми его результатами: бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ, булавочныхъ мастеровъ, горькой долей ткачей, кожевниковъ, вязальщиковъ чулокъ, ворсильщиковъ, прядильщиковъ, углекоповъ; ни призрака Ирландіи, ни индійскихъ кастъ, возсозданныхъ усиліями Европы упразднить ихъ. Умственныя силы были въ полномъ расцвѣтѣ и свѣжести. Искусство находилось во всемъ блескѣ новизны. Мраморъ Пентеликона вырѣзывался, словно снѣгъ, а творенія совершенства людей той страны и эпохи въ области архитектуры и скульптуры представлялись тогда вещами обыденными, не труднѣе постройки новаго корабля въ докахъ Медфорда или новыхъ заводовъ въ Лоуэллѣ. Эти вещи обращаются въ круговоротѣ повседневной жизни; ихъ можно принимать, какъ данныя. Легіонъ (милитаризмъ) Рима, законодательство Византіи, торговля Англіи, салоны Версаля, кафе-рестораны Парижа, паровая мельница и фабрика, паровое судно, паровозъ—все это уже можно видѣть въ перспективѣ; равно какъ и городскія собранія, избирательная урна, ежедневная газета и дешевая пресса.

Платонъ же въ то время, какъ его родина стояла въ апогеѣ вышесказаннаго культурнаго расцвѣта, впитывалъ въ себя, находясь въ Египтѣ и во время своихъ странствій по Востоку, идею единаго Божества, въ которомъ поглощены всѣ вещи. Единство, монизмъ Азіи и детальность, сосредоточеніе на частностяхъ—Европы; безконечность азіатской души и опредѣляющую, границы ставящую, результаты любящую, машины строющую, поверхности ищущую, оперу посѣщающую Европу — ихъ соединить между собою и взаимнымъ соприкосновеніемъ энергію каждой изъ нихъ повысить явился Платонъ. Въ его мозгу сошлись превосходства Европы и Азіи. Въ метафизикѣ и натуръ-философіи выразился геній Европы; Платонъ кладетъ имъ въ основаніе религію Азіи.

Словомъ, на свѣтъ появилась душа, носившая въ себѣ равновѣсіе, которая могла охватить и вмѣстить въ себѣ оба элемента. Быть великимъ такъ же легко, какъ и быть малымъ. Причина, почему мы не сразу вѣримъ въ достойныя удивленія души, заключается въ томъ, что онѣ обыкновенно встрѣчаются внѣ круга нашего личнаго опыта. Въ дѣйствительной жизни онѣ такъ рѣдки, что кажутся невѣроятными; но въ основѣ вещей не только никакое предположеніе не говоритъ противъ нихъ, но наоборотъ въ пользу ихъ появленія говоритъ весьма многое. Но были ли при его рожденіи слышны голоса на небѣ или нѣтъ; грезилось ли его матери или отцу, что ихъ младенецъ-мальчуганъ сынъ Аполлона; усѣлся ли на его губы рой пчелъ или нѣтъ;—фактъ тотъ, что появился на свѣтъ человѣкъ, могущій видѣть двѣ стороны вещей. Удивительный синтезъ, столь обычный въ природѣ; верхняя и нижняя сторона медали Юпитера; соединеніе несовмѣстимаго, повторяющееся въ каждомъ предметѣ; его реальная и его

идеальная сила и значеніе,—были теперь также перенесены въ кругъ сознанія одного человѣка.

Душа уравновѣшенная явилась. Если онъ и любилъ отвлеченную истину, онъ тѣмъ не менѣе оберегъ свое человѣческое «я», проповѣдуя популярнѣйшій изъ всѣхъ принциповъ, абсолютное благо, которое правитъ правителями и судитъ судей. Если онъ дѣлалъ трансцендентальныя различія, онъ ограждалъ себя отъ ихъ путъ, заимствуя всѣ примѣры, которыми онъ иллюстрировалъ свои предложенія, изъ источниковъ, пренебрегаемыхъ ораторами и отшлифованными болтунами, иллюстрируя ихъ на примѣрахъ кобылицъ и щенковъ, кувшиновъ и разливательныхъ ложекъ, поваровъ и крикуновъ, горшечныхъ лавокъ, коноваловъ, мясниковъ и рыбныхъ торговокъ. Онъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго пристрастія, твердо рѣшивъ, что оба полюса мысли должны участвовать въ томъ, что̀ онъ утверждаетъ. Его аргументація и сужденіе самоуравновѣшены и округлы, какъ совершенный шаръ. Оба полюса являютъ себя во всей силѣ; да, и они словно становятся двумя руками, охватывающими и присвоивающими то, что̀ имъ принадлежитъ.

Всякій великій артистъ, художникъ, былъ таковымъ, благодаря синтезу. Наша крѣпость переходная, мѣняющаяся; она, такъ сказать, представляетъ собою линію соприкосновенія двухъ полосъ. Морской берегъ, море, видимое съ берега, берегъ, видимый съ моря; ощущеніе двухъ металловъ въ соприкосновеніи; она замѣтна въ ростѣ нашихъ душевныхъ силъ и состояній при встрѣчѣ или разставаніи съ другомъ; она проявляется въ томъ, что испытываешь въ моменты поэтическаго творчества, которое обрѣтается не въ то время, что̀ сидишь дома, ни во время путешествія, а во время переходовъ отъ одного состоянія къ другому, которые поэтому должны совершаться настолько искусно, чтобы представлять возможно больше поверхности перехода; эта власть надъ двумя элементами должна дать ключъ къ объясненію мощи и чарующей прелести Платона. Искусство выражаетъ одно или то же самое при помощи различнаго. Мысль ищетъ познать единство въ единствѣ; поэзія — показать его путемъ многообразія, т. е. всегда посредствомъ предмета или символа. Платонъ держитъ при себѣ оба сосуда, одинъ съ эѳиромъ, другой съ красящимъ веществомъ, и неизмѣнно пользуется обоими. Вещи, присовокупленныя къ вещамъ, каковъ, напримѣръ, матеріалъ для статистики, исторіографія, представляютъ собою одни инвентари. Вещи въ языкномъ употребленіи, которыми пользуются для рѣчи, отличаются неистощимой притягательностью. Платонъ безостановочно поворачиваетъ то лицевой, то обратной стороной медаль Юпитера.

Возьмемъ примѣръ: натуръ-философы наметили каждый свою теорію происхожденія міра: теорію атомовъ, огня, теорію теченія, духа; теоріи по своей основной мысли то механическія, то химическія. Платонъ, великій мастеръ въ математикѣ, пытливый изслѣдователь законовъ природы и естественныхъ причинъ, чувствуетъ, что все это объясненія вторичныхъ причинъ и, какъ таковыя, не могутъ служить теоріями мірозданія, а являются лишь одними инвентарями и перечнями. Изученію природы онъ поэтому предпосылаетъ ученіе: «Объяснимъ причину, побудившую Верховнаго Правителя создать и образовать вселенную. Онъ былъ добръ; а тотъ, кто добръ, не знаетъ зависти. Свободный отъ зависти, онъ желалъ, чтобы всѣ вещи, елико возможно, были похожи на него. Всякій, кто, обученный мудрыми людьми, допуститъ это, какъ первую причину начала и основанія міра, пребудетъ въ свѣтѣ истины». «Всѣ вещи существуютъ ради добра, и оно есть причина всякой прекрасной вещи». Это ученіе одушевляетъ и олицетворяетъ всю его философію.

Синтезъ, составляющій характерную черту его духа, отражается во всѣхъ его дарованіяхъ. Тамъ, гдѣ огромная духовная сила сосредоточивается въ одной личности, мы обыкновенно находимъ совершенства, легко сочетающіяся въ живомъ человѣкѣ, но которыя, будучи описаны, кажутся несовмѣстимыми. Духъ Платона невозможно изобразить, выставляя его въ китайскомъ каталогѣ; но онъ можетъ быть постигнутъ самобытнымъ духомъ въ дѣятельномъ проявленіи его самобытной силы. Свободнѣйшее самоотдаваніе и непринужденность сочетаются въ немъ съ точностью геометра. Его смѣлое воображеніе даетъ ему болѣе вящій и болѣе солидный охватъ фактовъ; птицы наивысшаго полета обладаютъ сильнѣйшими крыльными костями. Его аристократическая

отшлифованность, его внутреннее изящество, отточенное ироніей столь тонкою, что она жалитъ и парализуетъ, являются красою самаго цвѣтущаго здоровья и тѣлесной силы. Не даромъ гласило старинное изреченіе: «Если бы Юпитеръ сошелъ на землю, онъ бы говорилъ въ стилѣ Платона».

Въ связи съ этимъ пышнымъ тономъ, отъ тенденціи, которой проникнуты нѣкоторыя изъ его твореній, и отъ сокровеннаго смысла, проходящаго черезъ нихъ всѣхъ, вѣетъ какой-то глубокой серіозностью, возвышающейся въ его Республикѣ и Федонѣ до благочестія. Его обвиняли въ томъ, что онъ притворялся больнымъ въ то время, какъ умеръ Сократъ. Но сохранившіеся отъ того времени разсказы и анекдоты удостовѣряютъ его мужественное заступничество передъ народомъ въ пользу своего учителя; достаточно вспомнить дошедшій до насъ фактъ дикихъ негодующихъ криковъ народнаго собранія, направленныхъ противъ Платона; а съ другой стороны, негодованіе противъ народнаго правительства, выраженное во многихъ его сочиненіяхъ, отражаетъ его личное возмущеніе имъ. Онъ обладаетъ честностью, врожденнымъ благоговѣніемъ передъ справедливостью и долгомъ чести, а также человѣчностью, благодаря которой народныя суевѣрія встрѣчаютъ въ немъ нѣжнаго и снисходительнаго судью. Къ этому надо присовокупить его вѣру въ то, что поэтическій и пророческій даръ, а также высокій охватъ и проникновеніе мыслію въ глубь вещей исходятъ отъ мудраго начала, которое не находится во власти человѣка; что боги никогда не философствуютъ, но что путемъ какой-то небесной магіи всѣ эти чудеса совершаются. На такихъ крылатыхъ коняхъ фантазіи онъ несется черезъ туманныя области, посѣщая міры, въ которые одна плоть вступить безсильна; онъ видитъ души въ мукахъ, онъ слышитъ приговоръ судьи; передъ его глазами карательная метэмпсихоза (переселеніе душъ), богини судьбы съ ихъ прялками и ножницами, и онъ слышитъ усыпляющій стукъ ихъ веретена.

Но присущая ему спокойная осмотрительность его никогда не оставляла. Можно было бы сказать, что онъ прочелъ надпись на воротахъ Бусирана, гласящую: «Будь смѣлъ», и на вторыхъ воротахъ: «Будь смѣлъ», «будь смѣлъ, и неизмѣнно смѣлъ»; и затѣмъ разумно остановился и передъ третьими воротами, надъ которыми стояла надпись: «Не будь черезчуръ смѣлъ». Его сила подобна живой силѣ падающей планеты, а его разсудительность напоминаетъ описываемую ею съ неизмѣнной правильностью и полнотою кривую—дотого совершенны его греческая любовь къ точнымъ границамъ и его искусство въ опредѣленіи. На логариѳмическія таблицы нельзя болѣе положиться, чѣмъ на слѣдованіе за Платономъ въ полетахъ его мысли. Ничего нельзя себѣ представить болѣе холоднаго, чѣмъ его голова въ то время, какъ молніи его воображенія играютъ на небѣ. Онъ довелъ до конца процессъ своего мышленія раньше, чѣмъ онъ сообщаетъ его читателю, и въ то же время онъ отличается обиліемъ поразительныхъ пріемовъ мастера литературнаго слова. Онъ обладаетъ богатымъ арсеналомъ, который при каждомъ случаѣ снабжаетъ его тѣмъ именно оружіемъ, какое ему нужно. Подобно тому, какъ богатый человѣкъ носитъ не больше платьевъ, ѣздитъ не на бо̀льшемъ количествѣ лошадей, сидитъ въ не бо̀льшемъ числѣ комнатъ, чѣмъ бѣдный—а пользуется тѣмъ единственнымъ платьемъ, или экипажемъ, или орудіемъ, которые отвѣчаютъ его потребности въ данный моментъ;—такъ Платонъ, въ обиліи своихъ богатствъ, никогда не бываетъ стѣсненъ, а располагаетъ всегда надлежащимъ словомъ. Во всемъ арсеналѣ ума и остроумія нѣтъ, положительно, того оружія, которымъ бы онъ не владѣлъ и не пользовался,—сила эпическаго искусства, анализъ, безумная страсть, интуиція, музыка, сатира и иронія, вплоть до обыденнаго и того, что̀ составляетъ благовоспитанный тонъ. Картины, которыми онъ пользуется для иллюстрацій, представляютъ собою поэзію, а его шутки являются картинами. Сократово опредѣленіе повивальнаго искусства представляется хорошей философіей; а примѣненіе имъ, въ Горгіѣ, словъ «поварское искусство» и «художество лести» къ реторикѣ до сихъ поръ оказываетъ намъ существенную услугу. Никакой ораторъ не можетъ по производимому имъ эффекту сравниться съ тѣмъ, кто умѣетъ давать мѣткія клички и прозвища.

Какая умѣренность, какое умѣніе ставить границы своимъ утвержденіямъ, какая сила сдерживать громъ своей рѣчи среди его раскатовъ! Со свойственнымъ ему добродушіемъ,

онъ самъ доставилъ благовоспитанному человѣку и гражданину всѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ философскихъ школъ. «Ибо философія вещь изящная, если ею занимаются скромно; но если человѣкъ отдается ей больше, чѣмъ слѣдуетъ, она его портитъ». Ему легко давалось быть благороднымъ, ему, обладавшему, благодаря солнечной центральности своего существа и шири своего кругозора, чистой, безоблачной вѣрой. Такова же, какъ его сила разумѣнія, была и его рѣчь; онъ играетъ сомнѣніемъ и извлекаетъ изъ него все, что только можно извлечь; онъ какъ будто только рисуетъ образы и играетъ словами, но мало-по-малу въ конечномъ результатѣ у него рождается мысль или воззрѣніе, приводящее въ движеніе моря и земли. Удивительная серіозность встрѣчается у него не только промежутками, въ совершенной категоричности «да и нѣтъ» діалога, но и цѣлыми потоками свѣта. «Я поэтому, Калликлъ, убѣжденъ этими доводами и вижу, насколько я въ состояніи выложить передъ судьею свою душу въ здоровомъ состояніи. Вслѣдствіе этого, совершенно равнодушный къ почестямъ, чтимымъ большинствомъ людей, и имѣя въ виду одну истину, я, въ дѣйствительности, буду стараться жить, насколько могу, добродѣтельно, а, когда наступитъ мой смертный часъ, точно также умереть. И всѣми силами своими я приглашаю остальныхъ людей и тебя, въ свою очередь, я приглашаю къ этому состязанію, которое, я утверждаю, затмеваетъ всѣ другія состязанія».

Онъ великій средній человѣкъ: одинъ изъ тѣхъ, въ комъ съ наибольшей силой мышленія соединяются соразмѣрность и уравновѣшенность способностей, такъ что люди видятъ въ немъ осуществленіе своихъ собственныхъ грёзъ и зарницы духа, являющія себя тѣмъ, что онѣ есть. Великій здравый смыслъ даетъ ему право и квалификацію на то, чтобы быть толкователемъ міра. Онъ обладаетъ силой разума, какъ ею обладаютъ всѣ философскіе и поэтическіе люди; но у него есть также то, чего у нихъ нѣтъ: тотъ сильный аналитическій умъ, благодаря которому онъ свою поэзію приводитъ въ согласованіе съ явленіями міра и строитъ мостъ отъ улицъ городовъ къ Атлантидѣ. Этотъ постепенный переходъ отъ одного міра къ другому онъ никогда не упускаетъ изъ виду, но всегда пролагаетъ къ вершинѣ своихъ думъ, какъ бы живописенъ ни былъ съ одной стороны ихъ крутой обрывъ, отлогую тропинку, по которой возможенъ доступъ къ нимъ съ равнины обыденной жизни. Онъ никогда не пишетъ въ экстазѣ, равно какъ никогда не захватываетъ насъ своими чарами и не доводитъ до поэтическаго упоенія.

Платонъ постигалъ кардинальные факты. Онъ былъ способенъ благоговѣйно пасть ницъ на землю и, закрывъ глаза, молиться на то, что не поддается ни исчисленію, ни измѣренію, ни познаванію, ни обозначенію; то, о чемъ всякая вещь можетъ быть утверждаема и отрицаема, то, «что есть сущее и несущее». Онъ назвалъ его сверхсущественнымъ. Онъ даже былъ готовъ, какъ это видно изъ его Парменида, доказать, что оно такъ, что это Бытіе (сущее) переходитъ границы человѣческаго пониманія. Ни одинъ человѣкъ не признавалъ въ такой степени невыразимаго. Воздавъ отъ лица человѣчества дань благоговѣнія Безграничному, онъ затѣмъ встаетъ и съ высоко поднятой головой отъ имени человѣчества заявляетъ: «А все-таки вещи познаваемы!» Это показываетъ, что прежде всего глубокое поклоненіе въ его душѣ нашла Азія—океанъ любви и мощи, предшествующихъ формѣ, волѣ, познанію, то вѣчно одинаковое, Доброе, Единое; а затѣмъ, освѣженный и укрѣпленный этимъ поклоненіемъ, въ свои права вступилъ инстинктъ Европы, а именно, культура, и онъ восклицаетъ: «Вещи все-таки познаваемы!» Онѣ познаваемы, оттого, что, происходя отъ одного, всѣ вещи между собою согласуются и соотвѣтствуютъ другъ другу. Есть скала, лѣстница степеней, и взаимоотношеніе между небомъ и землей, матеріей и духомъ, частью и цѣлымъ, является для насъ путеводною нитью. Какъ есть наука о звѣздахъ, называемая астрономіей; наука о величинахъ, называемая математикой; наука о свойствахъ вещей, называемая химіей;—такъ есть и наука о наукахъ, я называю ее Діалектикой, — которая представляетъ собою не что иное, какъ способъ различенія интеллектомъ ложнаго отъ истиннаго. Она покоится на наблюденіи тождества и отличія; ибо разсуждать значитъ связывать съ объектомъ присущее ему понятіе. Науки, не исключая самыхъ совершенныхъ, каковы математика и астрономія, напоминаютъ собою любителей спорта, ловящихъ всякую попадающуюся имъ добычу,

даже такую, изъ которой они не могутъ сдѣлать никакого употребленія. Назначеніе діалектики учить пользованію ими. «Природа ея такова, что ни одинъ умственно развитой человѣкъ не начнетъ изслѣдованія и изученія ради самого изученія, а единственно съ цѣлью усовершенствоваться въ этой единственной наукѣ, обнимающей собою всѣ остальныя».

«Сущность или особенность человѣка заключается въ томъ, чтобы охватить цѣлое, или то, что, при различіи ощущеній, можетъ быть постигнуто, какъ разумное единство». «Душа, никогда не воспринявшая истины, не можетъ воплотиться въ человѣческомъ образѣ». Я возвѣщаю людямъ интеллектъ (познающій умъ). Я возвѣщаю благо проникновенности духомъ, создавшимъ природу: именно благо пониманія природы, которую онъ сотворилъ и творитъ. Природа хороша, но интеллектъ лучше, будучи выше ея; подобно тому какъ законодатель выше тѣхъ, для кого онъ пишетъ законы. Я даю вамъ радость, о дѣти людей! ту радость, что истина вполнѣ цѣлительна и здорова; что у насъ есть надежда изслѣдовать то, что могмо бы считаться настоящимъ «я», самою сущностью всякой вещи. Несчастіе человѣка то, что онъ обманывается насчетъ сущности вещей и пробавляется догадками; высшее же благо есть нѣчто дѣйствительное; и всякая добродѣтель и всякое счастіе покоится на знаніи этой реальности: ибо храбрость есть не что иное, какъ знаніе; высшее счастіе, которое можетъ выпасть на долю человѣка, это быть руководимымъ своимъ демономъ (добрымъ геніемъ) къ тому, что по истинѣ соотвѣтствуетъ его сущности и ему принадлежитъ. Такова также сущность справедливости;—каждому должно принадлежать свое; да и само понятіе о добродѣтели и нравственности недоступно иначе, какъ путемъ созерцанія божественной сущности. А потому, смѣло впередъ! ибо «убѣжденіе, что мы должны искать то, чего мы не знаемъ, сдѣлаетъ насъ внѣ всякаго сравненія лучше, отважнѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ если бы мы полагали невозможнымъ открытіе того, чего мы не знаемъ, и безполезнымъ всякое исканіе сего неизвѣстнаго». Благодаря своему страстному стремленію постичь дѣйствительность, онъ обезпечиваетъ за собою неприступную позицію, цѣня философію лишь постольку, поскольку она является отрадою общенія съ дѣйствительной сущностью вещей.

Такимъ образомъ, преисполненный генія Европы, онъ произнесъ слово: культура. Онъ видѣлъ учрежденія Спарты и постигъ, съ бо́льшею, можно сказать, геніальностью, чѣмъ кто-либо съ тѣхъ поръ, въ чемъ заключается надежда, возлагаемая на воспитаніе. Онъ восхищался всякимъ превосходствомъ, всякимъ дѣйствіемъ, полнымъ граціи, пользы и правды; а, выше всего, блестящими сторонами генія и умственнаго совершенства. «Вся цѣнность жизни, о Сократъ», сказалъ Главконъ, «для мудраго человѣка представляется въ томъ, чтобы внимать такимъ разговорамъ, какъ эти». Какую цѣну онъ придаетъ дѣяніямъ талантовъ, рѣдкимъ способностямъ Перикла, Исократа, Парменида! Какое неоцѣнимое значеніе онъ придавалъ самимъ талантамъ! Онъ называлъ въ своемъ прекрасномъ олицетвореніи различныя способности божествами. Какое значеніе для воспитанія онъ признаетъ за искусствомъ гимнастики; какое за геометріей; какое за музыкой; какое за астрономіей, которой успокоительная и врачебная сила имъ прославляется! Въ Тимеѣ онъ указываетъ на высшее, самое возвышенное употребленіе, какое мы можемъ сдѣлать изъ нашихъ глазъ. «Нами установлено, что Богъ изобрѣлъ зрѣніе и одарилъ имъ насъ для того, чтобы, созерцая круги разумнаго духа на небесахъ, мы могли дѣлать надлежащее употребленіе изъ круговъ нашего собственнаго духа, которые хотя и представляются безпорядочными и неправильными, въ сравненіи съ тѣми другими, что такъ цѣльны и выдержаны, все же находятся въ связи съ орбитами тѣхъ, и чтобы, усвоивъ это такимъ образомъ и отъ природы обладая способностью правильнаго разсужденія, мы могли, слѣдуя примѣру вѣчныхъ и неизмѣнныхъ путей божества, исправлять наши собственныя ошибки и уклоненія отъ правильнаго пути». А въ Республикѣ онъ говоритъ: «каждымъ изъ этихъ ученій извѣстный органъ души, притупленный и подавленный изученіемъ чего-либо другого, очищается и вновь оживляется; органъ, сохраненіе котораго гораздо цѣннѣе десяти тысячъ глазъ, разъ истина воспринимается лишь имъ однимъ».

Онъ произнесъ слово: культура; но онъ же прежде всего призналъ ея основу и по-

ставилъ на неизмѣримо первенствующемъ мѣстѣ преимущество и дары природы. Его патриціанскіе вкусы придавали особое значеніе различіямъ, обусловливаемымъ рожденіемъ. Въ доктринѣ объ органическомъ характерѣ и предрасположеніи содержатся основы кастовыхъ дѣленій. «Въ составъ тѣхъ, кто предназначенъ править, созидающее Божество примѣшало золото; въ составъ представителей военнаго класса — серебро; а желѣзо и мѣдь для земледѣльцевъ и ремесленниковъ». Востокъ во всѣ вѣка сказывается въ этой вѣрѣ. Коранъ явственно выражаетъ эту кастовую точку зрѣнія. «Люди содержатъ свойственный имъ металлъ, каковы золото и серебро. Тѣ изъ васъ, кто былъ достойнымъ, пребывая въ состояніи невѣжества, будутъ достойными и въ состояніи вѣрующихъ, какъ только вы постигнете и усвоите вѣру». Платонъ былъ на этотъ счетъ не менѣе категориченъ. «Изъ пяти разрядовъ вещей только четыремъ можетъ быть обучаемо громадное большинство людей». Въ Республикѣ онъ подчеркиваетъ темпераменты юности, какъ самое главное.

Болѣе удачный примѣръ чрезвычайнаго значенія, которое онъ придаетъ природѣ, мы находимъ въ діалогѣ съ молодымъ Ѳеагомъ, желающимъ брать уроки у Сократа. Сократъ заявляетъ, что, если кто-либо сталъ мудрымъ, находясь въ его обществѣ, то онъ тутъ ни при чемъ; а просто, въ то время, какъ люди бывали вмѣстѣ съ нимъ, они становились мудрыми, а не благодаря ему; онъ хочетъ убѣдить, что, какъ это происходило, ему неизвѣстно. «Многимъ это не дано, равно какъ не въ состояніи извлечь пользу изъ общенія со мною и тѣ, кто встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны Демона; такъ что для меня жить вмѣстѣ съ такими невозможно. Зато со многими онъ не препятствуетъ моему общенію, а между тѣмъ и изъ нихъ не всѣ испытываютъ благотворное вліяніе моего общества. Такъ, о Ѳеагъ, обстоитъ, когда люди вступаютъ въ сношенія со мною; ибо, если оно угодно Богу, ты изъ нихъ извлечешь большую и быструю пользу; ты не извлечешь никакой пользы, если это Богу не будетъ угодно. Взвѣсь, не вѣрнѣе ли будетъ учиться у кого-нибудь изъ тѣхъ, кто властенъ распорядиться благами, которыя они сообщаютъ людямъ, нежели у меня, который то приноситъ пользу, то нѣтъ, совершенно въ зависимости отъ того, какъ оно случится». Это все равно, какъ если бы онъ сказалъ: «у меня нѣтъ системы. Я не могу отвѣчать за тебя. Ты будешь тѣмъ, чѣмъ быть тебѣ предопредѣлено. Если между нами существуетъ взаимная симпатія, наше общеніе безсознательно будетъ сладостнымъ и полезнымъ; если же ея нѣтъ, ты только напрасно потеряешь время и будешь мнѣ въ тягость. Я покажусь тебѣ глупымъ человѣкомъ, а слава, которой я пользуюсь, незаслуженной и дутой. Это таинственное сродство или отталкиваніе абсолютно выше и сильнѣе насъ, внѣ моей и твоей власти. Все благо, какое я даю, магнетическаго свойства, и я воспитываю не преподавая, а занимаясь своимъ дѣломъ».

Онъ произнесъ слово: культура; онъ произнесъ: природа, но онъ не преминулъ прибавить: «существуетъ кромѣ того, и божественное». Нѣтъ такой мысли въ чьемъ бы то ни было умѣ, которая бы не стремилась быстро превратиться въ силу и не организовала огромной системы способовъ и средствъ. Платонъ, почитатель опредѣленныхъ границъ, любилъ въ то же время безграничное, ясно видѣлъ ростъ личности и благородство, которые порождаются истиной самою и добромъ самимъ, и пытался разъ навсегда воздать, какъ бы отъ лица человѣческаго разума, достойную дань благоговѣнія,—благоговѣнія, которое необъятной душѣ достойно принять, а разуму подобаетъ воздать. И онъ сказалъ: «наши способности простираются до безконечности и возвращаются оттуда къ намъ. Мы въ состояніи лишь до извѣстной и при томъ незначительной степени дѣлать опредѣленія; а тамъ оказывается фактъ, мимо котораго пройти невозможно, и на который закрывать глаза равносильно самоубійству. Всѣ вещи помѣщаются на лѣстницѣ степеней и, откуда бы ни начать, все восходятъ. Всѣ вещи носятъ символическій характеръ, и то, что̀ мы называемъ результатами, въ сущности оказывается начинаніями».

Ключемъ къ объясненію метода и законченности Платона можетъ служить его ученіе о дважды раздѣленной на двѣ части линіи. Освѣтивъ отношеніе между абсолютно благимъ и истиннымъ и формами постижимаго міра, онъ говоритъ: «предположимъ линію, раздѣленную на двѣ неравныя части. Раздѣлимъ далѣе каждую этихъ главныхъ частей,—одна изъ нихъ представляетъ со-

бою видимый, другая постигаемый міръ,—и допустимъ, что эти два новыхъ отрѣзка изображаютъ собою свѣтлую и темную сторону каждаго изъ этихъ міровъ. Тогда получатся у насъ для одного изъ отдѣловъ видимаго міра образы, т.е. какъ тѣни, такъ и отраженія;—а для другого отдѣла—объекты этихъ образовъ, т. е. растенія, животныя и произведенія искусства и природы. Затѣмъ такимъ же образомъ раздѣлимъ постижимый міръ; въ одномъ отрѣзкѣ получатся мнѣнія и гипотезы, а въ другомъ отрѣзкѣ—истины». Этимъ четыремъ отрѣзкамъ соотвѣтствуютъ четыре вида дѣятельности души: догадка, вѣра, пониманіе, разумъ. Подобно тому, какъ каждая лужа отражаетъ образъ солнца, такъ и каждая мысль и вещь воспроизводятъ передъ нами образъ и твореніе высшаго блага: Вселенная пронизана милліономъ каналовъ для его дѣятельности. Всѣ вещи возносятся все вверхъ и вверхъ.

Всюду его мысль принимаетъ это возвышенное направленіе: въ Федрѣ, гдѣ онъ учитъ, что красота самая милая изъ всѣхъ вещей, вызывая веселое настроеніе и разливая вожделѣніе и довѣріе по вселенной, гдѣ только она ни появляется, а появляется она до извѣстной степени во всѣхъ вещахъ;—но что существуетъ нѣчто другое, что̀ на столько же прекраснѣе красоты, на сколько красота прекраснѣе хаоса; это другое есть мудрость, которой нашъ удивительный органъ зрѣнія не въ состояніи достигнуть, но которая, если бы только она могла быть видима, восхищала бы своею совершенной реальностью. Точно такъ же смотритъ онъ на нее, какъ источникъ всего превосходнаго въ произведеніяхъ искусства. Когда художникъ, говоритъ онъ, работая надъ какимъ-либо произведеніемъ, глядитъ на то, что̀ остается вѣчнымъ, благодаря тому, что оно соотвѣтствуетъ вѣчно одинаковому, тождественному, и, пользуясь подобнаго рода моделью, выражаетъ ея идею и силу въ своемъ твореніи,—его произведеніе необходимо должно выйти прекраснымъ. Но, если художникъ видитъ предъ собою лишь то, что̀ рождается и умираетъ, его произведеніе будетъ далекимъ отъ прекраснаго.

И такъ вездѣ: его Пиршество содержитъ ученіе въ томъ же духѣ, знакомое нынче поэтической и проповѣднической литературѣ всего свѣта, ученіе, что любовь между полами есть нѣчто начальное, несовершенное, и отдаленнымъ образомъ символизируетъ тоску души по тому безбрежному морю красоты, для исканія которой она существуетъ. Эта вѣра въ Божество никогда не оставляетъ его души и образуетъ фундаментъ всѣхъ его ученій. Тѣло не можетъ учить мудрости: это можетъ одинъ лишь Богъ. Въ этомъ же смыслѣ онъ постоянно утверждаетъ, что добродѣтели учить невозможно, что она не есть наука, а вдохновеніе, что величайшія блага произведены для насъ при помощи могучаго чувства и страсти, своего рода маніи, и божественнымъ дареніемъ намъ достаются въ удѣлъ.

Это приводитъ меня къ той центральной фигурѣ, которую онъ выводитъ въ своей Академіи, въ качествѣ органа, посредствомъ коего всякое взвѣшенное мнѣніе должно быть возвѣщаемо, и біографію которой онъ равнымъ образомъ такъ обработалъ, что въ ней историческіе факты тонутъ въ свѣтѣ Платонова духа. Сократъ и Платонъ представляютъ собою двойную звѣзду, которую совершенно раздѣлить не будутъ въ состояніи самые сильные оптическіе инструменты духовнаго зрѣнія. Сократъ, въ свою очередь, являетъ своими характерными чертами и геніемъ лучшій примѣръ того синтеза, который образуетъ необычайную духовную мощь Платона. Сократъ, человѣкъ низкаго происхожденія, но довольно почтенный; исторія его одна изъ зауряднѣйшихъ; его личная доморощенность дотого бросается въ глаза, что является для другихъ мишенью для остроумія—и тѣмъ бо̀льшею, что его широкая добродушная натура и изысканный вкусъ къ хорошей шуткѣ всегда вызывали какую-нибудь остроумную выходку со стороны окружающихъ, неизмѣнно оплачиваемую той же монетой. Актеры копировали его на сценѣ; гончары воспроизводили его безобразное лицо на своихъ каменныхъ кружкахъ. Онъ былъ холодный малый, совмѣщавшій въ себѣ рядомъ съ юморомъ совершенную уравновѣшенность темперамента и знаніе любого человѣка, съ кѣмъ только ему ни приходилось бесѣдовать, знаніе, приводившее его собесѣдника къ пораженію во всякомъ дебатированіи, а въ дебатахъ онъ находилъ для себя безмѣрное наслажденіе. Молодежь неимовѣрно любитъ его и приглашаетъ его на свои пиршества, на каковыя онъ является вести бесѣды и разсужденія. Онъ также мастеръ

пить; у него самая крѣпкая голова въ Аѳинахъ; и, оставляя всю компанію пьяною подъ столомъ, онъ уходитъ отъ пиршественной трапезы, какъ ни въ чемъ ни бывало къ другой компаніи, чтобы начать новый діалогъ—съ тѣми, кто трезвъ. Словомъ, онъ былъ тѣмъ, что нашъ деревенскій народъ называетъ «старый воробей».

Онъ проявлялъ порядочную толику умѣренно-аккуратныхъ обывательскихъ вкусовъ и наклонностей, любилъ свои Аѳины до безумія, терпѣть не могъ деревьевъ, никогда добровольно не выходилъ за черту городскихъ стѣнъ, былъ знатокомъ старыхъ письменъ, умѣлъ цѣнить скучныхъ людей и филистеровъ, считалъ, что любая вещь въ Аѳинахъ чуточку да лучше какой угодно вещи гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Въ манерѣ держать себя онъ былъ простъ, какъ квакеръ; любилъ щеголять простонародными выраженіями и для иллюстраціи своихъ мыслей охотно бралъ примѣры и сравненія изъ жизни пѣтуховъ и перепеловъ, изъ категоріи супныхъ кастрюль и сикоморовыхъ ложекъ, конюховъ и кузнецовъ и вообще изъ области разныхъ неудобоназываемыхъ профессій,—особливо когда ему приходилось бесѣдовать съ какой-либо изысканно тонкой особой. Онъ обладалъ житейской мудростью, напоминающею мудрость Франклина. Такъ напр. какъ-то разъ онъ доказалъ одному человѣку, боявшемуся отправиться пѣшкомъ въ Олимпію, что такое путешествіе въ сущности не превышаетъ того пути, который тотъ совершаетъ у себя дома изо-дня въ день, если непрерывно сложить вмѣстѣ всѣ его хожденія взадъ и впередъ.

Прямой, славный малый, какимъ онъ былъ, со своими огромными ушами, онъ въ то же время являлся неутомимымъ говоруномъ и разскащикомъ. Про него шла молва, что раза два въ Бэотійскую войну онъ проявилъ рѣшительность, благодаря которой было прикрыто отступленіе войска; поговаривали также, что, участвуя однажды въ городскомъ управленіи, въ качествѣ его члена, онъ, корча изъ себя дурака, обнаружилъ, выступая единственнымъ человѣкомъ противъ голоса народнаго, такое мужество, которое его едва не погубило. Онъ очень бѣденъ; но зато онъ закаленъ, какъ солдатъ, и въ состояніи питаться ничтожнымъ количествомъ маслинъ; обычную же его пищу, въ буквальномъ смыслѣ, составляютъ хлѣбъ и вода, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда его угощаютъ друзья. Расходы на его необходимыя потребности были чрезвычайно малы, и жить, какъ онъ жилъ, никто не могъ бы. Онъ не носилъ нижняго платья; верхнее платье у него было одно и то же лѣтомъ и зимой, при чемъ онъ никогда не носилъ обуви, а ходилъ босой. Разсказываютъ, что для доставленія себѣ возможности ежедневно по своему произволу наслаждаться столь любимыми имъ разговорами и собесѣдованіями съ самыми элегантными и образованными молодыми людьми, онъ отъ времени до времени возвращался въ свою мастерскую и высѣкалъ для продажи, дурныя ли, хорошія ли, статуи. Какъ бы тамъ ни было, но достовѣрно то, что ни въ чемъ иномъ онъ не находилъ такого удовольствія, какъ въ этихъ собесѣдованіяхъ, и что, притворяясь ничего не знающимъ, онъ выступаетъ грознымъ противникомъ и ниспровергаетъ всѣхъ лучшихъ ораторовъ, всѣхъ тончайшихъ философовъ Аѳинъ, будь то мѣстные уроженцы или же чужестранцы изъ Малой Азіи и съ острововъ. Никто не можетъ воздержаться отъ того, чтобы говорить съ нимъ: онъ такъ честенъ и по истинѣ интересенъ; человѣкъ, который охотно давалъ опровергать себя, когда онъ не говорилъ правды, и съ большою охотой опровергалъ другихъ, кто утверждалъ то, что̀ было ложно; одинаково довольный, когда его опровергали, какъ и тогда, когда онъ опровергалъ другихъ, ибо, по его мнѣнію, нѣтъ бо́льшаго зла для людей, чѣмъ ложныя воззрѣнія на справедливое и несправедливое. Неумолимый спорщикъ, якобы ничего не знающій, но удивительной силы сужденія котораго ни одинъ человѣкъ еще не достигъ; котораго душевное спокойствіе было невозмутимо, котораго убійственная логика всегда игрива и въ ударѣ; своею безпечностью и невѣжественностью обезоруживавшій самыхъ осмотрительныхъ и самымъ обворожительнымъ образомъ втягивавшій ихъ въ сѣти ужасныхъ сомнѣній и смущенія. Но онъ-то всегда зналъ, какъ изъ нихъ выпутаться; онъ зналъ, но не хотѣлъ говорить, какъ это дѣлать. Для его противниковъ не оставалось никакого выхода; своими дилеммами онъ ихъ прижимаетъ къ стѣнѣ, принуждая дѣлать выборъ среди страшныхъ альтернативъ, и разными Гиппіасами и Горгіасами онъ играетъ, швыряя ихъ со всею ихъ

громадной репутаціей туда и сюда, какъ мальчикъ играетъ своими мячами. Поистинѣ тираническій реалистъ! Менонъ тысячи разъ разглагольствовалъ и распространялся о добродѣтели, во многихъ кружкахъ и компаніяхъ и при томъ, какъ ему казалось, очень недурно; но вотъ сейчасъ онъ даже не въ состояніи опредѣлить, что̀ такое добродѣтель: дотого этотъ чародѣй Сократъ его околдовалъ.

Этотъ упрямо-головый юмористъ, котораго странныя выдумки, шутки и добродушіе забавляли молодыхъ аристократовъ, въ то время какъ слава объ его изреченіяхъ и каламбурахъ съ каждымъ днемъ все шире расходится,—оказывается въ концѣ концовъ обладателемъ такой же непобѣдимой честности, какъ и логики, и человѣкомъ либо безумнымъ, либо подъ маской безумія восторженно исповѣдующимъ свою вѣру. Когда его обвиняютъ передъ судьями въ подрываніи народнаго вѣроисповѣданія, онъ высказываетъ передъ ними свое убѣжденіе въ безсмертіи души и въ грядущемъ возмездіи и наказаніи; въ виду его отказа отречься отъ своихъ убѣжденій, судилище демоса, поддавшись минутному капризу своего народовластія, осуждаетъ его на смерть и отправляетъ въ тюрьму. Сократъ, появившись въ темницѣ, своимъ пребываніемъ снялъ позоръ съ этого мѣста заключенія, которое, пока онъ въ немъ оставался, не могло быть тюрьмою. Критонъ подкупилъ тюремщика, но Сократъ не пожелалъ оттуда выйти вѣроломнымъ путемъ... «Какія бы выгодныя послѣдствія изъ этого ни вытекали, все же ничему не должно быть отдаваемо предпочтеніе передъ справедливостью. Это звучитъ въ моихъ ушахъ словно трубный звукъ и барабанный бой, заглушая для меня все, къ чему вы меня уговариваете». Слава этой темницы, слава разговоровъ, которые въ ней велись, и выпитой въ ней чаши съ ядомъ составляетъ одну самыхъ драгоцѣнныхъ страницъ во всемірной исторіи.

Рѣдкое совпаденіе въ безобразномъ тѣлѣ шута и мученика, остраго уличнаго и площаднаго спорщика и дивнѣйшаго святого, какого только знала исторія того времени; произвела на душу Платона, столь воспріимчивую къ этимъ контрастамъ, глубочайшее впечатлѣніе; и фигура Сократа необходимо должна была занять у него центральное мѣсто на авансценѣ, въ качествѣ самаго подходящаго выразителя и распредѣлителя духовныхъ сокровищъ, которыя Платонъ имѣлъ повѣдать. Это было рѣдкое счастіе, что этотъ Эзопъ толпы и этотъ ученый въ мантіи должны были встрѣтиться для того, чтобы своими взаимными дарованіями другъ друга обезсмертить. Удивительный синтезъ въ характерѣ Сократа прикрылъ и дополнилъ собою двойственность, лежавшую въ духовной природѣ Платона. Благодаря этому, онъ, кромѣ того, могъ непосредственно и безъ всякаго завистливаго чувства пользоваться остроуміемъ и авторитетомъ Сократа, которымъ онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ очень обязанъ; эти же качества Сократа въ свою очередь чрезвычайно выигрываютъ, благодаря художественному совершенству Платона.

Остается еще сказать, что замѣчаемый у Платона изъянъ въ его мощи, въ его власти надъ умами является неизбѣжнымъ результатомъ его основныхъ качествъ. Преслѣдуемыя имъ цѣли слишкомъ умственны, духовны; потому и его способъ выраженія носитъ черезчуръ ученый отпечатокъ. Возносясь на небо, опускаясь въ преисподнюю, излагая законы государства, страсть любви, угрызенія преступной совѣсти, надежды покидающей сей міръ души, онъ всегда остается книжникомъ и ничѣмъ другимъ. Единственный почти вычетъ, который можно сдѣлать изъ заслугъ Платона—тотъ, что его писанія не обладаютъ, несомнѣнно благодаря преобладанію въ его творчествѣ умственнаго элемента, тѣмъ жизненнымъ авторитетомъ, какимъ обладаютъ вопіющіе призывы пророковъ и проповѣди необразованныхъ арабовъ и евреевъ. Въ его твореніяхъ чувствуются всегда раздѣляющія читателей отъ автора пространства; а для непрырывности связи и пониманія необходимо всегда непосредственное соприкосновеніе.

Я не знаю, что̀ можно возразить на эти критическія замѣчанія, кромѣ того, что здѣсь мы стоимъ передъ непреложнымъ фактомъ въ природѣ вещей; дубъ не есть померанцевое дерево. Свойства сахара остаются въ сахарѣ, а свойства соли—въ соли.

Второй изъянъ у него это—отсутствіе системы. Самые вѣрные ученики его и защитники ошибаются, утверждая противное. Онъ сдѣлалъ попытку построенія теоріи вселенной, но его теорія незакончена, равно какъ неочевидна сама собою: одному кажется, что

онъ ею думаетъ одно, другому—другое; въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ одну вещь, въ другомъ мѣстѣ какъ разъ обратную. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ или упустилъ сдѣлать переходъ отъ міра идей къ міру матеріальному. Передъ нами міръ, здоровый, какъ орѣхъ, совершенный, безъ малѣйшаго слѣда хаоса, нигдѣ ни нетельки, ни кончика, ни малѣйшаго признака спѣшки, либо заплаты, либо задней мысли; теорія же этого міра представляетъ собою лишь мозаику изъ клочковъ и обрѣзковъ.

И самая длинная волна быстро теряется въ морѣ. Платонъ охотно желалъ создать платонизмъ, какъ сознательное и точное выраженіе міра; точнѣйшее отраженіе послѣдняго. Оно должно было быть міромъ, прошедшимъ черезъ призму Платонова духа—не меньше. Всякій атомъ долженъ носить Платоническую окраску; всякій атомъ, всякое отношеніе или качество, знакомое тебѣ раньше, ты долженъ здѣсь снова узнать и найти, но только упорядоченнымъ;—не природу, а искусство. И ты увидишь, что Александръ дѣйствительно совершилъ нашествіе людьми и конями на нѣкоторыя страны нашей планеты; но страны и вещи, изъ которыхъ созданы страны, элементы, сама планета, законы планеты и людей прошли черезъ этого человѣка, словно хлѣбъ въ его тѣло, и стали уже не хлѣбомъ, а его собственною плотью и кровью, и такимъ путемъ весь этотъ гигантскій кусокъ превратился въ Платона. Онъ наложилъ печать своего авторскаго и издательскаго права на міръ. Въ этомъ и заключается честолюбіе индивидуализма. Но кусокъ вышелъ черезчуръ исполинскимъ. Гигантскій змій Boa constrictor, даромъ что желаетъ проглотить тотъ исполинскій кусъ; оно ему не удается. Въ этой попыткѣ всѣ усилія его разбиваются, и, кусая, онъ давится: укушенный міръ держитъ крѣпко кусающаго змія за зубы. Такъ змій и погибаетъ, а непобѣдимая природа продолжаетъ жить и предаетъ его забвенію. Такъ оно бываетъ со всѣми, такъ оно должно было случиться и съ Платономъ. Передъ лицомъ вѣчной природы, Платонъ своими твореніями представляется лишь рядомъ философскихъ опытовъ и упражненій. Онъ приводитъ доводы то въ пользу того, то въ пользу другого. Самый острый нѣмецкій мыслитель, самый вѣрный ученикъ греческаго философа не въ состояніи былъ бы сказать, что такое платонизмъ; и въ самомъ дѣлѣ, удивительныя цитаты могутъ быть заимствованы у него въ подтвержденіе взаимопротивоположныхъ воззрѣній по каждому великому вопросу.

Все это мы должны высказать, если мы хотимъ оцѣнить усилія Платона, или любого философа, по своему усмотрѣнію распоряжаться тайнами природы, не поддающейся ничьему распоряженію. Никакая сила генія еще не достигла хотя бы малѣйшаго успѣха въ стремленіи объяснить существованіе. Оно остается абсолютной загадкой. Но приписывать такое честолюбіе Платону было бы несправедливостью. Мы не желаемъ дать ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, что мы легкомысленно обращаемся съ этимъ досточтимымъ именемъ. Люди, соотвѣтственно ихъ умственной силѣ, признавали за нимъ право на выходящее изъ ряда вонъ величіе. Путь, которымъ можно основательно узнать и оцѣнить его, заключается въ сравненіи его не съ природой, а съ другими людьми. Сколько прошло ужъ вѣковъ, а онъ остается недосягаемымъ! Капитальнѣйшее зданіе человѣческаго духа, въ родѣ Карнака, или же средне-вѣковыхъ соборовъ, или Этрусскихъ развалинъ, постигнуть, для этого необходима вся ширь человѣческихъ способностей. Я полагаю, что правильнѣе всего на него смотришь, когда взираешь на него съ величайшимъ благоговѣніемъ. Его сокровенный смыслъ становится все глубже, его заслуги умножаются, по мѣрѣ того, какъ его изучаешь. Когда мы говоримъ: въ немъ рѣдкая коллекція фабулъ; или когда мы хвалимъ его стиль, либо здравый смыслъ, либо его ариѳметическое искусство, мы говоримъ, какъ школьники, а между тѣмъ, добрая часть нашей нетерпѣливой критики его діалектики, сдается мнѣ, не лучше такихъ отзывовъ.

Такая критика похожа на нетерпѣніе, которое мы испытываемъ въ отношеніи пробѣгаемыхъ миль, когда мы совершаемъ спѣшный путь; все же самое лучшее остается то, что миля заключаетъ въ себѣ не больше тысячи семисотъ шестидесяти ярдовъ. Великое око Платона умѣло распредѣлить свѣтъ и тѣнь соотвѣтственно генію нашей жизни.

ПЛАТОНЪ.

(ЧТЕНІЕ ЕГО ВЪ НОВЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ).

Пользуясь случаемъ выхода въ свѣтъ среди изданій «Serial Library» мистера Bohn'a превосходныхъ переводовъ Платона, обнародованіе которыхъ является въ нашихъ глазахъ однимъ изъ крупнѣйшихъ благодѣяній, оказанныхъ когда-либо дешевой печатью, мы позволимъ себѣ бѣгло набросать еще нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ о высотѣ и положеніи, занимаемомъ этимъ недосягаемымъ свѣтиломъ, этой неподвижной звѣздой, или же, по примѣру журналовъ, дадимъ къ предшествующему очерку нѣчто въ родѣ приложенія, содержащаго Новѣйшія данныя о Платонѣ.

Современная наука, благодаря своимъ широкимъ обобщеніямъ, сумѣла вознаградить того, кто изучаетъ человѣка и находитъ въ немъ столько индивидуальныхъ дефектовъ, прослѣдила и обнаружила ростъ и прогрессивное развитіе въ цѣлыхъ расахъ; въ силу же одного освѣщенія ею обширнаго основанія, человѣческаго прогресса, она вызываетъ въ насъ чувство удовлетворенія и свѣтлой надежды. Существо человѣка имѣетъ за собою формы существованія, въ видѣ допотопныхъ ящеровъ (завровъ) и растеній. Его искусство и науки, дѣтища и свободный продуктъ его мозговой дѣятельности, являются во всемъ своемъ величіи, если смотрѣть на нихъ, какъ на далекую перспективу, открывающуюся съ точки зрѣнія того, что̀ собою представляютъ мозгъ вола, крокодила и рыбы. Кажется, какъ будто природа, глядя на геологическую ночь, темнѣющую за ея спиной, нисколько не осталась недовольной достигнутыми ею результатами, когда въ теченіе пяти или шести тысячелѣтій она произвела пять или шесть такихъ людей, какъ Гомеръ, Фидій, Мену и Колумбъ. Эти экземпляры удостовѣрили превосходныя качества дерева. Они представляли собою несомнѣнное улучшеніе и прогрессъ отъ трилобита и завра, а также надежный залогъ дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія. У этой художницы-природы время и пространство не играютъ никакой роли, и она совершенно равнодушна къ тому, что ее попрекаютъ въ изводящихъ, безконечно длящихся приготовленіяхъ. Она спокойно ждала прошествія палеонтологическихъ періодовъ, пока не долженъ былъ пробить часъ появленія человѣка. Затѣмъ снова должны были пройти цѣлые періоды, прежде чѣмъ человѣкъ могъ догадаться о томъ, что земля движется; и опять цѣлые періоды, прежде чѣмъ онъ сумѣлъ составить схему инстинктовъ и силъ душевныхъ, которыя могутъ быть развиваемы. Но подобно преемственности расъ, фатальна и прекрасна преемственность и отдѣльныхъ людей. Платону же выпало на долю счастіе отмѣтить собою въ исторіи человѣчества эпоху.

Слава Платона покоится не на какомъ-либо необыкновенномъ силлогизмѣ, или же какихъ-нибудь мастерскихъ образцахъ Сократовой аргументаціи, или иномъ какомъ-либо тезисѣ, въ родѣ, напримѣръ, безсмертія души. Онъ больше, чѣмъ свѣдущій человѣкъ, чѣмъ діалектикъ, или геометръ или пророкъ особой миссіи. Онъ представляетъ собою привилегію интеллекта, или, другими словами, способность каждый фактъ возводить послѣдовательно отъ одной ступени къ другой и такимъ образомъ раскрывать въ каждомъ фактѣ зародышъ распространенія, поступательнаго роста. Этотъ поступательный ростъ, разростаніе вещей кроется въ самой сущности мысли. Естествоиспытатель никакими открытіями своими относительно протяженія вселенной никогда не былъ бы въ состояніи привести насъ къ постиженію явленій этого роста: онъ одинаково въ этомъ отношеніи убогъ и немощенъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ занимается составленіемъ каталога выдѣляющихся звѣздъ изъ туманныхъ пятенъ Ріона, такъ и въ томъ случаѣ, когда онъ измѣряетъ углы какого-нибудь земельнаго участка. Но Республика Платона, въ силу этого начала разростанія, можно сказать, обусловливаетъ собою, а потому и предвосхищаетъ астрономію Лапласа. Разростанія происходятъ органически. Духъ не создаетъ

того, что онъ воспринимаетъ, подобно тому какъ глазъ не создаетъ видимой имъ розы. Приписывая Платону заслугу возвѣщенія теоріи разростанія, мы говоримъ лишь: это былъ болѣе совершенный человѣкъ, умѣвшій прилагать къ природѣ всю скалу (лѣстницу) чувствъ, пониманія и разума. Эти явленія разростанія или расширенія духовной стороны человѣческой личности состоятъ въ продолженіи духовнаго зрѣнія за черту, гдѣ горизонтъ ограничиваетъ наше физическое зрѣніе, и въ раскрытіи помощью этого второго зрѣнія законовъ, отъ которыхъ идутъ безконечные лучи во всѣхъ направленіяхъ. Всюду и вездѣ онъ стоитъ на стезѣ, не имѣющей конца, но бѣгующей безпрерывно вокругъ всей вселенной. Поэтому каждое его слово пріобрѣтаетъ значеніе показателя, экспонента природы. На что только онъ ни бросаетъ взоръ, все раскрываетъ передъ нимъ свой второй, болѣе глубокій смыслъ и дальнѣйшіе сокровенные смыслы. Стоитъ только вспомнить: какъ онъ постигаетъ происхожденіе контрастовъ (противоположностей) другъ отъ друга, рожденіе смерти изъ жизни и жизни изъ смерти—законъ, въ силу котораго въ природѣ разложеніе является началомъ новообразованія, а гніеніе и холера лишь признаками новаго процесса творенія; какъ онъ различаетъ малое въ большомъ и большое въ маломъ, изучая природу государства на отдѣльномъ гражданинѣ и гражданина въ государствѣ, и давая въ концѣ концовъ основаніе предполагать, не вывелъ ли онъ въ своей Республикѣ аллегорію на воспитаніе индивидуальной души; стоитъ вспомнить его чудныя, полныя красоты опредѣленія идей, времени, формы, образа, линіи, подчасъ выраженныя довольно гипотетически, какъ, напримѣръ, его опредѣленіе добродѣтели, храбрости, справедливости, воздержанности; его слабость къ притчамъ и иносказаніямъ и самыя притчи, которыя онъ приводитъ: пещера Трофонія; кольца Гигеса (Gyges); возничій и двѣ лошади; золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный темпераменты; Θевтъ (Theuth) и Θамъ (Thamos), а также видѣнія Гадеса и богинь судьбы, — басни, врѣзавшіяся въ память человѣчества, подобно знакамъ Зодіака; его солнцеподобное око и благоподобная (boniform) душа; его ученіе объ ассимиляціи; его ученіе о воспоминаніи, его ясный взглядъ и созерцаніе законовъ возвращенія или реакціи, обезпечивающихъ немедленное возстановленіе справедливости во всей вселенной; приводимые и иллюстрируемые имъ всюду, особливо же въ ученіи о томъ, что «все, отъ Бога къ намъ идущее, идетъ отъ насъ обратно къ Богу», и въ вѣрѣ Сократа въ то, что земные законы не что иное, какъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови, братья небесныхъ.

Болѣе поразительные примѣры представляютъ собою его моральные выводы. Платонъ утверждаетъ, что знаніе и добродѣтель между собою совпадаютъ, тождественны, ибо порокъ никогда не можетъ познать самого себя и добродѣтель, тогда какъ добродѣтель познаетъ самоё себя и порокъ. Глазъ удостовѣряетъ, что добродѣтель есть самое лучшее до тѣхъ поръ, пока она является полезной; Платонъ утверждаетъ, что она вообще и абсолютно полезна: что польза ея внутренняя, безусловная, хотя бы праведникъ и скрывалъ свою праведность отъ боговъ и людей; что лучше сносить, чѣмъ причинять несправедливость; что грѣшникъ долженъ жаждать искупительной кары; что ложь болѣе вредоносна, чѣмъ смертоубійство,—и что невѣжество или невольная ложь является бо̀льшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ невольное смертоубійство; что душа лишается истинныхъ мнѣній противъ своей воли, и что никакой человѣкъ не грѣшитъ добровольно; что порядокъ или процессъ природы идетъ отъ духа къ тѣлу и что въ то время, какъ здоровое тѣло само по себѣ не въ состояніи оздоровить больной духъ, здоровая душа, благодаря присущей ей внутренней силѣ, можетъ привести тѣло въ возможно лучшее состояніе. Люди, умственно развитые, имѣютъ преимущественное право надъ невѣжественными, а именно, право обучать ихъ. Надлежащее наказаніе для того, кто выходитъ изъ общаго тона и созвучія, заключается въ томъ, чтобы заставить его играть въ тонѣ; штрафъ, который хорошему человѣку приходится платить за отказъ править другими, заключается въ необходимости подчиниться правленію болѣе плохого человѣка; что стражи правителя не должны прикасаться ни къ золоту, ни къ серебру, но должны научиться и познать, что въ ихъ душахъ кроется золото и серебро, могущее заставить людей охотно давать имъ все, въ чемъ только они ни нуждаются.

Это второе зрѣніе даетъ объясненіе тому значенію, которое онъ придаетъ геометріи. Онъ ясно видѣлъ, что земной шаръ не болѣе

закономѣренъ и подчиненъ точному порядку, чѣмъ сверхчувственный міръ; что въ послѣднемъ должна господствовать небесная геометрія, точно такъ же, какъ въ нашемъ мірѣ, на землѣ царитъ логика линій и угловъ; что міръ вдоль и поперекъ математически устроенъ; отношенія кислорода, азота и извести постоянны; что подобно тому, какъ существуетъ опредѣленная масса воды, и шифра, и магнезіи, такъ и отношенія моральныхъ элементовъ между собою постоянны и неизмѣнчивы.

Этотъ старѣйшій Гёте, не выносившій никакого лоска, ни фальши, находилъ усладу и упоеніе въ томъ, чтобы открывать реальное дѣйствительное, лежащее въ основѣ случайнаго, преходящаго,—въ раскрытіи всюду связи, непрерывности и представительства или символизма, ненавидя всякое одиночество, обособленность; онъ является, подобно богу богатства среди хижинъ бродягъ, открывая во всякой вещи, которой онъ коснется, незамѣтную до того силу и способность. Наука этики была совершенно новой и неразработанной, когда Платонъ могъ написать слѣдующее: «Изъ тѣхъ авторовъ, разсужденія которыхъ дошли до людей нашего времени, еще ни одинъ не выразилъ когда-либо осужденія несправедливости, и не восхвалялъ справедливости, руководствуясь иными какими-либо соображеніями, чѣмъ извѣстностью, почестями и происходящими отсюда преимуществами; а между тѣмъ, что̀ касается той и другой самихъ по себѣ, по скольку онѣ своею собственной силою живутъ въ душѣ ихъ обладателя, составляя тайну, какъ для боговъ, такъ и для людей, — то никто еще достаточно не изслѣдовалъ ни въ поэзіи, ни въ прозаическихъ произведеніяхъ,—отчего именно несправедливость представляетъ собою величайшее изъ всѣхъ золъ, носимыхъ душою, а справедливость — величайшее благо».

Его опредѣленіе идей, какъ того, что̀ просто, постоянно, единообразно и самосуществующе,—опредѣленіе, которымъ онъ разъ навсегда разграничилъ ихъ отъ разсудочныхъ понятій, отмѣчаетъ собою эру во всемірной исторіи. Онъ былъ рожденъ для созерцанія развивающейся изъ самой себя силы духа, безконечной, безпрестанно создающей новыя конечныя цѣли;—силы, которая даетъ намъ одновременно ключъ къ объясненію центральности, какъ и вѣчнаго исчезанія вещей. Платонъ самъ представляетъ собою такую центральную натуру, что онъ можетъ отлично обойтись безъ всѣхъ своихъ догмъ. Такъ, уже одинъ фактъ существованія знанія и идей открываетъ для него фактъ вѣчности, а ученіе о воспоминаніи онъ предлагаетъ въ качествѣ самаго правдоподобнаго частнаго объясненія этого факта. Пусть все это кажется фантастичнымъ,—это не важно: связь между нашимъ знаніемъ и бездною бытія тѣмъ не менѣе остается дѣйствительной, и объясненіе ея должно представляться не менѣе величественнымъ.

Онъ указалъ на всякій выдающійся пунктъ въ спекулятивномъ мышленіи. Онъ начертилъ скалу самого духа, такъ что всѣ вещи въ его таблицѣ являются симметричными. Онъ неутомимо помѣщалъ въ ней все прошедшее и входилъ въ малѣйшія детали съ мужествомъ, подобнымъ тому, существованіе котораго онъ усматривалъ въ самой природѣ. Можно было бы сказать, что каждый изъ его предшественниковъ нанесъ на географическую карту духа участокъ или округъ или же островъ, но что Платонъ первый нарисовалъ весь шаръ земной. Онъ дѣлаетъ душу домашнею среди природы: человѣкъ у него является микрокозмомъ. Всѣ круги видимой небесной сферы представляютъ соотвѣтственные круги въ разумной душѣ. Нигдѣ нѣтъ мѣста частицѣ, неподчиненной законамъ, и въ дѣятельности человѣческаго духа нѣтъ ничего случайнаго. Имена вещей являются также роковыми, соотвѣтствуя природѣ вещей. Всѣ боги Пантеона своими именами означаютъ глубокій смыслъ. Боги суть идеи. Панъ есть рѣчь или откровеніе; Сатурнъ—созерцательное начало; Юпитеръ—царственная душа и Марсъ—страсть. Венера означаетъ симметрію, Калліопа—міровую душу, Аглая—духовное освѣщеніе.

Эти мысли искрами свѣта часто озаряли благочестивыя и поэтическія души; но сей высокообразованный, всезнающій греческій геометръ является, приказываетъ и, своего рода Эвклидъ святости, группируетъ ихъ всѣхъ по разрядамъ и степенямъ, сочетая между собою бракомъ обѣ части природы. Раньше всѣхъ другихъ людей, онъ постигъ духовныя цѣнности нравственныхъ чувствъ. Онъ изобрѣтаетъ свой собственный идеалъ, когда рисуетъ въ Тимеѣ бога, приводящаго вещи отъ безпорядка въ порядокъ. Онъ зажегъ огонь въ самомъ центрѣ вселенной на

столько точно, что мы видимъ всю міровую сферу освѣщенной и въ состояніи различать на ней полюсы, экваторъ и градусы широты, каждую дугу и узелъ: теорію, столь основательно размѣренную, столь модулированную, что можно было бы подумать, что волны столѣтій пронеслись черезъ это ритмическое зданіе, но ужъ никакъ не то, что она явилась продуктомъ скороспѣлой экспромтамазни недолговѣчнаго писаки. Отсюда произошло то, что особенно ярко выдѣляющійся классъ умовъ, тѣхъ именно, что находятъ отраду и удовлетвореніе въ томъ, чтобы каждой истинѣ давать этико-интеллектуальное выраженіе указаніемъ на по-ту-сторонюю законно ей присущую и изъ нея вытекающую цѣль, обозначаются именемъ платониковъ или платонизирующихъ философовъ. Въ этомъ смыслѣ платонианцемъ является Микель-Анджело въ своихъ сонетахъ; Шекспиръ представляется платоникомъ, когда пишетъ:

«Природа средствомъ никакимъ не исправляется,
Котораго она не создаетъ» [1]).

или же:

«Кто въ состояніи вѣрность сохранить
И слѣдовать за падшимъ господиномъ,
Тотъ полонитъ приведшаго послѣдняго къ паденью
И слѣдъ въ исторіи замѣтный оставляетъ» [2]).

Гамлетъ представляетъ собою чистаго платоника, и лишь величіе собственнаго генія Шекспира не позволяетъ причислить его къ классу наиболѣе выдающихся послѣдователей этой школы. Сведенборгъ во всякой строкѣ своей прозаической поэмы о «Супружеской Любви» являетъ себя платоникомъ.

Удивительная точность его ума завоевала ему симпатіи и поклоненіе всѣхъ людей мысли. Секретъ его популярнаго успѣха заключается въ его моральномъ направленіи, сдѣлавшемъ его дорогимъ для человѣчества. «Интеллектъ», сказалъ онъ, —«царь неба и земли»; но у Платона интеллектъ всегда отождествленъ съ нравственнымъ началомъ. Его писанія обладаютъ къ тому вѣчною юностью поэзіи, ибо содержащіяся въ нихъ разсужденія въ большинствѣ случаевъ могли бы быть выражены въ формѣ сонетовъ: поэзія нигдѣ выше не парила, чѣмъ въ Тимеѣ и Федрѣ. Подобно поэту, и онъ только сезерцательный умъ. Онъ не надламывалъ себя, подобно Пиѳагору, созданіемъ какого-либо учрежденія. Всѣ картины, которыя онъ рисуетъ въ Республикѣ, необходимо понимать въ миѳическомъ смыслѣ, который онъ имъ придалъ, съ цѣлью выразить, подчасъ яркими, сгущенными красками, свою мысль. Создавать институты и учреждать невозможно безъ риска впасть въ шарлатанство.

Величественной идеей рисовалась ему его схема абсолютнаго первенства, долженствующаго быть предоставленнымъ лучшимъ людямъ (чтобы придать ему особое удареніе, онъ его выразилъ въ общности женъ), въ видѣ премін, которой, онъ хотѣлъ бы, чтобы величіе награждалось. Изъятія изъ общаго правила должны быть двухъ родовъ: во-первыхъ, тѣ, кто своей негодностью и виною не заслуживаютъ охраны со стороны человѣческаго общежитія,—люди, стоящіе внѣ закона; во-вторыхъ, тѣ, кто недосягаемымъ превосходствомъ своей природной организаціи и своихъ заслугъ стоятъ выше всѣхъ человѣческихъ наградъ. Такіе да будутъ свободны отъ гнета гражданственности, про нихъ законы не писаны. Такихъ мы довѣряемъ имъ самимъ; пусть они поступаютъ съ нами, какъ имъ угодно. Пусть никто не дерзнетъ мѣрить своимъ деревенскимъ аршиномъ и критиковать неправильности, допускаемыя какимъ-либо Микель Анджело и Сократомъ.

Въ восьмой книгѣ своей Республики онъ бросаетъ намъ немного математической пыли въ глаза. Мнѣ грустно видѣть, какъ, послѣ столь благородныхъ превосходствъ, онъ готовъ признать ложь позволительной для правящихъ классовъ. Платонъ хочетъ здѣсь играть немного по отношенію къ низшему классу роль Провидѣнія, подобно тому, какъ люди позволяютъ себѣ это по отношенію къ своимъ собакамъ и кошкамъ.

---

[1]) «Зимняя сказка», дѣйствіе 4-ое, сцена 3-ья, слова Поликсена:

«Yet nature is made better by no mean
But nature makes that mean».

Переводч.

[2]) «Антоній и Клеопатра», дѣйствіе 3-ье, сцена 10-ая, слова Энобарба:

«Yet ha that can endure
To follow with allegiance a fallen lord
Does conquer him that did his master conquer,
And earns aplace in the story»

Переводч.

III.

СВЕДЕНБОРГЪ ИЛИ МИСТИКЪ.

Среди выдающихся личностей тѣ, кто человѣчеству всего дороже, не принадлежатъ къ классу людей, которыхъ экономисты называютъ производительными: у нихъ нѣтъ ничего въ рукахъ; они никогда не взращивали зерна, не пекли хлѣба; они не основывали колоній, не изобрѣли ткацкаго станка. Высшее мѣсто во мнѣніи и любви хлопотливаго, города строющаго, на рынки стекающагося человѣческаго племени занимаютъ поэты, которые, съ высоты своего духовнаго царства, питаютъ мысль и воображеніе идеями и картинами, приподымающими людей надъ міромъ пшеницы и денегъ и облегчающими имъ, среди житейской сутолоки и дѣловыхъ отношеній, тягости повседневныхъ невзгодъ, мелочей и трудовъ. Послѣ поэта свою особую цѣну имѣетъ философъ, который наслаждаетъ умъ работящаго человѣка тонкостями, развивающими въ немъ новыя способности. Другіе пусть строятъ себѣ города; философъ призванъ постигать ихъ сокровенную природу и поддерживать въ нихъ благоговѣйный страхъ. Но существуетъ еще одинъ классъ людей, которые направляютъ насъ въ другую область, въ міръ нравственныхъ вопросовъ или воли. Что составляетъ особенность этой области, это—предъявляемыя ею требованія. Гдѣ только ни появляется правовое чувство, оно беретъ перевѣсъ и занимаетъ преимущественное положеніе передъ всякой другой вещью. Что касается другихъ вещей, то я изъ нихъ создаю поэзію; но нравственное чувство дѣлаетъ меня самого объектомъ поэзіи.

Я иногда думалъ, что величайшую услугу современной критикѣ могъ бы тотъ оказать, кто сумѣлъ бы провести линію родства и соотношенія, существующаго между Шекспиромъ и Сведенборгомъ. Человѣческій духъ всегда пребываетъ въ какомъ-то недоумѣніи, требуя съ одной стороны удовлетворенія запросовъ ума, съ другой—чувства, стремясь и къ интеллектуальной мощи и къ святости, неудовлетворенный обладаніемъ одной безъ другой. Примиритель этихъ запросовъ духа между собою еще не появился. Когда мы устаемъ отъ святыхъ, Шекспиръ оказывается для насъ надежнымъ убѣжищемъ и пріютомъ. Но все же инстинкты неотступно учатъ насъ тому, что проблемѣ о сущности и смыслѣ бытія должно быть отведено первенствующее мѣсто передъ всѣми другими проблемами; вопросы: откуда? что? и куда? и ихъ разрѣшеніе должны имѣть мѣсто въ жизни, а не въ книгѣ. Драматическое произведеніе или поэма является лишь ближайшимъ и косвеннымъ отвѣтомъ на эти вопросы; но Моисей, Мену, Іисусъ работаютъ непосредственно надъ ихъ разрѣшеніемъ. Атмосфера моральнаго чувства является областью величія, въ которой всякое матеріальное великолѣпіе представляется бездѣлицей, но въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ передъ послѣднимъ горемыкой, обладающимъ разумомъ, открываются врата вселенной. Она чуть ли не съ бѣшеной поспѣшностію овладѣваетъ человѣкомъ и налагаетъ на него печать своего могучаго вліянія. Въ Коранѣ Богъ сказалъ: «небо и земля и все, что находится между ними, думаете ли вы, что оно создано нами въ шутку, и что вы къ намъ не вернетесь?» Эта атмосфера представляетъ собою царство воли и, вдохновляя волю, являющуюся выраженіемъ личности, она словно олицетворяетъ вселенную, словно превращаетъ ее въ личность:

«Всѣ царства бытія склоняются ни передъ кѣмъ другимъ,
Не только всѣ они—твои, но всѣ являются Тобой однимъ [1])».

Всѣ люди подчинены вліянію святого. Коранъ выдѣляетъ въ особый классъ тѣхъ, которые отъ природы добры, и доброта которыхъ оказываетъ вліяніе на другихъ, каковой классъ людей онъ объявляетъ вѣнцомъ и цѣлью творенія; что же касается другихъ, то они лишь допущенная къ пиру бытія свита и челядь названнаго класса.

---

[1]) «The realms of being to no other bow,
Non only all are thine, but all are Thou».

А персидскій поэтъ обращаетъ къ душѣ такого рода восклицаніе:

«Смѣлѣй впередъ иди и пируй на пиръ существованія:
Ты призвана, — другіе же съ тобою рядомъ лишь терпимы» [1]).

Привилегіей этого класса людей является открытый доступъ къ тайнамъ и сокровенному строю природы, открываемый имъ методомъ, стоящимъ выше опыта. То, что̀ обыкновенный человѣкъ, какъ принято говорить, узнаетъ путемъ опыта, человѣкъ необыкновенныхъ умственныхъ способностей предугадываетъ безъ всякаго опыта. Арабы разсказываютъ, что мистикъ Абулъ Хаинъ и философъ Абу Али Сина вели однажды между собою разсужденія, и при разставаніи философъ сказалъ: «все, что̀ онъ видитъ, я знаю»; а мистикъ въ свою очередь сказалъ: «все, что̀ онъ знаетъ, я вижу». Если бы кто-либо сталъ допытываться основанія такой интуитивной способности, то удовлетвореніе этой пытливости ввело бы насъ въ область того свойства, которое Платонъ обозначилъ словомъ «Воспоминаніе», и которое является однимъ изъ предметовъ ученія браминовъ о переселеніи душъ. Такъ какъ, согласно этому ученію, душа не разъ появлялась на свѣтъ, или, какъ говорятъ индусы, «проходила по тропѣ существованія сквозь тысячи актовъ рожденія» и видѣла вещи, которыя существуютъ здѣсь на землѣ, равно какъ тѣ, что̀ на небѣ, и тѣ, что̀ въ преисподней, то нѣтъ ничего такого, о чемъ бы она не пріобрѣла познанія; а потому ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что она способна вспоминать въ отношеніи любой вещи то, что̀ она раньше знала». «Ибо, разъ всѣ вещи въ природѣ находятся въ связи и соотношеніи, а душа раньше знала все, то ничто не мѣшаетъ тому, чтобы человѣкъ, вызвавшій въ душѣ или, какъ принято выражаться, познавшій одну только вещь, могъ изъ себя же воскрешать все свое прежнее знаніе и открывать все недостающее, если только у него на то хватаетъ мужества, и онъ не ослабѣваетъ среди своихъ изысканій. Ибо изслѣдованіе и изученіе не что иное, какъ воспоминаніе». На сколько же это болѣе возможно въ томъ случаѣ, когда изслѣдователь оказывается святою и богоподобною душою! Ибо, ассимилируясь съ основною, первоначальной душою, благодаря которой и послѣ которой всѣ вещи существуютъ, душа человѣка уже легко вливается во всѣ вещи, и всѣ вещи вливаются въ нее: онѣ сливаются другъ съ другомъ, и, въ результатѣ, такой человѣкъ является чувствующимъ и посвященнымъ въ строй и законы вещей.

Этотъ путь труденъ, таинственъ и усѣянъ ужасомъ. Древніе называли его экстазомъ или отсутствіемъ, отлучкой, — покиданіемъ или оставленіемъ своего тѣла, для того, чтобы погрузиться въ волны мышленія. Исторія всѣхъ религій содержитъ слѣды восторженнаго изступленія святыхъ, — блаженства, лишеннаго, однако, всякаго признака радости, серіознаго, одинокаго, даже печальнаго; «бѣгство одинокаго въ одиночество», назвалъ его Плотинъ; Μύησις, закрываніе глазъ,—откуда наше слово мистикъ. Очарованныя состоянія Сократа, Плотина, Порфирія, Бэмена, Бюніана, Фокса, Паскаля, Гюйона, Сведенборга тотчасъ же при этомъ словѣ намъ приходятъ на умъ. Но что̀ также легко при этомъ вспоминается, это—сопровождающая подобныя душевныя состоянія болѣзненность. Это блаженство приходитъ, сопровождаемое чувствомъ ужаса и потрясая душу того, кто его испытываетъ.

«Оно переполняетъ бренный сосудъ изъ праха» [1]).

И сводитъ человѣка съ ума; или даетъ ему извѣстное насильственное направленіе, мутящее его сужденіе. Въ наиболѣе выдающихся примѣрахъ религіознаго озаренія, къ сказанному состоянію примѣшивалось нѣчто болѣзненное, не смотря на происходившее при этомъ несомнѣнное возростаніе умственной силы. Неужели высшее благо должно сопровождаться свойствомъ, которое его нейтрализуетъ и дискредитируетъ?—

«И впрямь, оно беретъ
Отъ нашихъ совершенствъ, достигшихъ высшей точки,
Весь сокъ и сердцевину нашихъ качествъ» [2]).

---

[1]) «Go boldly forth, and feast on being's banquet;
Thou art the called,—the rest admitted with thee».

[1]) «It o'erinforms the tenement of clay».
Слова изъ поэмы Драйдена «Absalom and Achitophel».
Переводч.

[2]) Indeed, it takes
From our achievements, when performed at height,
The pith and marrow of our attribute».
Изъ Шекспира: Гамлетъ, 2-е дѣйствіе, 4-ая сцена, слова Гамлета. Переводч.

Должны ли мы сказать, что бережливо-разсчетливая мать расходуетъ опредѣленную мѣру и вѣсъ земли и огня на сотвореніе человѣка и къ отмѣренному ею не прибавитъ ни единаго золотника, хотя бы отъ этого гибла цѣлая нація, изнывая по необходимомъ ей вождѣ? Того ради, люди Божьей милости и покупали свое знаніе цѣною глупости или страданія, которымъ имъ приходилось отдавать дань. Если хочешь имѣть чистый углеродъ, карбункулъ, или алмазъ, чтобы мозгъ съ ихъ помощью просвѣчивалъ, мирись съ тѣмъ, что туловище и другіе органы должны при этомъ оказаться тѣмъ грубѣе: вмѣсто фарфора, они изъ горшечной земли, глины, или ила.

Въ новыя времена не встрѣчается ни одного столь замѣчательнаго примѣра обращеннаго въ самого себя духа, какой являетъ намъ Эммануэль Сведенборгъ, родившійся въ Стокгольмѣ въ 1688 году. Этотъ человѣкъ, который своимъ современникамъ представлялся ясновидцемъ и элексиромъ изъ лучей мѣсяца, внѣ всякаго сомнѣнія, велъ столь же реальную жизнь, какъ и любой человѣкъ его времени; и теперь, когда разныя королевскія и герцогскія особы, въ лицѣ Фридриховъ, Христіановъ и Брауншвейговъ той эпохи, канули въ рѣку забвенія, его вліяніе начинаетъ распространяться въ умахъ тысячъ людей. Какъ это бываетъ у великихъ людей, онъ, благодаря разносторонности и калибру своихъ умственныхъ способностей, казался сочетаніемъ многихъ лицъ, напоминая собою гигантскіе плоды, которые культивируются въ садахъ путемъ соединенной прививки четырехъ или пяти различныхъ сѣмянъ. Рамки его существа сдѣланы по болѣе значительному масштабу и обладаютъ всѣми преимуществами крупной величины. Подобно тому, какъ отраженіе великой сферы въ большихъ глобусахъ, хотя бы и обезображенныхъ какой-нибудь трещиной или изъяномъ, легче видѣть, чѣмъ въ каплѣ воды, такъ и люди крупнаго калибра, хотя бы и одержимые какой-нибудь эксцентричностью или умономраченіемъ, подобно Паскалю или Ньютону, приносятъ намъ больше пользы, чѣмъ уравновѣшенные посредственные умы.

Его юность и воспитаніе необходимо должны были оказаться необычайными. Такой мальчикъ, какъ онъ, не могъ предаваться разнымъ забавамъ, свистать или плясать; онъ копается въ рудникахъ и шахтахъ, жадно изучаетъ химію и оптику, физіологію, математику и астрономію, для того, чтобы найти работу для своего подвижного и разносторонняго ума, соотвѣтствующую его силѣ и воспріимчивости. Онъ уже съ дѣтства былъ ученымъ и получилъ образованіе въ Упсалѣ. Въ возрастѣ двадцати восьми лѣтъ онъ былъ назначенъ Карломъ XII асессоромъ горнаго департамента. Въ 1716 году онъ оставилъ свою родину на четыре года и побывалъ въ университетахъ Англіи, Голландіи, Франціи и Германіи. Онъ выполнилъ замѣчательную задачу инженернаго искусства въ 1718 году, при осадѣ Фредериксгольда, переправивъ по сухопутью, для надобностей королевской службы, на разстояніи около четырнадцати англійскихъ миль, двѣ галеры, пять лодокъ и одинъ корветъ. Въ 1721 году онъ путешествовалъ по Европѣ съ цѣлью изученія рудниковъ и плавильныхъ заводовъ. Онъ опубликовалъ въ 1716 году свой Daedalus Hyperboreus, и съ этого времени въ продолженіе слѣдующихъ тридцати лѣтъ работалъ надъ составленіемъ и обнародованіемъ своихъ научныхъ трудовъ. Съ неменьшимъ рвеніемъ и энергіей онъ отдался богословскимъ занятіямъ. Въ 1743 года, когда ему было пятьдесятъ четыре года, началось его такъ-называемое свѣтоозареніе или просвѣтлѣніе. Вся его металлургическая ученость и искусство перенесенія кораблей было поглощено этимъ экстазомъ. Онъ пересталъ печатать какія-либо новыя книги научнаго содержанія, удалился отъ своей практической дѣятельности и всецѣло занялся составленіемъ и обнародованіемъ своихъ обширныхъ богословскихъ трудовъ, которые печатались на его собственныя средства или на средства герцога Брауншвейгскаго и другихъ высочайшихъ особъ, въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Лондонѣ или Амстердамѣ. Позднѣе онъ сложилъ съ себя также и обязанности горнаго асессора; впрочемъ, жалованье, присвоенное этой должности, продолжало ему выдаваться до конца жизни. Обязанности службы привели его къ близкому знакомству и интимнымъ отношеніямъ съ королемъ Карломъ XII, который его чрезвычайно уважалъ и пользовался его совѣтами. Такое же благоволеніе продолжалъ ему оказывать и преемникъ названнаго короля. На сеймѣ 1751 года, говоритъ графъ Хоркенъ (Horken), самые солидные доклады по фи-

нансовымъ дѣламъ принадлежатъ перу Сведенборга. Въ Швеціи онъ, видимо, обратилъ на себя немалое вниманіе. Его рѣдкая ученость и практическая искусность и, въ добавленіе къ этому, слава объ его второмъ зрѣніи и необыкновенныхъ религіозныхъ познаніяхъ и способностяхъ привлекали къ нему государынь, знатныхъ людей, священниковъ, корабельщиковъ и людей всякаго званія въ портовыхъ городахъ, черезъ которые онъ обыкновенно проѣзжалъ въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ. Духовенство немного возставало противъ привоза и обнародованія его религіозныхъ сочиненій, но онъ, повидимому, пользовался всегда дружбою сильныхъ міра сего. Онъ никогда не былъ женатъ. Держался онъ съ удивительной скромностью и привѣтливостью. Его привычки были просты; онъ питался однимъ хлѣбомъ, молокомъ и растительной пищей; жилъ онъ въ домѣ, расположенномъ среди большого сада; онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Англію, гдѣ, повидимому, не обратилъ на себя никакого вниманія ученыхъ или выдающихся людей, и умеръ въ Лондонѣ 29-го марта 1772 года отъ апоплексическаго удара, на восемьдесятъ пятомъ году. Въ бытность свою въ Лондонѣ, онъ описывается, какъ человѣкъ спокойнаго нрава, напоминающій собою типъ священника, охотникъ до чая и кофе и большой другъ дѣтей. Онъ былъ при шпагѣ, когда надѣвалъ свой бархатный парадный костюмъ, и всегда, когда выходилъ, бралъ съ собой палку съ золотымъ набалдашникомъ. Существуетъ довольно обыкновенный портретъ его, на которомъ онъ изображенъ въ старинномъ плащѣ и парикѣ, но лицо его имѣетъ тамъ блуждающее или, скорѣе, безсодержательное выраженіе.

Геній, призваніемъ котораго было проникнуть въ знаніе своего вѣка и оплодотворить его несравненно тончайшимъ знаніемъ; перешагнуть границы пространства и времени, отважиться вступить въ туманное царство духа и сдѣлать попытку основать новую религію на свѣтѣ,—началъ свое ученіе въ каменоломняхъ и кузницахъ, у плавильнаго тигля и у горнила, на корабельныхъ верфяхъ и въ анатомическихъ театрахъ. Не найдется, пожалуй, такого человѣка, который бы одинъ былъ въ состояніи судить о достоинствахъ всѣхъ его трудовъ по столь многимъ предметамъ. Съ удовольствіемъ узнаешь, что его книги о рудникахъ и металлахъ чрезвычайно высоко цѣнятся людьми свѣдущими въ этихъ областяхъ. Кажется, что онъ предвосхитилъ много научныхъ завоеваній девятнадцатаго столѣтія: въ астрономіи—открытіе седьмой планеты,—и лишь, благодаря несчастной случайности, не анти-ципировалъ открытія также и восьмой планеты;—предвосхитилъ, далѣе, взгляды современной астрономіи на происхожденіе планетъ отъ солнца; въ области магнетизма—нѣкорые важные опыты и выводы позднѣйшихъ изслѣдователей; въ химіи—атомическую теорію; въ анатоміи—открытія Шлихтинга, Монро и Вильсона, и первый разъяснилъ функціи легкихъ. Его превосходный англійскій издатель съ удивительною деликатностью избѣгаетъ придавать особое значеніе его открытіямъ, зная, что Сведенборгъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы заботиться о славѣ оригинальности для своихъ открытій; и намъ остается по тому, безъ чего онъ можетъ обойтись, судить о томъ, что̀ неотъемлемо остается за нимъ.

Великанъ духа, возвышается онъ и господствуетъ широко вокругъ, надъ горизонтомъ своего времени и эпохи, непонятый ими, и требуетъ далекаго фокуснаго разстоянія, для того, чтобы его можно было видѣть во всей его величественности; подобно Аристотелю, Бэкону, Сельдену, Гумбольдту, онъ являетъ собою примѣръ того, что извѣстная безграничность знанія или квази-вездѣсущность индивидуальной человѣческой души въ природѣ возможна. Его возвышенныя, словно съ башни охватывающія, величавыя воззрѣнія на природу и искусства, ни на минуту не упускающія изъ виду тонкой ткани и безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, связующей вещи между собою, являются почти полнымъ осуществленіемъ картины первоначальной цѣльности человѣка въ его «Principia». Неизмѣримо выше заслугъ его единичныхъ открытій стоитъ самоуровновѣшенность его существа, величайшая изъ его заслугъ и достоинствъ. Капля воды обладаетъ свойствами моря, но явить зрѣлище моря она не можетъ. Есть красота въ цѣломъ концертѣ, какъ и красота въ игрѣ одной флейты; можно видѣть силу цѣлой рати, какъ и мощь единичнаго героя; а въ Сведенборгѣ, тѣ, кто лучше всего знакомы съ современной литературой, будутъ боль-

ше всего поражены и изумлены производимымъ имъ впечатлѣніемъ чего-то необъятнаго и несмѣтнаго. Являясь однимъ изъ исполиновъ и мастодонтовъ литературы, онъ такой, что его не измѣришь цѣлыми коллегіями и факультетами обыкновенныхъ ученыхъ. Его величавое появленіе взбудоражило бы и взволновало бы всѣ почтенныя мантіи и парики цѣлаго университета. Наши книги фальшивы, оттого что онѣ отрывочны; содержащіяся въ нихъ сентенціи представляютъ собою bonmots, а не части натуральной рѣчи: онѣ—дѣтскія выраженія удивленія или удовольствія, вызываемыхъ природой; или, что̀ еще хуже, онѣ обязаны своею кратковременной извѣстностью своей же развязности или же уклоненіемъ отъ естественнаго порядка вещей, представляя собою какіе-то куріозы или чудачества, умышленно разногласные съ природой и пренадмѣренно сочиненные съ цѣлью возбудить удивленіе, подобно тому, какъ это дѣлается фокусниками, скрывающими пускаемыя ими въ ходъ средства. Что̀ же касается Сведенборга, то онъ систематиченъ и въ каждомъ своемъ сужденіи считается съ міромъ и дѣйствительностью; всѣ средства, которыми онъ пользуется, приводятся методически и честно; его способности работаютъ съ астрономической точностью, и эта удивительная манера писать свободна отъ всякаго самомнѣнія и себялюбія.

Сведенборгъ родился въ атмосферѣ и для атмосферы великихъ идей. Трудно сказать, что̀ въ ней принадлежало ему самому; но жизнь его во всякомъ случаѣ украшали самыя возвышенныя картины вселенной. Могучій методъ Аристотеля съ его шириною и адэкватностью, пристыживающій нашу безплодную и прямолинейную логику своею геніальной лучезарностью, манипулирующій рядами и степенями, ведущій къ результатамъ и конечнымъ цѣлямъ, умѣющій различать силу или способность отъ формы, сущность отъ случайнаго свойства, и помощью своей терминологіи и опредѣленія открывающій широкіе пути къ тайнамъ природы, воспиталъ расу богатырей-философовъ. Гарвей объяснилъ механизмъ кровообращенія; Джильбертъ показалъ, что земля представляетъ собою магнитъ; Декартъ, подъ вліяніемъ ученія Джильберта о земномъ магнетизмѣ, круговоротахъ, спиралях и полярности, обогатилъ Европу тайною природы, открывшейся ему въ видѣ руководящей мысли о вихревомъ движеніи. Ньютонъ въ томъ самомъ году, когда родился Сведенборгъ, опубликовалъ свои «Principia» и установилъ законъ всемірнаго тяготѣнія. Мальпиги, идя по стопамъ возвышенныхъ теорій Гиппократа, Левкиппа и Люкреція, далъ особое потвержденіе ученію о томъ, что природа творитъ и дѣйствуетъ въ малѣйшей частицѣ: «tota in minimis existit natura». Несравненные анатомы Сваммердамъ, Левенгукъ, Уинслоу, Евстахій, Хейстеръ (Heister), Везалій, Бурхааве (Boerhaave) не оставили скальпелю и микроскопу ничего для дальнѣйшихъ открытій въ области анатоміи человѣка, какъ и сравнительной анатоміи. Современникъ послѣдняго Линней утверждалъ въ области своей прекрасной науки, что «Природа всегда себѣ вѣрна», и, наконецъ, высшее благородство научнаго метода, самое широкое примѣненіе основныхъ началъ было явлено Лейбницемъ и Христіаномъ Вольфомъ въ космологіи; тогда какъ Локкъ и Гроцій извлекли изъ этого метода аргументацію для своихъ нравственныхъ ученій. Что̀ же другого оставалось для генія самаго крупнаго калибра, какъ вступить на почву, подготовленную названными изслѣдователями, и провѣрить и объединить все, что̀ они открыли и установили? Въ твореніяхъ этихъ умовъ легко видѣть начала изысканій Сведенборга и возбужденіе тѣхъ проблемъ, которыя онъ себѣ поставилъ. Онъ обладалъ способностью воспринять и оживить это море мысли, наполнившее безчисленные томы. Но близость всѣхъ этихъ геніальныхъ изслѣдователей, изъ которыхъ тотъ или другой уже высказали всѣ его руководящія идеи, являетъ въ лицѣ Сведенборга новый примѣръ того, какъ трудно даже генію величайшей продуктивности проявить оригинальность и удержать за собою первенство рожденія и провозвѣщенія открытаго имъ закона природы.

Свои излюбленныя воззрѣнія онъ выразилъ въ ученіи о формахъ, въ ученіи о рядахъ (серіяхъ) и степеняхъ, ученіи о Наитіи, въ ученіи о Соотвѣтствіи. Обоснованіе имъ этихъ доктринъ заслуживаетъ того, чтобы ихъ изучали въ его книгахъ. Не всякій въ состояніи ихъ читать, но всякаго, кто это въ состояніи, онѣ сторицею вознаградятъ. Его богословскія сочиненія являются весьма цѣнными для освѣщенія этихъ трудовъ. Его произведенія могли бы составить достаточную библіотеку

для живущаго только среди своихъ книгъ неутомимаго ученаго-книжника, а «Экономія животнаго царства» — одна изъ тѣхъ книгъ, которыя выдержанными въ нихъ достоинствомъ и благородствомъ мышленія составляютъ гордость всего человѣчества. Недаромъ онъ изучалъ минералы и металлы. Его многосторонняя и солидная ученость озаряетъ его стиль свѣтящимися точками и расходящимися лучами мысли, уподобляя его одному изъ тѣхъ ландшафтовъ, какими можно любоваться зимнимъ утромъ, когда воздухъ сверкаетъ мелкими кристаллами. Грандіозность трактуемыхъ имъ предметовъ даетъ грандіозность его стилю. Онъ былъ созданъ для космологическихъ построеній, благодаря той врожденной у него способности воспринимать явленія тождества, въ силу которой размѣръ и величина не играли въ его глазахъ никакой роли. Въ атомѣ желѣзнаго магнита онъ видѣлъ свойства, способныя производить спиральныя движенія солнца и планетъ.

Мысли, въ сферѣ которыхъ онъ жилъ, составляли: универсальность всякаго закона природы; Платоново ученіе о лѣстницѣ степеней; обращеніе или превращеніе одного въ другое и соотвѣтствіе, благодаря этому, всѣхъ частей между собою; тонкій секретъ истины, что малое объясняетъ великое, а великое—малое; центральность человѣка въ природѣ и связь, существующая между всѣми вещами; онъ видѣлъ, что человѣческое тѣло въ полномъ смыслѣ этого слова представляетъ собою нѣчто универсальное, т. е. является орудіемъ, помощью котораго душа питаетъ и питается совокупностью всего матеріальнаго міра, такъ что, въ прямую противоположность скептикамъ, онъ считалъ, что «чѣмъ человѣкъ мудрѣе, тѣмъ больше онъ долженъ быть почитателемъ Божества». Словомъ, онъ вѣрилъ въ философію Тождества, праздно не пробавляясь ею, подобно умозрительнымъ мечтателямъ Берлина или Бостона, но экспериментируя въ ея области, обосновывая ее годами труда, въ который онъ вкладывалъ всю душу и мощь самаго неукротимаго викинга, какого только его суровая Швеція когда-либо высылала въ бой.

Только-что названное философское воззрѣніе ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ философовъ, а своимъ лучшимъ освѣщеніемъ, пожалуй, обязано новѣйшимъ изъ нихъ. Это—то воззрѣніе, по которому Природа повторяетъ свои средства безпрестанно по послѣдовательнымъ планамъ. Старый афоризмъ гласитъ: природа всегда самоподобна. Въ растеніи глазокъ или точка плодорожденія развивается въ листъ, потомъ въ другой листъ, одаренный способностью превращать листъ въ корешокъ, тычинку, пестикъ, лепестокъ, прицвѣтникъ, чашелистникъ или сѣмя. Все искусство, проявляемое растеніемъ есть и остается безконечное воспроизведеніе листа за листомъ, при чемъ форма, которую онъ долженъ принять, зависитъ отъ большаго или меньшаго количества теплоты, свѣта, влаги и питанія. Въ животномъ природа создаетъ позвонокъ или позвоночный столбъ и, для достиженія преслѣдуемыхъ ею цѣлей, то и дѣлаетъ, что̀ новый позвонокъ, обладающій ограниченною способностью видоизмѣнять свою форму, производя позвонокъ за позвонкомъ, до скончанія міра. Одинъ современный анатомъ поэтическаго пошиба учитъ, что змѣя, представляющая собою горизонтальную линію, и человѣкъ, изображающій собою вертикальную линію, образуютъ прямой уголъ, а между сторонами этого мистическаго квадранта всѣ одушевленныя существа находятъ свое мѣсто; онъ же видитъ въ червякѣ-волосатикѣ, гусеницѣ или же въ змѣѣ типъ или прообразъ спиннаго хребта. Въ концѣ спиннаго хребта Природа явственно образуетъ меньшія позвоночныя оси, въ видѣ верхней части рукъ, а въ концѣ послѣднихъ—новыя оси, въ видѣ ручныхъ кистей; тотъ же процессъ она повторяетъ на другомъ концѣ спиннаго хребта, образуя ножныя голени и ступни. На вершинѣ столба она помѣщаетъ другой позвонокъ, который удвоивается или, подобно гусеницѣ, свивается въ шаръ и образуетъ черепъ, отъ котораго въ свою очередь идутъ конечности, въ каковыхъ вмѣсто рукъ образуется верхняя челюсть, вмѣсто ногъ—нижняя, а коррелатами пальцевъ на рукахъ и ногахъ являются верхніе и нижніе зубы. Эта новая система позвонковъ предназначена для высокихъ цѣлей. Она представляетъ собою новаго человѣка на спинѣ прежняго. Она чуть ли не можетъ откинуть свое туловище и устроиться такъ, чтобы жить сама собою, согласно идеѣ, выраженной Платономъ въ Тимеѣ. Внутри ея, только по болѣе возвышенному плану, повторяется все, что̀ происходило въ ту-

ловищѣ. Природа еще разъ твердитъ свой урокъ, но уже въ болѣе высокомъ тонѣ. Душа есть болѣе нѣжное, если можно такъ выразиться, тончайшее тѣло и повторяетъ его функціи питанія, перевариванія пищи, поглощенія, выдѣленія и воспроизведенія — въ новой, эѳирной сферѣ. Здѣсь въ мозгу повторяется весь процессъ питанія въ дѣятельности воспринятія, сравненія, перевариванія и ассимилированія опыта. Здѣсь снова повторяется таинственный процессъ зарожденія. Въ мозгу есть мужскія и женскія способности; въ немъ происходитъ бракосочетаніе, въ немъ возникаетъ плодъ. И этой восходящей лѣстницѣ степеней нѣтъ предѣла, а рядъ выростаетъ на рядѣ. Всякая вещь, по наступленіи конца ея опредѣленному употребленію или назначенію, берется для слѣдующей цѣли, и всякій рядъ пунктуально воспроизводитъ каждый органъ и каждый процессъ своего предшественника. Мы предрасположены къ безконечности. Насъ трудно удовлетворить, и намъ все конечное не нравится; а въ природѣ нѣтъ конца, но всякая вещь къ концу одного ея назначенія подымается на уровень болѣе высокой цѣли, и восходъ этихъ вещей достигаетъ вершинъ демоническихъ и небесныхъ натуръ. Творческая сила, подобно музыкальному композитору, неустанно продолжаетъ повторять простую арію или тему, то въ высокомъ, то въ низкомъ тонѣ, въ видѣ соло-партіи, хора, повторяющуюся десятками тысячъ отголосковъ, пока она своимъ пѣснопѣніемъ не наполнитъ земли и неба.

Законъ тяготѣнія въ теоріи Ньютона прекрасенъ, но онъ оказывается еще величественнѣе въ химіи, гдѣ законы движенія массъ распространяютъ свое дѣйствіе и на частицы, а атомическая теорія показываетъ, что химическія реакціи являются тѣми же механическими дѣйствіями. Метафизика показываетъ намъ дѣйствіе своего рода закона тяготѣнія въ явленіяхъ умственнаго порядка; а страшныя цифровыя таблицы французскихъ статистиковъ сводятъ всякое проявленіе прихоти и игривую выходку въ свою очередь къ постояннымъ числовымъ отношеніямъ. Если среди двадцати или тридцати тысячъ людей оказывается одинъ человѣкъ, который ѣстъ башмаки или женится на своей бабушкѣ, то среди всякихъ другихъ двадцати или тридцати тысячъ человѣкъ найдется по одному человѣку, ѣдящему башмаки или женящемуся на своей бабушкѣ. То, что мы называемъ тяготѣніемъ и считаемъ послѣдней основой явленій, представляется лишь рукавомъ болѣе могучаго потока, для котораго мы еще не имѣемъ имени. Астрономія—вещь превосходная, но, чтобы быть вполнѣ цѣнной, она должна войти въ жизнь, а не пребывать лишь тамъ въ небесныхъ сферахъ и міровыхъ пространствахъ. Кровяной шарикъ вращается вокругъ своей оси въ жилахъ человѣческаго тѣла, какъ планета въ небесахъ; и круги интеллекта соотвѣтствуютъ кругамъ небеснымъ. Всякій законъ природы отличается подобною универсальностью: процессы питанія, сна или зимней спячки, вращенія, рожденія, метаморфозы, вихреваго движенія, одинаково наблюдаются въ жизни и образованіи, какъ яйца, такъ и планеты. Эти великіе ритмы, или возвращенія въ природѣ—дорогой, давно знакомый ликъ, который, являясь передъ нами на каждомъ поворотѣ подъ новой маской, заставляетъ насъ пугливо отскочить назадъ, дотого онъ для насъ неожиданъ и подъ нею намъ кажется совершенно чужимъ, незнакомымъ лицомъ, и который въ напоминаемомъ имъ подобіи достигаетъ божественныхъ формъ, — восхищали пророческое око Сведенборга; и его необходимо признать вождемъ въ томъ переворотѣ, который, давъ наукѣ идейное содержаніе, въ то же время далъ безцѣльному накопленію опытовъ путеводную нить и форму и живое, бьющееся сердце.

Не безъ сожалѣнія сознаю я, что его напечатанные труды составляютъ приблизительно пятьдесятъ внушительныхъ томовъ, изъ коихъ около половины образуютъ его чисто научные труды; но кажется, что масса его рукописей, до сихъ поръ не обнародованныхъ, еще осталась въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ. Научные труды его теперь только переведены на англійскій языкъ и вышли въ свѣтъ въ превосходномъ изданіи.

Сведенборгъ напечаталъ эти научныя книги въ продолженіе десяти лѣтъ между 1734 и 1744 годами, и съ того времени онѣ оставались незамѣченными; и теперь, по прошествіи болѣе столѣтія со времени ихъ выхода въ свѣтъ, онъ нашелъ себѣ, наконецъ, ученика въ лицѣ мистера Уилькинсона въ Лондонѣ, философскаго критика, обладающаго одинаковою силою ума и воображенія,

съ которою можетъ сравниться лишь духовная мощь лорда Бэкона; этотъ послѣдователь и воскресилъ и вывелъ на Божій свѣтъ зарытыя книги своего учителя, переведя ихъ, къ вящшей ихъ доступности и преимуществамъ, съ забытой латыни по-англійски, чтобы онѣ могли ходить кругомъ по свѣту на этомъ всемірно-торговомъ и всѣ страны завоевывающемъ языкѣ. Такое, послѣ вѣковой безвѣстности, поразительное появленіе его вновь на свѣтъ, въ лицѣ своего ученика, представляетъ собою не менѣе замѣчательный фактъ въ исторіи Сведенборга. Благодаря щедрому и великодушному матеріальному содѣйствію, какъ говорятъ, нѣкоего мистера Клиссольда, а также литературному таланту переводчика, этотъ долгъ поэтической справедливости исполненъ. Удивительныя введенія и вступительныя статьи, которыми мистеръ Уилькинсонъ обогатилъ эти томы, оставляютъ въ совершенной тѣни всю современную философію Англіи и дѣлаютъ совершенно излишними всякія съ моей стороны дополненія и разъясненія ихъ основныхъ положеній.

«Животное Царство» представляетъ собою книгу удивительныхъ достоинствъ. Она была написана съ самымъ высокимъ намѣреніемъ: возстановить между наукой и душою, долгое время разрозненными между собою, согласіе и единство. Она явилась отчетомъ анатома о человѣческомъ тѣлѣ, написаннымъ въ самомъ высокомъ поэтическомъ стилѣ. По смѣлому и блестящему трактованію предмета, обыкновенно представляющагося столь сухимъ и непривлекательнымъ, эту книгу едва-ли превзойдетъ какое-либо другое сочиненіе. Онъ видѣлъ, какъ Природа «вьющеюся гирляндой проходитъ черезъ вѣчную спираль на колесахъ и осяхъ, никогда не сохнущихъ и не скрипящихъ», и подчасъ онъ пытался «проникнуть въ тѣ потаенные уголки, въ которыхъ Природа творитъ и куетъ на міровомъ огнѣ въ глубинѣ своей лабораторіи»; въ то же время картина, которую онъ рисуетъ, является во всей жизненной правдѣ, благодаря строгой точности, съ какою она основывается на данныхъ практической анатоміи. Замѣчательно, что этотъ возвышенный геній высказывается рѣшительно въ пользу аналитическаго метода предпочтительно передъ синтетическимъ, а въ книгѣ, геніальность которой выражается въ смѣломъ поэтическомъ синтезѣ, претендуетъ на то, что онъ ограничивается лишь предѣлами строгаго опыта.

Онъ постигаетъ, какъ никто другой, вѣчное движеніе, текучесть природы и глубокую мудрость, которая лежитъ въ словахъ, сказанныхъ давнымъ давно Амазисомъ въ отвѣтъ тому, кто предложилъ ему выпить море до дна: «Охотно, если ты остановишь рѣки, которыя въ него впадаютъ». Немного найдется людей, которые бы такъ хорошо знали природу и ея неуловимые пути, или же съ большею тонкостью, чѣмъ онъ, изображали ея ходы. Онъ считалъ, что природа имѣетъ такія же права на нашу вѣру въ нее, какія имѣютъ чудеса. «Онъ отмѣтилъ, что въ ходѣ ея развитія, начиная отъ основныхъ началъ, черезъ всѣ послѣдующія фазы и стадіи, не было такого состоянія, черезъ которое она бы не проходила такъ, какъ если бы путь ея лежалъ черезъ всѣ вещи». «Ибо всякій разъ, какъ она воспріемлетъ изъ сферы видимыхъ явленій, или, другими словами, уходитъ внутрь самой себя, она словно моментально исчезаетъ, такъ что никто не знаетъ, что̀ изъ нея стало, или куда она дѣлась, и оказывается необходимымъ прибѣгнуть къ помощи науки, въ качествѣ руководительницы, чтобы прослѣдить ея сокровенные пути».

То, что онъ ведетъ изслѣдованіе при свѣтѣ конечной цѣли или послѣдней причины, придаетъ всему сочиненію удивительную одушевленность, своего рода отпечатокъ личности. Эта книга возвѣщаетъ излюбленныя воззрѣнія ея автора. Древнее ученіе Гиппократа о мозгѣ, какъ о железѣ, и Левкиппа о томъ, что о природѣ атома можно судить по массѣ, или же, какъ это значится у Платона, что макрокозмъ узнается въ микрокозмѣ, и въ стихахъ Люкреція что —

Ossa videlicet e pauxillis atque minutis
Ossibus sic et de pauxillis atque minutis
Visceribus viscus gigni, sanguemque creari
Sanguinis inter se multis coëuntibus guttis:
Ex aurique putat micis consistere posse
Aurum, et de terris terram concrescere parvis;
Ignibus ex igneis, humorem humoribus esse
Lib. I. 835.

«Кости изъ косточекъ малыхъ, равно какъ и органы тѣла
Всѣ состоятъ изъ органовъ многихъ и малыхъ,
Кровь, напримѣръ, изъ множества капелекъ слитыхъ,

И изъ блёсточекъ злато, земля жъ состоитъ изъ несмѣтныхъ
Малыхъ земель, огонь отъ частицъ происходитъ
Огненныхъ, влага отъ влажныхъ и жидкихъ частичекъ»;

ученіе, которое Мальпичи формулировалъ въ своемъ афоризмѣ: «Природа являетъ себя вполнѣ въ своихъ самыхъ ничтожныхъ частицахъ»—все это излюбленныя идеи Сведенборга. «Постоянный законъ органическаго тѣла состоитъ въ томъ, что крупныя, сложныя и видимыя формы существуютъ и поддерживаютъ свое существованіе малыми, простѣйшими и, наконецъ, невидимыми формами, функціонирующими подобно крупнымъ, только болѣе совершенно и универсально; и, именно, самыя малыя формы дѣйствуютъ такъ совершенно и универсально, что онѣ какъ бы содержатъ въ себѣ идею, представительницу ихъ всей вселенной». Единицы каждаго органа представляютъ собою столько-то малыхъ органовъ, однородныхъ съ составнымъ; единицы языка суть маленькіе языки,—желудка—маленькіе желудки, единицы сердца—маленькія сердца. Эта плодотворная идея даетъ ключъ ко всякой тайнѣ. Что̀ для глаза представляется слишкомъ малымъ, для того, чтобы онъ былъ въ состояніи его обнаружить, то узнается въ сложномъ, аггрегатномъ состояніи; что̀ слишкомъ крупно, узнается по составляющимъ его простѣйшимъ единицамъ. Этой мысли онъ даетъ безконечное примѣненіе. «Голодъ является аггрегатомъ очень многихъ маленькихъ голодовъ, или же потерей крови малыми венами, идущими по всему тѣлу». Эта мысль служитъ также ключемъ къ его теологіи. «Человѣкъ представляетъ собою родъ неба въ миніатюрѣ, соотвѣтствующаго міру духовъ и небу. Каждая отдѣльная идея человѣка, каждое душевное движеніе, да и каждая малѣйшая часть его душевнаго движенія являются его образомъ и подобіемъ. Духовную индивидуальность можно уже узнать по одной только мысли.

Смѣлость и основательность, съ какою онъ изслѣдовалъ природу, требовали также созданія теоріи формъ. «Формы восходятъ въ своемъ порядкѣ отъ самыхъ низкихъ до высочайшихъ. Низшая форма — угольная, или земная и тѣлесная. Вторая и слѣдующая высшая форма кругообразна, каковая называется также постоянно-угольная (или безконечно-угольная), ибо окружность круга представляетъ собою непрерывный уголъ. Слѣдующая за этою высшая форма есть спираль, родоначальница и мѣра всѣхъ кругообразныхъ формъ: ея діаметры не прямолинейны, но разнообразно круговидны и центромъ своимъ имѣютъ сферическую поверхность; поэтому она называется непрерывно или безконечно-кругообразной. Слѣдующая затѣмъ высшая форма вихревая, вихреподобная или же непрерывно-безконечно-спиральная; затѣмъ, слѣдующая — непрерывно или безконечно-вихревая, или небесная; и, наконецъ, послѣдняя, — безконечно-небесная, или духовная».

Можетъ ли казаться страннымъ, что столь смѣлый геній отважился сдѣлать и послѣдній шагъ, что онъ возмнилъ себя въ состояніи постичь науку всѣхъ наукъ, раскрыть смыслъ всего міра? Въ первомъ томѣ «Животнаго Царства» онъ затрогиваетъ этотъ предметъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ мѣстѣ:

«Въ нашей доктринѣ о Представительствахъ и Соотвѣтствіяхъ намъ придется имѣть дѣло, какъ съ этими символическими и типическими подобіями, такъ и съ изумительными вещами, встрѣчающимися, я не скажу, исключительно въ живомъ тѣлѣ, но вообще во всей природѣ, и дотого вполнѣ соотвѣтствующими высшимъ и духовнымъ вещамъ, что можно было бы поклясться въ томъ, что физическій міръ является ничѣмъ инымъ, какъ символомъ духовнаго міра, и при томъ въ такой степени, что, когда мы ищемъ выразить какую-нибудь естественную истину опредѣленными физическими, словесными обозначеніями и затѣмъ перевести ихъ на соотвѣтственные духовные термины, мы этимъ путемъ необходимо извлекаемъ духовную истину или теологическую догму вмѣсто физической истины или правила: хотя никто изъ смертныхъ не въ состояніи былъ бы предвидѣть, чтобы что-либо въ этомъ родѣ могло произойти отъ простого словеснаго переложенія, тѣмъ болѣе, что одно правило или положеніе, разсматриваемое отдѣльно отъ другого, оказывается не имѣющимъ абсолютно никакого къ сему послѣднему отношенія. Я имѣю въ виду ниже привести рядъ примѣровъ такихъ соотвѣтствій, рядомъ со словаремъ, содер-

жащимъ термины для обозначенія духовныхъ вещей, равно и физическихъ вещей, которыя онѣ предназначены замѣщать. Этимъ символизмомъ проникнуто насквозь живое тѣло».

Столь ясно установленный цитированными словами фактъ лежитъ въ основѣ всякой поэзіи, аллегоріи, басни, употребленія эмблемъ и структуры языка. Платону онъ былъ знакомъ, что̀ явствуетъ изъ приводимаго въ шестой книгѣ его «Республики» примѣра съ дважды пополамъ раздѣленной линіей. Лордъ Бэконъ находилъ, что между истиной и природой лишь то различіе, какое между печатью и оттискомъ, и, въ качествѣ примѣровъ, онъ приводитъ нѣкоторые физическіе тезисы съ переложеніемъ ихъ смысла въ область нравственныхъ или политическихъ явленій. Беменъ и всѣ вообще мистики кладутъ этотъ законъ въ основу своихъ туманныхъ, загадочныхъ писаній. Поэты, по скольку они являются поэтами, пользуются имъ; но знаютъ они его лишь такъ, какъ люди въ продолженіе столѣтій знали магнитъ, какъ игрушку. Сведенборгъ первый выдѣлилъ и установилъ этотъ фактъ, въ видѣ научнаго положенія, благодаря тому, что онъ обыкновенно былъ съ нимъ неразлученъ и не исчезъ изъ его взоровъ. Онъ былъ, какъ нами уже сказано, положенъ имъ въ основу ученія о тождествѣ и самоповтореніи, въ виду того, что ряды духовныхъ явленій бѣгутъ параллельно и совершенно соотвѣтствуютъ явленіямъ матеріальнаго порядка. Но для постиженія этого факта необходимъ былъ глубокій, проницательный взоръ, способный группировать вещи въ ихъ естественномъ порядкѣ и по натуральнымъ рядамъ ихъ связи и взаимоотношенія; или же, яснѣе говоря, для этого требовалась такая правильность точки зрѣнія или наблюдательной позиціи, при которой полюсы глаза могли совпадать съ осью міра. Земля питала человѣческій родъ въ продолженіе пяти или шести тысячелѣтій, и люди обладали науками, религіями, философіями и тѣмъ не менѣе не могли видѣть соотвѣтствія въ смыслѣ между всякой частью и всякой другой частью. И вплоть до настоящаго часа литература не обладаетъ ни единой книгой, въ которой бы символизмъ вещей былъ научно обработанъ и установленъ. Можно было бы сказать, что, какъ скоро люди получили бы первый намекъ на то, что всякій ощущаемый предметъ,—животное, скала, рѣка, воздухъ, мало того,—пространство и время, существуютъ не для самихъ себя и не для конечной матеріальной цѣли, а лишь въ качествѣ картиннаго языка, разсказывающаго совершенно иную исторію бытій и обязанностей, всякое другое знаніе было бы ими оставлено въ сторонѣ, и всѣ ихъ способности были бы поглощены одной наукой столь великаго предзнаменованія, что всякій человѣкъ сталъ бы вопрошать о всѣхъ предметахъ, каковъ ихъ смыслъ. Отчего горизонтъ держитъ меня, со всѣми моими радостями и печалями, твердо въ этомъ центрѣ? Отчего тотъ же смыслъ я слышу, отовсюду произносимый несмѣтнымъ количествомъ различныхъ голосовъ, и одинъ и тотъ же, никогда не выраженный вполнѣ фактъ я читаю на этомъ безконечномъ языкѣ картинъ?—Но, останутся ли эти вещи недоступными уму и познанію, или же рядъ вѣковъ выработаетъ столь рѣдкую и богатую душу, которая все это сумѣетъ постичь,—фактъ остается пока тотъ, что не найдется такой кометы, скалистаго слоя, ископаемаго, рыбы, четвероногаго, паука или папоротника, который бы самъ собой не интересовалъ больше ученыхъ и классификаторовъ, чѣмъ вопросъ о смыслѣ и конечной цѣли всего строя вещей.

Но Сведенборга не удовлетворяла утилитарная, такъ сказать, кулинарная сторона міра. Неотвязныя мысли о вышеуказанномъ предметѣ окончательно овладѣли имъ на пятьдесятъ четвертомъ году его жизни, и его глубокій умъ далъ плѣнить себя слишкомъ часто встрѣчающейся въ исторіи религій, опасною вѣрой въ себя, какъ необыкновенную личность, которой дана исключительная привилегія общенія съ ангелами и духами; а этотъ экстазъ совпалъ у него какъ разъ съ тою задачею, которую онъ взялъ на себя, пытаясь дать объясненіе нравственнаго смысла и значенія чувственнаго міра. Съ правильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ широкимъ и до мелочей точнымъ воззрѣніемъ на строй природы онъ сочеталъ пониманіе нравственныхъ законовъ въ ихъ широчайшихъ соціальныхъ аспектахъ и значеніяхъ; но что̀ бы онъ предъ собою ни видѣлъ, онъ, благодаря какому-то особому предрасположенію къ строгой опредѣленности формъ, свойственному его духовной организаціи, все это видѣлъ не отвлеченно, но въ образахъ и картинахъ,

слышалъ въ формѣ діалоговъ, представлялъ себѣ и конструировалъ въ видѣ конкретныхъ событій. Когда онъ стремился выразить какой-нибудь законъ наиболѣе простымъ, здравомысленнымъ способомъ, онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ облечь его въ форму притчи.

Современная психологія не представляетъ ни одного примѣра подобнаго нарушенія умственнаго равновѣсія. Главныя силы продолжали поддерживать свою дѣятельность, и для читателя, умѣющаго устранять и отдавать должное особенностямъ и странностямъ автора въ его трудѣ, результаты этой дѣятельности всегда останутся поучительными, являясь болѣе поразительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу вѣрности высокихъ законовъ, которые Сведенборгъ возвѣстилъ, чѣмъ все, что въ состояніи дать уровновѣшенная филистерская заурядность. Онъ дѣлаетъ попытку дать нѣкоторый отчетъ о modus'ѣ своего новаго состоянія, утверждая, что «его пребываніе въ мірѣ духовнаго сопровождается извѣстнымъ обособленіемъ или отлучкой его существа, но только въ томъ, что касается интеллектуальной, а не волевой части его духа»; и далѣе онъ утверждаетъ, что «онъ видитъ глазами внутренняго зрѣнія вещи, существующія въ другой жизни, съ бо́льшею ясностью, чѣмъ онъ видитъ вещи, которыя находятся здѣсь, на этомъ свѣтѣ».

Усвоивъ вѣру въ то, что извѣстныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта представляютъ собою совершеннѣйшія аллегоріи или написаны въ такъ называемомъ ангельскомъ и экстатическомъ духѣ, онъ посвятилъ остатокъ своей жизни распутыванію и извлеченію всеобщаго, универсальнаго смысла изъ буквальнаго. Онъ заимствовалъ у Платона тонкую фабулу о самомъ древнемъ народѣ, о людяхъ, лучшихъ, чѣмъ мы, пребывающихъ ближе къ богамъ; и къ ней Сведенборгъ присовокупилъ, что эти люди пользовались землею символически; что, смотря на земные предметы, они думали совсѣмъ не о нихъ, а о тѣхъ вещахъ, которыя эти предметы обозначали. Отсюда его и занималъ съ тѣхъ поръ вопросъ о соотвѣтствіи между мыслями и вещами. «Истинно органическая форма напоминаетъ собою конечную цѣль, которая на ней начертана». Человѣкъ представляетъ собою вообще и въ частности организованную справедливость или несправедливость, себялюбіе или благодарность. И основаніе этой гармоніи указано имъ въ его Arcana: «Причина представительной природы и представительнаго значенія всѣхъ вещей вообще и каждой въ отдѣльности, на небѣ и на землѣ, кроется въ томъ, что онѣ существуютъ вслѣдствіе наитія Господня, идущаго съ неба». Это предначертаніе раскрыть такія соотвѣтствія, адэкватное выполненіе коего составило бы міровую поэму, существенными частями которой являлись бы всемірная исторія и наука, было съ́ужено и въ конечномъ результатѣ потерпѣло крушеніе, вслѣдствіе исключительно богословскаго направленія, принятаго его изслѣдованіями. Его міросозерцаніе, его воззрѣніе на природу, не человѣческое и универсальное, а мистическое и еврейское (гебраическое). Каждый предметъ въ природѣ онъ пріурочиваетъ къ теологическому понятію: лошадь у него означаетъ плотское разумѣніе; дерево—умственное воспріятіе; луна—вѣру; кошка представляетъ такой-то смыслъ; страусъ—другой; артишокъ—третій,—и, такимъ образомъ, каждый символъ скудоумно пристегивается къ какому-нибудь церковному понятію. Такъ легко ускользающій Протей не дается въ руки. Въ природѣ каждый индивидуальный символъ исполняетъ безчисленныя роли, подобно тому, какъ всякая частица матеріи поочередно циркулируетъ черезъ всякую систему. Центральное тождество дастъ возможность любому символу выражать послѣдовательно всѣ качества и оттѣнки реальнаго бытія. Для передачи или переливанія водъ небесныхъ, всякій шлангъ можетъ быть приспособленъ ко всякой водокачкѣ. Природа быстро отмщаетъ за всякій сухой педантизмъ, имѣющій поползновеніе сковать ея волны. Она не буквоѣдка. Всякая вещь должна быть постигнута геніально, и намъ необходимо находиться на вершинѣ условій нашего человѣческаго состоянія, чтобы понимать всякую вещь правильно.

Такимъ образомъ, теологическое направленіе его мышленія роковымъ образомъ отразилось на объясненіи, которое онъ даетъ природѣ, вышедшемъ у него, вслѣдствіе этого, крайне узкимъ; что же касается указаннаго имъ словаря символовъ, то таковой еще ждетъ своего составителя. Но толкователь міра, пришествія котораго человѣчеству приходится еще дожидаться, не найдетъ себѣ ни одного предшественника, который такъ близко, какъ Сведенборгъ, подошелъ къ истинной проблемѣ.

Сведенборгъ именуетъ себя на заглавныхъ страницахъ своихъ книгъ «Рабомъ Господа Іисуса Христа»; и по силѣ своего интеллекта, какъ и на самомъ дѣлѣ, онъ является послѣднимъ отцомъ церкви, у котораго врядъ ли найдется преемникъ. Ничего поэтому удивительнаго нѣтъ въ томъ, что глубина его этической мудрости необходимо обезпечиваетъ за нимъ вліяніе, какъ учителя. Въ завядшую, чахлую традиціонную церковь, дающую одни сухіе катехизисы, онъ снова вдохнулъ природу, и молящійся, вырвавшись изъ ризницы словъ и текстовъ, находитъ, къ своему изумленію, что онъ входитъ частью въ общее зданіе его религіи; что послѣднее какъ бы за него работаетъ мыслію и допускаетъ примѣнять себя универсальнымъ образомъ; въ какую сторону ее ни повернуть, она годится для всякой области жизни, объясняетъ и освящаетъ всякое обстоятельство и житейскій случай. Вмѣсто обыденной религіи, являющейся къ религіозному человѣку, такъ сказать, съ дипломатическимъ, офиціальнымъ визитомъ три или четыре раза въ теченіе всей жизни—при рожденіи, бракосочетаніи, въ случаѣ болѣзни и въ часъ смерти, а затѣмъ ужъ никогда имъ не интересовавшейся и не имѣющей къ нему отношенія,—здѣсь онъ нашелъ ученіе, сопровождавшее его изо дня въ день, неразлучное съ нимъ даже во время сна и сновидѣній; проникающее въ его мышленіе и показывающее ему, отъ какого длиннаго ряда предковъ его мысли происходятъ; проникающее въ общество и показывающее, какимъ духовнымъ сродствомъ онъ связанъ со своими единомышленниками и противниками; проникающее въ область естественныхъ предметовъ и показывающее ихъ происхожденіе и значеніе, какіе изъ нихъ благопріятны, какіе прекрасны; ученіе, открывающее будущій міръ указаніемъ на непрерывность однихъ и тѣхъ же законовъ. Ученики Сведенборга утверждаютъ, что изученіе его книгъ изощряетъ и укрѣпляетъ ихъ умъ.

Нѣтъ для критики болѣе серіозной и трудной проблемы, чѣмъ его богословскія сочиненія; ихъ достоинства неотразимы, но въ то же время сколько серіозныхъ оговорокъ и возраженій противъ нихъ приходится дѣлать. Своею безграничной, сыпучей растянутостью они напоминаютъ прерію или пустыню, а встрѣчающіяся въ нихъ несообразности дѣлаютъ ихъ похожими на сильнѣйшіе припадки горячечнаго бреда. Въ своихъ объясненіяхъ онъ излишне многорѣчивъ и усерденъ, равно какъ о человѣческомъ невѣжествѣ онъ имѣетъ удивительно преувеличенное представленіе. Истины подобнаго рода люди очень быстро усвоиваютъ. Но у него встрѣчается такое обиліе утвержденій и тезисовъ, онъ открываетъ такое богатство вещей, знаніе которыхъ представляется для насъ чрезвычайно важнымъ. Его мысль покоится на существенныхъ подобіяхъ, въ родѣ такого, напримѣръ, соотношенія сходства, какое существуетъ между домомъ и человѣкомъ, его построившимъ. Онъ видѣлъ вещи въ ихъ закономѣрности, въ подобіи ихъ функціи, а не структуры. Въ его изложеніи истины есть неизмѣнный методъ и порядокъ, постоянно повторяющійся умственный процессъ, идущій отъ самаго сокровеннаго къ самому внѣшнему. Какая серіозность, какая продуманность! Его глазъ никогда не блуждаетъ; въ немъ не найдется ни малѣйшаго слѣда тщеславія, ни единаго намека на самодовольное обожаніе своего «я» въ какой бы то ни было формѣ обычной писательской гордости! Умъ чисто теоретическій или спекулятивный; но во всемъ свѣтѣ не найдется такого практическаго человѣка, который бы имѣлъ право смотрѣть на него свысока. Платонъ представляетъ собою человѣка въ облаченіи своего высокаго сана; его нарядъ, хотя изъ порфиры и чуть ли не сотканъ изъ эѳира небесъ, является академической тогой и своими крупными складками стѣсняетъ свободу его движеній. Но этотъ мистикъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйный страхъ и Цезарю; самъ Ликургъ снялъ бы передъ нимъ шляпу.

Глубокія, проникновенныя воззрѣнія Сведенборга въ области морали, раскрытіе и исправленіе имъ распространенныхъ заблужденій, возвѣщенные имъ этическіе законы—ставятъ его внѣ сравненія съ какимъ бы то ни было современнымъ писателемъ и даютъ ему право занять мѣсто среди законодателей человѣчества, остающееся незанятымъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Медленно достигнутое имъ, но властное вліяніе, подобно вліянію другихъ религіозныхъ геніевъ, должно также дойти до апогея и пройти свои періоды перемѣннаго роста и ослабленій, прежде чѣмъ оно уста-

новится на постоянномъ уровнѣ. Все реальное и универсальное, что̀ въ немъ есть, конечно, не можетъ оставаться въ замкнутомъ кругу его исключительныхъ поклонниковъ, а рано или поздно должно стать общимъ достояніемъ всѣхъ мудрыхъ и правильно мыслящихъ людей. Свѣтъ обладаетъ вѣрнымъ химическимъ методомъ, помощью котораго онъ изъ своихъ дѣтей извлекаетъ все, что̀ въ нихъ есть выдающагося и превосходнаго, и выбрасываетъ за бортъ всѣ слабыя стороны и изъяны—величайшихъ умовъ.

Метэмпсихоза, столь близкая древней миѳологіи грековъ, явленія которой сгруппированы у Овидія и въ индійскомъ ученіи о переселеніи душъ, гдѣ она является объективной, реально происходящей въ тѣлахъ подъ вліяніемъ посторонней воли,—въ душѣ Сведенборга принимаетъ болѣе философскій характеръ. У него она является субъективной, всецѣло зависящей отъ мысли даннаго лица. Всѣ вещи въ мірѣ складываются по отношенію къ каждому лицу иначе, новымъ образомъ, согласно господствующей въ немъ любви. Человѣкъ таковъ, каковы его влеченіе и мысль. Человѣкъ представляется человѣкомъ, въ силу хотѣнія, проявленія своей воли, а не въ силу знанія и пониманія. Каковъ онъ есть, такъ онъ и видитъ. Браки міра расторгаются. Сокровеннѣйшія стороны человѣческой души всѣ соединяются между собою въ духовномъ мірѣ. Все, на что̀ ни взирали ангелы, являлось для нихъ небеснымъ. Всякій сатана представляется самому себѣ человѣкомъ; въ глазахъ людей, столь же дурныхъ, какъ и онъ, сатана вполнѣ благообразный человѣкъ; въ глазахъ чистыхъ духомъ онъ—куча гнили и падали. Во всякой вещи самое могучее, непреоборимое—ея состояніе; всякая вещь тяготѣетъ; подобное влечетъ къ подобному; то, что̀ мы называемъ поэтическою справедливостью, осуществляется тутъ же, на мѣстѣ. Мы явились на свѣтъ, представляющій собою живую поэму. Всякая вещь есть, какъ я есмь. Птица и звѣрь не есть птица и звѣрь, но эманація и истеченія души и воли существующихъ въ данный моментъ людей. Всякій создаетъ себѣ свой собственный домъ и положеніе. Духи терзаются страхомъ смерти и не могутъ вспомнить, что они умерли. Тѣ, кто пребываютъ во злѣ и лжи, страшатся всѣхъ другихъ. Тѣ, которые сами лишили себя любви другихъ, слоняются по свѣту, не находя себѣ мѣста; общества, къ которымъ они приближаются, узнаютъ ихъ недостатки и гоняютъ ихъ отъ себя прочь. Скупые и жадные воображаютъ себя живущими въ кельяхъ, въ которыхъ хранится ихъ золото, кишащихъ мышами. Тѣ, кто заслугу видятъ въ добрыхъ дѣлахъ, представляются самимъ себѣ колющими дрова. «Я предлагалъ такимъ людямъ вопросъ, не чувствуютъ ли они усталости. Они мнѣ отвѣчали, что они еще недостаточно сдѣлали для того, чтобы заслужить небо».

Онъ даетъ намъ золотыя изреченія, выражающія съ рѣдкой красотою этическіе законы; таковы, напр., его знаменитыя сентенціи: «въ небесахъ ангелы постоянно приближаются къ веснѣ своей юности, такъ что старѣйшій изъ нихъ оказывается самымъ молодымъ ангеломъ»; «чѣмъ больше ангеловъ, тѣмъ больше пространства»; «совершенство человѣка заключается въ любви къ полезной дѣятельности»; «человѣкъ въ своей совершенной формѣ представляетъ собою небо»; «что отъ Него, есть Онъ Самъ»; «конечныя цѣли постоянно растутъ и возвышаются по мѣрѣ того, какъ первоначальная природа отодвигается и убываетъ». А его поистинѣ поэтическое изображеніе писанія въ святая святыхъ небесъ, которое, состоя изъ склоненій, соотвѣтствующихъ формѣ неба, легко читается безъ всякаго предварительнаго обученія! Свое притязаніе на обладаніе способностью сверхъестественнаго зрѣнія онъ, можно сказать, почти оправдываетъ тѣмъ удивительнымъ проникновеннымъ взоромъ, съ какимъ онъ читаетъ внутреннюю структуру человѣческаго тѣла и души. «На небѣ никому не дозволено стоять за другимъ и смотрѣть на его голову сзади, ибо тогда нарушается вліяніе, идущее отъ Господа». Ангелы, по звуку голоса, узнаютъ любовь человѣка; по артикуляціи звука—его мудрость, и по смыслу словъ—его знаніе.

Въ «Супружеской Любви» онъ развилъ научное ученіе о бракѣ. Объ этой книгѣ можно было бы сказать, что, не смотря на содержащіяся въ ней самыя высокія начала и элементы, она успѣха не имѣла. Она была близка къ тому, чтобы стать Гимномъ Любви, опытъ котораго сдѣланъ Платономъ въ его «Пиршествѣ»; любви, которую, говоритъ

Данте, Казелла воспѣвала среди сонма ангеловъ въ Раю; и которая, надлежаще прославляемая въ своемъ возникновеніи, наслажденіи и послѣдствіяхъ, несомнѣнно, могла бы наполнить собою и привести въ упоеніе всѣ души, такъ какъ должна была бъ дать объясненіе происхожденію всѣхъ учрежденій, обычаевъ и нравовъ. Эта книга оказалась бы великимъ твореніемъ, будь она свободна отъ гебраизма, и если бы трактуемый въ ней законъ былъ безъ всякой готики и околичностей установленъ, въ качествѣ этическаго закона, и ему былъ предоставленъ тотъ просторъ для дальнѣйшаго роста и развитія его понятія, который природа вещей требуетъ. Эта книга является очень тонкимъ платоническимъ развитіемъ ученія о бракѣ; ученіемъ о томъ, что бракъ представляетъ собою явленіе универсальное, а не частное или мѣстное; что мужскія свойства въ мужчинѣ окрашиваютъ всякій органъ, актъ и мысль; женственность же окрашиваетъ ихъ въ женщинѣ. Поэтому въ реальномъ, т.-е. духовномъ мірѣ брачный союзъ происходитъ не отдѣльными моментами, а безпрестанно и всецѣло; и нецѣломудріе является не мѣстной, а универсальной добродѣтелью; въ то время, какъ цѣломудріе настолько же проявляется въ торговлѣ, земледѣліи, въ говореніи или философствованіи, сколько и въ половой жизни; и что, хотя дѣвственницы, которыхъ онъ видѣлъ въ небесахъ, и являлись олицетвореніемъ красоты, жены были несравненно прекраснѣе, и красота ихъ безпрестанно росла и росла.

Но, по свойственной ему манерѣ, Сведенборгъ прикололъ свою теорію къ временной формѣ. Онъ преувеличиваетъ значеніе такого обстоятельства, какъ бракъ; и, хотя на землѣ онъ находитъ фальшивые, ненадлежащіе браки, онъ воображаетъ, что на небѣ при ихъ заключеніи происходитъ болѣе разумный выборъ. Но у душъ, находящихся въ состояніи прогрессивнаго развитія, всякая любовь и дружба носятъ характеръ моментальный, преходящій. Любишь ли ты меня?—означаетъ: видишь ли ты ту же самую истину, что̀ и я? Если ты видишь, мы оба счастливы однимъ и тѣмъ же счастіемъ; но сейчасъ одинъ изъ насъ приходитъ къ воспріятію новой истины; и мы уже въ разводѣ, и никакая силавъ природѣ не въ состояніи свести насъ вмѣстѣ и приковать другъ къ другу. Я знаю, какъ восхитительна эта чаша любви,—когда я существую для тебя, а ты для меня; но, въ сущности это не что иное, какъ привязанность и тяготѣніе ребенка къ своимъ игрушкамъ;—попытка увѣковѣчить домашній очагъ и брачную опочивальню,—сохранить азбуку съ картинками, помощью которой наши первые уроки, корень ученія, намъ подносились въ видѣ сладкаго. Эдемъ Божій пустыненъ и великъ; онъ походитъ на ландшафтъ, разстилающійся передъ нашимъ домомъ, о которомъ мы у вечерняго камина вспоминаемъ; онъ кажется холоднымъ и унылымъ, пока ты грѣешься у пышущихъ жаромъ углей, но какъ только ты снова очутился на свѣжемъ воздухѣ, достойными жалости тебѣ показываются тѣ, которые великолѣпіе природы мѣняютъ на свѣтъ свѣчей и игру въ карты. Можетъ быть, настоящимъ сюжетомъ «Супружеской Любви» является Общительность или духовное общеніе (разговоры между людьми), законы котораго тамъ глубокомысленно выводятся. Но неправильно и ложно было бы примѣнять это понятіе буквально къ браку. Ибо Богъ есть невѣста или женихъ души. Небо не есть сочетаніе двухъ, но единеніе всѣхъ душъ. Мы встрѣчаемся и мгновеніе остаемся подъ храмомъ одной мысли, и расходимся, словно мы и не разлучаемся, чтобы присоединиться къ другой мысли въ другомъ радостномъ союзѣ товарищества и дружбы. Такой союзъ далекъ отъ того, чтобы заключать въ себѣ что-либо божественное въ низменномъ и на элементъ обладанія указывающемъ смыслѣ. «Любишь ли ты меня?», лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ты оставляешь и теряешь меня, отдаваясь чувству или душевному состоянію, которое выше насъ обоихъ, я чувствую себя ставшимъ къ тебѣ ближе, рядомъ съ тобою; но что-то меня отталкиваетъ, когда ты не срываешь съ меня глазъ и требуешь моей любви. Въ духовномъ мірѣ мы, дѣйствительно, мѣняемъ ежеминутно свой полъ. Ты любишь цѣнное во мнѣ; въ такомъ случаѣ я твой мужъ; но это уже не я, а то, что̀ во мнѣ цѣнно, укрѣпляетъ твою любовь; а это цѣнное лишь капля въ океанѣ цѣнности, лежащей по ту сторону меня. Между тѣмъ, я обожаю болѣе великую цѣнность въ другомъ и, такимъ образомъ, становлюсь его женой.

Его, въ свою очередь, влечетъ къ еще болѣе высокой цѣнности, заложенной въ другой духовной индивидуальности, и вотъ самъ онъ является ея женою или же воспріемникомъ вліянія этой индивидуальности.

Вслѣдствіе ли привычки самоанализа и самоѣдства, въ которую онъ впалъ, или же благодаря усердію, съ какимъ онъ выступалъ противъ грѣховъ, которымъ подвержены люди мысли, онъ достигъ въ умѣніи распутывать и раскрывать эту особую форму нравственной болѣзни, такой остроты и силы, которымъ никакая совѣсть не могла противостоять. Я могу для примѣра сослаться на то, какъ тонко онъ чувствовалъ профанацію мышленія по отношенію къ тому, что хорошо и полезно «въ наукахъ». «Разсуждать о вѣрѣ все равно, что сомнѣваться и отрицать». Различіе между знаніемъ и дѣломъ онъ ощущалъ до болѣзненности, и эта болѣзненная чувствительность безпрестанно у него выражается. Потому философы и являются въ его глазахъ ехиднами, змѣями-василисками, аспидами, гемороидами, перунами и летучими змѣями; литераторы въ его глазахъ—колдуны и шарлатаны.

Но этотъ именно пунктъ наводитъ на печальное размышленіе о томъ, что здѣсь кроется причина его собственнаго страданія. Возможно, что Сведенборгу пришлось искупить имъ ненормальность своихъ обращенныхъ внутрь способностей. Успѣшность или счастливая геніальная организація зависитъ, кажется, отъ удачнаго приноровленія другъ къ другу сердца и мозга; отъ должнаго, рѣдко удающагося соотношенія нравственныхъ и умственныхъ силъ которое, кто его знаетъ, можетъ быть, подчинено тому же закону химическихъ отношеній, въ силу котораго химическое соединеніе необходимо обусловливается пропорціональностью массъ, какъ это мы видимъ напр. у газовъ, образующихъ между собою соединенія въ извѣстныхъ постоянныхъ пропорціяхъ, но отнюдь не въ какомъ угодно соотношеніи. Нелегкая вещь носить наполненную до краевъ чашу; а этотъ столь щедро сдаренный богатствами сердца и ума человѣкъ рано впалъ въ опасное разногласіе съ самимъ собою. Въ своемъ «Животномъ Царствѣ» онъ поразилъ насъ заявленіемъ о томъ, что ему любъ анализъ, а не синтезъ; а теперь, проживъ на свѣтѣ пятьдесятъ лѣтъ, онъ впадаетъ въ ревность и антагонизмъ къ своему интеллекту; и, хотя онъ сознавалъ, что, какъ истина, такъ и благо не есть нѣчто обособленное, для самого себя существующее, но и та и другая должны всегда сливаться и оплодотворять другъ друга, онъ начинаетъ воевать съ своимъ духомъ, выступаетъ противъ него, становясь на сторону совѣсти и, при всякомъ удобномъ случаѣ, чернитъ и хулитъ его. Но такая необузданность тутъ же отмщается. Красота теряетъ свою прелесть, любовь становится немилой, когда отрицается истина, т. е. половина неба, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда горечь приводитъ талантливаго человѣка къ сатирѣ и обезцѣниваетъ силу его сужденія. Онъ остается мудрымъ, но мудрымъ вопреки и на зло самому себѣ. Чувствуется мотивъ безконечнаго горя и жалобный тонъ проносится вдоль и поперекъ всей этой мрачной вселенной. На мѣстѣ пророка сидитъ вампиръ и устремляетъ свои унылые жадные взоры на картины и изображенія горя и страданія. И, дѣйствительно, птица съ такимъ усердіемъ не вьетъ себѣ гнѣзда, и кротъ не копается въ землѣ, съ какимъ этотъ душевидецъ выкапываетъ одинъ адъ подъ другимъ, одну преисподнюю за другою, одну ужаснѣе другой, вокругъ всякой группы грѣшниковъ. Онъ былъ спущенъ туда по столбу, который, казалось, сдѣланъ изъ мѣди, а въ дѣйствительности былъ составленъ изъ духовъ небесныхъ, для того, чтобы онъ невредимо снизошелъ къ злосчастнымъ и могъ удостовѣриться въ гибели душъ и слышать тамъ въ теченіе долгаго времени ихъ жалобы и рыданія; онъ видѣлъ ихъ мучителей, умножающихъ и усиливающихъ страданія до безконечности, онъ видѣлъ адъ плутовъ, адъ убійцъ, адъ любодѣевъ, адъ разбойниковъ, убивающихъ людей и варящихъ ихъ живыми въ котлахъ; онъ видѣлъ адскую камеру обманщиковъ, преисподнія для изверженій со всего ада; адъ мстителей, у которыхъ лица напоминали собою круглый, широкій пирогъ и руки вертѣлись колесомъ. За исключеніемъ Рабле и приходскаго декана Свифта, никто еще не обладалъ когда-либо такимъ знаніемъ человѣческой грязи и испорченности.

Такія книги слѣдуетъ читать осторожно. Опасно отливать въ неподвижныя статуи и закрѣплять эти мелькающіе призраки мысли. Будучи вѣрными въ состояніи своего прохожденія, мелканія, они, будучи закрѣплены, становятся ложными образами. Для понима-

нія и справедливой оцѣнки Сведенборга необходимо обладать чуть ли не геніемъ, равнымъ его собственному. Но, какъ только его видѣнія становятся предметомъ стереотипныхъ разговоровъ и фразъ на устахъ цѣлыхъ массъ лицъ всѣхъ возрастовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ умственнаго развитія и дарованія, они уже извращаются. У мудраго народа грековъ существовалъ обычай водить самыхъ даровитыхъ и дѣльныхъ юношей, съ цѣлью усовершенствованія и пополненія ихъ воспитанія, на представленія Элевзинскихъ мистерій, на которыхъ съ великой пышностью и постепенностью преподавались высшія истины, какія только были древней мудрости извѣстны. Пылкій и вдумчивый молодой человѣкъ можетъ въ восемнадцать или двадцать лѣтъ прочесть одинъ разъ эти книги Сведенборга, эти мистеріи любви и совѣсти, затѣмъ бросить ихъ въ сторону на всегда. Подобныя грёзы и видѣнія всегда навождаютъ генія, когда передъ нимъ раскрываются ады и небеса. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что такія картины носятъ мистическій характеръ, т. е. представляютъ собою чисто произвольное и случайное изображеніе истины,—но не истину саму. Всякій другой символъ на ихъ мѣстѣ былъ бы такъ же хорошъ; помня это, можно на нихъ безъ вреда для себя смотрѣть.

Сведенборговой системѣ міра недостаетъ центральной самопроизвольности или самодѣятельности (spontaneity); она динамическая, не жизненная и лишена силы производить жизнь. Въ ней нѣтъ ничего индивидуальнаго, никакой индивидуальности. Въ ней міръ представляется гигантскимъ кристалломъ, въ которомъ всѣ атомы и пластинки въ непрерывномъ порядкѣ и незыблемомъ единствѣ, но кристалломъ холоднымъ и неподвижнымъ. То, что кажется въ ней индивидуальностью и волей, на самомъ дѣлѣ далеко отъ всего этого. Черезъ нее проходитъ безконечная цѣпь промежуточныхъ звеньевъ, простираясь отъ центра къ крайнимъ периферіямъ, которая совершенно лишаетъ всякое дѣйствіе свободы и характерности. Вселенная, въ его поэмѣ, повержена въ магнетическій сонъ и отражаетъ лишь духъ усыпившаго ее магнетизера. Всякая мысль приходитъ во всякій умъ подъ вліяніемъ, исходящимъ изъ группы окружающихъ его духовъ, а эти послѣдніе она осѣняетъ подъ вліяніемъ, исходящимъ изъ болѣе высокаго круга духовъ, и такъ далѣе. Всѣ его типы означаютъ нѣсколько однихъ и тѣхъ же вещей. Всѣ его образы говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Всѣ его дѣйствующія лица сведенборгизируютъ. Будь они кѣмъ угодно, въ концѣ концовъ они должны принять его окраску. Этотъ Харонъ перевозитъ ихъ всѣхъ въ своей лодкѣ: королей, совѣтниковъ, кавалеровъ, докторовъ, сэра Исаака Ньютона, сэра Ганса Слона (Hans Sloune), короля Георга II, Магомета и кто бы тамъ ни былъ, и всѣ получаютъ одинъ и тотъ же мрачный колоритъ и стиль. Единственно, при появленіи Цицерона, нашъ любезный духовидецъ нѣсколько останавливается на сообщеніи, что онъ говорилъ съ Цицерономъ, и, съ оттѣнкомъ человѣческой уступчивости поясняетъ: «съ однимъ, который, мнѣ было дано основаніе думать, былъ Цицеронъ»; но стоитъ только этому soi disant римлянину раскрыть ротъ, какъ Римъ и краснорѣчіе исчезаютъ безслѣдно:—передъ вами тотъ же, старый богословствующій Сведенборгъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ его фигурахъ. Его небеса и преисподнія скучны, благодаря тому, что имъ чуждъ всякій индивидуализмъ. Тамъ нѣтъ тысячекратныхъ человѣческихъ отношеній. То, что дѣлаетъ въ мірѣ дѣйствительности интереснымъ каждаго человѣка: благодаря тому, что онъ бываетъ правъ своею неправдою и неправъ своею правдою, что онъ смотритъ свысока на всякое догматизированіе и классификацію (столько вѣдь допущеній и случайностей и будущихъ возможностей приходится принимать въ разсчетъ), благодаря тому, что онъ является сильнымъ, благодаря своимъ порокамъ, и часто парализованнымъ своими добродѣтелями;—все это теряется во всепоглощающей симпатіи, существующей между нимъ и его обществомъ. Этотъ недостатокъ даетъ себя чувствовать вплоть до центра всей системы. Хотя вліяніе «Господа» упоминается въ каждой строчкѣ поименно, оно никогда не получаетъ характера чего-то живого. Всякій блескъ отсутствуетъ въ глазу, который глядитъ изъ центра и который долженъ былъ бы оживить несмѣтные ряды связанныхъ взаимной зависимостью существъ.

Порокъ Сведенборгова духа заключается въ его теологической ограниченности. У него ничего нѣтъ, что бы носило печать свободы всеобщей, житейской мудрости; имѣя дѣло

съ нимъ, мы всегда находимся въ церкви. Та Еврейская муза, что̀ дала людямъ ученіе о томъ, что̀ такое право и неправо, оказала на него такое же чрезмѣрное вліяніе, какое она оказала на цѣлыя націи. Внѣшнее обличіе, какъ и внутренняя сущность были признаны одинаково священными. Палестина всегда представляетъ все бо̀льшую цѣнность, въ качествѣ главы всемірной исторіи, какъ она въ то же время является все менѣе полезнымъ элементомъ въ воспитаніи. Геній Сведенборга, величайшій среди всѣхъ современныхъ умовъ въ этой области мысли, растратилъ самого себя въ безплодныхъ усиліяхъ воскресить и сохранить то, что̀ уже достигло естественнаго предѣла, и что̀, по волѣ великаго Провидѣнія свѣта, начало сходить со сцены, уступая свое первенствующее мѣсто западнымъ способамъ мышленія и формамъ выраженія. Сведенборгъ и Бёменъ потерпѣли оба одинаковую неудачу, отдавшись всецѣло христіанской символикѣ, вмѣсто того, чтобы стать на почву нравственнаго чувства, носящаго въ себѣ безчисленные виды христіанства, человѣчности, божественности.

Чрезмѣрность указаннаго вліянія обнаруживается у него въ томъ, что онъ вноситъ несообразную массу чужеземной риторики. «На что̀ мнѣ», спрашиваетъ нетерпѣливый читатель, «эти яшма и сардоникъ, берилъ и халкедонъ; на что̀ мнѣ ковчеги и пасхальные агнцы, библейскіе эфаи и эфоды; какой интересъ представляютъ для меня прокаженные и геморойные, жертвоприношенія первенцовъ и опрѣсноки, огненныя колесницы, драконы въ коронахъ и съ рогами, бегемотъ и единорогъ? Все это представляетъ интересъ для восточныхъ людей, для меня это—ничто. Чѣмъ больше учености прилагаешь къ объясненію этихъ вещей, тѣмъ сильнѣе бьетъ въ глаза ихъ совершенная неумѣстность. Чѣмъ связнѣе и выработаннѣе система, тѣмъ менѣе она мнѣ симпатична. Я говорю вмѣстѣ со спартанцемъ: «Къ чему говоришь ты такъ много о томъ, что̀ никакого значенія для дѣла не имѣетъ?» Мое знаніе таково, какимъ Богъ мнѣ далъ его по моему рожденію и жизненному складу; оно мнѣ дается тѣмъ, чѣмъ восхищаются и что̀ изучаютъ мои глаза, а не глаза другихъ людей. Изъ всѣхъ нелѣпостей та, которую мнѣ предлагаетъ иностранецъ,—отказаться отъ своего родного способа выраженія и замѣнить таковой его риторикой, и пробавляться да забавляться разными пеликанами и страусами, вмѣсто родныхъ дроздовъ и зарянокъ, пальмами и деревьями шиттимъ, вмѣсто деревьевъ сассафраса и орѣшника,—мнѣ представляется величайшей и самой ненужной.

Локкъ сказалъ: «Богъ, создавая пророка, не упраздняетъ человѣка». Примѣръ Сведенборга является подтвержденіемъ вѣрности этого замѣчанія. Приходскіе споры въ шведской церкви между стронниками и противниками Лютера и Меланхтона, по вопросу объ «одной только вѣрѣ» и «однихъ только дѣлахъ» врываются въ область его умозрѣній объ экономіи вселенной и небесныхъ союзахъ и обществахъ. Сынъ лютеранскаго епископа, передъ которымъ раскрыты небеса, такъ что онъ видитъ глазами въ богатѣйшихъ символическихъ формахъ страшную истину вещей и затѣмъ воспроизводитъ въ своихъ книгахъ, какъ бы по порученію неба, безспорныя тайны нравственной природы,—остается, со всѣми этими окружающими его ореоломъ величія аттрибутами, сыномъ лютеранскаго епископа: его сужденія оказываются сужденіями полемизирующаго шведскаго богослова, а необъятная ширь его обобщеній скована несокрушимыми узами узкихъ опредѣленій. Воспоминанія о мелочныхъ схоластическихъ контроверсахъ сопровождаютъ его въ его посѣщеніяхъ душъ. Онъ похожъ на Микель Анджело, который оскорбившаго его кардинала изображаетъ на своихъ фрескахъ поджариваемымъ подъ горою чертей, или на Данта, который въ своихъ пѣсняхъ мести и печали отомстилъ всѣмъ своимъ обидчикамъ за свои личныя обиды; или, пожалуй, онъ еще больше напоминаетъ собою Монтеневскаго приходскаго священника, который, во время проносящейся надъ деревней бури съ градомъ, полагаетъ, что день страшнаго суда насталъ, и что злодѣи-богохулы уже получили типунъ на языкъ. Въ неменьшей степени сбиваетъ насъ съ толку Сведенборгъ страданіями Меланхтона, Лютера и Вольфіуса, равно какъ описаніемъ мукъ, цѣною которыхъ написаны его собственныя книги, возвѣщаемыя имъ среди сонма ангеловъ.

Этою же теологической судорогой страдаютъ и скованы многія изъ его догмъ. Его основная точка зрѣнія въ области морали та, что всякое зло должно быть избѣгаемо, какъ грѣхъ. Но не знаетъ, что̀ есть зло, или что̀

есть добро, тотъ, кто, говоря, что зло должно быть избѣгаемо, оттого что оно зло, полагаетъ, что этимъ еще не все сказано, и что въ этомъ вопросѣ еще остается почва для какой-либо другой точки зрѣнія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ руководился здѣсь желаніемъ ввести элементъ личности Божества. Но этимъ ничего еще не дано. Такой-то, говоришь ты, боится рожистаго воспаленія,—такъ покажи ему, что эта боязнь—зло; другой страшится ада,—покажи ему, что такой страхъ—зло. Кто любитъ доброту, тотъ открываетъ у себя пріютъ ангеламъ, чтитъ благочестіе и живетъ въ общеніи съ Богомъ. Чѣмъ меньше мы имѣемъ дѣло съ нашими грѣхами, тѣмъ лучше. Никто не можетъ желать тратить свои дни на вѣчное раскаяніе и угрызенія совѣсти. «Тотъ долгъ дѣятеленъ, активенъ, говорятъ индусы, который не является для насъ цѣпями, знаніе есть то, что ведетъ насъ къ освобожденію; всякій другой долгъ годится лишь на то, чтобы изводить и томить людей».

Другой догмой, являющейся результатомъ этого опаснаго вращенія въ узко-теологическихъ границахъ, оказывается его Inferno, ученіе объ адѣ. У Сведенборга есть дьяволы. Зло, по ученію древнихъ философовъ, оказывается добромъ въ процессѣ своего совершенія. Что возможно существованіе злости абсолютной, зла самого по себѣ, это—крайнее положеніе, къ которому только невѣріе можетъ придти. Это—такое положеніе, которое не можетъ встрѣтить подтвержденія со стороны разумнаго существа; оно представляетъ собою атеизмъ; оно есть верхъ профанаціи. Эврипидъ справедливо сказалъ:

«Быть добрымъ все равно, что пребывать въ богахъ:
Кто зло въ нихъ видитъ, ихъ ниспровергаетъ въ прахъ».

До какого печальнаго извращенія дошла Готическая теологія, можно судить по тому, что Сведенборгъ не допускалъ для злыхъ духовъ возможности обращенія на путь добра! А, вѣдь, божественное усиліе и стараніе никогда не ослабѣваютъ; падаль на солнцѣ превращается въ траву и цвѣты; и человѣкъ, гдѣ бы онъ ни очутился, будь то въ домѣ непотребства, въ тюрьмѣ или на висѣлицѣ, всегда имѣетъ передъ собою путь, ведущій ко всему, что̀ хорошо и истинно. Бёрнсъ въ дикомъ юморѣ своего обращенія къ бѣдному «старому Ники Бену» [1]):

«Ахъ, опомнись все-таки и стань добрѣй!» [2]).

стоитъ несомнѣнно на болѣе возвышенной и симпатичной точкѣ зрѣнія, чѣмъ мстительно настроенный теологъ. Все на свѣтѣ поверхностно и гибнетъ, только любовь и истина остаются. Самое широкое чувство всегда и самое истинное, и мы чувствуемъ, насколько благороднѣе духъ индійскаго Вишну: «Я тотъ же самый для всего человѣчества. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы былъ достоинъ моей любви или ненависти. Тѣ, кто, обожая, служатъ мнѣ,—я пребываю въ нихъ, а они во мнѣ. Если тотъ, чьи пути безусловно дурны, служитъ мнѣ одному, онъ этимъ уже почтенъ наравнѣ съ праведнымъ человѣкомъ; онъ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ идетъ по хорошему направленію; онъ скоро отдается добродѣтельному духу и достигаетъ вѣчнаго блаженства».

Что̀ касается заявленія Сведенборга о томъ, что онъ получаетъ откровенія изъ другого міра,—то право на сколько-нибудь серіозное вниманіе столь фантастической претензіи даетъ развѣ то, что она исходитъ отъ такой честной и геніальной личности. Откровенія, на которыя онъ претендуетъ, подрываютъ свою достовѣрность уже тѣми деталями, въ какія они вдаются. Если человѣкъ говоритъ, что Святой Духъ сообщилъ ему, что Страшный Судъ (или послѣдній изъ судовъ) имѣлъ мѣсто въ 1757 году, или же что голландцы на томъ свѣтѣ живутъ на своемъ особомъ небѣ, а англичане на своемъ; я отвѣчу такому человѣку, что Духъ, который священъ, есть духъ сдержанный, молчаливый и проявляется въ законахъ. Болтаютъ и предсказываютъ судьбу лишь духи и домовые въ общераспространенныхъ сказкахъ. Указанія высшаго Духа трезвы, воздержаны и, что̀ касается частностей, они отрицательнаго свойства. Демонъ Сократа не давалъ ему совѣтовъ, что̀ надо дѣлать или искать, но, когда Сократъ собирался предпринять что-либо невыгодное, онъ его предостерегалъ отъ этого. «Что̀ такое Богъ, сказалъ онъ, я не знаю; я только знаю, что̀ не есть Богъ». Индусы назвали Выс-

[1]) «Nickie Ben»—простонародное имя чорта у шотландцевъ. Переводч.

[2]) «O wad ye tak a thought, and mend!»

шее Существо «Внутреннее Препятствіе». Свѣтоозаренные квакеры объясняли свой Свѣтъ не какъ нѣчто, ведущее къ какому-либо дѣйствію, а какъ то, что̀ является помѣхой къ совершенію какой-либо ненадлежащей вещи. Но вѣрные примѣры суть частные опыты, которые въ этомъ пунктѣ абсолютно согласуются между собою. Строго говоря, Сведенборгово откровеніе является результатомъ смѣшенія областей и разрядовъ—капитальная ошибка, непростительная для такого ученаго категориста. Слѣдовать его пріемамъ значитъ переносить законы внѣшнихъ явленій въ область внутренней субстанціи, вводить индивидуализмъ съ его самообманомъ и мечтаніями въ царство сущностей и всеобщностей,—иными словами производить безпорядочное перемѣщеніе и хаосъ.

Тайна неба сохраняется изъ вѣка въ вѣкъ. Ни одинъ неблагоразумный, ни одинъ сообщительный ангелъ еще не проронилъ преждевременнаго звука, чтобы утолить духовную жажду святыхъ, успокоительно отвѣтить на пытливый страхъ смертныхъ. Колѣнопреклоненно внимали бы мы любимцу и избраннику природы, который, силою болѣе строгаго повиновенія, въ состояніи былъ бы привести свои мысли въ параллелизмъ съ небесными теченіями и повѣдать человѣческимъ ушамъ картину окружающей среды и состоянія, въ которомъ пребываетъ недавно покинувшая сей міръ душа. Но несомнѣнно, что эта картина должна совпадать со всѣмъ, что̀ есть лучшаго въ природѣ. Она никоимъ образомъ не можетъ быть ниже и уступать въ тонѣ уже знакомымъ твореніямъ художника, который изваиваетъ шары на сводѣ небесъ и начертываетъ законъ на скрижаляхъ морали. Она должна быть свѣжѣе цвѣтовъ радуги, незыблемѣе горныхъ хребтовъ, напоминать собою красу и благоуханіе цвѣтовъ, величественный ландшафтъ приливовъ и отливовъ, великолѣпіе восхода и заката звѣздъ на осеннемъ небѣ; сладчайшіе, мелодичнѣйшіе рапсоды и поэты должны показаться хриплыми уличными пѣвцами, когда раздастся когда-либо проникновенный тонъ, основной аккордъ природы и мірового духа,—тотъ пульсъ земной жизни, тотъ трепетъ моря, то біеніе сердца, которые опредѣляютъ тонъ, по которому солнце несется въ небесныхъ пространствахъ, и кровяной шарикъ циркулируетъ, и въ деревьяхъ движется сокъ.

Въ такомъ настроеніи, мы слышимъ молву, что явился вѣдунъ-прозорливецъ и повѣдалъ свой разсказъ. Но въ немъ не оказывается никакой красоты, никакого неба; одни ангелы, демоны. Его муза любитъ ночь и смерть и бездну. Его Inferno (адъ) является месмерическимъ. Его духовный міръ находится въ такомъ же отношеніи ко всѣмъ великолѣпнымъ наслажденіямъ истиной, съ которыми человѣческія души насъ уже познакомили, въ какомъ находятся дурные сны человѣка къ его идеальной жизни. Въ своемъ безконечномъ богатствѣ мрачныхъ картинъ, этотъ міръ, дѣйствительно, сильно смахиваетъ на явленія сновидѣнія, которыя ночью не изъ одного порядочнаго, добродушнаго человѣка, страдающаго плохимъ пищевареніемъ, дѣлаютъ несчастное созданіе, слоняющееся, подобно псу, по задворкамъ и дырамъ мірозданія. Когда онъ подымается на небо, я не слышу, чтобы онъ говорилъ небеснымъ языкомъ. Пусть мнѣ никто не разсказываетъ, что онъ находился среди ангеловъ; я ему тогда въ этомъ повѣрю, когда его краснорѣчіе изъ меня сдѣлаетъ ангела. Развѣ архангелы должны быть менѣе величественны и обворожительны, чѣмъ образы, которые дѣйствительно ступали по землѣ? Тѣ ангелы, которыхъ Сведенборгъ рисуетъ, даютъ намъ не очень высокое представленіе объ ихъ воспитанности и культурѣ: это все деревенскіе священники; ихъ небо представляетъ собою fête champêtre, евангелическій пикникъ, распредѣленіе, во вкусѣ французскихъ обычаевъ, премій среди добродѣтельныхъ крестьянъ. Странный, схоластическій, дидактическій, безстрастный, безкровный это человѣкъ, классифицирующій человѣческія души подобно тому, какъ ботаникъ опредѣляетъ классъ какого-нибудь растенія carex, и обозрѣвающій стенающіе страданіями ады такъ, какъ онъ бы сталъ обозрѣвать мѣловые пласты или слои роговой обманки! Состраданіе, симпатія ему чужды. Онъ странствуетъ взадъ и впередъ по свѣту живыхъ людей, современный Радаманѳъ, въ парикѣ и съ тростью съ золотымъ набалдашникомъ въ рукѣ, и съ небрежностью и миной мирового посредника распредѣляетъ души. Животрепещущій, мѣняющійся, живыми существами со страстями и желаніями населен-

ный свѣтъ для него является грамматикой іероглифовъ или эмблематической процессіей франкмасоновъ. Какъ непохожъ на него Яковъ Бёменъ! Онъ трепещетъ чувствомъ и, пораженный благоговѣйнымъ страхомъ, внимаетъ, сохраняя нѣжнѣйшія и благороднѣйшія человѣческія чувства, словамъ учителя, котораго ученія онъ передаетъ; и, когда онъ утверждаетъ, что «въ извѣстномъ смыслѣ любовь выше Бога», его сердце такъ сильно бьется, что его біеніе слышно на протяженіе столѣтій изъ подъ кожаной куртки этого мистическаго сапожника-философа. Это— большая разница. Бёменъ полонъ здоровой и прекрасной мудрости, не смотря на всю свою мистическую узость и туманность. Сведенборгъ же непріятно мудръ и, при всѣхъ своихъ громадныхъ дарованіяхъ, онъ дѣйствуютъ парализующимъ и отталкивающимъ образомъ.

Вѣрнѣйшимъ признакомъ великой натуры является то, что она пролагаетъ новые пути и расширяетъ горизонтъ, и, подобно дыханію утреннихъ ландшафтовъ, манитъ насъ все впередъ и впередъ. Сведенборгъ ретроспективенъ, онъ озирается назадъ, и мы не въ состояніи себѣ его представить безъ могильнаго заступа и савана. Есть умы, которымъ на вѣки отказано въ возможности спускаться въ глубь природы; другіе всегда безсильны подняться изъ нея. Надѣленный совокупной силою многихъ людей, сверхчеловѣческой мощью, онъ тѣмъ не менѣе оказался въ продолженіе всей своей жизни безсильнымъ порвать пуповину, связывавшую его съ природой, и онъ не могъ подняться на высоту истаго генія чистѣйшей воды.

Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, который, благодаря своей способности воспринимать символы, ощущалъ глазомъ поэтическое устройство вещей и первоначальное отношеніе духа къ матеріи, былъ совершенно лишенъ всего аппарата поэтическаго выраженія, который эта способность обыкновенно создаетъ. Онъ зналъ грамматику и элементы основного языка-родоначальника; какъ же это онъ не умѣлъ прочесть музыкально ни единой строфы его? Не происходило ли съ нимъ то же, что и съ Саади, который въ своемъ видѣніи, намѣревался наполнить свой подолъ небесными цвѣтами, чтобы преподнести ихъ въ подарокъ друзьямъ; но благоуханіе розъ дотого опьяняло его, что край одежды выпадалъ изъ его рукъ?—или передача, воспроизведеніе составляетъ нарушеніе добрыхъ нравовъ того набеснаго общества, которое онъ видѣлъ въ своихъ грёзахъ?—или, можетъ быть, причина этого явленія кроется въ томъ, что онъ видѣлъ предъ собою видѣніе лишь умственно, чѣмъ, пожалуй, и объясняется та полемика и порицаніе всего интеллектуальнаго, которыми проникнуты его книги? Но, какова бы ни была здѣсь причина, фактъ тотъ, что въ его книгахъ нѣтъ никакой мелодіи, никакого чувства и эмоціи, никакого юмора, ни единаго рельефа надъ мертвенно однообразной прозаической гладью. Его богатая и точная образность не доставляетъ никакого наслажденія, потому что ей недостаетъ красоты. Мы бродимъ, затерявшись среди безцвѣтнаго, тусклаго ландшафта. Ни одна птица не оживляла когда-либо своимъ пѣніемъ всѣхъ этихъ садовъ смерти. Полнѣйшее отсутствіе поэзіи въ столь выдающемся духѣ выдаетъ его болѣзнь, и, подобно хриплому голосу у красиваго человѣка, является своего рода предостерегающимъ симптомомъ. Подчасъ мнѣ кажется, что его въ будущемъ совсѣмъ читать перестанутъ. Его великое имя превратится въ сентенцію. Его книги уже стали памятникомъ. Его лавры такъ сильно перемѣшаны съ листьями кипариса; къ ѳиміану его храма примѣшанъ такой трупный запахъ, что мальчики и дѣвочки будутъ избѣгать занимаемое имъ мѣсто.

Но въ этомъ закланіи генія и славы на жертвенникѣ совѣсти заключается заслуга выше всѣхъ похвалъ. Онъ жилъ для извѣстной цѣли: онъ вынесъ приговоръ. Онъ избралъ доброту, въ качествѣ путеводной нити, за которую душа должна держаться на своемъ пути черезъ весь этотъ лабиринтъ природы. Объ истинномъ центрѣ мнѣнія различны и противоположны. Во время кораблекрушенія одни хватаются за бѣгучій такелажъ, другіе держатся за кадки и боченки, третьи за балки стеньгъ и рейковъ, четвертые за мачту; одинъ лишь кормчій знаетъ, какой выбрать якорь спасенія: я останусь здѣсь, все остальное раньше пойдетъ ко дну: «тотъ достигнетъ суши, кто плаваетъ со мной». Не полагайтесь на милость неба, или же на состраданіе къ глупости, либо на благоразуміе, здравый смыслъ,—это старинный пріемъ и главное средство, къ которымъ прибѣгаютъ люди; ничто не въ состояніи сохранить

васъ, ни судьба, ни здоровье, ни изумительный интеллектъ; ничто васъ не сохранитъ, лишь одна прямота и честность, непзмѣнная, вѣчно и всегда себѣ вѣрная прямота! И со стойкостью и упорствомъ, которыя во всѣхъ его изслѣдованіяхъ, изобрѣтеніяхъ, грёзахъ никогда не ослабѣваютъ, онъ неотступно держится этого смѣлаго и гордаго выбора. При мысли о немъ, въ моемъ воображеніи встаетъ образъ какого-нибудь благоговѣйнаго послѣдователя индусскаго ученія о переселеніи душъ, который говоритъ: «чѣмъ бы я ни былъ, собакой или шакаломъ или муравьемъ, въ какія бы низкія формы природы я ни былъ заключенъ, подъ какимъ бы покровомъ или въ какомъ бы дикомъ образѣ я ни являлся, я держусь за правду и добро, какъ за надежную лѣстницу, ведущую меня вверхъ къ человѣку и къ Богу».

Сведенборгъ оказалъ человѣчеству двойную услугу, которая лишь теперь начинаетъ признаваться. Съ экспериментальной науки и прикладного знанія начиналъ онъ свои первые шаги: онъ наблюдалъ и обнародовалъ наблюденные имъ законы природы, и, восходя въ правильной постепенности отъ событій къ ихъ вершинамъ и причинамъ, онъ возгорѣлъ священнымъ огнемъ благоговѣнія къ ощущаемымъ имъ созвучіямъ и міровой гармоніи, и весь отдался блаженству и обожанію. Въ этомъ заключалась его первая заслуга. Если сіяніе оказалось черезчуръ ослѣпительнымъ для его очей, если онъ зашатался въ упоеніи своего восторга, тѣмъ великолѣпнѣе представляется зрѣлище, которое онъ видѣлъ, реальныя сущности бытія, которыя черезъ него сіяютъ и пылаютъ, и которыхъ никакія слабости пророка помрачить не могутъ; и, такимъ образомъ, онъ оказываетъ вторую пассивную услугу людямъ, не меньшую, быть можетъ, чѣмъ первая, въ великомъ водоворотѣ бытія,—и въ возмѣщеніяхъ, происходящихъ въ духовной природѣ, не менѣе славную и не менѣе прекрасную для него самого.

IV.

МОНТЭНЬ ИЛИ СКЕПТИКЪ.

Всякая вещь въ мірѣ одной своей стороною принадлежитъ міру физическихъ чувствованій, другою—области нравственнаго. Игра мысли въ томъ заключается, чтобы, при проявленіи одной изъ этихъ двухъ сторонъ, найдти другую: по данной верхней сторонѣ опредѣлить нижнюю. Нѣтъ такого тонкаго предмета, у котораго бы не было и той и другой поверхности, и наблюдатель, разсмотрѣвъ лицевую сторону вещи, поворачиваетъ ее, чтобы увидѣть ея оборотную сторону. Жизнь состоитъ въ игрѣ этой монетой въ орелъ и рѣшетку. Мы никогда не устаемъ отъ этой игры, ибо всегда нѣкоторый трепетъ чувствуется въ тотъ моментъ, когда намъ открывается другая, оборотная сторона, когда передъ нами обнаруживается контрастъ между этими двумя сторонами. Человѣку повезло, онъ упоенъ своими успѣхами и задумывается надъ тѣмъ, что такая удача означаетъ. Онъ ведетъ свой торгъ на улицѣ, но оказывается, что и самъ онъ является предметомъ купли-продажи. Онъ видитъ красоту человѣческаго лица и доискивается причины этой красоты, которая должна быть еще красивѣй. Онъ создаетъ себѣ состоянія, поддерживаетъ и ограждаетъ законы, лелѣетъ своихъ дѣтей; но при этомъ спрашиваетъ самого себя: отчего? и къ чему? Эти орелъ и рѣшетка на языкѣ философіи называются то безконечнымъ и конечнымъ; то относительнымъ и абсолютнымъ; то кажущимся и реальнымъ, не говоря уже о многихъ другихъ красивыхъ наименованіяхъ.

Каждый человѣкъ рождается предрасположеннымъ къ одной или другой изъ этихъ сторонъ природы; и не трудно встрѣтить людей, всецѣло отдавшихся какой-либо одной изъ нихъ. Одинъ классъ людей обладаетъ воспріимчивостью къ различіямъ и вращается въ сферѣ фактовъ и поверхностей, городовъ и лицъ, стремясь извѣстныя вещи привести

въ осуществленіе: это—люди таланта и дѣйствія. Другой классъ можетъ схватывать явленія тождества, къ нему принадлежатъ люди вѣры, философы, геніи.

Каждый изъ этихъ ѣздоковъ мчится слишкомъ ужъ быстро, безъ оглядки. Платонъ вѣритъ только въ философовъ, Фенелонъ въ святыхъ, Пиндаръ и Байронъ въ поэтовъ. Прочтите, съ какимъ пренебреженіемъ Платонъ и платоники отзываются о всѣхъ, кто благоговѣйно не раздѣляетъ ихъ блестящихъ абстракцій: люди иныхъ воззрѣній въ ихъ глазахъ, что̀ крысы и мыши. Классъ литераторовъ обыкновенно отличается гордостью и исключительностью. Въ письмахъ другъ къ другу Попъ и Свифтъ изображаютъ окружающее ихъ человѣчество состоящимъ изъ однихъ чудовищъ; и едва-ли болѣе высокое о немъ мнѣніе встрѣтится въ перепискѣ между Гёте и Шиллеромъ, относящейся уже къ современной намъ эпохѣ.

Легко видѣть, откуда происходитъ подобное высокомѣріе. Геній является геніемъ съ перваго взгляда, который онъ бросаетъ на какой-либо предметъ. Созидателенъ ли его глазъ? Если онъ не останавливается на очертаніяхъ и окраскахъ, а созерцаетъ весь замыселъ,—онъ оцѣнитъ сразу предметъ ниже его дѣйствительнаго достоинства. Въ моменты духовной мощи его мысль разложила творенія искусства и природы на ихъ причины, такъ что эти произведенія показываются ему тяжеловѣсными и недостаточными. У него такое представленіе о красотѣ, котораго скульпторъ не въ состояніи воплотить. Картина, статуя, храмъ, желѣзная дорога, паровая машина существовали сначала въ душѣ художника безъ изъяновъ, ошибокъ либо тренія, которыя портятъ выраженіе ихъ идеи въ дѣйствительно выполненныхъ образцахъ. Такъ было и съ церковью, государствомъ, школой, судомъ, общественнымъ кругомъ и всѣми учрежденіями. Неудивительно, если эти люди, вспоминая все, что̀ они видѣли и чего ожидали отъ идей, готовы свысока доказывать превосходство идей. Видя временами, что блаженная душа потенціально носитъ въ себѣ всѣ искусства, они говорятъ: къ чему въ такомъ случаѣ загромождать себя излишними реализаціями этихъ возможностей? И подобно нищимъ мечтателямъ, они воображаютъ, что говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ если бы всѣ эти цѣнности были уже осуществлены.

Съ другой стороны, люди труда и промысла и наслажденія,—міръ животный, включая сюда и животное, сидящее также въ философѣ и поэтѣ, и міръ практическій, со всѣми его мучительными мытарствами, чаша которыхъ не минуетъ никогда философа или поэта такъ же, какъ она не минуетъ остальныхъ смертныхъ,—представляютъ огромный противовѣсъ въ другомъ направленіи. Торгъ, ведущійся на нашихъ улицахъ, не вѣритъ ни въ какія метафизическія причины, не думаетъ совсѣмъ о силѣ, сдѣлавшей необходимымъ существованіе торговцевъ и торгующей планеты: все это нисколько не интересуетъ торговый міръ, ушедшій въ хлопокъ, сахаръ, шерсть и соль. Участковыя собранія въ дни выборовъ ничуть не успокаиваются какимъ бы то ни было сомнѣніемъ относительно цѣнности происходящихъ на нихъ баллотировокъ. Кипучая, полная огня жизнь течетъ въ одномъ направленіи. Людямъ сего міра, представителямъ животной крѣпости и настроенія, людямъ практической мощи, пока они цѣликомъ въ нее уходятъ, человѣкъ идей представляется субъектомъ не въ своемъ умѣ. Только они, въ собственныхъ глазахъ, и обладаютъ разумомъ.

Вещи всегда съ собой приносятъ свою собственную философію, иными словами, разумность. Никто изъ людей не пріобрѣтаетъ собственности безъ того, чтобы пріобрѣсти также немного ариѳметическихъ познаній. Въ Англіи, богатѣйшей странѣ всѣхъ временъ, собственность, имущественное обладаніе сравнительно съ личными качествами представляетъ собою нѣчто болѣе внушительное, чѣмъ во всякой другой странѣ. Послѣ обѣда человѣкъ вѣритъ меньше, больше отрицаетъ: истины въ его глазахъ потеряли кое-что изъ своей прелести. Послѣ обѣда единственнымъ знаніемъ остается ариѳметика: идеи представляются будорожащими, зажигательными элементами, сумасбродствами молодыхъ людей, отвергнутыми солидной частью общества: и человѣкъ оказывается цѣнимымъ за его атлетическія и животныя качества. Спенсъ разсказываетъ, что однажды къ Попу, находившемуся въ обществѣ сэра Годфрей Неллера (Godfrey Kneller), вошелъ его племянникъ, негоціантъ въ Гвинеѣ. «Племянникъ», обратился къ нему сэръ Годфрей, «ты имѣешь теперь честь видѣть двухъ величайшихъ людей въ свѣтѣ». «Я не знаю, насколько вы великіе люди», отвѣ-

тилъ гвинейскій дѣлецъ, «но вашъ внѣшній видъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Мнѣ зачастую приходилось покупать людей за десять гиней, несравненно лучшій товаръ, чѣмъ каждый изъ васъ, то были сплошные мускулы и кости». Такой монетой люди чувственности платятъ ученымъ профессоромъ и на презрѣніе отвѣчаютъ презрѣніемъ. Первые возвысились до умозаключеній и выводовъ, еще не созрѣвшихъ на древѣ времени, и высказываютъ больше того, что̀ считается истиной; вторые потѣшаются надъ философомъ и цѣнятъ человѣка по вѣсу тѣла, фунтами и пудами. Они вѣрятъ лишь въ то, что горчица жгетъ языкъ, что перецъ остеръ, спички зажигательны, отъ револьверовъ надо держаться на почтительномъ разстояніи, а подтяжки поддерживаютъ брюки, что въ цибикѣ чаю найдешь заложеннымъ много чувства, и краснорѣчіе польется съ устъ человѣка, если ему дать хорошаго вина. Если вы деликатны и черезчуръ добросовѣстны, вамъ надо ѣсть побольше мясныхъ пироговъ. Такіе люди полагаютъ, что слова изъ меда и молока лились съ устъ Лютера, когда онъ произнесъ свое извѣстное изреченіе:

«Wer nicht liebt Wien, Weib und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Leben lang;

а также когда онъ молодому схоластику, запутавшемуся въ дебряхъ вопросовъ о предопредѣленіи и свободѣ воли, далъ совѣтъ напиться до-пьяна. «Нервы», говоритъ Кабанисъ, «вотъ что̀ составляетъ человѣка». Мой сосѣдъ-фермеръ, веселый малый, сидя въ кабакѣ, полагаетъ, что назначеніе денегъ заключается въ вѣрномъ и быстромъ ихъ израсходованіи. Онъ лично, говоритъ онъ, пропускаетъ ихъ въ свою глотку и извлекаетъ изъ нихъ такимъ образомъ все благо, какое онѣ могутъ дать.

Невыгодность такого способа мышленія заключается въ томъ, что оно сводится къ индифферентизму, а затѣмъ и къ пресыщенію. Жизнь насъ поѣдаетъ. И намъ скоро придется превратиться въ фабулы, въ нѣчто баснословное. Не горячитесь: черезъ сто лѣтъ все вѣдь будетъ одно. Жизнь сама ничего себѣ, но мы еще будемъ рады отъ нея отдѣлаться, а всѣ остальные будутъ рады имѣть насъ. Къ чему намъ грызть себя и маяться? Наша пища завтра будетъ имѣть такой же вкусъ, какъ и вчера, и, въ концѣ концовъ, съ насъ довольно его. «Ахъ», сказалъ какъ-то мой скучающій оксфордскій пріятель, «нѣтъ ничего новаго, ни истиннаго,—но что̀ за важность».

Съ нѣсколько бо̀льшей горечью вздыхаетъ циникъ: наша жизнь похожа на осла, котораго ведутъ на рынокъ, неся передъ нимъ пукъ сѣна. «Въ появленіи на свѣтъ столько безпокойства и возни», сказалъ лордъ Болинброкъ, «а въ оставленіи его этой возни и пошлости еще гораздо больше, такъ что врядъ ли пребываніе вообще на такъ называемомъ бѣломъ свѣтѣ стоитъ того, чтобы о немъ такъ хлопотали». Я зналъ философа подобнаго закала, имѣвшаго обыкновеніе коротко формулировать свой жизненный опытъ относительно человѣческой природы въ выраженіи: «человѣчество — сбродъ окаянныхъ мерзавцевъ»; отсюда и недалеко до естественнаго вывода: «міръ держится на плутовствѣ, а потому нечего мнѣ составлять исключенія изъ общаго правила».

Въ то время, какъ, такимъ образомъ, идеалистъ и матеріалистъ другъ друга возмущаютъ, и циникъ въ своемъ издѣвательствѣ доходитъ до выраженія самаго худшаго,—въ споръ вступаетъ третій станъ, занимающій между этими двумя среднее мѣсто,—это станъ скептиковъ. Онъ находитъ неправыми какъ первый лагерь, такъ и второй, оттого что оба они ударяются въ крайности. Скептикъ старается стать твердой ногой, чтобы, такъ сказать, представить собою устойчивое коромысло вѣсовъ. Онъ не хочетъ выходить за предѣлы отмежеванной на его картѣ области. Онъ видитъ односторонность этихъ людей улицы; онъ не хочетъ быть Гибеонитомъ; онъ стоитъ за умственныя способности, холодную голову и за все, что̀ служитъ къ сохраненію ея холодной; всякое необдуманное усердіе, лучшей достойное доли, всякое безмездное самопожертвованіе, всякая трата мозговъ въ чрезмѣрной работѣ ему нелюбы. Кто я, волъ или возъ?—Ты, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ скептикъ, то и другое вмѣстѣ, какъ только ты ударяешься въ крайности. Вы, желающіе видѣть все солиднымъ, основательнымъ, для которыхъ міръ, что̀ свинецъ въ болванкахъ, грубо обманываетесь и ошибаетесь. Вы мните подъ собою твердую, какъ алмазъ, почву; а на самомъ дѣлѣ, когда обнажаешь конечные

факты и данныя нашего знанія, оказывается, что вы вертитесь словно пузыри на текучей водѣ, не зная, куда и откуда, и вы пребываете и облечены и окутаны иллюзіями и обманами чувствъ. Точно такъ же скептикъ не дастъ водить себя за носъ книгамъ или окутать себя мантіей ученаго. Люди науки являются своими же собственными жертвами; они худы и блѣдны, ноги у нихъ холодныя, головы горячія, ночи безсонныя; дни у нихъ проходятъ въ страхѣ, чтобы имъ не помѣшали,—они являются олицетвореніемъ блѣдной немочи, нечистоплотности, голода и эгоизма. Если вы къ нимъ подойдете ближе и взглянете на то, какія ихъ занимаютъ представленія,—вы увидите, что это—люди отвлеченнаго мышленія, проводящіе свои дни и ночи въ грёзахъ, какомъ-то сновидѣніи, въ ожиданіи поклоненія общества какой-нибудь драгоцѣнной системѣ или схемѣ, построенной на истинной идеѣ, но лишенной въ изображеніи своемъ всякой соразмѣрности, въ примѣненіи своемъ всякой правильности, и отражающей полнѣйшее отсутствіе въ ея авторѣ энергіи воли одушевить ее и одѣть плотью и кровью.

Но, говоритъ скептикъ, я вижу ясно, что я вообще ничего не въ состояніи видѣть. Я сознаю, что сила человѣка заключается не въ крайностяхъ, а въ избѣганіи крайностей. Я, по крайней мѣрѣ, буду остерегаться слабости философствовать глубже моего глубокоумія. Какая польза отъ того, что претендуешь на способности и силы, которыхъ у насъ нѣтъ? Какая польза отъ того, что претендуешь на обладаніе достовѣрностями относительно будущей жизни, которыми мы не обладаемъ? Къ чему преувеличивать могущество добродѣтели? Къ чему быть ангеломъ раньше своего времени? Всѣ эти струны, если ихъ черезчуръ сильно натягивать, должны лопнуть. Если существуетъ хотѣніе и потребность безсмертія, но нѣтъ ему никакихъ доказательствъ, отчего это не сказать прямо? Если имѣются доказательства за и противъ, отчего не констатировать ихъ? Если добросовѣстный мыслитель не находитъ никакихъ основаній высказаться рѣшительно въ пользу да или нѣтъ, отчего не отложить своего окончательнаго сужденія? Я усталъ отъ этихъ догматизирующихъ философовъ, но меня также изводятъ эти рутинеры, отрицающіе всякія догмы. Я не утверждаю и не отрицаю. Я здѣсь для того, чтобы изслѣдовать данный случай. Я здѣсь для того, чтобы разсмотрѣть, σκοπεῖν, изслѣдовать, какъ обстоитъ дѣло. Я постараюсь удержать истинное равновѣсіе, поставить вѣсы правильно. Какой смыслъ взойти на каѳедру и въ плавномъ словоизверженіи молоть разныя теоріи общества, религіи и природы, когда я знаю, что ихъ осуществленію заграждаютъ путь практическія трудности, для меня и моихъ товарищей непреодолимыя? Къ чему столько словоохотливости передъ публикой, когда каждый изъ моихъ сосѣдей въ состояніи пригвоздить меня къ стулу доводами, опровергнуть которые я не въ силахъ? Къ чему претенціозно утверждать, что жизнь столь простая игра, когда мы знаемъ, насколько тонокъ и обманчивъ этотъ Протей? Зачѣмъ мечтать о томъ, чтобы заключить всѣ вещи въ вашъ тѣсный курятникъ, когда отлично извѣстно, что вещей не одна и не двѣ, а десятокъ, двадцать, тысяча и при томъ непохожихъ другъ на друга? Къ чему воображать себѣ, что имѣешь въ своемъ обладаніи всю истину? Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія можно многое сказать.

Кто станетъ отрицать законность скептицизма, видя, что нѣтъ такого практическаго вопроса, по которому что-либо иное, кромѣ его приблизительнаго разрѣшенія, можетъ быть доступно? Не остается ли открытымъ вопросъ о бракѣ, разъ испоконъ вѣковъ утверждается, что тѣ, кто уже пріобщился къ этому учрежденію, желаютъ изъ него выйти, а тѣ, кто внѣ его, желаютъ войти въ него? И неизмѣнно разумнымъ остается отвѣтъ Сократа человѣку, спросившему его, слѣдуетъ ли ему жениться или нѣтъ: «возьметъ ли онъ себѣ жену или нѣтъ, онъ одинаково будетъ жалѣть какъ о томъ, такъ и о другомъ». А развѣ государство не представляетъ собою вопроса? А съ церковью развѣ дѣло обстоитъ иначе? Или, чтобы затронуть любой изъ вопросовъ, волнующихъ и больше всего касающихся человѣчества,—долженъ ли молодой человѣкъ стремиться занять руководящее положеніе въ судебной, политической, торговой дѣятельности? Нельзя же утверждать, что успѣхъ въ какой-либо изъ этихъ областей вполнѣ совпадаетъ и соотвѣтствуетъ тому,

что въ его душѣ есть лучшее и сокровенное. Слѣдуетъ ли ему въ такомъ случаѣ, разорвавъ узы, прикрѣпляющія его плотно къ общественному строю, пуститься въ открытое море безъ всякаго иного кормчаго и компаса, кромѣ своего собственнаго генія? Многое здѣсь можно сказать за и противъ. Вспомнимъ хотя бы остающійся открытымъ вопросъ, о которомъ между собою спорятъ приверженцы существующаго режима «свободной конкуренціи» и сторонники «объединеннаго и ассоціированнаго труда». Благородные умы ухватываются за планъ такой трудовой организаціи, при которомъ въ несеніи труда принимаютъ участіе всѣ; она представляется единственно честной; ничто иное не представляетъ такой устойчивости и прочности. Только изъ хижины бѣднаго человѣка и исходитъ нравственная крѣпость и добродѣтель; и въ то же время, съ другой стороны, утверждаютъ, что трудъ искажаетъ внѣшній обликъ и подтачиваетъ духъ человѣка, и рабочіе въ одинъ голосъ кричатъ: «намъ недостаетъ, у насъ нѣтъ мыслей». Культура, образованіе, какъ онѣ необходимы! Я не могу простить человѣку недостатокъ культурнаго развитія; а между тѣмъ культура не преминетъ заставить сейчасъ же поблекнуть ту высшую красу, которая заключается въ натуральной непосредственности, самопроизвольности. Превосходна культура для дикаря; но дайте ему войти во вкусъ книги, и мысли о герояхъ Плутарха уже будутъ съ нимъ неразлучны. Коротко говоря, разъ мужество разсужденія и пониманія заключается въ томъ, «чтобы не давать тому, что̀ мы знаемъ, смущаться тѣмъ, чего мы не знаемъ», мы должны обезпечить тѣ выгоды, которыми мы можемъ распоряжаться и не рисковать ими, гоняясь за воздушными замками и недостижимымъ. Прочь всякія химеры! Выйдемъ за черту; примемъ участіе въ дѣлахъ; будемъ учиться и пріобрѣтать, и обладать, и стремиться вверхъ. «Люди представляютъ собою родъ движущихся растеній, и, подобно деревьямъ, значительную часть своей пищи получаютъ изъ воздуха. Если они слишкомъ много домосѣдствуютъ, они чахнутъ». Будемъ вести сильную, мужественную жизнь; будемъ то, что̀ мы знаемъ, знать, какъ нѣчто положительное, вѣрное; то, что̀ у насъ есть, да будетъ основательнымъ и благовременнымъ и нашимъ собственнымъ. Синица въ рукѣ лучше журавля въ небѣ [1]). Будемъ имѣть дѣло съ настоящими мужчинами и женщинами, а не съ мелькающими призраками.

Это и есть надлежащая почва для скептика, почва, покоющаяся на вдумчивомъ соображеніи, на сдержанности сужденій, отнюдь не на невѣріи, отнюдь не на огульномъ отрицаніи или огульномъ сомнѣніи,—сомнѣніи, въ концѣ концовъ сомнѣвающемся въ самомъ себѣ; и менѣе всего удѣляющая мѣсто шутливому тону и развращенному издѣвательству надъ всѣмъ, что̀ незыблимо и хорошо. Все это такъ же мало соотвѣтствуетъ его духу и настроенію, какъ мало ему соотвѣтствуютъ методы и пріемы религіи и философіи. Онъ представляетъ собою созерцателя, человѣка благоразумія, убирающаго паруса, разсчитывающаго свой капиталъ, хозяйственно-обращающагося со своими средствами и придерживающагося того мнѣнія, что у человѣка слишкомъ много недруговъ для того, чтобы онъ могъ себѣ позволить роскошь быть своимъ собственнымъ врагомъ, — что мы не можемъ извлечь слишкомъ много выгодъ изъ этой неравной борьбы между столь могучими и неистощимыми силами съ одной стороны и этимъ мелкимъ, самомнящимъ, обидчивымъ, фатоватымъ, вверхъ и внизъ во всякой опасности болтающимся созданьицемъ, какимъ представляется человѣкъ, съ другой. Это есть позиція, которая берется для лучшей защиты, болѣе безопасная и могущая быть удержанной; она представляетъ больше удобствъ приспособленія и простора: такъ при постройкѣ дома существуетъ правило закладывать его не слишкомъ высоко и не слишкомъ низко, подъ вѣтромъ, но не на илистой почвѣ.

Философія, которая намъ нужна, должна быть философіей теченій и подвижности. Спартанскія и стоическія системы ея слишкомъ жестки и туги для нашихъ цѣлей. Съ другой стороны какое-нибудь ученіе св. Іоанна, теорія непротивленія представляется слишкомъ тонкой и эѳирной. Намъ необходимо одѣяніе, сотканное изъ эластической стали, твердое, какъ первыя, и гибкое, какъ вторыя. Намъ нуженъ корабль на этихъ волнахъ, среди которыхъ мы живемъ. Уго́ль-

---

[1]) Въ оригиналѣ сказано: «одинъ міръ въ рукѣ стоитъ двухъ въ кустахъ».

Переводч.

ный, догматическій домъ разбился бы въ щепки и дребезги среди этой бури многихъ стихій. Нѣтъ, онъ долженъ быть плотенъ и приспособленъ къ образу человѣка, чтобы обладать живучестью вообще; подобно тому, какъ раковина должна служить прообразомъ архитектуры дома, имѣющаго быть построеннымъ на морѣ. Душа человѣка должна быть типомъ для нашей системы точно такъ же, какъ человѣческое тѣло служитъ типомъ, по которому строится жилой домъ. Способность приспособленія составляетъ особое свойство человѣческой природы. Мы золотыя середины, среднія величины, подвижныя устойчивости, уравновѣшенныя или періодически повторяющіяся ошибки, дома, заложенные на водѣ. Мудрый скептикъ хочетъ смотрѣть съ близкаго разстоянія на лучшую игру и главныхъ исполнителей ея; на то, что̀ есть лучшаго на нашей планетѣ; на искусство и природу, мѣстности и событія, а главнымъ образомъ, на людей. Все, что̀ есть превосходнаго въ человѣчествѣ:— прелестную форму, желѣзную руку, уста, съ которыхъ льется неотразимое краснорѣчіе, мозгъ съ неистощимыми богатствами духа, вся и все искусное въ игрѣ и выигрышѣ онъ хочетъ видѣть и цѣнить.

Условія допущенія къ такому зрѣлищу таковы, что человѣкъ самъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный солидный и вразумительный образъ жизни и поведеніе, извѣстный способъ отвѣчать на неизбѣжныя потребности и запросы человѣческой жизни, доказывающій, что онъ провелъ игру жизни искусно и съ успѣхомъ; онъ долженъ проявить такіе темпераментъ, стойкость и рядъ качествъ, которые даютъ ему среди его современниковъ и соотечественниковъ право на предводительство и довѣріе со стороны послѣдователей. Ибо тайны жизни раскрываются только существу подобному и родственному по духу и по симпатіямъ. Люди не довѣряются отрокамъ, глупцамъ или же педантамъ, а только своимъ равнымъ. Извѣстная мудрая умѣренность, какъ гласитъ модная теперь фраза, занятіе извѣстнаго положенія между крайностями и обладаніе индивидуальными положительными качествами; твердый и довлѣющій человѣкъ, не представляющій собою ни сахара, ни соли, но достаточно соприкасающійся со свѣтомъ, чтобы отдавать справедливость Парижу и Лондону, и въ то же время сильный и оригинальный мыслитель, котораго города не могутъ смутить, но который извлекаетъ изъ нихъ все, что̀ ему нужно и полезно,—вотъ кто годится быть представителемъ затронутаго нами здѣсь міросозерцанія.

Всѣ эти качества находятъ себѣ выраженіе въ личности Монтэня. Но, такъ какъ личное почитаніе, которое я культивирую къ Монтэню, можетъ, пожалуй, оказаться незаслуженно великимъ, то я имѣю въ виду, подъ щитомъ этого царя жрецовъ культа собственной личности, представить, въ оправданіе того, что въ своемъ выборѣ типичнаго представителя скептицизма я остановился именно на немъ, пару словъ, въ которыхъ я объясню, какимъ образомъ во мнѣ зародилась и росла любовь къ этому удивительному собесѣднику и мастеру легкаго разговора.

Единственный случайный томъ Коттонскаго перевода «Эссеевъ» (опытовъ) остался у меня изъ отцовской библіотеки, когда я былъ мальчикомъ. Долгое время лежалъ онъ, невѣдомый мнѣ, пока, по прошествіи многихъ лѣтъ, сейчасъ по окончаніи мною колледжа, я не прочелъ этой книги и не пріобрѣлъ вслѣдъ за тѣмъ остальныхъ томовъ ея. Я хорошо припоминаю восторгъ и удивленіе, въ которыхъ я подъ ея впечатлѣніемъ пребывалъ. Мнѣ казалось, словно я самъ написалъ эту книгу, когда-то въ теченіе прежней моей жизни, дотого искренно говорила она моему уму и опыту. Случилось такъ, что, будучи въ Парижѣ въ 1833 году, я на кладбищѣ Père Lachaise подошелъ къ могилѣ нѣкоего Огюста Коллиньона, умершаго въ 1830 году шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду, который, какъ гласила надпись на памятникѣ, «жилъ для того, чтобы поступать справедливо, и воспиталъ себя къ добродѣтельной жизни на «Эссеяхъ» Монтэня». Нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомился съ высокообразованнымъ англійскимъ поэтомъ Джономъ Стерлингомъ и въ продолженіе нашей взаимной переписки я узналъ, что, изъ любви къ Монтэню, онъ совершилъ паломничество къ его замку, все еще стоящему вблизи Кастеллана, въ Перигорѣ, и списалъ, по прошествіи двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, со стѣнъ его библіотеки надписи, которыя Монтэнь на нихъ дѣлалъ. Описаніе этого путешествія мистера Стерлинга, опубликованное въ «Вестминстерскомъ Обозрѣніи», мистеръ Hazlitt перепечаталъ въ Пролегоменахъ къ его изданію «Эссеевъ». Къ великой

своей радости, узналъ я, что одинъ изъ недавно найденныхъ автографовъ Уильяма Шекспира сдѣланъ на экземплярѣ Монтэня въ переводѣ Флоріо. Это единственная книга, о которой мы знаемъ, что она несомнѣнно принадлежала къ библіотекѣ поэта. И, довольно удивительно, экземпляръ-дубликатъ тома Флоріо, пріобрѣтенный Британскимъ музеемъ съ цѣлью, какъ мнѣ въ самомъ музеѣ объяснили, сохранить Шекспировскій автографъ, оказался съ надписью на чистой страницѣ, сдѣланною рукой Бэнъ Джонсона. Ли Гёнтъ сообщаетъ о лордѣ Байронѣ, что единственный великій писатель прошедшихъ временъ, котораго послѣдній читалъ съ явно выраженнымъ чувствомъ удовлетворенія, былъ Монтэнь. Кромѣ того, другія обстоятельства и случаи, о которыхъ упоминать здѣсь нѣтъ надобности, содѣйствовали тому, чтобы сдѣлать для меня этого стараго гасконца вѣчно новымъ и безсмертнымъ.

Въ 1571 году, по смерти своего отца, Монтэнь, которому тогда было тридцать восемь лѣтъ, оставилъ свою юридическую практику въ Бордо и поселился въ своемъ помѣстьѣ. Хотя онъ до того былъ человѣкомъ удовольствій и одно время придворнымъ, его ученыя привычки и наклонности съ этого времени стали расти и заняли въ его существованіи первенствующее мѣсто; жизнь деревенскаго барина своею регулярностью, степенностью и независимостью его привлекла, и онъ ее полюбилъ. Онъ очень серіозно и добросовѣстно взялся за свое хозяйство и поставилъ свои аренды такъ, что онѣ давали ему наибольшій доходъ. Прямой и открытый, врагъ всякаго обмана по отношенію къ себѣ и къ другимъ, онъ былъ высоко цѣнимъ во всей округѣ за свой умъ и честность. Во время гражданскихъ войнъ Лиги, превратившихъ каждый домъ въ крѣпость, Монтэнь держалъ ворота своего замка открытыми, не принявъ никакихъ мѣръ къ его укрѣпленію и защитѣ. Въ него свободно входили и изъ него выходили сторонники всѣхъ партій, такъ какъ мужество и порядочность Монтэна во мнѣніи всѣхъ стояли чрезвычайно высоко. Сосѣдніе помѣщики и дворяне отдавали ему на храненіе драгоцѣнности и бумаги. Гиббонъ считаетъ, что въ тѣ ханжескія, фанатическія времена, во Франціи было всего два истинно либеральныхъ, передовыхъ человѣка: Генрихъ IV и Монтэнь.

Монтэнь искреннѣйшій и честнѣйшій изъ всѣхъ писателей. Его французская вольность граничитъ съ непристойностью; но онъ напередъ заставилъ смолкнуть всякій упрекъ себѣ на этотъ счетъ полнотою своихъ открытыхъ признаній. Въ его времена книги писались исключительно для одного пола и почти всѣ на латинскомъ языкѣ, такъ, что извѣстная нагота въ изложеніи для юмориста являлась позволительной, между тѣмъ какъ нравы нашего времени, когда литература предназначена для читателей обоего пола, такого голаго натурализма не допускаютъ. Но, хотя бы даже библейская прямота въ сочетаніи съ далеко неканонической вольностью способна была удержать многихъ черезчуръ деликатныхъ читателей отъ чтенія его страницъ, тѣмъ не менѣе оскорбленное чувство приличія, якобы отъ нихъ страдающее, оказывается поверхностнымъ. Онъ пародируетъ этой манерой, выставляетъ ее напоказъ; слишкомъ уже много онъ ее подчеркиваетъ, и никто не можетъ думать или говорить о немъ хуже, чѣмъ онъ самъ. Онъ приписываетъ себѣ безчисленные пороки; и, если у него случайно найдется какая-либо хорошая сторона, она, говоритъ онъ, пробралась къ нему украдкой. По его мнѣнію, на свѣтѣ нѣтъ человѣка, который бы не заслужилъ въ своей жизни пять, шесть разъ быть повѣшеннымъ; и онъ нисколько не притязаетъ на то, чтобы составить исключеніе изъ этого общаго правила. «Пять или шесть такихъ же смѣшныхъ исторій, говоритъ онъ, можно разсказать и обо мнѣ, какъ и о всякомъ живомъ человѣкѣ». Но, не смотря на всю его дѣйствительно ненужную откровенность, въ душу каждаго изъ его читателей проникаетъ и въ ней ростетъ убѣжденіе въ его непобѣдимой честности. «Когда я самымъ строгимъ образомъ исповѣдываюсь передъ самимъ собою и заглядываю въ настоящую суть своей души, я нахожу въ лучшей добродѣтели, которой я обладаю, извѣстный оттѣнокъ порока; и я, не менѣе искренній и совершенный другъ добродѣтели такого закала, чѣмъ кто бы то ни было другой, опасаюсь, что Платонъ, при всей своей чистой и высокой добродѣтели, если бы онъ сталъ сильно вслушиваться, приложивши ухо къ себѣ самому, услышалъ бы въ своемъ сокровенномъ «я» болѣе или менѣе рѣжущій тонъ примѣси общечеловѣческихъ свойствъ, конечно, очень слабый,—

какъ бы издалека, и только ему одному слышный».

Въ этомъ замѣчается нетерпимость и отвращеніе ко всякаго рода прикрасамъ и притворству. Онъ слишкомъ долго жилъ при дворахъ, чтобы не получить неудержимой антипатіи къ показной сторонѣ; онъ готовъ позволить себѣ удовольствіе немного поскверословить и побожиться; онъ будетъ вамъ болтать съ матросами и цыганами, подхватитъ уличный жаргонъ и остроты, уличную пѣсенку; онъ столько лѣтъ жизни провелъ въ салонахъ и комнатахъ, что они опротивили ему до тошноты, до смерти; его тянетъ на вольный воздухъ, хотя бы на улицѣ дождило пулями. Онъ видѣлъ на своемъ вѣку слишкомъ много баръ въ длинныхъ робахъ, для того, чтобы испытывать желаніе имѣть уже дѣло съ дѣтьми природы, хотя бы въ образѣ каннибаловъ; и жизнь, полная дѣланности и искусственности, сдѣлала его дотого нервнымъ, что онъ пришелъ къ заключенію, что, чѣмъ ближе человѣкъ къ варварскому состоянію, тѣмъ лучше. Онъ любитъ оставаться въ своемъ сѣдлѣ. О теологіи, лингвистикѣ, метафизикѣ вы можете читать въ другихъ книгахъ. Все же, что̀ вы встрѣчаете у этого писателя, пахнетъ землей и дѣйствительной жизнью, все равно, имѣетъ ли оно сладкій или жгучій или ѣдкій вкусъ. Онъ не задумываясь подчуетъ васъ отчетами о своей болѣзни, и его путешествіе въ Италію изобилуетъ черезъ край подобнаго рода матеріаломъ. Онъ выбралъ и сохранилъ это положеніе равновѣсія. Онъ изобразилъ надъ своимъ именемъ эмблематическую пару чашекъ вѣсовъ и начерталъ подъ ними слова: Que sçais-je? Когда я гляжу на его изображеніе, помѣщенное противъ заглавной страницы, мнѣ словно слышится, что онъ произноситъ слѣдующія слова: «вы можете корчить изъ себя стараго воробья, если это вамъ нравится; вы можете шутки шутить и преувеличивать;—я стою здѣсь за одну правду и ни за какія царства и церкви и доходы, ни за какую угодно европейскую извѣстность не стану утверждать больше того, что̀ представляетъ собою сухой фактъ, какимъ я его вижу; я скорѣе буду мямлить и вести сухія, скучныя рѣчи о томъ, что̀ я доподлинно знаю—о своемъ домѣ и амбарахъ; о своемъ отцѣ, женѣ и крестьянахъ-арендаторахъ; о своей старой, тщедушной, лысой башкѣ; своихъ ножахъ и вилкахъ; о томъ, какія я ѣмъ блюда и какіе напитки предпочитаю, и о сотнѣ такихъ же смѣшныхъ пустяковъ,— чѣмъ возьмусь писать красивымъ вороньимъ крыломъ красивый романъ. Я люблю сѣрые дни и осеннюю, равно и зимнюю погоду. Я самъ сѣръ и ношу осенній отпечатокъ и считаю для себя наиболѣе подходящимъ домашній халатъ и старые башмаки, которые не жмутъ мнѣ ногъ, и старыхъ друзей, ни въ чемъ меня не стѣсняющихъ, да простыя ясныя матеріи, надъ которыми мнѣ не приходится напрягаться и сушить свой мозгъ. Наше положеніе, какъ людей, достаточно рискованно и щекотливо. И часа одного никто не можетъ быть увѣренъ въ себѣ самомъ и спокоенъ за свою судьбу; каждое мгновеніе человѣкъ можетъ быть сметенъ или же брошенъ въ какое-нибудь жалкое, либо смѣшное положеніе. Къ чему же мнѣ пыхтѣть и изображать собою философа вмѣсто того, чтобы снабдить человѣка балластомъ и сдѣлать, по мѣрѣ своихъ силъ, устойчивымъ этотъ швыряемый на волнахъ житейскаго моря шаръ? Такъ, по крайней мѣрѣ, я живу въ предѣлахъ мѣры, держу себя въ готовности къ дѣйствію и могу въ концѣ концовъ съ приличіемъ и достоинствомъ пронестись черезъ жизненный водоворотъ. Если бы въ подобнаго рода жизни оказалось что-либо шутовское и скоморошное, вина не моя: пусть это ляжетъ на совѣсти судьбы и природы».

«Эссеи», такимъ образомъ, представляютъ собою занимательную бесѣду съ самимъ собою на всевозможныя темы, которыя какъ разъ приходятъ ему въ голову, они трактуютъ всякій предметъ безъ церемоніи, но съ мужскимъ здравымъ смысломъ. Были люди большей глубины и проницательности; но не было, можно сказать, еще человѣка съ такимъ обиліемъ мыслей: онъ никогда не проявляетъ неискренности и обладаетъ изумительной способностью заинтересовывать и заставлять читателя призадуматься надъ всѣмъ, что̀ его интересуетъ, и надъ чѣмъ онъ самъ задумывается.

Искренность и духовное ядро этого человѣка проявляется въ каждомъ его сужденіи. Я не знаю другой книги, которая бы казалась менѣе книжной, писанной, чѣмъ его. Ея языкъ—языкъ разговорной рѣчи, перенесенный въ книгу. Разрѣжьте эти слова, и изъ нихъ польется кровь, до того они, если можно такъ выразиться, сосудисты и живыя.

Отъ него вкушаешь такое же удовольствіе, какое испытываешь, слушая обыденную рѣчь людей объ ихъ занятіяхъ или дѣлѣ, когда какое-нибудь необычайное обстоятельство придаетъ въ данный моментъ особенное значеніе ихъ разговору. Ибо кузнецы и извозчики говорятъ безъ запинки: ихъ разговоръ словно градъ пуль. Это ученые Кэмбриджской формаціи имѣютъ обыкновеніе исправлять себя и съизнова начинать на каждой полуфразѣ и, сверхъ того, готовы каламбурить да слишкомъ много проявлять тонкости и остроумія и съѣзжать съ самаго предмета на внѣшнюю форму выраженія. Монтэнь ведетъ свою болтовню остроумно, знаетъ свѣтъ и книги и самого себя и употребляетъ положительную степень; никогда не вопитъ, ни протестуетъ, ни молитъ, не позволяетъ себѣ ни единой слабости, судорожнаго трепета: превосходной степени въ его рѣчи нѣтъ мѣста; онъ не желаетъ выскочить изъ своей шкуры, или играть роль шутника, или же уничтожить пространство либо время, но всегда стоекъ и основателенъ; вкушаетъ каждый моментъ дня; находитъ вкусъ въ страданіи, оттого что оно заставляетъ его чувствовать самого себя и ощущать дѣйствительное бытіе вещей; какъ мы щиплемъ себя для того, чтобы убѣдиться, что мы бодрствуемъ. Онъ держится на равнинѣ; рѣдко подымается на высоту или спускается въ глубь; онъ любитъ чувствовать подъ собою твердую почву, покоющуюся на каменномъ фундаментѣ. Его стиль не отличается ни энтузіазмомъ, ни вдохновеніемъ; довольный, съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ держится середины пути. Одно лишь исключеніе дѣлается имъ,—тамъ, гдѣ проявляется его любовь къ Сократу. Какъ только рѣчь о немъ заходитъ, щеки Монтэня сразу загораются румянцемъ, и стиль его подымается на высоту страсти.

Монтэнь умеръ отъ жабы шестидесяти лѣтъ отъ роду, въ 1592 году. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ приказалъ служить мессу въ своей комнатѣ. Въ возрастѣ тридцати трехъ лѣтъ онъ женился. «Но,—говоритъ онъ,—имѣй я собственную волю, я бы не женился даже на самой мудрости, если бы она желала за меня выйдти; однако, избѣжать этого—вещьнелегкая, разъ таковъ уже обычай и заведенный порядокъ жизни. Большинство моихъ поступковъ руководилось примѣромъ, а не выборомъ». Въ свой смертный часъ онъ считался съ обычаемъ и придавалъ ему то же самое значеніе. Que sçai-je? Что я знаю?

Книгу Монтэня свѣтъ, подписавшись подъ нею, пустилъ въ ходъ, переведя ее на всѣ языки и отпечатавъ семьдесятъ пять изданій ея въ Европѣ; при этомъ ея обращеніе еще отличается извѣстнымъ выборомъ, а именно она имѣетъ главнымъ образомъ обращеніе среди царедворцевъ, солдатъ, принцевъ, людей свѣта и людей тонкаго ума и благородства.

Должны ли мы сказать, что Монтэнь говорилъ умно и далъ намъ надлежащее и постоянное выраженіе человѣческой души о путяхъ и образѣ жизни?

Мы отъ природы вѣрующіе. Насъ интересуетъ одна истина, или связь между причиной и дѣйствіемъ. Мы убѣждены, что нить проходитъ черезъ всѣ вещи: на нее всѣ міры, словно бусы, нанизаны; и люди и событія, и жизнь являютъ себя намъ единственно, благодаря этой нити; они проходятъ и вновь появляются только затѣмъ, чтобы мы могли знать направленіе и непрерывность этой линіи. Книга или утвержденіе, направленныя на то, чтобы показать намъ, что такой нити не существуетъ, а существуетъ лишь слѣпой случай и хаосъ, бѣдствіе, возникающее изъ ничего, удача, не поддающаяся никакому объясненію, герой, рождающійся отъ дурня, а дурень отъ героя,—способны привести насъ въ уныніе. Видимъ мы ее или не видимъ, мы вѣримъ, что указанная связь существуетъ. Талантъ создаетъ фальшивыя связи; геній находитъ настоящія, дѣйствительныя. Мы прислушиваемся къ человѣку науки, оттого что мы предвосхищаемъ порядокъ и послѣдовательность въ явленіяхъ природы, которыя онъ открываетъ. Мы любимъ все, что утверждаетъ, связываетъ и сохраняетъ, и намъ нелюбо все, что разбрасываетъ и ниспровергаетъ. Появляется человѣкъ, натура котораго въ глазахъ всѣхъ людей представляется охранительной и созидательной, наличность такого человѣка предполагаетъ благоустроенное общество, агрикультуру, торговлю, обширныя учрежденія, государственное устройство. Если бы всего этого не существовало, оно бы возникло его трудами. Поэтому онъ радуетъ и бодритъ людей, которые легко все это въ немъ чуютъ.

Раскольники, диссиденты и люди мятежнаго духа говорятъ всякаго рода безотвѣтныя вещи противъ существующаго строя, но нашему уму они не предъявляютъ никакого плана своего собственнаго домостроительства или плана государственнаго строя. Поэтому, хотя бы городъ и государство и строй жизни, составлявшіе предметъ наблюденій и созерцаній нашего мудреца-отрицателя, и представляли собою среду весьма скромнаго или мѣщанскаго счастія, тѣмъ не менѣе люди стоятъ за это счастье и отвергаютъ реформатора до тѣхъ поръ, пока онъ является съ однимъ только топоромъ и ломомъ.

Но, хотя мы отъ природы консерваторы и доискиваемся причинной связи между явленіями и отвергаемъ кислое, угрюмое невѣріе, тѣмъ не менѣе представляемый Монтэнемъ классъ скептиковъ правъ, и всякій человѣкъ извѣстное время принадлежитъ къ нему. Всякій возвышенный духъ долженъ пройти черезъ эту стадію духовнаго равновѣсія, или, вѣрнѣе, долженъ познать, какъ нужно пользоваться тормозами и вѣсами въ природѣ, въ качествѣ естественнаго оружія противъ преувеличеній и сухого формализма религіозныхъ ханжей и болвановъ.

Скептицизмъ есть отношеніе, въ которое пытливый духъ становится къ отдѣльнымъ кумирамъ и предметамъ поклоненія общества, которые, онъ видитъ, достойны обожанія, только въ своемъ направленіи и духѣ. Почва, на которой стоитъ скептикъ, представляетъ собою преддверіе храма. Общество не любитъ, чтобы на существующій порядокъ бросалась малѣйшая тѣнь вопроса и сомнѣнія. Но всестороннее изслѣдованіе и критическая оцѣнка господствующаго обычая является неизбѣжной стадіей въ процессѣ развитія и роста каждаго выдающагося духа и служитъ наглядным доказательствомъ того, что онъ воспринимаетъ и постигаетъ ту текучую силу, которая во всѣхъ превращеніяхъ остается одной и той же.

Выдающійся духъ одинаково будетъ возставать противъ золъ общественной жизни, какъ и противъ проектовъ, предлагаемыхъ къ ихъ устраненію. Мудрый скептикъ—плохой гражданинъ: онъ не консерваторъ, онъ видитъ себялюбіе, лежащее въ основѣ собственности, и косную неподвижность человѣческихъ учрежденій. Но въ то же время онъ не годится для совмѣстной работы съ любою изъ когда-либо образовавшихся демократическихъ партій, ибо партіи требуютъ отъ всякаго изъ своихъ членовъ полнѣйшей преданности и подчиненности, онъ же видитъ насквозь и знаетъ, что такое народный патріотизмъ. Его политика та же, что и «Порученія Души» («Soul's Errand») сэра Вольтера Ралей (Raleigh), или что политика Кришны въ Бахаватѣ, выразившаяся въ словахъ: «нѣтъ на свѣтѣ, ни одного человѣка, достойнаго моей любви или ненависти»,—въ то время, какъ онъ произноситъ свои сужденія о законахъ, явленіяхъ природы, божествѣ, торговлѣ и обычаѣ. Онъ, по своимъ убѣжденіямъ, реформаторъ, что отнюдь не дѣлаетъ его сколько-нибудь лучшимъ членомъ филантропическаго общества. Оказывается, что не онъ является передовымъ борцомъ за трудящіеся, бѣдные классы, за тѣхъ, кто въ плѣну или въ порабощеніи. Для его ума ясно, что наша жизнь на семъ свѣтѣ далеко не такъ легко поддается объясненію, какъ это утверждаютъ церкви и учебники. Онъ не желаетъ выступать противъ этихъ благотворительныхъ стремленій, въ качествѣ адвоката-дьявола, и раздувать всякое сомнѣніе и иронію, помрачающія передъ нимъ солнце. Но онъ говоритъ: для сомнѣній существуетъ достаточно основаній.

Я полагаю воспользоваться случаемъ и чествовать день нашего Сенъ-Мишель де Монтэня перечисленіемъ и описаніемъ этихъ сомнѣній или отрицаній Я хочу откопать ихъ изъ ихъ норъ и выставить немного на солнце. Мы должны поступать съ ними такъ, какъ полиція поступаетъ со старыми проходимцами, выставляемыми публично напоказъ въ судейской камерѣ. Они ужъ не будутъ столь страшны, разъ ихъ сличили и зарегистрировали. Но я относительно нихъ думаю открыто и честно, что всѣмъ ихъ ужасамъ должна быть оказана справедливость. Я не стану приводить возраженій изъ воскресныхъ проповѣдей, дѣлаемыхъ только затѣмъ, чтобы быть опровергнутыми. Я возьму худшее изъ всего, что я могу найти, все равно, справлюсь ли я съ нимъ или они со мной.

Я не стану напирать на скептицизмъ матеріалистовъ. Я знаю, что воззрѣніе четвероногихъ не будетъ господствующимъ. Что думаютъ летучія мыши и волы, безразлично. Первый опасный симптомъ, на который

мнѣ приходится указать, это непостоянство интеллекта, какъ будто обширное знаніе роковымъ образомъ должно отражаться на всякой глубинѣ и серіозности. Знаніе есть познаніе того, что мы ничего знать не можемъ. Тупые люди молятся; геній слегка насмѣхается. Какъ почтенна серіозность на всякой аренѣ! Но интеллектъ, разсудочность ее убиваетъ. Да, что̀ тутъ; мой удивительно тонкій другъ Санъ-Карло, одинъ изъ проницательнѣйшихъ людей, находитъ, что всякое прямое вознесеніе, даже такое, какое представляетъ собою высшренняя благочестивость, ведетъ къ этому убійственному взгляду и низвергаетъ обратно на землю беззавѣтно вѣрующаго совершенно осиротѣлымъ. Мой изумительный Санъ-Карло считалъ законодателей и святыхъ зараженными этой болѣзнью. Они нашли ковчегъ пустымъ; они это видѣли, но не пожелали сказать, и не хотѣли дать своимъ приближающимся послѣдователямъ увидѣть то же самое, для чего и отвлекали ихъ въ обратную сторону словами: «дѣйствовать, дѣйствовать, безъ разсужденія—вотъ въ чемъ, дорогіе послѣдователи, ваша задача!» Какъ ни плохо пришлось мнѣ отъ такого открытія Санъ-Карло, схватившаго меня, словно морозъ среди іюля, словно ударъ отъ руки возлюбленной,—гораздо бо̀льшимъ разочарованіемъ для меня была откормленность и пресыщенность святыхъ. Въ самомъ разгарѣ своего ясновидѣнія, еще не успѣвши подняться, оставаясь на колѣняхъ, они заявляютъ: «мы видимъ, что это благоговѣніе наше и блаженство неполно и искажено: намъ необходимо призвать на помощь навлекшій на себя столько хулы и подозрѣній интеллектъ, разсудокъ, Мефистофеля, гимнастику таланта».

Это—первое пугало, первый домовой, и хотя оно служило сюжетомъ многихъ элегическихъ твореній нашего девятнадцатаго вѣка,—Байрона, Гёте и другихъ поэтовъ не столь громкой славы, не говоря уже о многихъ выдающихся, но оставшихся въ неизвѣстности наблюдателяхъ,—я долженъ сознаться, что на мое воображеніе оно не очень сильно дѣйствовало, ибо здѣсь, кажется, все сводится къ приведенію въ трепетъ и сотрясенію кукольныхъ ящиковъ и глиняныхъ лавокъ. То, что̀ волнуетъ Римскую церковь, или англиканскую, или церковь Женевы или Бостона, можетъ въ сущности быть очень далекимъ отъ того, чтобы затрогивать какой-нибудь истинно-религіозный принципъ. Я считаю, что интеллектъ и нравственное чувство должны собою представлять нѣчто согласное, совпадающее другъ съ другомъ; и что философія, хотя изгоняетъ всякія пугала и призраки, въ то же время создаетъ естественныя препятствія пороку и содѣйствуетъ полярности души. Я полагаю, что чѣмъ человѣкъ мудрѣе, тѣмъ поразительнѣе долженъ ему казаться физическій и нравственный порядокъ вещей, тѣмъ скорѣе онъ долженъ возвыситься до болѣе абсолютнаго довѣрія.

Есть затѣмъ власть настроеній, изъ которыхъ каждое ставитъ въ ничто все рѣшительно, за исключеніемъ собственной, имъ самимъ созданной ткани фактовъ и вѣрованій. Есть далѣе власть душевнаго склада, темперамента, несомнѣнно опредѣляющая наклонности и чувствованія. Всякіе виды вѣры и невѣрія, повидимому, носятъ структурный, органическій характеръ; и какъ только любой человѣкъ достигаетъ вѣса и живости, необходимыхъ для того, чтобы вся его духовная машина пошла въ ходъ, ему не надо крайнихъ примѣровъ, онъ въ своей собственной жизни пройдетъ черезъ всѣ фазы смѣняющихъ другъ друга воззрѣній. Наша жизнь представляетъ собою мартовскую погоду, бурную и ясную въ теченіе одного и того же часа. Мы шествуемъ впередъ серіозно, беззавѣтно, вѣря въ желѣзныя цѣпи судьбы, и будучи далеки отъ того, чтобы повернуть назадъ или пойти вспять, хотя бы для спасенія своей жизни; но одна какая-нибудь книга, или бюстъ, или только звукъ одного имени можетъ пустить искру по всѣмъ нашимъ нервамъ, и мы вдругъ начинаемъ вѣрить въ волю, мой перстень становится печатью Соломона; судьба, оказывается, существуетъ лишь для жалкихъ и безсильныхъ; все становится возможнымъ для полной рѣшимости души. Вдругъ новый опытъ жизни даетъ новое направленіе нашимъ мыслямъ: обыкновенный здравый смыслъ снова вступаетъ въ свои неограниченныя права тиранна; мы говоримъ: «Отлично, военная карьера, въ концѣ концовъ, все-таки путь къ славѣ, къ хорошимъ манерамъ, къ поэзіи; и, посмотрите,—въ общемъ лучше всего строитъ и сѣетъ, лучше всего взращиваетъ, лучшія дѣла ведетъ и лучшихъ гражданъ производитъ себялюбіе». Неужели воззрѣнія людей на право и беззаконіе, на судьбу и причинность зависятъ отъ

произвола случая, прерывающаго сонъ или нарушающаго правильное пищевареніе? Неужели вѣра человѣка въ Бога и Долгъ не представляетъ собою нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ показатель состоянія желудка и обусловливаемаго имъ настроенія? И какая существуетъ гарантія постоянства и неизмѣнности его воззрѣній? Я не люблю французской быстроты: каждую недѣлю новая церковь и новый государственный строй. Это второе отрицаніе, и про меня пусть оно слываетъ всѣмъ, чѣмъ хочетъ. Поскольку оно удостовѣряетъ круговоротъ душевныхъ состояній, оно, я допускаю, носитъ въ себѣ свое собственное цѣлебное средство, заключающееся въ созерцаніи и охватѣ взоромъ болѣе длинныхъ періодовъ. Въ чемъ смыслъ многихъ состояній? Утверждаетъ ли общій голосъ столѣтій какой-либо принципъ или въ отдаленныхъ другъ отъ друга временахъ и мѣстахъ невозможно обнаружить общаго, основного чувства? И если это отрицаніе показываетъ силу личнаго, эгоистическаго интереса, я принимаю его, какъ частное дѣйствіе божественнаго закона, и долженъ стараться по мѣрѣ своихъ силъ примирить его съ высшими стремленіями.

Слово рокъ или судьба выражаетъ испытываемое человѣчествомъ во всѣ времена чувство, что законы міра не всегда намъ благопріятствуютъ, но часто насъ повреждаютъ и раздавливаютъ. Рокъ въ образѣ «Kinde» (предрасположенія) или природы поростаетъ надъ нами подобно травѣ. Мы изображаемъ Время съ косой, Любовь и Счастіе слѣпыми, а Судьбу глухою. Мы обладаемъ слишкомъ незначительной силой сопротивленія этой дикой власти, которая насъ съѣдаетъ. Что можемъ мы противопоставить этимъ неизбѣжнымъ, злымъ силамъ? Что я могу сдѣлать противъ наслѣдственныхъ и конституціональныхъ предрасположеній и свойствъ? противъ золотухи, лимфатичности, немощности? противъ климатическихъ вліяній и варварства, господствующихъ въ моей странѣ? Я могу резонируя все ниспровергнуть или отрицать, только не это вѣчное Брюхо: жрать оно должно и не перестанетъ, и сдѣлать его почтеннымъ не въ моей власти.

Но главное сопротивленіе, встрѣчаемое утвердительными порывами, импульсами позитивизма, и заключающее въ себѣ всѣ остальныя возраженія, содержится въ доктринѣ иллюзіонистовъ. Существуетъ довольно тягостный взглядъ, что мы, такъ сказать, механически напрактикованы во всѣхъ главныхъ актахъ жизнедѣятельности, и что свобода воли и дѣйствія одинъ лишь пустой звукъ. Мы напитаны и напичканы воздухомъ, пищей, женой и дѣтьми, знаніями, событіями и, не смотря на все это, мы не двигаемся съ мѣста. Математика, высказывалось сожалѣніе, оставляетъ душу въ томъ же положеніи, въ какомъ она ее нашла; то же самое и со всѣми науками, со всѣми событіями и дѣйствіями. Я нахожу человѣка, прошедшаго курсъ всѣхъ наукъ, тѣмъ же чурбаномъ, какимъ онъ былъ, и мнѣ не трудно, какія бы ученыя, государственныя и общественныя должности онъ ни занималъ, замѣтить въ немъ ребенка. Мы тѣмъ не менѣе вынуждены посвящать всѣмъ этимъ вещамъ нашу жизнь. Коротко говоря, мы въ концѣ концовъ въ состояніи дойти до того, чтобы признавать установленнымъ правиломъ и теоріей нашего воспитанія то, что Богъ есть субстанція, а его методъ — иллюзія. Мудрецы Востока вѣрили въ богиню Іоганидру, великую, обманчивую, иллюзорную энергію Вишну, которою, какъ крайнимъ выраженіемъ невѣжества, весь свѣтъ вводится въ заблужденіе.

Или не выразить ли мнѣ этого такъ? Изумительная сторона жизни заключается въ отсутствіи всякаго намека на примиреніе между теоріей и практикой жизни. Разумъ, хваленная дѣйствительность, законъ время отъ времени постигается, въ качествѣ яснаго и глубокаго момента среди гама заботъ и трудовъ, не имѣющихъ къ нему прямого отношенія;—но потомъ онъ утрачивается на цѣлые мѣсяцы и годы и затѣмъ снова на извѣстное время обрѣтается для того, чтобы опять утратиться. Если сосчитать повремени, то окажется, что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ у насъ наберется съ полъ-дюжины разумныхъ часовъ. Но развѣ отъ этого тѣ заботы и труды становятся лучше? Методическаго плана въ міроздапіи мы не видимъ, но замѣчаемъ лишь этотъ параллелизмъ между великимъ и малымъ, никогда другъ на друга не реагирующими и никогда не обнаруживающими ни малѣйшаго стремленія къ совпаденію, конвергированію. Опыты жизни, матеріальныя блага, правленія, чтенія, писанія не имѣютъ въ данномъ отношеніи никакой цѣны; такъ при появленіи въ комнатѣ новаголица, на немъ не написано, питалось ли оно муч-

ной пищей (ямсомъ) или мясомъ буйволовъ; видно лишь, что оно успѣло нагулять костей и мускуловъ, сколько ему нужно, чѣмъ бы оно тамъ ужъ ни питалось, рисомъ ли или снѣгомъ. Несоразмѣрность между небомъ идеальнаго, всеобъемлющаго закона и копошащимся подъ нимъ муравьемъ труда и дѣятельности дотого огромна, что обстоятельство, представляетъ ли собою человѣкъ цѣнную личность или убожество, не имѣетъ столь великаго значенія, какое мы ему придаемъ. Долженъ ли я въ дополненіе къ сказанному привести, въ качествѣ примѣра обмана этихъ чаръ, поразительное дѣйствіе закона необщительности, дѣлающаго кооперацію невозможной? Юный духъ жаждетъ вступить въ общество. Но всѣ пути образованія и величія ведутъ къ одинокой замкнутости. Ему приходилось часто испытывать разочарованія. Сочувствія своему образу мыслей онъ не ожидалъ отъ деревни, но, открывая ихъ избраннымъ и умственно развитымъ, онъ тоже не встрѣчалъ поддержки, а одно лишь непониманіе, неудовольствіе и насмѣшки. Люди появляются удивительно несвоевременно и не тамъ, гдѣ слѣдовало бы, и превосходство каждаго изъ нихъ является воспламененнымъ индивидуализмомъ, который еще больше отдѣляетъ человѣка отъ другихъ.

Эти вотъ и еще много другихъ болѣзней мышленія наши обыкновенные учителя не дѣлаютъ попытокъ устранить. Должны ли мы оттого, что добрая натура въ насъ направляетъ наши склонности въ сторону добродѣтели, утверждать, что сомнѣній не существуетъ, и сознательно лгать ради того, что—право. Слѣдуетъ ли проводить жизнь мужественно или трусливо? И не является ли потребность въ удовлетворительномъ разрѣшеніи сомнѣній существенною для всякаго мужественнаго характера? Должно ли названіе добродѣтели служить барьеромъ тому, что̀ есть дѣйствительная добродѣтель? Развѣ вы не можете вѣрить тому, что человѣкъ серіозный и основательный способенъ находить очень мало удовлетворенія въ чаѣ, литературныхъ опытахъ и катехизисѣ, а нуждается въ болѣе суровой школѣ, нуждается въ живыхъ людяхъ, трудѣ, торговой, сельско-хозяйственной дѣятельности, испытаніяхъ войны, голода, достатка черезъ край, любви, ненависти, сомнѣнія и ужаса,—для того, чтобы вещи для него стали ясны, и онъ понялъ ихъ настоящій смыслъ; и не имѣетъ ли такой человѣкъ права настаивать на томъ, чтобы на свой собственный ладъ достигнуть убѣжденія? Достиженіе такового будетъ, по крайней мѣрѣ, стоить потраченныхъ имъ на то трудовъ и мучительныхъ усилій.

Вѣра заключается въ томъ, чтобы принимать утвержденія души, невѣріе—въ томъ, чтобы ихъ отрицать. Нѣкоторые умы не способны къ скептицизму. Сомнѣнія, которыя, по ихъ заявленію, они питаютъ, представляютъ собою акты вѣжливости или приспособленія къ общему духу разговоровъ въ окружающей ихъ компаніи или средѣ. Они легко могутъ отдаваться умозрѣнію, ибо они увѣрены, что вернутся къ своему обычному складу мыслей. Разъ будучи допущены на небо мысли, они уже не знаютъ возврата къ прежней ночи, а чувствуютъ передъ собою безконечное приглашеніе и просьбы туда, на другую сторону. Передъ ними за однимъ небомъ открывается другое, рай за раемъ, и кругомъ ихъ сонмы божествъ. Есть и другіе, для которыхъ небо окружено непроницаемой броней, закрывающей его вплоть до поверхности земли. Это—вопросъ темперамента или бо̀льшаго или меньшаго проникновенія въ природу. Послѣдній изъ указанныхъ классовъ людей необходимо долженъ обладать отраженной или паразитарной вѣрой; способностью видѣть реальность, дѣйствительную суть вещей они сами не обладаютъ, но они инстинктивно вѣрятъ и полагаются на тѣхъ, кто видитъ и вѣритъ въ реальность. Привычки и мысли вѣрующихъ ихъ изумляютъ и убѣждаютъ въ томъ, что эти люди видѣли нѣчто такое, что̀ остается скрытымъ для нихъ самихъ. Но ихъ чувственный складъ готовъ пригвоздить вѣрующаго къ его послѣдней позиціи, въ то время какъ онъ такъ же неизбѣжно долженъ идти впередъ; оттого и бываетъ, что невѣрящій, изъ любви къ вѣрѣ, сжигаетъ вѣрующаго.

Люди великой вѣры всегда считаются невѣрными, непрактичными, фантазерами, атеистами и вообще такими, которыхъ рѣшительно нечего принимать въ счетъ. Спиритуалистъ видитъ себя вынужденнымъ выражать свою вѣру рядомъ скептическихъ воззрѣній. Сострадательныя души являются къ нему со своими проектами и требуютъ его содѣйствія. Можетъ ли онъ колебаться? Правило простѣйшей обходительности и вѣжливости велитъ согласиться тамъ, гдѣ чело-

вѣкъ можетъ, и выражать свои сужденія въ болѣе или менѣе благопріятномъ, а не холодномъ и зловѣщемъ духѣ. Но онъ вынужденъ сказать: о, эти вещи останутся такими, какими онѣ быть должны; что́ вы съ этимъ подѣлаете? Эти частныя печали и преступленія являются листвою и плодами тѣхъ деревьевъ, которыя ростутъ на нашихъ глазахъ. Безполезно жаловаться на листъ или ягоды; срѣжь ихъ, на деревѣ выростутъ другіе, такіе же дурные. Свое врачеваніе вамъ слѣдуетъ начать ниже и глубже. Обыденные акты благотворительности и благородства оказываются для него неподатливымъ, неподходящимъ элементомъ. Вопросы, занимающіе большинство людей, его не интересуютъ; ихъ методы не его методы; и противъ всѣхъ предписаній добросердечія онъ принужденъ высказатся, что онъ въ нихъ не находитъ никакого удовольствія.

Даже ученія, дорогія чувству и связанныя съ упованіями и надеждой человѣчества, его ближніе не въ состояніи выразить въ такомъ положеніи, съ которымъ бы онъ могъ согласиться. Но онъ ихъ отрицаетъ не потому, что у него меньше вѣры, а потому, что у него ея больше. Онъ отрицаетъ изъ добросовѣстности. Онъ готовъ подвергнуться скорѣе упреку въ убожествѣ своего скептизма, чѣмъ въ неправдивости. Я вѣрю, говоритъ онъ, въ нравственную цѣль міра; онъ устроенъ гостепріимно для блага душъ; но ваши догмы въ моихъ глазахъ представляются каррикатурами; къ чему же мнѣ содѣйствовать тому, чтобы въ нихъ вѣрили? Кто скажетъ, что такое отношеніе свидѣтельствуетъ о холодѣ души и невѣріи? Мудрые и великодушные люди этого не скажутъ. Они будутъ униматься его дальновиднымъ, благожелательнымъ душевнымъ складомъ, позволяющимъ человѣку оставить за противникомъ въ неприкосновенности всю область традиціи и установившейся вѣры, не поступаясь ни на іоту силою своихъ убѣжденій. Человѣкъ такого склада проникаетъ своимъ взоромъ до самаго конца во всякое состояніе перехода. Джорджъ Фоксъ видѣлъ, что существуетъ «океанъ тьмы и смерти, но въ то же время и безконечный океанъ свѣта и любви, разливающійся вокругъ моря мглы».

Конечное разрѣшеніе проблемы, въ которомъ скептицизмъ растворяется, заключается въ нравственномъ чувствѣ, которое никогда не утрачиваетъ своего верховенства. Всѣ душевныя настроенія безопасно могутъ быть испытаны и относительно своего вѣса и значенія подвергнуты всякаго рода критическимъ возраженіямъ; нравственное чувство такъ же легко ихъ всѣхъ вмѣстѣ перевѣшиваетъ, какъ и любое въ отдѣльности. Это—капля, образующая противовѣсъ цѣлому морю. Я играю съ многообразіемъ фактовъ и держусь тѣхъ поверхностныхъ взглядовъ, которые мы называемъ скептическими; но я знаю, что они сейчасъ же представляются мнѣ въ такомъ порядкѣ, который дѣлаетъ всякій скептицизмъ невозможнымъ. Человѣкъ мысли долженъ чувствовать мысль, являющуюся родоначальницей, лежащую въ основѣ вселенной: мысль, что массы природы, ея содержаніе, пребываютъ въ вѣчномъ волненіи и теченіи.

Эта вѣра служитъ твердой почвой во всѣхъ случаяхъ жизни и при всякомъ складѣ вещей. Міръ насыщенъ божественнымъ и закономѣрнымъ началомъ. Носящій въ себѣ эту основную мысль со спокойнымъ довольствомъ беретъ всѣ вещи, какъ онѣ есть: справедливое и несправедливое, глупцовъ и дураковъ, торжество глупости и лжи. Онъ въ состояніи, сохраняя ясность души, взирать на зіяющую пропасть, лежащую между честолюбивыми стремленіями человѣка и его творческими способностями, между спросомъ на духовную силу и ея предложеніемъ и составляющую весь трагизмъ душевной жизни.

Шарль Фурье возвѣстилъ, что «влеченія человѣка находятся въ пропорціональномъ отношеніи къ его судьбамъ»; другими словами, что всякое желаніе предсказываетъ свое собственное удовлетвореніе. Но опытъ дѣйствительности показываетъ какъ разъ обратное; недостатокъ силы—предметъ постоянныхъ жалобъ молодыхъ и пылкихъ умовъ. Они упрекаютъ божественное Провидѣніе въ нѣкотораго рода скаредности. Оно показало небо и землю всякому ребенку и наполнило его тяготѣніемъ къ всецѣлому; неистовымъ, безконечнымъ тяготѣніемъ; алканіемъ, подобнымъ тому, которое присуще пространству, алчущему наполниться планетами; крикомъ голода, напоминающимъ голодный крикъ дьяволовъ по душамъ. А что́ касается удовлетворенія, то каждому человѣку удѣлено по одной каплѣ: жемчужина росы жизненной силы въ день,—чаша, въ которой вмѣстимость такъ необъятна, какъ міровое пространство, и въ ней одна лишь капля

жизненной влаги. Каждый человѣкъ всталъ утромъ со сна, чувствуя аппетитъ, съ которымъ онъ могъ бы съѣсть всю солнечную систему, словно пирогъ, съ пламенной жаждой безпредѣльной дѣятельности и страсти; онъ, казалось, былъ въ состояніи рукою достать утреннюю звѣзду, экспериментировать и производить логическіе процессы надъ всемірнымъ тяготѣніемъ и химическими законами, для извлеченія самостоятельныхъ выводовъ; но при первомъ движеніи, сдѣланномъ съ цѣлью испробовать свою силу, руки, ноги, чувства отказались повиноваться и не хотѣли служить ему. Онъ очутился въ положеніи царя, которому подвластныя царства измѣнили, и которому ничего другого не осталось, какъ насвистывать самому себѣ или же смѣшаться съ толпою безземельныхъ царей, насвистывающихъ хоромъ: и, словно пѣніе сиренъ, не переставало въ ушахъ его раздаваться: «влеченія человѣка находятся въ пропорціональномъ соотношеніи къ его судьбамъ». Въ каждомъ домѣ, въ сердцѣ каждой дѣвушки и каждаго мальчика, въ душѣ уносящагося на крыльяхъ стремленій въ небесную высь святого, зіяетъ эта пропасть между широчайшими обѣтами идеальной мощи и жалкой дѣйствительностью.

Экспансивная природа истины приходитъ намъ на помощь, во всей своей эластичности и незамыкаемости. Человѣкъ выручаетъ самого себя при помощи болѣе широкихъ обобщеній. Урокъ жизни заключается въ томъ, чтобы научить насъ прежде всего обобщать, вѣрить тому, что̀ годы и столѣтія говорятъ намъ противъ голоса часовъ, оказывать отпоръ тиранніи частностей и отдѣльныхъ фактовъ, проникать въ ихъ каѳолическій, вселенскій смыслъ. Вещи какъ-будто имѣютъ въ виду сказать намъ одно, а въ дѣйствительности говорятъ какъ разъ обратное. Наружная, казовая сторона явленія неправственна, нравственъ результатъ. Ходъ вещей, по внѣшнему виду, имѣя низменную тенденцію, оправдываетъ малодушіе, поощряетъ негодяевъ, разбиваетъ стремленія праведныхъ; плуты, какъ и мученики идеи, одинаково споспѣшествуютъ правому дѣлу. Хотя во всякой политической борьбѣ въ выигрышѣ остаются плуты и мошенники, и хотя ходъ цивилизаціи представляетъ собою не что иное, какъ непрерывный рядъ преступленій, — тѣмъ не менѣе въ конечномъ результатѣ всеобщія, міровыя цѣли такъ или иначе достигаются. Мы видимъ теперь какъ-разъ велительное осуществленіе событій, которыя культура въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, казалось, задерживала и даже силилась повернуть назадъ. Но міровой духъ оказывается хорошимъ пловцомъ, и бури и волны безсильны его потопить. Онъ потѣшается надъ законами: и такимъ образомъ, черезъ весь историческій процессъ небо какъ-бы пользуется низменными и убогими средствами. Сквозь годы и столѣтія, сквозь дурныя дѣйствующія начала и факторы зла, сквозь тьму бездѣлицъ и атомовъ, пробиваясь, несется неудержимый потокъ великаго и благотворнаго стремленія.

Пусть человѣкъ научится высматривать постоянное среди мѣняющагося и текучаго; пусть онъ учится выносить исчезновеніе вещей, которыя онъ привыкъ чтить, не теряя при этомъ своего почтенія къ нимъ; пусть онъ познаетъ, что онъ здѣсь не для того, чтобы дѣйствовать, но чтобы самому подвергнуться воздѣйствію, и что, хотя одна бездна и открывается подъ другою и одно воззрѣніе вытѣсняетъ другое, все въ концѣ концовъ заключено въ Вѣчной Причинѣ.

«И если челнъ мой тонетъ, онъ тонетъ въ новыя моря» [1]).

---

[1]) «If my bark sink, 't is to another sea».— изъ стихотворенія «The Poet's Hope» Вильяма Эллери Чаннинга, выдающагося американскаго проповѣдника и публициста, главы секты унитаріанцевъ. Переводч.

V.

ШЕКСПИРЪ, ИЛИ ПОЭТЪ.

Великіе люди выдѣляются больше своимъ всеобъемлющимъ духомъ и далью кругозора, чѣмъ оригинальностью. Если оригинальность мы будемъ признавать лишь въ томъ, чтобы ткать, подобно пауку, свою ткань изъ своихъ же собственныхъ внутренностей, въ томъ, чтобы самому находить глину и дѣлать изъ нея кирпичи и строить ими домъ,— то ни одинъ великій человѣкъ не окажется оригинальнымъ. Да и настоящая оригинальность не заключается въ томъ, чтобы не походить на другихъ людей. Герой дѣйствуетъ среди сплоченнаго ряда бойцовъ, подъ градомъ событій, онъ видитъ, къ чему люди стремятся, и, раздѣляя ихъ стремленія, онъ поддерживаетъ ихъ своимъ орлинымъ, всеохватывающимъ взоромъ и широкимъ розмахомъ своей мощной десницы, съ помощью которыхъ желанная цѣль и достигается. Чѣмъ геній болѣе великъ, тѣмъ больше онъ обязанъ другимъ. Поэтъ представляетъ собою не безразсуднаго болтуна, мелющаго все, что̀ ему взбредетъ на умъ, и благодаря тому, что онъ пережёвываетъ всякую всячину, говорящаго иногда дѣльное; а—сердце, бьющееся въ унисонъ со своимъ временемъ и страной. Въ его твореніяхъ нѣтъ ничего причудливаго и фантастическаго; они полны сладкой и серіозной грусти, дышутъ самыми глубокими убѣжденіями и направлены на вполнѣ опредѣленную цѣль, какую только видитъ предъ собою и сознаетъ любой изъ людей или цѣлыхъ классовъ современнаго общества.

Геній нашей жизни ревниво относится къ отдѣльнымъ индивидуальностямъ и не желаетъ никакой индивидуальности признавать великой иначе, какъ благодаря массѣ, всей совокупности. Для генія нѣтъ выбора. Великій человѣкъ не встаетъ въ одно прекрасное утро и говоритъ: «Я полонъ жизни, я хочу выйти въ океанъ и открыть антарктическій материкъ, я хочу сегодня опредѣлить квадратуру круга, я хочу перерыть всю ботанику и найти новыя растительныя вещества для питанія человѣка; я ношу въ своемъ умѣ новые архитектурные замыслы; я провижу новую механическую силу», нѣтъ, на что-либо подобное онъ не претендуетъ; но онъ чувствуетъ себя въ потокѣ умственнаго движенія и событій носящимся впередъ подъ давленіемъ идей и нуждъ современниковъ. Онъ стоитъ тамъ, откуда всѣ люди устремляютъ свои взоры на одинъ путь и указываютъ руками то направленіе, въ какомъ ему слѣдуетъ идти. Церковь взростила его въ своихъ обрядахъ и церемоніяхъ, онъ и осуществляетъ то, чему учила и что навѣяла на него ея музыка, и создаетъ каѳедральный храмъ, какой ей нуженъ для ея пѣній и процессій. Вокругъ него свирѣствуетъ война; воспитывая его трубнымъ звукомъ, въ казармахъ и лагеряхъ, она находитъ въ немъ преобразователя, содѣйствующаго прогрессу военной техники и обученія военному искусству. Онъ видитъ, что два округа ищутъ ощупью путей для сбыта угля, либо мукй, либо рыбы съ мѣста ихъ добычи въ мѣсто потребленія, и его осѣняетъ мысль о проведеніи въ этомъ направленіи желѣзной дороги. Всякій мастеръ находилъ уже заготовленными необходимые ему матеріалы, его сила въ томъ и заключалась, что онъ симпатизировалъ, чувствовалъ себя заодно съ окружающими и относился съ любовью къ матеріалу, надъ которымъ работалъ. Какая въ этомъ экономія, какое сбереженіе силы! И какое возмѣщеніе кратковременности жизни! Все работало ему въ руку. Свѣтъ его, такимъ образомъ, выдвинулъ далеко впередъ на его пути. Человѣческій родъ ему предшествовалъ, снесъ холмы, засыпалъ овраги и перекинулъ мосты черезъ рѣки. Отдѣльные люди, цѣлыя націи, поэты, ремесленники, женщины,—всѣ для него работали, и онъ прямо вступаетъ въ готовую область ихъ трудовъ. Выбери онъ какую-либо иную вещь, въ сторонѣ отъ линіи общаго теченія лежащую, внѣ національныхъ чувствъ и исторіи, ему пришлось бы все, раньше него сдѣланное, самому создавать; при первыхъ же приготовленіяхъ всѣ его силы были бы растрачены. Великая сила генія, можно почти положительно сказать, за-

ключается въ томъ, чтобы совсѣмъ не быть оригинальнымъ; въ томъ, чтобы всецѣло лишь воспринимать, быть рецептивнымъ; въ предоставленіи сдѣлать все окружающему міру и въ открытіи духу даннаго момента времени свободнаго, безпрепятственнаго прохода черезъ индивидуальную душу.

Юность Шекспира выпала въ такую эпоху, когда англійскій народъ неистово требовалъ и жаждалъ драматическихъ развлеченій. Дворъ, чрезвычайно чуткій и обидчивый по части намековъ, носящихъ политическую окраску, пытался ихъ искоренить. Ихъ готовы были искоренить пуритане, представлявшіе собою сильно растущую и энергичную партію, а также ревнители англиканской церкви. Но народъ требовалъ этихъ развлеченій. Постоялые дворы, дома безъ крышъ и импровизированные заборы на деревенскихъ ярмаркахъ являлись быстро устраиваемыми театрами, на которыхъ выступали странствующіе лицедѣи. Народъ отвѣдалъ и вошелъ во вкусъ этого новаго рода удовольствія; и, подобно тому, какъ въ настоящее время тщетны были бы всякія попытки уничтожить газеты—даже самая могущественная партія оказалась бы здѣсь безсильной,—такъ и въ то время ни король, ни прелатъ, ниже пуританинъ, каждый въ отдѣльности или совокупными усиліями, не были въ состояніи упразднить такой органъ общественной жизни, который одновременно представлялъ собою балладу, эпосъ, газету, избирательное собраніе, публичную лекцію, полишинеля и публичную библіотеку. Вѣроятно, король, прелатъ и пуританинъ—всѣ въ свою очередь находили свой разсчетъ въ этомъ учрежденіи. Оно по всѣмъ причинамъ стало національнымъ интересомъ,—отнюдь, впрочемъ, не на столько замѣтнымъ, чтобы какой-нибудь великій ученый задумалъ трактовать о немъ въ сочиненіи, посвященномъ исторіи Англіи,—но съ другой стороны нисколько не менѣе значительнымъ оттого, что оно являлось дешевымъ и въ глазахъ публики чѣмъ-то не Богъ вѣсть важнымъ, въ родѣ, напримѣръ, булочной. Лучшимъ доказательствомъ его жизненности служитъ сонмъ писателей, сразу выросшихъ на его аренѣ: Кидъ, Марлоу, Гринъ, Джонсонъ, Чэпменъ, Деккеръ, Уебстеръ, Хейвудъ (Heywood), Мидльтонъ, Пиль, Фордъ, Мэссинджеръ, Бюмонтъ и Флетчеръ.

Прочное господство театра надъ духомъ народа является для драматическаго поэта обстоятельствомъ первостепенной важности. Послѣдній не теряетъ при этомъ времени на праздные опыты. Для него уже приготовлена публика и напряженное ожиданіе. Въ Шекспировскомъ же случаѣ оказывается еще болѣе благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда Шекспиръ покинулъ Стратфордъ и появился въ Лондонѣ, существовало въ рукописномъ видѣ значительное количество театральныхъ пьесъ разныхъ временъ и авторовъ, которыя поочередно ставились на театральныхъ подмосткахъ. Среди нихъ оказывается повѣсть о Троѣ, эпизоды которой въ сценическомъ изображеніи публика охотно смотритъ каждую недѣлю; смерть Юлія Цезаря и другіе сюжеты, заимствованные у Плутарха, которые ей никогда не пріѣдаются; цѣлый ворохъ англійской исторіи, начиная съ хроникъ Брута и Артура вплоть до вѣнценосныхъ Генриховъ, которыя слушаются съ жаднымъ вниманіемъ; и рядъ скорбныхъ трагедій, веселыхъ италіанскихъ новеллъ и испанскихъ путешествій съ приключеніями, которыя всѣ лондонскіе ученики и подмастерья знаютъ чуть ли не наизусть. Вся эта масса сценическаго матеріала каждымъ театральнымъ писателемъ обработывалась и трактовалась съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ, и грязные истрепанные манускрипты этихъ пьесъ ходили по рукамъ суфлеровъ. Невозможно теперь сказать, кто первый написалъ ихъ. Они оставались собственностью театра столь продолжительное время, и столько восходящихъ талантовъ расширяли или измѣняли ихъ, вставляя туда монологъ или цѣлую сцену, или же прибавляя пѣснь, что никто больше не можетъ предъявлять авторское право на работу такого множества лицъ. Къ счастію, никто этого и не думаетъ дѣлать. Въ этомъ направленіи еще не существуетъ спроса. Мы видимъ не большое число читателей, но великое множество зрителей и слушателей. Лучше всего было названнымъ пьесамъ оставаться въ той же неизвѣстности относительно ихъ происхожденія, въ какой онѣ оказываются и понынѣ.

Шекспиръ, подобно своимъ собратамъ, смотрѣлъ на всю эту массу старыхъ пьесъ, какъ на лежащій безъ употребленія, мертвый капиталъ, надъ которымъ свободно можно производить какіе-угодно опыты. Суще-

ствуй уже въ то время престижъ, которымъ окружаютъ современную трагедію, ничего великаго изъ этого матеріала нельзя было бы создать. Необузданная, горячая кровь живой Англіи циркулировала въ театральной пьесѣ, какъ въ пѣсняхъ улицы, и придавала необходимую плоть и остовъ его эпической и величественной фантазіи. Поэту необходима почва народной традиціи, опираясь на которую, онъ могъ бы творить, и которая, въ свою очередь, сдерживала бы его художественное творчество въ границахъ надлежащей мѣры. Эта традиція поддерживаетъ связь между нимъ и народомъ, доставляетъ фундаментъ его зданію и, предоставляя въ его распоряженіе такую массу исполненной работы, даетъ ему возможность свободно и въ полнотѣ своихъ силъ отдаваться смѣлымъ полетамъ своего воображенія. Коротко говоря, поэтъ тѣмъ же обязанъ дошедшей до него легендѣ, чѣмъ скульптура обязана храму. Въ Египтѣ и Греціи скульптура выросла въ подчиненіи и служа архитектурѣ. Она была украшеніемъ стѣнъ храма, въ началѣ грубымъ рельефомъ, вырѣзаннымъ на фронтонахъ; съ теченіемъ же времени рельефъ становился смѣлѣе, и со стѣнъ начали выступать голова или рука, при чемъ расположеніе группъ продолжало сообразоваться съ характеромъ и строемъ зданія, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ основой и рамой для фигуръ; и даже, когда въ концѣ концовъ достигнута была совершенная непринужденность стиля и трактовки, преобладающій геній архитектуры не переставалъ налагать на статую нѣкоторую печать спокойствія и сдержанности. Но лишь только стали творить статую ради нея самой, безъ всякаго отношенія къ храму или дворцу, искусство начало падать; мѣсто стариннаго чувства мѣры заняли причуды, экстравагантность, показная сторона. Этотъ уровновѣшивающій элементъ, находимый скульптурой въ архитектурѣ, опасная раздражительность поэтическаго таланта находила въ накопленномъ драматическомъ матеріалѣ, къ которому народъ уже привыкъ, матеріалѣ, обладавшемъ извѣстными качествами превосходства, созданіе котораго не по силамъ отдѣльному генію, будь онъ даже изъ ряда вонъ выходящимъ.

Фактъ несомнѣнный тотъ, что Шекспиръ былъ въ долгахъ по всѣмъ направленіямъ и умѣлъ использовать все, что только ни находилъ; а о степени его задолженности можно судить по вычисленіямъ, произведеннымъ Малономъ съ такимъ трудолюбіемъ относительно первой, второй и третьей части Генриха VI, въ которыхъ «изъ 6.043 стиховъ 1.771 написаны раньше неизвѣстнымъ другимъ авторомъ, 2.373 Шекспиромъ только передѣланы и исправлены, написаны же его предшественниками и лишь 1.899 принадлежатъ исключительно ему». А изслѣдованія, которыя еще продолжаются, не находятъ среди его драматическихъ произведеній ни одного почти, которое бы было абсолютнымъ продуктомъ только его творчества. Сужденіе Малона является важнымъ матеріаломъ для внѣшней исторіи жизни поэта. Въ Генрихѣ VIII, мнѣ думается, я ясно различаю выступающую изъ общаго фона скалу, на которой стелется собственный, болѣе нѣжный слой самого Шекспира. Первоначальная пьеса была написана выдающимся, богатымъ мыслями человѣкомъ, лишеннымъ, однако, тонкаго слуха. Я могу прослѣдить его стихи и уловить ихъ каденцію. Возьмите, напримѣръ, монологъ Уолсея и слѣдующую за нимъ сцену съ Кромвелемъ, гдѣ вмѣсто Шекспировскаго стихотворнаго размѣра, секретъ котораго заключается въ томъ, что у него мысль настраиваетъ тонъ, такъ что ритмъ лучше всего выводится при чтеніи стиха по смыслу,— стихи построены на данномъ тонѣ, и на стихѣ даже лежитъ отпечатокъ церковнаго речитатива или краснорѣчія. Но тѣмъ не менѣе вся пьеса отъ начала до конца носитъ слѣды руки Шекспира, а нѣкоторыя мѣста въ ней, какъ, напримѣръ, описаніе коронаціи, являются словно его автографами. Что бросается въ глаза своею неудачностью, это хвалебное обращеніе къ королевѣ Елизаветѣ, написанное въ дурномъ ритмѣ.

Шекспиръ зналъ, что традиція даетъ лучшую фабулу, чѣмъ какую можетъ создать самая богатая изобрѣтательность. Если за нимъ нельзя признать никакого права на славу оригинальнаго сочинителя, онъ зато умножилъ свои рессурсы, а въ то время наша требовательность и спросъ на оригинальность настолько еще не преобладали. Литературы для милліоновъ тогда еще не существовало. Общераспространенное чтеніе, дешевая печать были незнакомы. Великій поэтъ, появляющійся въ безлитературную эпоху, поглощаетъ въ свою сферу всякій свѣтъ, откуда бы онъ ни исходилъ лучами. Его прекрасной миссіей является дѣлать достояні-

емъ своего народа всякую жемчужину духа, всякій цвѣтокъ чувства; и ему приходится одинаково цѣнить и пользоваться своей памятью, какъ и своимъ творческимъ даромъ. Онъ поэтому мало безпокоится о томъ, откуда происходятъ высказываемыя имъ мысли: заимствованы ли онѣ, благодаря переводу, или традиціи, или путешествію въ далекія страны, или вдохновенію; изъ какого бы источника онѣ ни исходили, онѣ одинаково желанны для его некритической аудиторіи. Не довольствуясь этимъ, онъ не ходитъ за заимствованіями далеко, а дѣлаетъ ихъ у себя дома. И другіе высказываютъ умныя вещи такъ же хорошо, какъ и онъ; только они при этомъ говорятъ массу вздора и не замѣчаютъ, когда они говорятъ умно. Онъ же узнаетъ настоящій камень по его блеску и удѣляетъ ему почетное мѣсто, гдѣ бы онъ его ни находилъ. Такое счастливое положеніе занималъ, быть можетъ, Гомеръ, Чосеръ, Саади. Они чувствовали, что всякая блестящая мысль, всякое остроуміе — ихъ мысль, ихъ остроуміе. И они, оказывается, настолько же представляли собою ученыхъ библіотекарей и исторіографовъ, насколько и поэтовъ. Каждый романистъ и сочинитель новеллъ пользовался, какъ наслѣдіемъ, и распоряжался всѣми этими сотнями разсказовъ и повѣствованій, составляющихъ достояніе свѣта,—

«О Θивахъ и о племени Пелопа повѣствуя,
И судьбы Трои божеской живописуя» [1]).

Вліяніе Чосера замѣтно на всей нашей литературѣ древнѣйшихъ періодовъ, и въ сравнительно недавнія времена не только Попъ и Драйденъ были ему обязаны, но черезъ всю семью англійскихъ писателей можно легко прослѣдить наличность крупнаго хотя и не сознаннаго долга передъ нимъ. Это обиліе и полнота стола, за которымъ столько человѣкъ питаются, насъ очаровываютъ. Но Чосеръ самъ оказывается заимствователемъ большой руки. Чосеръ, повидимому, не переставалъ извлекать для себя матеріалъ черезъ посредство Лайдгэта и Кэкстона, изъ Гвидо-ди-Колонна, котораго латинская повѣсть о Троянской войнѣ была въ свою очередь компиляціей изъ Дареса Фригіуса, Овидія и Статія. Затѣмъ Петрарка, Бокаччіо и провансальскіе поэты являются его благодѣтелями: его «Romaunt of the Rose» (Roman de la rose) представляетъ собою лишь толковый переводъ изъ Гильома де-Лоррисъ (Guillaume de Lorris) и Жана де Менъ (Jean de Meung); «Троилъ и Крессида» (Troilus and Cresside) — изъ Лоліуса Урбинскаго; «Пѣтухъ и Лиса» — изъ «Lais» Маріи французской (Marie de France); «Домъ Славы» (The House of Fame) — съ французскаго или итальянскаго; а бѣднымъ Гоуеромъ онъ пользуется словно кирпичнымъ заводомъ или каменоломней, откуда онъ черпаетъ строительный матеріалъ для своего дома. Онъ крадетъ, оправдываясь тѣмъ, что все то, что онъ забираетъ, не имѣетъ никакой цѣны тамъ, гдѣ онъ его находитъ, и величайшую цѣну тамъ, гдѣ онъ его оставляетъ. Въ литературѣ сдѣлалось, такъ сказать, практическимъ правиломъ, что человѣкъ, однажды проявившій способности оригинальнаго творчества, въ правѣ затѣмъ красть изъ писаній другихъ сколько ему угодно. Мысль составляетъ собственность того, кто въ состояніи ее поддерживать, и того, кто умѣетъ адэкватно ее примѣнить. Нѣкоторая неповоротливость и неловкость сопровождаютъ пользованіе заимствованными мыслями; но какъ только мы научились обращаться съ ними, онѣ становятся нашей собственностью.

Такимъ образомъ, вся оригинальность относительна. Каждый мыслитель оглядывается назадъ, окидываетъ взоромъ прошедшее. Ученый членъ законодательнаго собранія въ Вестминстерскомъ дворцѣ или въ Вашингтонѣ говоритъ и подаетъ свой голосъ отъ имени тысячъ. Покажите намъ составъ избирательнаго округа и невидимые сейчасъ каналы, черезъ которые доходятъ желанія образующихъ его отдѣльныхъ единицъ до вѣдома выбраннаго имъ сенатора: все это — толпа практическихъ и знающихъ людей, которые путемъ письменныхъ сношеній или личнаго общенія снабжаютъ его матеріаломъ доказательствъ, анекдотовъ и соображеній,—и тогда кое-что умалится въ томъ импонирующемъ впечатлѣніи, которое производится его осанкой, изящными пріемами и неотразимой личностью. Подобно тому, какъ сэръ Робертъ Пиль и Вебстеръ вотируютъ за тысячи людей, такъ Локкъ и Руссо за нихъ думаютъ; и точно такъ же вокругъ Гомера, Мену, Саади, или Мильтона находи-

[1]) «Presenting Thebes and Pelops line
And the tale of Troy divine».
Изъ Мильтона: «Il Penseroso».
Примѣч. переводчика.

лись всюду источники и живые ключи, откуда они для себя черпали: друзья, поклонники, книги, традиціи, пословицы—все это безслѣдно исчезло, но, оставаясь на виду, несомнѣнно умалило бы изумительное впечатлѣніе, производимое тѣми личностями. Вѣщалъ ли бардъ въ сознаніи своего авторитета? Чувствовалъ ли онъ себя превзойденнымъ какимъ-либо собратомъ? Этотъ вопросъ касается сознанія самого писателя. Оказывается ли въ концѣ концовъ въ его груди Дельфійскій оракулъ, котораго можно спрашивать относительно каждой мысли или вещи, дѣйствительно ли онѣ такъ обстоятъ или нѣтъ?—и отъ котораго получишь отвѣтъ, на который можно положиться? Всѣ долги, которые такой человѣкъ дѣлаетъ, заимствуя отъ чужого ума или дарованія, никогда не поколеблютъ его сознанія своей оригинальности, ибо помощь, какую онъ находитъ въ книгахъ или чужихъ умахъ, не что иное, какъ клубъ дыма въ сравненіи съ той сокровенной сутью, которую онъ носитъ въ глубинѣ своей души.

Легко видѣть, что все лучшее, созданное въ мірѣ перомъ или трудами генія, было дѣломъ не одного человѣка, но явилось плодомъ широко развѣтвленной совокупной дѣятельности многихъ, въ которой тысячи принимали участіе, какъ одинъ человѣкъ, отдаваясь одному и тому же импульсу. Наша англійская библія представляетъ собою удивительный образецъ силы и музыкальности англійскаго языка. Но она не создана трудами одного человѣка и одного времени; цѣлыя столѣтія и церкви работали надъ тѣмъ, чтобы довести ее до такого совершенства. Не было еще времени, которое бы не знало какого-нибудь существующаго уже перевода ея. Литургія, вызывающая къ себѣ удивленіе своею энергіей и паѳосомъ, представляется антологіей, собранной религіозными чувствами вѣковъ и народовъ, переводомъ молитвъ и формулъ католической церкви,—въ свою очередь составленныхъ въ теченіе долгихъ періодовъ изъ молитвъ и благочестивыхъ размышленій святыхъ и церковныхъ писателей всего свѣта. То же самое Гроцій замѣчаетъ относительно «Отче Нашъ», говоря, что отдѣльныя фразы, изъ которыхъ эта молитва составлена, были уже во времена Христа въ употребленіи въ раввинскихъ формулахъ. Онъ и выбралъ изъ нихъ золотыя зерна. Сильный языкъ англійскаго Common Law, выразительныя формулы нашего судопроизводства и точность и субстанціальная истина опредѣленій въ нашемъ законѣ являются вкладомъ всѣхъ прозорливыхъ, сильныхъ умомъ людей, жившихъ въ странахъ, въ которыхъ эти законы господствуютъ. Переводъ Плутарха достигъ такого совершенства потому, что одинъ переводъ его появлялся вслѣдъ за другимъ. Не было еще времени, которое бы не имѣло своего перевода. Всѣ отвѣчающія духу языка національныя фразы и выраженія остались, все прочее постепенно было выдѣлено и отброшено. Подобному же процессу давнымъ давно подверглись и оригиналы этихъ книгъ.

Съ міровыми книгами свѣтъ позволяетъ себѣ извѣстныя вольности. Веды, сказки Эзопа, Пилпай (Pilpay), Арабскія сказки, Сидъ, Иліада, Робинъ Гудъ, пѣсни шотландскихъ минстрелей—все это творенія не одного человѣка. При созданіи этихъ произведеній въ умственной работѣ участвуетъ время, вся эпоха работаетъ мыслью—рынокъ, каменщикъ, плотникъ, купецъ, фермеръ, фатъ, всѣ они думаютъ для насъ. Каждая книга обогащаетъ свое время хорошимъ словомъ; то же самое дѣлаетъ и каждый городской уставъ, каждая отрасль торговли, каждое дурачество и мода дня, и универсальный, вселенскій геній, который не боится и не стыдится признавать, что своею оригинальностью онъ обязанъ оригинальности всѣхъ, является передъ грядущимъ столѣтіемъ представителемъ и воплощеніемъ своего собственнаго вѣка.

Мы должны быть благодарны трудамъ антикварныхъ изслѣдователей и Шекспировскаго Общества, прослѣдившихъ шагъ за шагомъ исторію развитія англійской драмы, начиная съ исполнявшихся въ церквахъ церковнослужителями мистерій и созданія окончательно отдѣлившихся отъ церкви чисто свѣтскихъ театральныхъ пьесъ,—отъ Ferrex Porrex и Иглы Гаммеръ Гертона—вплоть до того періода, когда сценой завладѣли тѣ именно пьесы, которыя Шекспиръ измѣнилъ, переработалъ и въ концѣ концовъ сдѣлалъ своими собственными твореніями. Гордые сознаніемъ успѣха своихъ изысканій и поощряемые все возрастающимъ интересомъ занимающаго ихъ предмета, эти изслѣдователи не оставили ни одной книжной полки необысканной, ни одного чулана и сундука

на чердакѣ необшареннымъ, не дали ни единой пачкѣ старыхъ пожелтѣвшихъ счетовъ спокойно съѣдаться сыростью и молью,—дотого жаждали они и надѣялись найти въ этихъ давно затерявшихся въ неизвѣстности документахъ указанія на то, занимался ли Шекспиръ, будучи мальчикомъ, браконьерствомъ или нѣтъ, стерегъ ли онъ лошадей у театральнаго подъѣзда, держалъ ли онъ школу, и почему въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ своей женѣ Аннѣ Хэтэвей одну лишь свою и при томъ не лучшую, а вторую по качеству кровать.

Есть нѣчто трогательное въ безсмыслiи ложнаго предпочтенія современнымъ вѣкомъ объекта, который озаряется свѣтомъ всѣхъ свѣчей, и на который обращены всѣ взоры, въ тщательности, съ какою онъ заноситъ въ свою лѣтопись всякій пустякъ, имѣющій отношеніе къ королевѣ Елизаветѣ и королю Якову и къ разнымъ Эссексамъ, Лестерамъ, Бэрлейямъ и Бёкингемамъ, оставляя въ то же время безъ единаго сколько-нибудь цѣннаго упоминанія основателя другой династіи, который одинъ явится причиною того, что память о династіи Тюдоровъ сохранится,—человѣка, въ силу осѣняющаго его вдохновенія, носящаго въ себѣ всю саксонскую расу, мыслями котораго еще цѣлыя поколѣнія наиболѣе передовыхъ людей въ свѣтѣ, вождей человѣчества, будутъ жить, а умы получатъ то, а не иное направленіе. Народный актеръ: никто не подозрѣвалъ, что въ его лицѣ явился поэтъ всего человѣчества, и его величіе оставалось такою же тайной для поэтовъ и высоко образованныхъ мыслящихъ людей, какъ и для царедворцевъ и пошлой толпы. Бэконъ, представлявшій собою, такъ сказать, инвентарь или итогъ человѣческаго разума своей эпохи, ни разу не упомянулъ его имени. Бэнъ Джонсонъ, какія бы мы натяжки ни дѣлали въ толкованіи его немногихъ словъ уваженія и восхваленія, даже не подозрѣвалъ растущаго величія и прочности славы, первымъ вибраціямъ которой онъ самъ положилъ начало. Онъ несомнѣнно считалъ хвалу, которую онъ воздалъ Шекспиру, весьма щедрой и смотрѣлъ на себя рядомъ съ нимъ, какъ на безспорно лучшаго поэта.

Если,—какъ говоритъ пословица,—для пониманія блестящаго ума необходимъ умъ, то эпоха Шекспира, казалось бы, должна была бы его понять и оцѣнить. Сэръ Генри Уоттонъ родился четырьмя годами позже Шекспира, и умеръ черезъ двадцать три года послѣ его смерти; среди его корреспондентовъ и знакомыхъ я нахожу слѣдующихъ лицъ: Теодора Беза, Исаака Кэзобона (Casaubon), сэра Филиппа Сиднея, графа Эссекса, лорда Бэкона, сэра Вальтера Ралея, Джона Мильтона, сэра Генри Вэна (Vane), Исаака Вальтона, доктора Донна, Абраама Коулей, Беллармина, Чарльза Коттона, Джона Пима (Pym), Джона Хэлса (Hales), Кеплера, Вьета, Альберикуса Гентилиса, Павла Сарпи, Арминія; слѣды его сношеній со всѣми этими выдающимися личностями сохранились; но можно насчитать имена многихъ другихъ, съ которыми онъ, несомнѣнно, встрѣчался—Шекспира, Спенсера, Джонсона, Бюмонта (Beaumont), Мэссинджера (Massinger), обоихъ Гербертовъ, Марлоу, Чэпмана и проч. Со времени Перикла, когда надъ горизонтомъ Греціи взошла и засіяла цѣлая плеяда великихъ людей, никогда еще исторія не отмѣчала такого общества современниковъ; и при всемъ томъ, ихъ геній оказался недостаточнымъ для того, чтобы отыскать лучшую голову, самый могучій умъ во всемъ свѣтѣ. Маска, подъ которою нашъ поэтъ пребывалъ незамѣтнымъ, оставалась непроницаемой. Вблизи окинуть взоромъ гору невозможно. Потребовалось цѣлое столѣтіе, для того чтобы пробудилось вниманіе къ нему, и лишь, по прошествіи двухъ вѣковъ съ его смерти, начала появляться сколько-нибудь достойная его критика. До настоящаго времени оказывалось невозможнымъ написать исторію Шекспира: ибо онъ явился родоначальникомъ новѣйшей нѣмецкой литературы; съ введеніемъ его, благодаря Лессингу, въ Германію и съ переводомъ его твореній Виландомъ и Шлегелемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ быстрый расцвѣтъ нѣмецкой литературы. Не раньше XIX столѣтія, умозрительный духъ котораго представляетъ собою своего рода живого Гамлета, трагедія «Гамлетъ» могла найти себѣ такихъ восторженныхъ читателей. Въ настоящее время литература, философія и вся европейская мысль шекспиризованы. Духъ Шекспира есть тотъ горизонтъ, за которымъ мы теперь ничего не видимъ. Нашъ слухъ музыкально воспитывался и развивался на его ритмѣ. Кольриджъ и Гёте—единственные критики, сумѣвшіе дать нашимъ убѣжденіямъ сколько-нибудь адэкватное и вѣрное выраженіе, но всѣ развитые и

образованные умы молчаливо сходятся въ общей оцѣнкѣ его превосходящей силы и красоты, которыя, подобно христіанству, налагаютъ свою печать на всю нашу эпоху.

Шекспировское Общество организовало изслѣдованія во всѣхъ направленіяхъ, обратило вниманіе на недостающіе факты, назначило денежныя преміи за всякое свѣдѣніе или указаніе, которое привело бы къ какому-нибудь доказательству, и какихъ же результатовъ оно всѣмъ этимъ достигло? Если не считать важныхъ освѣщеній исторіи англійскаго театра, которыя мною упомянуты, всѣ названныя изслѣдованія подобрали небольшое число фактовъ, касающихся имущественнаго положенія поэта и распоряженій относительно его собственности. Оказывается, что съ каждымъ годомъ его пай въ Блэкфрайарскомъ театрѣ (Blackfriars Theater) увеличивался; тамошній гардеробъ и другія принадлежности составляли его собственность; что онъ купилъ себѣ имѣніе въ своей родной деревнѣ на деньги, нажитыя имъ писательствомъ и въ качествѣ пайщика; что онъ занималъ самый лучшій домъ въ Стратфордѣ; земляки-сосѣди довѣряли ему разныя комиссіи въ Лондонѣ, въ родѣ заключенія денежныхъ займовъ и тому подобное; что онъ былъ истый сельскій хозяинъ. Около того времени, когда онъ писалъ своего «Макбета», онъ судится съ Филиппомъ Роджерсомъ въ земскомъ судѣ въ Стратфордѣ, ища съ него тридцать пять шиллинговъ десять пенсовъ за поставленный ему въ разное время зерновой хлѣбъ. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ представляется хорошимъ домохозяиномъ, про эксцентричности и эксцессы котораго молва ничего сказать не имѣетъ. Онъ принадлежалъ къ десятку добродушныхъ людей, представляя собою актера и театральнаго пайщика, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшагося среди другихъ актеровъ и антрепренеровъ. Я допускаю цѣнность и значеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній; они, конечно, стоили труда, который былъ положенъ на то, чтобы ихъ раздобыть.

Но, какія бы крохи свѣдѣній объ его жизненномъ складѣ эти изысканія ни сберегли, они безсильны бросить свѣтъ на ту безконечную силу фантазіи и творчества, на тотъ скрытый магнитъ, который оказываетъ на насъ такое неотразимое, притягательное дѣйствіе. Мы чрезвычайно неумѣлые исторіографы. Мы разсказываемъ хронику происхожденія, рожденія, родины, обученія, школьныхъ товарищей, денежныхъ заработковъ, вступленія въ бракъ, обнародованія книгъ, достиженія знаменитости, смерти; и, когда мы дошли до конца съ этой болтовней, все-таки не видно ни единой искорки отношенія всего этого фактическаго матеріала къ богорожденной, геніальной личности, и какъ будто выносишь впечатлѣніе, что стоитъ раскрыть «Современнаго Плутарха», и любой жизненный складъ, описаніе котораго ты въ немъ прочтешь, окажется совершенно подходящимъ къ творческой дѣятельности поэта. Сущность поэзіи въ томъ и заключается, что она, подобно радугѣ, дочери Чуда, возникаетъ изъ невидимаго, для того, чтобы упразднить прошедшее и отвергнуть исторію вообще. Малонъ, Уорбюртонъ, Дайсъ и Колье напрасно жгли свое масло въ лампадахъ. Знаменитые театры, Ковентъ Гарденъ, Дрэри Лэнъ, театръ The Park и Тремонтъ тщетно оказывали свое содѣйствіе. Бэттертонъ, Гаррикъ, Кэмбль, Кинъ и Макриди посвящаютъ свою жизнь этому генію; его они вѣнчаютъ славой, освѣщаютъ, ему они подчиняются, его выражаютъ. Геній ихъ не знаетъ. Чтеніе начинается; одно золотое слово исходитъ, безсмертное, изъ всей этой расписанной педантичности и наполняетъ насъ сладкими муками, маня въ недостижимые края его собственной отчизны. Я припоминаю, однажды я отправился смотрѣть Гамлета въ изображеніи знаменитаго исполнителя, составлявшаго гордость англійскаго театра; и все, что̀ тогда запечатлѣлось въ моемъ слухѣ, и все, что̀ я теперь могу вспомнить о трагикѣ, оказалось тѣмъ, гдѣ трагикъ ни при чемъ; это—вопросъ, который Гамлетъ обращаетъ къ духу:

«Что̀ бъ это значило,
Что ты, трупъ мертвый, вновь въ стальной бронѣ,
Являешься глядѣть на мѣсяца сребристое сіянье?»

То воображеніе, которое раздвигаетъ стѣны кабинета, въ которомъ онъ пишетъ, настолько, что въ немъ вмѣщается цѣлый міръ, наполняетъ его дѣятелями, занимающими каждый свой рядъ и мѣсто, съ такою же быстротою умѣетъ весь необъятный океанъ дѣйствительности утончать въ сіяніе мѣсяца. Это искусство его магики и волшебства портитъ намъ всѣ иллюзіи кулисъ. Способна ли какая бы то ни была біографія пролить свѣтъ на тѣ края, куда меня переноситъ

«Сонъ въ лѣтнюю ночь»? Развѣ повѣдалъ Шекспиръ какому-нибудь нотаріусу или консисторскому писарю, какому-нибудь ризничему или городскому уполномоченному въ Стратфордѣ тайну возникновенія этого нѣжнаго и благороднаго творенія? Арденскій лѣсъ, струистый воздухъ Сконъ Касля (Scone Castle), лунный свѣтъ, въ которомъ тонетъ вилла Порціи, «огромныя пещеры и лѣнивыя пустыни», служившія мѣстомъ плѣненія Отелло,—гдѣ тотъ троюродный братъ или внучатый племянникъ, гдѣ та пачка судебныхъ бумагъ или документовъ, то частное письмо, которыя сохранили хоть одно слово объ этихъ трансцендентныхъ тайнахъ? Словомъ говоря, въ этомъ драматическомъ произведеніи, какъ во всѣхъ, вообще, великихъ созданіяхъ искусства,—въ циклопической архитектурѣ Египта и Индіи, въ скульптурѣ Фидія, въ готическихъ соборахъ италіанской живописи, балладахъ Испаніи и Шотландіи,—геній тащитъ за собой вверхъ лѣстницу, какъ скоро создавшій ихъ вѣкъ уходитъ, возносясь на небо, и уступаетъ мѣсто новому вѣку, который хотя и видитъ предъ собою творенія ушедшаго, тѣмъ не менѣе напрасно тщится возстановить исторію ихъ созданія.

Единственный біографъ Шекспира самъ Шекспиръ, но даже и онъ говорить можетъ только тому, что въ насъ есть шекспировскаго, т. е. нашей душѣ въ моменты ея высшей воспріимчивости мыслью и чувствомъ. Онъ не въ состояніи сойти съ своего треножника и сообщить намъ анекдоты о своемъ вдохновеніи. Прочтите старинные документы, распутанные, анализированные и путемъ сравненія провѣренные неутомимыми Дайсомъ и Коллье (Dyce and Collier), и затѣмъ прочтите одно изъ тѣхъ небесныхъ изреченій, которыя, словно метеоры, упали съ неба, и которыя не вашъ личный опытъ, а весь человѣкъ въ вашей груди воспринялъ, какъ слова рока, и скажите мнѣ послѣ этого,—отвѣчаетъ ли одно другому: объясняетъ ли сколько-нибудь первое вторымъ? или какое изъ нихъ позволяетъ проникнуть взоромъ въ историческую правду и дѣйствительность этого человѣка?

Вотъ почему, хотя наши историческія свѣдѣнія о немъ такъ скудны, тѣмъ не менѣе, пользуясь въ качествѣ біографа, вмѣсто Обрей (Aubrey) и Роу (Rowe), самимъ Шекспиромъ, мы въ дѣйствительности обладаемъ той освѣдомленностью, которая является существенной, которая даетъ намъ представленіе о характерѣ и судьбѣ человѣка,—тѣми свѣдѣніями о немъ, которыя, если бъ намъ пришлось съ нимъ встрѣтиться и имѣть дѣло, для насъ важнѣе всего было бы знать. Въ нашемъ распоряженіи его удостовѣренныя убѣжденія по тѣмъ вопросамъ, которые стучатся у сердца каждаго человѣка, дожидаясь отвѣта:—о жизни и смерти, о любви, о богатствѣ и бѣдности, о цѣнностяхъ жизни и путяхъ, какими мы ихъ достигаемъ; о характерахъ людей и вліяніяхъ, скрытыхъ и явныхъ, которымъ подвержена ихъ судьба, равно какъ и о тѣхъ таинственныхъ и демоническихъ силахъ, которыя бросаютъ вызовъ нашей безсильной передъ ними наукѣ и въ то же время вплетаютъ свою злобу и благодать въ наши самые свѣтлые моменты. Кто читалъ когда-либо его сонеты безъ того, чтобы замѣтить, что поэтъ далъ въ нихъ подъ масками, которыя для умственно развитого человѣка не представляются масками, откровеніе ученія о дружбѣ и любви, изобразилъ смѣшеніе чувствъ въ самомъ чуткомъ, воспріимчивомъ и въ то же время самымъ глубокомысленномъ изъ людей? Какую только черту своего сокровеннѣйшаго духа онъ не выразилъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ? Изъ его богатыхъ картинъ, изображающихъ знатныхъ людей и королей, можно видѣть, какія формы обращенія и человѣческія отношенія были ему по душѣ; наслажденіе, которое онъ испытывалъ отъ сонма друзей, въ широкомъ гостепріимствѣ, въ радостномъ дареніи. Пусть Тимонъ, пусть Варвикъ, пусть Антоніо купецъ свидѣтельствуютъ объ его великомъ сердцѣ. Далекій отъ того, чтобы быть, какъ человѣкъ, менѣе всего извѣстнымъ, Шекспиръ является скорѣе единственною личностью во всей новой исторіи, которую мы близко знаемъ. Какого только вопроса этики, нравовъ, изъ области экономіи, философіи, религіи, эстетики, поведенія въ жизни онъ не затронулъ и не далъ на него отвѣта? Съ какою тайной онъ не засвидѣтельствовалъ своего знакомства? Какое занятіе, какую должность, или какую сферу человѣческой дѣятельности онъ оставилъ безъ упоминанія? Найдется ли вѣнценосецъ, которому бы незачѣмъ было у него учиться царской величавости, подобно тому, какъ Наполеонъ учился ей у Тальмы? Какая дѣва не найдетъ его нѣжнѣе своихъ

самыхъ нѣжныхъ чувствъ? Какого влюбленнаго не превзошелъ онъ въ любви? Какого мудреца не затмилъ онъ своею мудрою проницательностью? Какого джентльмена онъ не поучалъ истинной учтивости, указывая ему шероховатость его манеръ?

По мнѣнію нѣкоторыхъ дѣльныхъ критиковъ и цѣнителей, никакое сужденіе о Шекспирѣ не представляется цѣннымъ, если оно не имѣетъ своимъ предметомъ его чисто драматическихъ заслугъ; въ ихъ глазахъ, о немъ ложно судятъ, если его критикуютъ, какъ поэта и философа. Объ его заслугахъ, какъ драматическаго писателя, я такого же высокаго мнѣнія, какъ и эти критики, но все же я ихъ считаю второстепенными. Онъ цѣльный человѣкъ, переполненный до краевъ сосудъ, любившій высказываться, изливаться; мозгъ, отъ котораго дышало мыслями и образами, которые, ища себѣ выхода, нашли подъ рукою ближе всего драматическую форму, въ которой они выливались. Представляй онъ собою что-либо менѣе великое, намъ пришлось бы остановиться на вопросѣ о томъ, на сколько онъ былъ хорошъ на своемъ мѣстѣ, на сколько онъ былъ хорошимъ драматургомъ,—а драматургъ онъ, оказывается, лучшій въ мірѣ. Но на дѣлѣ выходитъ, что то, что̀ онъ имѣетъ сказать, на столько вѣско, что отвлекаетъ значительную часть вниманія отъ способа выраженія имъ своихъ мыслей; онъ напоминаетъ собою иного святого, житіе котораго просится въ повѣствованіе и переводимо на всѣ языки, воспѣваемо въ прозѣ и стихахъ, живописуемо въ пѣсняхъ и образахъ и изобразимо миніатюрами, въ видѣ пословицъ, такъ что поводъ, давшій мысли святого форму разговора, или молитвы, или кодекса законовъ, представляется несущественнымъ въ сравненіи съ универсальностью ея примѣненія. Точно такъ же дѣло обстоитъ и съ міровымъ мудрецомъ Шекспиромъ и его книгой жизни. Онъ написалъ мелодіи для всей нашей современной музыки; онъ написалъ текстъ для современной жизни, текстъ нравовъ; онъ нарисовалъ человѣка Англіи и Европы; отца человѣка Америки; онъ нарисовалъ человѣка и описалъ день и что̀ въ этотъ день совершено; онъ читалъ сердце мужчинъ и женщинъ, умѣлъ читать ихъ честность, равно ихъ заднія мысли и хитрости; хитрости невинности и переходы, путемъ которыхъ добродѣтели и пороки незамѣтно становятся своими противоположностями; онъ умѣлъ отдѣлять въ чертахъ ребенка долю отца отъ доли матери и проводить тонкую разграничительную черту между свободой и судьбой; онъ зналъ законы противодѣйствія (репрессіи), составляющіе полицію природы; и всѣ сладости и всѣ ужасы человѣческой доли запечатлѣвались въ его духѣ такъ же вѣрно, но и такъ же безмятежно, какъ ландшафтъ запечатлѣвается въ нашемъ глазу. И громадная важность этой мудрости жизни, которою его творенія дышутъ, совершенно отодвигаетъ вопросъ объ ихъ формѣ, драматическая ли она или эпическая, на задній планъ, какъ нѣчто безразличное. Обращать здѣсь вниманіе на форму все равно, что возбуждать вопросъ о качествѣ бумаги, на которой написано королевское посланіе.

Шекспиръ на столько же выходитъ изъ ряда выдающихся писателей, на сколько онъ возвышается надъ толпой. Онъ непостижимо мудръ; мудрость другихъ можно себѣ представить. Солидный, вдумчивый читатель въ состояніи, если можно такъ выразиться, свить себѣ гнѣздо или водвориться въ мозгу Платона и оттуда черпать свои мысли, но ужъ никакъ не въ мозгу Шекспира. Здѣсь мы всегда остаемся въ преддверіи, святая святыхъ передъ нами закрыта. Въ искусствѣ выполненія, въ творчествѣ Шекспиръ является единственнымъ, недосягаемымъ образцомъ. Никто не можетъ себѣ представить что-либо лучшее въ этомъ отношеніи. Онъ явился крайнимъ предѣломъ тонкаго художественнаго пониманія, совмѣстимаго съ личной индивидуальностью,—тончайшій и глубокомысленнѣшій изъ авторовъ, дошедшій до послѣдней грани того, чего только писательское искусство въ состояніи достигнуть. На одинаковой высотѣ съ этой житейской мудростью стоитъ его даръ воображенія и лирическая сила. Созданія своей фабулы онъ одѣваетъ живою формой и чувствами, словно все это люди, жившіе съ нимъ подъ одной кровлей. Немного найдется людей, въ дѣйствительности жившихъ, которые бы являли столь явственно отчетливые характеры, какъ эти продукты его фантазіи. И они говорили языкомъ на столько же сладкимъ, на сколько и подобающимъ. И при всемъ томъ онъ ни разу не далъ своимъ дарованіямъ увлекать себя въ сторону напыщенной высокопарности; равно какъ никогда онъ не игралъ на одной толь-

ко струнѣ. Вездѣсущая человѣчность координируетъ и уравновѣшиваетъ всѣ его способности. Дайте талантливому человѣку разсказать какую-нибудь исторію, и его односторонность сразу бросится въ глаза. У него есть извѣстныя наблюденія, мнѣнія, общія мѣста, которыя случайно чѣмъ-либо выдаются, и которыми онъ располагаетъ и выставляетъ напоказъ. Онъ переполняетъ до краевъ одну часть, другую оставляетъ совсѣмъ тощей, сообразуясь не съ тѣмъ, чего требуетъ вещь, а со своимъ собственнымъ духовнымъ складомъ и умѣньемъ. У Шекспира же нѣтъ особенностей, ни несносныхъ излюбленныхъ мѣстъ, но все онъ даетъ въ мѣру, какъ слѣдуетъ; никакихъ удачныхъ моментовъ, никакихъ куріозовъ у него нѣтъ; онъ не какой-нибудь художникъ-спеціалистъ, рисующій, напримѣръ, исключительно коровъ, или фантазеръ-рисователь птицъ, и не манеристъ; въ немъ нѣтъ и слѣда личныхъ симпатій и вкусовъ; великое онъ повѣствуетъ величественно, малое—въ соотвѣтствующемъ подчиненномъ тонѣ. Онъ проявляетъ свою мудрость и глубокомысліе безъ всякаго апломба и настойчивости; онъ мощенъ, какъ мощна природа, вздувающая плоскую равнину въ горные кряжи безъ всякаго усилія и по тѣмъ же предвѣчнымъ законамъ, по которымъ она носитъ мыльный пузырь по воздуху, и дѣлающая одно такъ же охотно, какъ и другое. Это обусловливаетъ его единственную могучесть и совершенство въ фарсѣ, трагедіи, повѣствованіи и пѣсняхъ любви;—достоинство и умѣніе столь неотразимыя и захватывающія, что читателю не вѣрится, чтобы другіе читатели такъ же глубоко почитали этого генія и проникались имъ, какъ онъ самъ.

Эта мощь выразительности, эта способность перекладывать сокровеннѣйшую истину вещей на музыку и стихи дѣлаютъ его типомъ поэта и ставятъ на разрѣшеніе метафизики новую проблему, въ его лицѣ. Это есть то, что́ даетъ ему въ естественной исторіи выдающееся мѣсто, какъ самому замѣчательному продукту нашей планеты, какъ явленію, возвѣщающему новыя эры и высшія состоянія постояннаго прогресса и улучшеній. Вещи, какъ въ зеркалѣ, отражались въ его поэзіи безъ всякаго умаленія въ своей ясности и отчетливости; безъ малѣйшаго пятнышка: онъ могъ рисовать тончайшую деталь съ совершенной точностью, великое во всемъ его величіи, трагическое и комическое съ одинаковою силой и совершенствомъ, безъ всякаго искаженія или пристрастія. Всю мощь своего исполненія и трактовки онъ вкладывалъ въ малѣйшія, тончайшія, какъ волосокъ, детали; рѣсницу или ямочку на щекѣ онъ заканчиваетъ съ такою же непоколебимой точностью, съ какою онъ наноситъ очертанія горы, и созданія его кисти, подобно твореніямъ самой природы, не побоятся критическаго изслѣдованія съ помощью солнечнаго микроскопа.

Коротко говоря, онъ являетъ собою капитальнѣйшій примѣръ и лучшее доказательство тому, что суть не въ большей или меньшей производительности, не въ большемъ или меньшемъ количествѣ картинъ. Онъ обладалъ даромъ создать одну картину. Дагерръ открылъ секретъ воспроизведенія на своей іодистой пластинкѣ изображенія одного цвѣтка, и затѣмъ ужъ приступаетъ къ воспроизведенію ихъ, сколько душѣ угодно, хоть цѣлаго милліона. Объекты всегда имѣются; но изображенія раньше никогда не было. Здѣсь оно является, наконецъ, во всей законченности и совершенствѣ; и отнынѣ весь міръ со всѣми своими образами можетъ давать снимать съ себя портреты. Составить рецептъ на изготовленіе Шекспира немыслимо; но возможность перевода вещей сего міра на языкъ пѣсенъ и стиховъ наглядно доказана появленіемъ на свѣтъ такого генія.

Его лирическая сила кроется въ духѣ каждой пьесы. Его соннеты, хотя превосходность ихъ теряется въ блескѣ его драмъ, такъ же неподражаемы, какъ и послѣднія; и причина ихъ недосягаемости кроется не въ достоинствѣ отдѣльныхъ стиховъ, но въ общемъ достоинствѣ всего стихотворенія; подобно звуку голоса какой-нибудь несравненной личности, такъ и въ нихъ слышится глаголъ поэтическихъ существъ, и воспроизвести теперь какую-нибудь изъ этихъ строфъ такъ же немыслимо, какъ и всю поэму.

Хотя рѣчи въ его драмахъ, какъ и отдѣльные стихи, носятъ печать такой красоты, что ухо прельщается и внимаетъ имъ, благодаря одной ихъ музыкальности, содержаніе каждаго мѣста и отрывка дотого преисполнено глубокаго смысла и настолько связано со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ, что оно удовлетворяетъ требованіямъ самаго строгаго логика. Употреб-

ляемыя имъ средства такъ же изумительны, какъ и преслѣдуемыя имъ цѣли; всякій второстепенный вымыселъ, съ помощью котораго онъ связываетъ между собою иныя непримиримыя противорѣчія, самъ по себѣ поэма. Онъ никогда не бываетъ вынужденъ сойти на землю и ходить пѣшкомъ, оттого что его кони уносятъ его въ сторону на далекое разстояніе: онъ всегда остается въ сѣдлѣ, твердо держа бразды въ своей рукѣ.

Первоначально и самая вызвышенная поэзія была лишь опытомъ; но мысль испытала превращеніе съ тѣхъ поръ, какъ она была опытомъ. Образованные люди часто достигаютъ довольно порядочной искусности въ писаніи стиховъ; но между строкъ ихъ стихотвореній не трудно читать повѣсть ихъ личной жизни. Всякій, кто знакомъ съ нею, сумѣетъ назвать любое фигурирующее въ нихъ лицо; это—Андрей, а та вотъ Рахиль. И смыслъ, такимъ образомъ, остается въ нихъ прозаическій. Онъ представляетъ собою окрыленную крыльями гусеницу, но еще далеко не бабочку. Въ душѣ истаго поэта фактъ какъ разъ и превратился въ новый элементъ мысли и сбросилъ съ себя все, что составляетъ его внѣшнюю, матеріальную оболочку. Этотъ благородный даръ присущъ Шекспиру. Его образы и картины дотого правдивы и закончены, что, мы могли бы сказать, онъ, какъ выученный урокъ, знаетъ свое дѣло наизусть. И при всемъ томъ здѣсь не встрѣтишь ни единаго слѣда его личнаго «я».

Одна еще болѣе царственная черта особенно свойственна нашему поэту. Я имѣю въ виду его свѣтлое, радостное настроеніе, безъ котораго никто не можетъ быть поэтомъ, ибо красота — его идеалъ, конечная цѣль его стремленій. Онъ любитъ добродѣтель не какъ нравственный долгъ, не за ея обязательность, но за ея прелесть; его радуетъ весь свѣтъ; мужчины, женщины приводятъ его въ восхищеніе плѣнительностью сіянія, какимъ они окружены въ его глазахъ. Красоту, духъ радости и веселья онъ изливаетъ на вселенную. Эпикуръ утверждаетъ, что поэзія обладаетъ такими чарами, что ради нихъ влюбленный можетъ отказаться отъ своей возлюбленной. Истые барды прославились, благодаря своему твердому и жизнерадостному настроенію. Гомеръ пребываетъ въ солнечномъ сіяніи; Чосеръ радостно настроенъ, съ высоко поднятымъ челомъ, а Саади говоритъ: «Распространился слухъ, что я сталъ кающимся грѣшникомъ; но что общаго у меня съ покаяніемъ?» Не менѣе державенъ и жизнерадостенъ,—что менѣе?—несравненно державнѣе и жизнерадостнѣе тонъ Шекспира. Его имя одно вызываетъ въ сердцахъ людей чувство радости и стремленіе къ свободѣ. Появись онъ въ какой-либо компаніи человѣческихъ душъ, кто отказался бы шествовать въ его свитѣ? Все, къ чему только онъ ни прикасается, заимствуетъ здоровье и долговѣчность отъ его торжественнаго, праздничнаго стиля.

Но какъ же дѣло обстоитъ съ разсчетомъ человѣчества съ этимъ бардомъ и благодѣтелемъ, когда, оставаясь одни съ собою и глухіе къ громовымъ раскатамъ его міровой славы, мы пытаемся подвести ему балансъ? Одиночество—строгая школа; оно въ состояніи научить насъ обходиться безъ героевъ, какъ и безъ поэтовъ; оно не останавливается передъ тѣмъ, чтобы взвѣсить на вѣсахъ высшей правды и истины самого Шекспира, и находитъ при этомъ, что и онъ раздѣляетъ половинность и несовершенство всего человѣческаго.

Шекспиръ, Гомеръ, Данте, Чосеръ—всѣ они видѣли сіяніе глубокаго смысла, играющее надъ видимымъ міромъ; они поняли, что дерево имѣетъ еще иное назначеніе, чѣмъ носить плоды, а зерно иное, чѣмъ давать муку, а земной шаръ предназначенъ для чего-либо другого, чѣмъ для вспахиванія и прокладыванія на немъ путей: что всѣ эти вещи приносятъ другую и болѣе высокую жатву для духа, будучи эмблемами его мыслей и, параллельно съ своимъ естественнымъ назначеніемъ, служа, въ извѣстномъ смыслѣ, нѣмымъ комментаріемъ къ человѣческой жизни. Шекспиръ пользовался ими, въ качествѣ красокъ, для композиціи своей живописи. Онъ остановился передъ ихъ красотою, застрялъ въ ней и ни разу не сдѣлалъ дальнѣйшаго шага (который, казалось, для такого генія долженъ быть неизбѣжнымъ), чтобы проникнуть во внутренній, высшій смыслъ, заложенный въ эти символы и придающій имъ такую мощь, чтобы задаться вопросомъ:—что это такое, что они сами собою выражаютъ? Предоставленные въ его распоряженіе и ждавшіе его приказа элементы онъ превратилъ въ предметы, служащіе цѣлямъ занимательности и

развлеченія. Онъ явился устроителемъ пировъ, оберъ-церемоніймейстеромъ банкетовъ для человѣчества. Не есть ли это, какъ если бы кто, силою величественнаго знанія, захватилъ въ свои руки кометы или планеты съ ихъ спутниками и, вырвавъ ихъ изъ вѣковѣчныхъ орбитъ, воспользовался ими для того лишь, чтобы зажечь городской фейерверкъ въ праздничную ночь и иллюминацію и провозгласить повсюду: «сегодня вечеромъ небывалое пиротехническое представленіе»? Неужели дѣятельныя силы, рычаги природы и способность понимать ихъ ничего больше не стоятъ, какъ уличной серенады или дыма сигары? Снова вспоминаешь тѣ трубные звуки текста Корана: «Небеса и земля, и все, что̀ между ними, думаете ли вы, созданы нами шутки ради?» Пока рѣчь идетъ о талантѣ и духовной мощи, человѣческій міръ не сможетъ указать ничего ему подобнаго. Но когда рѣчь заходитъ о жизни, ея содержаніи и вспомогательныхъ средствахъ, что̀ пользы намъ отъ него? Въ чемъ заключается его значеніе? Оно сводится лишь къ «Двѣнадцатой ночи», или «Сну въ лѣтнюю ночь», или «Сказкѣ въ зимній вечеръ»: какое значеніе здѣсь имѣетъ еще одной картиной больше или меньше? Невольно приходитъ на умъ египетскій вердиктъ шекспировскихъ обществъ, признающій, что онъ былъ веселымъ актеромъ и театральнымъ антрепренеромъ. Согласовать этотъ фактъ съ его стихами я не могу. Другіе замѣчательные люди вели жизнь, которая такъ или иначе согласовалась съ ихъ образомъ мыслей; но какой контрастъ между той и другимъ у этого человѣка! Будь онъ не такимъ великимъ, обладай онъ лишь обычнымъ калибромъ великихъ писателей, каковы Бэконъ, Мильтонъ, Тассо, Сервантесъ, мы бы могли такъ и оставить этотъ фактъ въ туманѣ непостижимости человѣческаго рока; но то, что этотъ избранникъ изъ милліоновъ, величайшій среди великихъ, давшій наукѣ о душѣ новое и болѣе широкое содержаніе, чѣмъ существовавшее когда-либо до того, и водрузившій знамя человѣчества на значительное пространство дальше въ глубинѣ дебрей Хаоса, что и такой человѣкъ не оказался мудрымъ по отношенію къ себѣ,— это ужъ должно остаться на скрижаляхъ всемірной исторіи и вѣчно свидѣтельствовать, что величайшій изъ всѣхъ поэтовъ велъ темную и суетную жизнь, употребляя свой геній лишь на потѣху и развлеченіе толпы.

Хорошо, но и другихъ людей, жрецовъ и пророковъ, израэлитовъ, нѣмцевъ и шведовъ, занимали тѣ же самыя вещи, онѣ носились передъ ихъ глазами; сквозь эти предметы они видѣли то, что̀ въ нихъ содержалось. И какая была отъ этого польза? Красота тотчасъ же исчезла; они въ нихъ читали заповѣди, все исключающій, тяжелый, какъ гора, долгъ; бремя обязанности, печали, словно одна на другую нагроможденныя горы, свалилось на нихъ, и жизнь стала для нихъ призрачной, безрадостной, какимъ-то паломничествомъ, испытаніемъ, осаждаемая со всѣхъ сторонъ скорбными повѣствованіями о паденіи Адама и тяготѣющимъ надъ ними проклятіемъ въ прошедшемъ, днями страшнаго суда, чистилищемъ и адскими огнями въ грядущемъ; и сердце вѣщателя-провидца, какъ и сердце слушателя, потонуло въ безднѣ этихъ страшилищъ.

Необходимо согласиться съ тѣмъ, что все это были полу-воззрѣнія, недостаточные взгляды несовершенныхъ людей. Міръ все еще ждетъ своего поэта-жреца, примирителя, который не станетъ игриво относиться къ смыслу жизни, подобно актеру Шекспиру, ни рыться въ могилахъ, какъ мрачный Сведенборгъ; а будетъ видѣть, говорить и дѣйствовать съ равнымъ, неизмѣннымъ вдохновеніемъ. Ибо знаніе сдѣлаетъ солнечное сіяніе еще болѣе яркимъ; справедливость прекраснѣе личныхъ чувствъ и склонностей, и любовь можетъ идти рука объ руку съ міровой, всеобъемлющей мудростью.

VI.

НАПОЛЕОНЪ ИЛИ ЧЕЛОВѢКЪ ЖИТЕЙСКИХЪ УСПѢХОВЪ.

Среди выдающихся людей девятнадцатаго столѣтія Бонапартъ является наиболѣе извѣстною и самой могучей личностью: этимъ преобладающимъ значеніемъ своимъ онъ обязанъ той вѣрности, съ какою онъ отражаетъ и воплощаетъ въ себѣ тонъ мысли и вѣры, стремленія и цѣли огромной массы дѣятельныхъ и образованныхъ людей. По теоріи Сведенборга, всякій органъ состоитъ изъ однородныхъ частицъ, или, какъ иногда выражаются, всякое цѣлое составлено изъ подобныхъ ему частей; такъ,—легкія составлены изъ безконечно малыхъ легкихъ, печень изъ безконечно малыхъ печеночекъ,—селезенка изъ малыхъ селезенокъ и т. д. По этой аналогіи оказывается, что, разъ какой-нибудь человѣкъ увлекаетъ за собою силы и симпатіи несмѣтныхъ массъ, разъ Наполеонъ есть Франція, разъ Наполеонъ представляетъ собою Европу, это происходитъ оттого, что люди, находящіеся подъ его стягомъ, сами являются маленькими Наполеонами.

Въ современномъ обществѣ царитъ постоянный антагонизмъ между консервативными и демократическими классами; между тѣмъ, кто составилъ себѣ состояніе, и молодыми, неимущими сословіями, которымъ еще только приходится составить себѣ положеніе. Первый классъ боязливъ, эгоистиченъ, врагъ свободы и нововведеній и постоянно путемъ вымиранія уменьшается въ численности. Второй классъ также эгоистиченъ, наступателенъ, смѣлъ, полагается на самого себя, всегда превосходитъ численностью своего противника и ежечасно умножаетъ свои ряды рожденіями. Онъ желаетъ, чтобы дорога ко всѣмъ поприщамъ была открыта соперничеству всѣхъ, всеобщей конкуренціи, чтобы число поприщъ увеличивалось: это классъ дѣловыхъ людей въ Америкѣ, въ Англіи, во Франціи и во всей Европѣ: классъ трудолюбивыхъ и талантливыхъ. Наполеонъ его представитель. Инстинктъ дѣятельныхъ, смѣлыхъ, способныхъ людей въ среднемъ классѣ всего свѣта указалъ на Наполеона, какъ на воплощеніе демократіи. Онъ обладалъ ихъ добродѣтелями и ихъ пороками, а больше всего ему свойственны были ихъ духъ и стремленія. Эта тенденція матеріалистична, она направлена на чувственный успѣхъ и, для достиженія этой цѣли, пользуется богатѣйшими и самыми разнообразными средствами; она имѣетъ дѣло съ механическими силами, высоко умственна, вооружена обширнымъ и точнымъ знаніемъ и искусна, но смотритъ на всѣ интеллектуальныя и духовныя силы, какъ на средства, и подчиняетъ ихъ цѣли матеріальнаго успѣха. Быть богатымъ человѣкомъ такова конечная цѣль. «Богъ даровалъ», говоритъ Коранъ, «каждому народу пророка, вѣщающаго на его родномъ языкѣ». Парижъ и Лондонъ и Нью-Іоркъ, духъ коммерціи, денегъ и матеріальнаго могущества, должны были тоже имѣть своего пророка; для миссіи таковаго Бонапартъ и былъ предназначенъ и посланъ.

Каждый изъ безчисленныхъ читателей анекдотовъ и мемуаровъ о Наполеонѣ, а также его біографій, съ восторгомъ зачитывается ими, потому что въ нихъ онъ изучаетъ свою собственную исторію. Наполеонъ современенъ, моденъ до корней, и даже на самой вершинѣ величія и высоты, на которую вознесла его судьба, отъ него вѣетъ духомъ газетъ. Онъ не святой, «не капуцинъ», какъ онъ самъ выражается, — онъ и не герой въ высокомъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ улицы находитъ съ немъ качества и духовныя силы другихъ людей улицы. Такой человѣкъ находитъ его такимъ же, какъ онъ самъ, обыкновеннымъ по рожденію, гражданиномъ, который, благодаря вполнѣ понятнымъ заслугамъ, достигъ столь господствующаго положенія, что могъ удовлетворять всѣ тѣ свои вкусы и вожделѣнія, какіе свойственны обыкновенному человѣку, но которые послѣдній вынужденъ скрывать и подавлять: хорошее общество, хорошія кни-

ги, возможность быстро путешествовать, богато одѣваться, устраивать званные обѣды, держать безчисленныхъ слугъ; личный вѣсъ и значеніе, осуществленіе своихъ замысловъ, роль благодѣтеля по отношенію ко всѣмъ окружающимъ; утонченное наслажденіе живописью, скульптурой и музыкой, обладаніе дворцами и почетъ и уваженіе отовсюду,—словомъ, все то, что пріятно сердцу каждаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, оказалось во власти и въ обладаніи этого могучаго человѣка. Естественно, что человѣкъ, умѣющій оставаться вѣрнымъ и приноравливаться къ духу окружающихъ его народныхъ массъ, какъ это умѣлъ Наполеонъ, становится не только представителемъ, но фактическимъ монополистомъ и узурпаторомъ чужихъ духовныхъ организацій. Такъ Мирабо присвоивалъ себѣ всякую хорошую мысль, совершалъ плагіаты надъ всякимъ удачнымъ словомъ, произносимымъ во Франціи. Дюмонъ сообщаетъ, что онъ, присутствуя разъ въ Конвентѣ, слушалъ съ галлереи, какъ Мирабо произноситъ рѣчь. Дюмона осѣнила мысль составить къ этой рѣчи соотвѣтствующее заключеніе, которое онъ тутъ же набросалъ карандашемъ на бумагѣ и показалъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ лорду Эльджину. Лордъ Эльджинъ одобрилъ это заключеніе, и Дюмонъ въ тотъ же вечеръ показалъ его Мирабо. Мирабо, прочитавъ оное, безподобно произнесъ его въ слухъ и заявилъ, что онъ включитъ этотъ ораторскій призывъ въ свою завтрашнюю рѣчь передъ собраніемъ. «Это невозможно», замѣтилъ ему Дюмонъ, «такъ какъ, къ сожалѣнію, я показывалъ уже набросанное мною ораторское обращеніе лорду Эльджину». «Если бы вы показали не только лорду Эльджину, но еще полсотнѣ другихъ лицъ, я все-таки произнесу его завтра», и онъ дѣйствительно произнесъ эти слова въ засѣданіи слѣдующаго дня и произвелъ ими огромное впечатлѣніе. Это легко объясняется тѣмъ, что Мирабо, сознавая неотразимость своей личности, чувствовалъ, что вещи, въ которыя онъ внесъ свое личное вдохновеніе, на столько же были его собственными, на сколько бы онѣ ими были, если бъ онъ самъ ихъ сочинилъ, и что силу и неотразимость придаетъ имъ лишь то, что онъ ихъ усвоилъ и воспроизвелъ отъ себя. Еще болѣе абсолютное и централизующее вліяніе оказывалъ Наполеонъ, унаслѣдовавшій популярность Мирабо и достигшій несравненно большаго, чѣмъ онъ, преобладанія и не только въ одной Франціи, но и далеко за ея предѣлами. И, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ Наполеоновской чеканки перестаетъ, можно сказать, имѣть свою собственную, частную рѣчь и мнѣніе. Воспріимчивость его дотого обширна, и онъ такъ поставленъ, что онъ становится центральнымъ бюро для всего знанія, остроумія и мощи своего времени и страны. Это онъ выигрываетъ сраженіе,—составляетъ кодексъ законовъ, устанавливаетъ систему мѣръ и вѣсовъ; это онъ нивеллируетъ Альпы, строитъ дорогу. Всѣ выдающіеся инженеры, ученые, статистики представляютъ ему доклады: то же самое дѣлаютъ всѣ замѣчательные головы въ любой области; изъ всего, что ему представляютъ, онъ утверждаетъ самые лучшіе проекты и мѣропріятія, кладетъ на нихъ свой отпечатокъ и не только на нихъ однихъ, а на всякомъ удачномъ и достопамятномъ изреченіи. Всякая мысль, высказанная Наполеономъ, всякая строка, имъ написанная, заслуживаетъ прочтенія, ибо она отражаетъ мысль и настроеніе всей Франціи.

Бонапартъ былъ кумиромъ заурядныхъ людей, оттого что онъ въ превосходной степени обладалъ качествами и способностями заурядныхъ людей. Извѣстное удовлетвореніе испытываешь, когда въ области политики доходишь до послѣдняго основанія, освобождаясь разъ навсегда отъ ханжества и притворства. Какъ и обширный классъ, котораго представителемъ онъ являлся, Бонапартъ работалъ для достиженія власти и богатства,—но особенность Бонапарта заключается въ томъ, что онъ стремился къ этой цѣли безъ всякаго стѣсненія въ выборѣ средствъ. Всѣ чувства, которыя могутъ остановить людей въ подобномъ стремленіи, онъ откидывалъ въ сторону. Сантиментальность онъ предоставлялъ женщинамъ и дѣтямъ. Фонтонъ выразилъ собственную мысль Наполеона, когда въ 1804 году отъ имени сената обратился къ нему со слѣдующими словами: «Ваше величество, стремленіе къ совершенству есть худшій изъ недуговъ, поражавшихъ когда-либо человѣческую душу». Защитники свободы и прогресса—«идеологи»—этотъ презрительный отзывъ часто срывается съ устъ Наполеона: «Неккеръ не что иное, какъ идеологъ»; «Лафайеттъ—идеологъ».

Извѣстная италіанская пословица гла-

ситъ: «коли хочешь имѣть успѣхъ, не будь слишкомъ добрымъ». Свергнуть съ себя господство такихъ чувствъ, какъ благочестіе, благодарность и благородство, представляетъ до извѣстной степени выгоду; съ освобожденіемъ отъ нихъ, то, что̀ раньше являлось для насъ непреодолимой преградой и продолжаетъ быть таковой для другихъ, становится выгоднымъ оружіемъ къ достиженію преслѣдуемыхъ нами цѣлей; такъ зима превращаетъ рѣку, являвшуюся страшнымъ барьеромъ, въ самый гладкій и легкій путь сообщенія.

Наполеонъ отдѣлался разъ навсегда отъ сантиментальности и побужденій чувства и устраивался въ жизни единственно съ помощью своихъ рукъ и своей головы. У него нѣтъ чудесъ, нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Онъ работникъ во всѣхъ областяхъ, чугунно-литейной и желѣзодѣлательной, работникъ на деревѣ и подъ землею, работникъ-путеецъ и архитекторъ, финансистъ-монетчикъ и военачальникъ, и всюду онъ являетъ себя образцомъ въ высшей степени послѣдовательнаго и разумнаго работника. Онъ никогда не проявитъ слабости, отъ него ни разу не повѣетъ книжнымъ духомъ, но всегда онъ дѣйствуетъ съ солидностью и точностью силъ природы. Онъ не утратилъ своего врожденнаго чутья и симпатіи къ вещамъ. Передъ такимъ человѣкомъ люди отступаютъ и стушевываются, какъ передъ стихійными явленіями природы. На свѣтѣ есть, конечно, достаточное число людей, знатоковъ своего дѣла, вошедшихъ, такъ сказать, въ суть вещей, каковы фермеры, кузнецы, моряки и вообще ремесленники; и намъ извѣстно, какими реальными и основательными такіе люди оказываются рядомъ съ учеными и книжниками; но этимъ людямъ обыкновенно недостаетъ организаторской способности, и они—словно руки безъ головы. Бонапартъ же, сверхъ этой почвенной и животной силы, обладалъ еще проницательнымъ взглядомъ и даромъ обобщенія, такъ что люди видѣли въ немъ совмѣщеніе сырыхъ, натуральныхъ и духовныхъ силъ, словно море и земля стали въ его лицѣ плотью и начали оперировать цифрами. Поэтому земля и море какъ бы обусловливали его появленіе. Онъ явился въ свою собственную среду, и ея элементы его приняли. Этотъ разсчитывающій, цифровой работникъ знаетъ, надъ чѣмъ онъ работаетъ, и какой плодъ ожидаетъ его труды. Онъ зналъ свойства золота и желѣза, качества колесъ и кораблей, войскъ и дипломатовъ, и требовалъ, чтобы каждый исполнялъ на своемъ мѣстѣ все, что̀ по своему роду и натурѣ онъ долженъ исполнять.

Военное искусство явилось игрою, въ которой онъ примѣнялъ и развивалъ свою ариѳметику, свой даръ разсчитыванія. Эта ариѳметика, по его собственнымъ словамъ, состояла въ томъ, чтобы располагать всегда бо́льшими силами, чѣмъ непріятель, въ томъ пунктѣ, гдѣ врагъ атакуется или гдѣ онъ самъ производитъ атаку; и все свое дарованіе онъ вкладываетъ въ безконечные маневры и эволюціи, помощью которыхъ онъ всегда наступаетъ на врага на угловомъ пунктѣ и разстраиваетъ его силы по частямъ. Очевидно, что даже незначительная сила, настолько искусно и быстро маневрирующая, что всегда въ мѣстѣ рѣшительнаго боя выставляетъ двухъ человѣкъ противъ одного, одержитъ верхъ надъ гораздо болѣе многочисленной массой людей.

Условія времени, его собственная природная организація и обстоятельства жизни въ его ранней молодости сложились для того, чтобы выработать изъ него образецъ демократа. Онъ обладалъ хорошими качествами своего класса и условіями ихъ дѣятельнаго примѣненія. Здравый смыслъ, который не успѣваетъ остановиться на какой-нибудь цѣли, какъ находитъ сейчасъ и средства къ ея достиженію; наслажденіе, испытываемое въ самомъ пользованіи средствами, въ выборѣ, упрощеніи и комбинированіи средствъ; прямолинейность, основательность и цѣльность дѣйствія; благоразуміе, съ какимъ все предусматривалось, и энергія, съ какою все приводилось въ исполненіе,—все это дѣлаетъ его натуральнымъ органомъ и главою того лагеря, который я, принимая во вниманіе его широкое разростаніе, могъ бы, кажется, окрестить именемъ современной партіи.

Главнѣйшая и наибольшая роль во всякомъ успѣхѣ принадлежитъ природѣ; ей же эта роль принадлежитъ и въ его житейскихъ тріумфахъ. Въ такомъ человѣкѣ чувствовалась потребность, и такой человѣкъ явился на свѣтъ; человѣкъ изъ камня и желѣза, могущій оставаться верхомъ на лошади пятнадцать или семнадцать часовъ кряду, цѣлыми днями оставаться безъ пищи и сна, пользуясь ими лишь урывками; проявившій

въ своихъ дѣйствіяхъ быстроту и разбѣгъ тигра; человѣкъ, не останавливавшійся ни передъ какими соображеніями; цѣлостный, настойчивый, себялюбивый, благоразумный и настолько проницательный, что не дастъ себя ничьему утвержденію, никакому суевѣрію провести, никогда безъ холоднаго взвѣшиванія не отдастся на волю собственному пылу и увлеченію. «Моя желѣзная длань», говорилъ онъ, «находилась не въ оконечности моей руки, а состояла въ непосредственномъ соединеніи съ моей головой». Власть природы и фортуны онъ умѣлъ уважать, и ей онъ приписывалъ причину своего превосходства, вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ люди низшаго калибра, превозносить себя самого за свою непреклонность и отважную борьбу съ природой. Излюбленной темой для его риторики служили намеки на его звѣзду, и онъ, какъ и народъ, находилъ удовлетвореніе, когда онъ называлъ себя «Чадомъ Рока». «Меня обвиняютъ», говорилъ онъ, «въ совершеніи великихъ преступленій; люди моего десятка не совершаютъ преступленій. Ничто не могло быть проще и естественнѣе моего возвышенія, напрасно было бы приписывать причину его кознямъ или преступнымъ путямъ; причина его кроется въ особенныхъ условіяхъ времени и той извѣстности, которую я стяжалъ, успѣшно воюя съ врагами моей страны. Я всегда шелъ въ одномъ направленіи съ мнѣніемъ народныхъ массъ и съ событіями. Какая же польза была бы мнѣ отъ преступныхъ путей?» Далѣе, онъ выразился однажды, говоря о своемъ сынѣ: «мой сынъ не въ состояніи меня замѣнить; я самъ не въ состояніи себя замѣнить; я—продуктъ обстоятельствъ».

Въ немъ сочеталась прямолинейность дѣйствія съ небывалой еще до того шириной охвата и глубиною пониманія. Онъ реалистъ, страшный для всѣхъ болтуновъ и смущающій всѣхъ, кто старается затемнить истину. Онъ сразу видитъ, вокругъ чего вертится вещь, прямо ударяетъ въ самую точку сопротивленія и совершенно игнорируетъ всѣ другія соображенія. Онъ настоящимъ образомъ силенъ: его мощь заключается въ проницательности, въ проникновеніи въ глубину и самую суть предмета. Онъ никогда не одерживалъ побѣды по недоразумѣнію, невзначай; всѣ данныя имъ сраженія онъ выигрывалъ въ своей головѣ прежде, чѣмъ выиграть ихъ на полѣ битвы. Главнѣйшія средства, которыми онъ пользовался, заложены въ немъ самомъ. Онъ ни у кого не спрашиваетъ совѣтовъ. Въ 1796 году онъ пишетъ Директоріи: «Я велъ кампанію, не обращаясь ни къ кому за совѣтомъ. Ничего хорошаго я бъ не достигъ, если бы я находился въ необходимости сообразоваться со взглядами другого лица. Я неоднократно одерживалъ верхъ надъ превосходными силами и въ такіе моменты, когда мы нуждались въ самомъ необходимомъ, и это оттого, что, благодаря увѣренности въ вашемъ довѣріи ко мнѣ, мои дѣйствія были такъ же быстры, какъ и мои мысли».

Исторія испоконъ вѣковъ вплоть до настоящаго дня полна глупостей, совершаемыхъ правителями. Это — классъ людей, достойныхъ большого сожалѣнія, ибо не вѣдаютъ они, что̀ имъ надо творить. Но Наполеонъ понималъ свое дѣло. Это былъ человѣкъ, который каждый моментъ и во всякомъ положеніи зналъ, что̀ ему сейчасъ надо дѣлать. А это огромное преимущество и поддержка духа не только для королей, но и для простыхъ гражданъ. Мало есть людей, которые думаютъ о завтрашнемъ днѣ; большинство живетъ изо дня въ день, безъ всякаго плана, и всегда стоитъ у конца своей линіи, ожидая послѣ каждаго своего акта какого-нибудь импульса извнѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Наполеонъ былъ бы величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если бы его цѣли и стремленія опредѣлялись исключительно общественнымъ интересомъ. Но даже какой онъ есть, онъ внушаетъ довѣріе и мощь необыкновеннымъ единствомъ и цѣлостью своей дѣятельности. Онъ твердъ, увѣренъ, готовъ на самоотреченіе, способенъ самого себя отстранить на задній планъ, всѣмъ пожертвовать ради своей цѣли—деньгами, войсками, генералами, а также своей личной безопасностью, при чемъ не обманываетъ себя, какъ это дѣлаютъ обыкновенные авантюристы, на счетъ внѣшняго блеска и эффектности пускаемыхъ имъ въ ходъ средствъ. «Случайныя событія не должны давать направленіе политикѣ», говорилъ онъ, «а, наоборотъ, политика должна направлять событія». «Давать себя уносить потокомъ каждаго событія значитъ не имѣть совсѣмъ политической системы». Его побѣды являлись для него лишь столькими же

преддверіями къ дальнѣйшему движенію впередъ, котораго путь онъ ни на мгновеніе не упускалъ изъ виду среди ослѣпительнаго блеска и сутолоки обстоятельствъ даннаго момента. Онъ зналъ, что̀ ему надо дѣлать, и несся неудержимо къ намѣченной цѣли. Въ стремленіи къ ней, прямая линія казалась ему недостаточно короткимъ разстояніемъ между двумя точками, и онъ готовъ былъ бы его сдѣлать еще короче. Страшные случаи несомнѣнно можно собрать изъ исторіи его жизни, свидѣтельствующіе о той цѣнѣ, какою онъ покупалъ свой успѣхъ; но это еще не даетъ основанія причислять его къ жестокимъ людямъ, а лишь къ тому разряду людей, который не знаетъ никакихъ преградъ своей волѣ; онъ не былъ кровожаденъ, ни жестокъ — но горе всякому предмету и лицу, становившимся ему поперекъ дороги! Не кровожаднымъ слѣдуетъ его признать, а не щадящимъ крови и безжалостнымъ. Онъ только видѣлъ передъ собою поставленную цѣль: всякое препятствіе къ ея достиженію должно было быть преодолѣно. «Ваше величество, генералъ Кларкъ не въ состояніи соединиться съ генераломъ Жюно̀ вслѣдствіе убійственнаго огня австрійской батареи». — «Пусть беретъ батарею штурмомъ». — «Государь, всякій полкъ, приближающійся къ тяжелой артиллеріи, обреченъ на гибель. Что̀ же, государь, изволите приказать?» — «Впередъ, впередъ!» — Серюзье, полковникъ артиллеріи, описываетъ въ своихъ «Военныхъ Воспоминаніяхъ» слѣдующую сцену, имѣвшую мѣсто послѣ Аустерлицкаго боя. «Въ тотъ моментъ, когда русская армія отступала съ трудомъ, но въ полномъ порядкѣ, по льду озера, императоръ Наполеонъ прискакалъ верхомъ во весь карьеръ къ артиллеріи и крикнулъ: «что вы теряете время? Стрѣляйте въ эти массы, онѣ должны быть потоплены: стрѣляйте въ лед!» Этотъ приказъ въ теченіе десяти минутъ оставался неисполненнымъ. Напрасно я и нѣкоторые офицеры были поставлены на склонѣ холма для того, чтобы произвести приказанное дѣйствіе: всѣ наши снаряды скользили по льду, не проламывая его. Видя это, я попробовалъ пустить въ ходъ простое средство: поставить на верхъ легкія гаубицы. Почти перпендикулярное паденіе тяжелыхъ снарядовъ произвело желанное дѣйствіе. Моему примѣру немедленно послѣдовали прибывающія батареи, и въ мгновеніе ока мы похоронили въ водахъ озера нѣсколько [1]) тысячъ русскихъ и австрійцевъ».

Въ избыткѣ рессурсовъ, которыми онъ располагалъ, всякое препятствіе, казалось, совершенно исчезало. «Никакихъ Альпъ быть не должно», сказалъ онъ и построилъ свои великолѣпныя дороги, идущія высѣченными на нихъ, въ видѣ ступеней, галлереями до самыхъ крутыхъ вершинъ, пока Италія не лежала передъ Парижемъ такъ же открыто, какъ и любой городъ Франціи. Онъ ставилъ на карту свою собственную жизнь въ неустанной борьбѣ за свою корону. Разъ имъ что̀ было рѣшено, онъ дѣлалъ это всею душою и мощью. Онъ вкладывалъ въ эту вещь всю свою силу. Онъ рисковалъ всѣмъ, ничего не щадя: ни аммуниціи, ни денегъ, ни войскъ, ни генераловъ, ни самого себя.

Намъ пріятно видѣть всякую вещь, отправляющую свои функціи согласно своей природѣ, будь то дойная корова или гремучая змѣя, и если допустить (что̀ большинство людей, повидимому, и дѣлаетъ), что война есть лучшій способъ разрѣшенія международныхъ споровъ, Бонапартъ былъ несомнѣнно правъ, ведя войну основательно. Великій принципъ войны, говорилъ онъ, заключается въ томъ, что армія должна быть всегда готова, и днемъ и ночью и во всякую минуту, къ оказанію всего того сопротивленія, на какое она только способна. Онъ никогда не жалѣлъ своей аммуниціи и засыпалъ непріятельскую позицію цѣлымъ градомъ желѣза—ядрами, пулями, картечью — чтобы уничтожить всякое сопротивленіе съ ея стороны. На всякій пунктъ обороны бросалъ онъ эскадронъ за эскадрономъ въ подавляющемъ числѣ, пока отъ противника не оставалось никакого слѣда. Къ одному полку конныхъ егерей подъ Лобенштейномъ онъ за два дня до Іенскаго сраженія обратился со словами: «ребята, нечего бояться смерти; когда солдаты глядятъ смерти неустрашимо въ глаза, они ее гонятъ въ ряды непріятеля». Въ пылу атаки онъ и самого себя не щадилъ. Въ отвагѣ онъ доходилъ до предѣловъ возможнаго. Несомнѣнно, что въ Ита-

[1]) Цитируя приведенныя слова изъ вторыхъ рукъ, за невозможностью раздобыть самого Серюзье, я не рѣшаюсь принять высокую цифру, которую нахожу въ имѣющемся въ моемъ распоряженіи источникѣ.

ліи онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ все рѣшительно, что только было въ его силахъ. Онъ неоднократно бывалъ на краю гибели, и его собственная жизнь не разъ висѣла на волоскѣ. При Арколѣ онъ былъ отброшенъ въ болото. Между нимъ и его войсками въ разгарѣ схватки находились австрійцы, и, лишь благодаря отчаяннымъ усиліямъ, удалось его спасти. При Лонато и въ другихъ мѣстахъ онъ едва не попалъ въ плѣнъ. Онъ сражался въ шестидесяти бояхъ, и этого ему еще было мало. Каждая побѣда являлась для него новымъ оружіемъ. «Моя сила пала бы, если бъ я не поддерживалъ ея новыми успѣхами. Побѣда сдѣлала меня тѣмъ, что я есть, и на побѣдѣ мнѣ необходимо держаться». Онъ, какъ и всякій разумный человѣкъ, сознавалъ, что для сохраненія необходимо столько же жизни, сколько и для созиданія. Мы всегда находимся въ опасности, всегда въ затруднительномъ положеніи, на самомъ краю гибели, и одна лишь изобрѣтательность и мужество могутъ насъ спасти.

Эта мощь духа ограждалась и умѣрялась самой холодной разсудительностью и точностью. Въ атакѣ неудержимый вихрь, разящій, какъ громъ, онъ оказывался неуязвимымъ и неприступнымъ въ своихъ окопахъ. Да сама его атака никогда не являлась одушевленіемъ мужества, а только результатомъ разсчета. Лучшій способъ защиты въ его глазахъ состоитъ въ томъ, чтобы всегда быть атакующей стороной. «Мое честолюбіе», говоритъ онъ, «было велико, но оно было холоднаго рода». Въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ Ласказасомъ онъ замѣтилъ: «что касается моральнаго мужества, то я рѣдко встрѣчалъ такой родъ его, который я называю мужествомъ двухъ часовъ утра: подъ нимъ я разумѣю не подготовленное мужество, такое, которое бываетъ необходимо въ неожиданныхъ случаяхъ и которое, не взирая на самыя непредвидѣнныя событія, оставляетъ человѣку полную свободу сужденія и самоопредѣленія», и онъ не колебался объявить, что самъ онъ въ высокой степени одаренъ этимъ мужествомъ двухъ часовъ утра, и что онъ встрѣчалъ мало людей, которые бы могли съ нимъ въ этомъ отношеніи сравниться.

Все зависѣло отъ правильности его разсчетовъ, и звѣзды не могли быть точнѣе въ своемъ бѣгѣ, чѣмъ его комбинаціи. Его личное вниманіе спускалось до самыхъ незначительныхъ частностей и мелочей. «При Монтебелло я приказалъ Келлерману произвести атаку восемью конными сотнями, и этими силами онъ отрѣзалъ шесть тысячъ венгерскихъ гренадеръ передъ самыми глазами австрійской кавалеріи. Эта кавалерія находилась въ разстояніи полумили, требовалось лишь четверть часа времени на то, чтобы она поспѣла на мѣсто боя; и я замѣтилъ, что эти именно четверть часа всегда рѣшаютъ судьбу сраженія». «Передъ тѣмъ, какъ вступить въ бой, Бонапартъ мало думалъ о томъ, что онъ долженъ дѣлать въ случаѣ успѣха, а больше всего о томъ, что онъ долженъ дѣлать въ случаѣ неблагопріятнаго поворота судьбы». То же благоразуміе и здравый смыслъ отмѣчаютъ все его поведеніе. Инструкціи, данныя имъ своему секретарю въ Тюльери, заслуживаютъ быть упомянутыми. «Въ теченіе ночи входите въ мою комнату какъ можно рѣже. Не будите меня, когда вы имѣете сообщить мнѣ какія-нибудь хорошія вѣсти; съ ними дѣло не къ спѣху. Но когда вамъ приходится сообщить дурную вѣсть, будите меня моментально, ибо тогда нельзя терять ни одной минуты». Того же рода капризная экономія диктовала ему своеобразное отношеніе къ получаемой имъ цѣлыми грудами корреспонденціи въ бытность его главнокомандующимъ въ Италіи. Онъ приказалъ Бурьену оставлять всѣ письма нераспечатанными въ продолженіе трехъ недѣль и затѣмъ съ удовольствіемъ убѣждался въ томъ, сколь значительная часть корреспонденціи сама собою погашалась и не требовала никакого отвѣта съ его стороны. Его успѣшность въ работѣ была безпредѣльна и являетъ собою примѣръ, указывающій на то, что человѣческія способности могутъ превосходить все, что себѣ объ ихъ границахъ можно было представить. Было не мало царей-работниковъ, начиная отъ Улисса до Вильгельма Оранскаго, но не было среди нихъ ни одного, кто бы въ состояніи былъ исполнить десятую долю того, что совершилъ этотъ человѣкъ.

Къ этимъ дарамъ природы у Наполеона присоединилось преимущество рожденія его среди скромныхъ условій обыкновеннаго обывательскаго состоянія. Въ своей позднѣйшей жизни онъ имѣлъ слабость желанія

присоединить къ своимъ коронамъ и гербамъ давностныя права аристократическаго происхожденія; но онъ сознавалъ, чѣмъ онъ обязанъ своему суровому воспитанію, и не скрывалъ своего презрѣнія къ природнымъ королямъ. Онъ выразился о нихъ, что «въ своемъ изгнаніи они ничему не научились и ничего не забыли». Бонапартъ прошелъ всѣ чины военной службы, но онъ также былъ гражданиномъ раньше, чѣмъ сталъ императоромъ, и, благодаря этому, имѣлъ въ своихъ рукахъ ключъ къ пониманію гражданскихъ интересовъ. Его замѣчанія и сужденія показываютъ, насколько хорошо онъ былъ освѣдомленъ и правильно судилъ о среднихъ классахъ. Тѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, убѣждались, что его нельзя водить за носъ, и что онъ такъ же хорошо умѣетъ считать, какъ и всякій другой человѣкъ. Это проглядываетъ изъ всѣхъ частей мемуаровъ, диктованныхъ имъ на Островѣ Св. Елены. Когда издержки императрицы, расходы по придворному хозяйству, по содержанію дворцовъ накопляли большія суммы долговъ, Наполеонъ самъ провѣрялъ счета поставщиковъ, открывалъ въ нихъ переборы и ошибки, и, такимъ образомъ, сокращалъ претензіи на значительныя суммы.

Своимъ великимъ оружіемъ, а именно поддержкой предводимыхъ имъ милліоновъ, онъ былъ обязанъ представительному характеру своей личности. Онъ насъ интересуетъ, насколько онъ представляетъ собою Францію и Европу; и онъ является вождемъ и государемъ лишь по стольку, по скольку революція или интересы промышленныхъ классовъ нашли въ немъ свой органъ и своего предводителя. Въ борьбѣ соціальныхъ интересовъ онъ зналъ цѣну и значеніе труда и естественно сталъ на его сторону. Мнѣ нравится одинъ характерный случай, упоминаемый однимъ изъ его біографовъ на Островѣ Св. Елены. «Однажды, во время его прогулки въ обществѣ г-жи Balcombe, нѣсколько слугъ, носившихъ тяжелые сундуки, переходили черезъ дорогу, и госпожа Балькомбъ довольно сердитымъ тономъ приказала имъ подождать. Наполеонъ вмѣшался, замѣтивъ ей: «сударыня, надо имѣть уваженіе къ обремененнымъ ношею». Во время имперіи онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе и украшеніе рынковъ въ столицѣ, «Рыночная площадь», говорилъ онъ, «представляетъ собою Лувръ для простого народа». Главнѣйшія творенія, которыя его пережили, это выстроенныя имъ великолѣпныя дороги. Онъ вселилъ войскамъ свой духъ, и своего рода свобода отношеній и товарищество установились между нимъ и солдатомъ, которыя правиломъ придворнаго этикета не допускались между нимъ и его офицерами. Они на его глазахъ совершали вещи, какихъ никакія другія войска совершить не могли. Лучшимъ документомъ, свидѣтельствующимъ объ его отношеніи къ своимъ войскамъ, является его дневной приказъ въ утро Аустерлицкаго боя, въ которомъ онъ обѣщаетъ солдатамъ держаться во время сраженія внѣ линіи огня. Это заявленіе, совершенно обратное тѣмъ воззваніямъ, съ которыми генералы и государи обыкновенно обращаются къ солдатамъ наканунѣ битвы, достаточно показываетъ безграничную преданность арміи своему вождю.

Но, хотя это тождество между Наполеономъ и народными массами и сказывалось въ отдѣльныхъ частностяхъ, его дѣйствительная сила покоилась на ихъ убѣжденіи, что онъ являлся ихъ представителемъ въ своемъ геніи и своихъ цѣляхъ, не только когда онъ ухаживалъ за народомъ, но и когда онъ давалъ ему чувствовать свою властную руку, и даже тогда, когда онъ опустошалъ его ряды своими безпрерывными наборами. Онъ умѣлъ не хуже любого французскаго якобинца философствовать на тему о свободѣ и равенствѣ; когда дѣлались намеки на драгоцѣнную кровь столѣтій, пролитую въ лицѣ казненнаго имъ герцога Энгіенскаго, онъ возразилъ: «И моя кровь не изъ лужи». Народъ чувствовалъ, что въ его лицѣ тронъ больше не занимается и соки страны не высасываются небольшимъ классомъ закономъ привилегированныхъ людей, замыкавшимся отъ всякаго общенія съ дѣтьми почвы; въ Тюльерійскомъ дворцѣ держалъ стягъ человѣкъ, вышедшій изъ народной среды, раздѣляющій тѣ же взгляды и идеи, что и она, самымъ настоящимъ образомъ открывающій ей и ея дѣтямъ доступъ ко всѣмъ мѣстамъ, дающимъ власть и требующимъ довѣрія. Дни сонной, эгоистичной политики, постоянно ограничивающей поприще и возможность выдвинуться для молодыхъ, энергичныхъ людей, окончились, и настало время роста и стре-

мленій. Открылся рынокъ для всѣхъ способностей и произведеній человѣка; передъ глазами молодости и таланта заманчиво сверкали блестящіе призы. Старая, скованная цѣпями, феодальная Франція преобразилась въ молодой Огайо или Нью-Іоркъ, и тѣ, кому больно приходилось подъ неумолимыми строгостями новаго монарха, мирились съ ними, какъ съ неизбѣжными спутниками военнаго режима, благодаря которому народъ освободился отъ прежнихъ угнетателей. И даже въ то время, когда большинство народа начало задавать себѣ вопросъ, остался ли онъ дѣйствительно въ какомъ-нибудь выигрышѣ отъ непрекращающихся поборовъ людьми и деньгами, которыми новый повелитель его облагаетъ, все, что было талантливаго въ странѣ, во всѣхъ областяхъ и общественныхъ положеніяхъ, стало на его сторону и защищало его, какъ своего естественнаго покровителя. Въ 1814 году, когда ему совѣтовали опереться на высшіе классы, Наполеонъ сказалъ окружавшимъ его: «господа, въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, единственная аристократія, на которую я могу положиться, это — чернь фобурговъ» (предмѣстій).

Наполеонъ пришелъ навстрѣчу этимъ естественнымъ ожиданіямъ. Особенность его положенія требовала съ его стороны самаго широкаго гостепріимства и поощренія по отношенію ко всякаго рода талантамъ и призванія ихъ на отвѣтственныя, требующія довѣрія мѣста; и такая политика соотвѣтствовала его личнымъ чувствамъ. Какъ всякій человѣкъ выспаго порядка, онъ несомнѣнно чувствовалъ потребность въ людяхъ и сотрудникахъ одного съ нимъ калибра, а также испытывалъ желаніе помѣряться силами съ другими выдающимися людьми и не выносилъ глупцовъ и посредственностей. Въ Италіи онъ искалъ настоящихъ людей, но никого не нашелъ. «Добрый Боже!» воскликнулъ онъ, «какъ рѣдко можно встрѣтить людей! Въ Италіи насчитывается восемнадцать милліоновъ, и я среди нихъ съ трудомъ нашелъ всего двухъ человѣкъ: Дандоло и Мельци». Въ позднѣйшіе годы, когда у него накопился болѣе богатый опытъ, его уваженіе къ человѣчеству нисколько не возросло. Въ минуту горечи онъ сказалъ одному изъ своихъ старѣйшихъ друзей: «люди заслуживаютъ то презрѣніе, которое они мнѣ внушаютъ къ себѣ. Мнѣ стоитъ только наложить какую-нибудь золотую нашивку на сюртукъ моихъ добродѣтельныхъ республиканцевъ, чтобы они немедленно стали всѣмъ, чего только я ни пожелаю».—Эта нетерпимость по отношенію къ несолидности являлась, однако, косвеннымъ выраженіемъ должной дани, воздаваемой имъ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя внушали къ себѣ его уваженіе не только, когда онъ въ нихъ встрѣчалъ друзей и сотрудниковъ, но и когда они оказывали противодѣйствіе его волѣ. Онъ никогда не смѣшивалъ Фокса и Питта, Карно, Лафайетта и Бернадотта съ волокитами, околачивавшимися вокругъ его двора, и, не смотря на пренебреженіе, которое его выработавшійся въ цѣлую систему эгоизмъ диктовалъ ему по отношенію въ великимъ военачальникамъ, одерживавшимъ съ нимъ и для него побѣду за побѣдой, онъ не скупится на признаніе заслугъ и выраженіе своего удивленія Ланну, Дюроку, Клеберу, Десею, Массенѣ, Мюрату, Нею и Ожеро. Если онъ чувствовалъ себя ихъ покровителемъ и создателемъ ихъ величія и богатства, если онъ напр. говорилъ: «я создалъ своихъ генераловъ изъ ничего, извлекши ихъ изъ грязи», —онъ съ другой стороны не могъ скрывать своего удовлетворенія по поводу получаемаго имъ отъ нихъ содѣйствія и поддержки, достойныхъ величія его собственныхъ плановъ. Во время похода въ Россію храбрость и боевыя качества маршала Нея произвели на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ сказалъ: «у меня въ сундукахъ двѣсти милліоновъ, но я бы отдалъ всѣхъ ихъ за одного Нея». Характеристики, данныя имъ многимъ изъ его маршаловъ, замѣчательно ярки и, хотя онѣ не удовлетворяютъ ненасытнаго тщеславія французскихъ офицеровъ, онѣ, по существу своему, несомнѣнно справедливы. И, дѣйствительно, не было того вида заслуги, который бы не находилъ въ его правленіе признанія и поощренія. «Я знаю», говорилъ онъ, «глубину и содержаніе каждаго изъ моихъ генераловъ». Всякое природное дарованіе могло вполнѣ разсчитывать на хорошій пріемъ при его дворѣ. Семнадцать человѣкъ въ его время изъ простыхъ солдатъ были возвышены до званія короля, маршала, герцога или генерала; а кресты Почетнаго Легіона давались за личную доблесть, а не благодаря родственнымъ связямъ. «Боевое кре-

щеніе даетъ всѣмъ солдатамъ въ моихъ глазахъ одинаковый рангъ».

Когда человѣкъ царственной натуры становится на самомъ дѣлѣ титулованнымъ царемъ, весь свѣтъ этому радъ и испытываетъ удовлетвореніе. Революція дала право крѣпкому населенію Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, равно какъ послѣднему конюху и денщику въ арміи, смотрѣть на Наполеона, какъ на плоть отъ плоти и созданіе своей партіи: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ успѣхѣ великаго таланта есть нѣчто, завоевывающее всеобщую симпатію. Ибо всѣ разумные люди заинтересованы въ торжествѣ разума и духовной силы надъ глупостью и превратностью; и, въ качествѣ разумныхъ существъ, мы чувствуемъ, что воздухъ словно очищается разрядами электричества, когда грубая матеріальная сила ниспровергается умственной и духовной энергіей. Стоитъ намъ только возвыситься надъ сферой мѣстныхъ и случайныхъ партійныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ каждый человѣкъ чувствуетъ, что Наполеонъ ведетъ борьбу ради него; его побѣды честныя побѣды; эта сильная паровая машина работаетъ за насъ, исполняетъ нашу работу. Все, что, переходя обыкновенныя границы человѣческихъ способностей, взываетъ къ нашей силѣ воображенія, дѣйствуетъ на насъ удивительно бодрящимъ и освобождающимъ образомъ. Эта всеохватывающая, богатырская голова, перебирающая и геніально разрѣшающая цѣлые ворохи дѣлъ и одушевляющая такіе сонмы дѣятельныхъ силъ; этотъ глазъ, охватывающій и проникающій взоромъ всю Европу; эта быстрая изобрѣтательность; этотъ неизсякаемый источникъ средствъ: какія событія! какія романтическія картины! какія необычайныя положенія!—когда онъ во время солнечнаго заката на Сицилійскомъ морѣ устремляетъ взоръ на Альпы; когда, выстраивая въ боевой порядокъ свою армію въ видѣ пирамидъ, онъ обращается къ своимъ войскамъ со словами: «съ вершины этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ глядитъ на васъ»; когда онъ переправляется черезъ Красное море и переходитъ въ бродъ заливъ Суецкаго перешейка. На берегу у Птолемаиды его душу волновали гигантскіе замыслы. «Если бы Акръ палъ, я бы измѣнилъ карту свѣта». Въ ночь послѣ битвы подъ Аустерлицомъ, совпавшей съ годовщиной провозглашенія его императоромъ, его армія поднесла ему букетъ изъ сорока непріятельскихъ знаменъ, взятыхъ въ бою. Нѣчто дѣтское, пожалуй, есть въ удовольствіи, которое онъ испытывалъ, выставляя на показъ эти контрасты, какъ и въ томъ удовольствіи, которое онъ себѣ доставлялъ, заставляя королей дожидаться пріема въ его передней, въ Тильзитѣ, въ Парижѣ и Эрфуртѣ».

Въ виду господствующихъ среди людей слабости, нерѣшительности и вялости, человѣчество не можетъ достаточно поздравить себя съ этимъ могучимъ и рѣшительнымъ человѣкомъ дѣла, хватавшимъ всегда удачу и удобный случай, что̀ называется, за бороду и показавшимъ, сколь многое можно свершить съ помощью тѣхъ только качествъ, которыми люди вообще въ меньшей степени обладаютъ, а именно, съ помощью точности, личнаго вниманія, мужества и основательности. «Австрійцы», говорилъ онъ, «не знаютъ цѣну времени». Я бы могъ привести случаи изъ его молодыхъ лѣтъ, которые характеризуютъ его, какъ образецъ благоразумія. Его мощь не представляетъ собою дикую и необузданную силу, или энтузіазмъ въ родѣ того, какой мы видимъ у Магомета, или же необыкновенную силу убѣжденія и воздѣйствія на людей; но она покоится на руководствѣ въ каждомъ случаѣ здравымъ смысломъ, вмѣсто того чтобы слѣдовать правиламъ и обычаямъ. Урокъ, который онъ намъ даетъ, тотъ самый, который намъ преподаетъ всякая могучая сила: что для нея всегда есть мѣсто. На какую только массу малодушныхъ сомнѣній не можетъ служить отвѣтомъ жизнь этого человѣка! Когда онъ появился на исторической сценѣ, общимъ убѣжденіемъ военныхъ людей было, что ничего новаго нельзя внести въ военное дѣло, подобно тому, какъ, по мнѣнію людей нашего времени, ничего новаго нельзя произвести въ политикѣ, или въ церковномъ быту, или въ области литературы, торговли, сельскаго хозяйства, или же въ нашихъ общественныхъ нравахъ и обычаяхъ; подобно тому, какъ во всѣ времена общимъ убѣжденіемъ общества является, что свѣтъ окончательно износился. Но Бонапартъ лучше, чѣмъ общество, зналъ дѣло и, сверхъ того, сознавалъ, что онъ его лучше знаетъ. Я думаю, что люди вообще вѣдаютъ лучше, чѣмъ творятъ; они знаютъ, что учрежденія, которыя мы такъ краснорѣчиво расхваливаемъ, представляютъ собою въ сущ-

ности карточные домики и бездѣлушки, но они не рѣшаются довѣриться своему внутреннему инстинктивному чувству. Бонапартъ полагался на свой собственный здравый смыслъ, нисколько не заботясь о томъ, что думаютъ другіе. Свѣтъ относился къ его новшествамъ совершенно такъ же, какъ онъ относится къ чьимъ бы то ни было новшествамъ,—дѣлалъ противъ нихъ безчисленныя возраженія, указывалъ на всевозможныя препятствія,—но онъ обращалъ нуль вниманія на всѣ эти возраженія. «Что создаетъ великія трудности», замѣчаетъ онъ, «въ отправленіи обязанностей главнокомандующаго сухопутными силами, эта необходимость довольствованія пищей такой массы людей и животныхъ. Если онъ станетъ полагаться на однихъ комиссаровъ, онъ не двинется съ мѣста, и всѣ его походы окончатся неудачею». Примѣромъ его здраваго смысла можетъ служить то, что онъ говоритъ о переходѣ черезъ Альпы зимою, который всѣ авторы, одинъ за другимъ, въ своихъ описаніяхъ признавали неосуществимымъ. «Зима», говоритъ Наполеонъ, «не представляется самымъ неблагопріятнымъ для перехода черезъ высокія горы временемъ года. Снѣгъ тогда бываетъ твердъ, погода установившаяся, и тогда нечего опасаться лавинъ, дѣйствительной и единственной опасности, которую можно встрѣтить на Альпахъ. На такихъ высокихъ горахъ въ декабрѣ часто стоятъ чудные дни, отличающіеся сухимъ холодомъ и чрезвычайной тишиною въ воздухѣ». Прочтите также его мнѣніе о пути, какимъ выигрываются сраженія. «Во всѣхъ сраженіяхъ бываетъ моментъ, когда самыя храбрыя войска, послѣ того, какъ имъ сдѣланы величайшія усилія, готовы бѣжать съ поля битвы. Этотъ находящій на нихъ страхъ происходитъ отъ упадка довѣрія къ ихъ собственному мужеству, и лишь самаго слабаго повода, малѣйшаго предлога достаточно для того, чтобы возстановить въ нихъ довѣріе къ себѣ. Все искусство въ томъ и состоитъ, чтобы вызвать этотъ поводъ и изобрѣсти предлогъ. При Арколѣ я выигралъ сраженіе съ помощью двадцати пяти всадниковъ. Я уловилъ вышеуказанный моментъ упадка энергіи, далъ каждому человѣку по трубѣ и выигралъ битву съ помощью этой горсти. Двѣ арміи, видите ли вы, представляютъ собою два тѣла, сталкивающіяся между собою и старающіяся устрашить другъ друга; наступаетъ моментъ паники, и этотъ моментъ слѣдуетъ обратить въ свою пользу. Человѣкъ, много разъ бывавшій въ дѣлѣ, безъ труда разпознаетъ этотъ моментъ: оно также легко, какъ подвести сумму сложенія».

Этотъ представитель девятнадцатаго столѣтія ко всѣмъ своимъ дарованіямъ обладалъ способностью умозрѣнія въ области общихъ вопросовъ. Онъ съ удовольствіемъ пробѣгалъ мысленнымъ взоромъ весь рядъ практическихъ, литературныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ. Его мнѣнія въ нихъ всегда оригинальны и попадаютъ въ суть предмета. Во время плаванія въ Египетъ онъ любилъ послѣ обѣда ставить какое-нибудь предложеніе, которое человѣка три или четыре должны были отстаивать и столько же человѣкъ опровергать. Онъ давалъ тему, и споры вращались вокругъ вопросовъ религіи, или разныхъ формъ правленія, или военнаго искусства. Однажды онъ предложилъ вопросъ, обитаемы ли планеты. Другой разъ: сколько лѣтъ существуетъ міръ? Далѣе онъ предложилъ разъ обсудить возможность разрушенія земного шара водою или огнемъ; другой разъ: истину или ложность предчувствій и объясненіе сновъ. Онъ очень охотно говорилъ о религіи. Въ 1806 году онъ бесѣдовалъ съ Фурнье, епископомъ Монпелье, по богословскимъ вопросамъ. По двумъ пунктамъ они никакъ не могли между собою согласиться, а именно по вопросу объ адѣ и о возможности обрѣсти спасеніе внѣ лона церкви. Императоръ разсказывалъ Жозефинѣ, что онъ спорилъ, какъ дьяволъ, объ этихъ двухъ пунктахъ, но епископъ оставался въ нихъ неумолимымъ. Онъ охотно соглашался съ философами относительно всего, что приводилось въ доказательство противъ религіи, какъ продукта людей и времени, но онъ ничего не хотѣлъ слышать о матеріализмѣ. Въ одну прекрасную ночь, находясь на палубѣ корабля, среди шедшей тамъ разной болтовни на тему о матеріализмѣ, Бонапартъ, указывая на звѣздное небо, замѣтилъ: «вы можете, господа, разглагольствовать, сколько вамъ угодно, но скажите мнѣ, кто все это создалъ?» Онъ находилъ особое удовольствіе въ бесѣдахъ съ людьми науки, особливо съ Монжемъ и Бертолле; но литераторовъ онъ невысоко ставилъ; онъ считалъ ихъ «фразёрами». Онъ также любилъ бесѣдовать о медицинѣ и при томъ съ

врачами-практиками, которыхъ онъ особенно высоко цѣнилъ: съ Корвизаромъ въ Парижѣ и Антономарки на Островѣ Св. Елены. «Повѣрьте мнѣ», сказалъ онъ послѣднему, «мы бы лучше сдѣлали, если бъ оставили всѣ эти средства: жизнь — это такая крѣпость, о которой ни вы, ни я ничего не знаемъ. Къ чему же ставить препятствія къ ея защитѣ? Ея собственныя средства гораздо выше всего аппарата вашихъ лабораторій. Корвизаръ искренно согласился со мною въ томъ, что всѣ ваши противныя микстуры ни на что̀ не годны. Медицина представляетъ собою сводъ сомнительныхъ предписаній, дѣйствіе которыхъ въ своемъ совокупномъ результатѣ оказывается для человѣчества скорѣе роковымъ, чѣмъ полезнымъ. Главными средствами моей фармакопеи являются вода, воздухъ и чистота».

Его мемуары, диктованные графу Монто̀лону и генералу Гурго на Островѣ Св. Елены, представляются весьма цѣнными, при всѣхъ оговоркахъ, которыя къ нимъ, повидимому, приходится сдѣлать, въ виду извѣстной неискренности ихъ автора. Онъ обладаетъ добродушіемъ, сопровождающимъ силу и сознаніе своего превосходства. Я восторгаюсь простотою и ясностью его повѣствованія объ его битвахъ, не уступающаго комментаріямъ Цезаря, его добродушными и достаточно почтительными сообщеніями о маршалѣ Вурмсерѣ и другихъ противникахъ; какъ писатель, онъ вполнѣ достоинъ и всегда на высотѣ разнообразныхъ предметовъ, имъ трактуемыхъ. Самымъ пріятнымъ отдѣломъ его воспоминаній является описаніе его похода въ Египетъ.

У него бывали часы глубокаго раздумья и мудрости. Въ промежутки досуга, будь то̀ въ походѣ или во дворцѣ, Наполеонъ является геніальнымъ человѣкомъ, направляющимъ на отвлеченные вопросы врожденное у него тяготѣніе къ истинѣ и отвращеніе къ пустымъ словамъ, какое онъ привыкъ проявлять на войнѣ. Онъ умѣлъ пользоваться всякой игрою воображенія, романомъ, bon mot такъ же хорошо, какъ и стратегическимъ планомъ въ кампаніи. Ему доставляло удовольствіе приводить Жозефину и ея придворныхъ дамъ въ чарующее оцѣпенѣніе ужасами какой-нибудь вымышленной исторіи, которую онъ разсказывалъ въ полумракѣ слабо освѣщеннаго покоя, при чемъ его голосъ и драматическій талантъ придавали впечатлѣнію, производимому разсказомъ, такую силу, какую себѣ только можно было представить.

Я называю Наполеона агентомъ или повѣреннымъ средняго класса современнаго общества; представителемъ всей этой толпы, которая наполняетъ рынки, лавки, конторы, фабрики, корабли современнаго міра, стремясь къ богатству. Онъ былъ агитаторомъ, разрушителемъ давности, внутреннимъ преобразователемъ, либераломъ, радикаломъ, изобрѣтателемъ средствъ, открывателемъ дверей и рынковъ, ниспровергателемъ монополій и злоупотребленій. Разумѣется, богачи и аристократы его не любили. Англія, центръ капитализма, и Римъ съ Австріей, центры традицій и родословныхъ прерогативъ, выступили его противниками. Вызванное имъ замѣшательство и уныніе среди косныхъ и консервативныхъ классовъ, навѣянный имъ ужасъ на глупыхъ стариковъ и старухъ римскаго конклава, въ отчаяніи хватавшихся за всякую вещь и готовыхъ скорѣе ухватиться за раскаленное желѣзо, чѣмъ за него,—тщетныя попытки статистиковъ и государственныхъ теоретиковъ забавлять и провести его, а императора австрійскаго подкупить его; и рядомъ съ этимъ инстинктъ всего, что̀ гдѣ бы то ни было оказывалось молодымъ, пылкимъ и активнымъ среди человѣчества, указывающій на него, какъ на столпъ, какъ на представителя—гиганта средняго класса, все это дѣлаетъ исторію его лучезарной и импозантной. Онъ обладалъ добродѣтелями представляемыхъ имъ массъ, но онъ обладалъ также ихъ пороками. Жалко, что блестящая картина имѣетъ свою обратную сторону. Но таково уже роковое свойство, съ которымъ намъ приходится сталкиваться въ нашей погонѣ за богатствомъ, что она вѣроломна и покупается цѣною попиранія или ослабленія нравственныхъ чувствъ; съ тѣмъ же самымъ фактомъ мы неизбѣжно должны встрѣтиться и въ исторіи этого передового бойца, который поставилъ себѣ исключительною цѣлью блестящую карьеру, не стѣсняясь въ ея преслѣдованіи никакими велѣніями долга и совѣсти при выборѣ средствъ.

Въ Бонапартѣ замѣчается особенное отсутствіе благородныхъ чувствъ. Личность, поставленная на самой вершинѣ человѣчества среди наиболѣе культурнаго вѣка и цивилизованнѣйшаго населенія въ свѣтѣ, онъ лишенъ обычныхъ достоинствъ правдивости и честности. Онъ несправедливъ по отноше-

нію къ своимъ генераламъ, эгоистиченъ, готовъ всегда чужія заслуги приписать исключительно себѣ; онъ подлымъ образомъ похищаетъ славу великихъ дѣлъ у Келлермана, у Бернадотта; интригуетъ, чтобы вовлечь своего вѣрнаго Жюно въ безвыходное банкротство, съ цѣлью удаленія его изъ Парижа, потому лишь, что фамильярность пріемовъ послѣдняго оскорбляетъ горделивость его новосозданнаго трона. Онъ лгунъ безъ числа и мѣры. Его офиціальный органъ «Moniteur» и всѣ его бюллетени представляютъ собою сплошное выраженіе того, во что̀ онъ желалъ бы, чтобы общественное мнѣніе вѣрило; но что̀ еще хуже, въ своей преждевременной старости онъ сидѣлъ на своемъ одинокомъ островѣ, совершая съ холоднымъ разсчетомъ подлоги въ фактахъ, числахъ и характерахъ и придавая исторіи театральное éclat. Унего, какъ у всѣхъ французовъ, страсть къ сценическимъ эффектамъ. Всякій актъ, дышущій благородствомъ, является отравленнымъ, благодаря такой разсчетливости на эффектъ. Его звѣзда, его любовь къ славѣ, его представленіе о безсмертіи души, всѣ они носятъ типичный характеръ національно-французскаго. «Я долженъ ослѣплять и изумлять. Если бы мнѣ пришлось дать свободу печати, моя власть не продержалась бы трехъ дней». Производить огромный шумъ его излюбленная задача. «Большая извѣстность есть большой шумъ; чѣмъ больше его дѣлаютъ, тѣмъ дальше онъ слышенъ. Законы, учрежденія, памятники, все исчезаетъ, но шумъ о нихъ продолжается и раздается въ позднѣйшіе вѣка». Его ученіе о безсмертіи не что иное, какъ вѣра въ посмертную славу. Его теорія вліянія содержитъ очень мало лестнаго для человѣчества. «Есть лишь два рычага для того, чтобы двигать людьми; это личный интересъ и страхъ. Любовь лишь наивный самообманъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ. Дружба пустой звукъ. Я никого не люблю. Я не люблю даже моихъ братьевъ; пожалуй, Іосифа я чуточку люблю и то по привычкѣ и оттого, что онъ мой старшій братъ; и Дюро̀ка, его я тоже люблю; а почему? оттого что мнѣ нравится его характеръ; онъ суровъ и рѣшителенъ, и мнѣ сдается, что этотъ парень не пролилъ еще въ жизни ни одной слезинки. Что̀ касается меня, то я отлично знаю, что у меня нѣтъ истинныхъ друзей. Пока я продолжаю быть тѣмъ, что̀ я есть, я могу имѣть такъ называемыхъ друзей, сколько мнѣ угодно. Предоставьте чувствительность женщинамъ, мужчины должны быть тверды сердцемъ и волей, иначе имъ не мѣсто на войнѣ и въ правленіи». Онъ абсолютно не зналъ, что̀ такое совѣсть. Онъ былъ способенъ красть, клеветать, убивать, топить и отравлять, если только его интересы этого требовали. Въ немъ не было никакого благородства, одно лишь пошлое чувство ненависти было ему знакомо; онъ былъ въ высшей степени себялюбивъ; онъ былъ вѣроломенъ; онъ прибѣгалъ къ обману въ игрѣ въ карты; онъ былъ изумительный болтунъ; онъ вскрывалъ чужія письма, былъ въ восторгѣ отъ своей гнусной полиціи и потиралъ руки отъ удовольствія, когда ему удавалось перехватить какія-нибудь свѣдѣнія, касающіяся интимной жизни окружающихъ его мужчинъ и женщинъ, при чемъ онъ передъ ними хвасталъ, что «ему все рѣшительно извѣстно»; онъ совалъ свой носъ и давалъ указанія относительно покроя дамскихъ платьевъ и подслушивалъ инкогнито на улицѣ раздававшіеся крики «ура» и восхваленія толпы; его манеры были грубы. Его обращеніе съ женщинами отличалось пошлой развязностью. У него была привычка дергать ихъ за уши и щипать въ щеки, когда онъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, а также дергать за уши и баки мужчинъ, хлопать ихъ и выкидывать надъ ними грубыя шутки. Эту привычку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней. Чтобы онъ подслушивалъ, держа ухо у замочной скважины, или чтобы онъ въ этомъ былъ когда-либо уличенъ, представляется не удостовѣреннымъ. Коротко говоря, проникнувъ къ нему сквозь всю окружавшую его сферу могущества и блеска, вы, въ концѣ концовъ, оказывались не передъ рыцарской личностью, джентльмэномъ, а передъ мошенникомъ и негодяемъ: и онъ вполнѣ заслуживаетъ прозвище Jupiter Scapin или Плута-Юпитера (архиплута).

Описывая обѣ партіи, на которыя современное общество дѣлится,—демократовъ и консерваторовъ,—я сказалъ, что Бонапартъ является типическимъ демократомъ или представителемъ партіи людей дѣла въ противоположность неподвижной или консервативной партіи. Я упустилъ при этомъ обратить вниманіе на существенное обстоятельство, а именно на то, что̀ разница между обѣими этими партіями та же, что и меж-

ду молодыми и старыми. Демократъ представляетъ собою молодого консерватора; консерваторъ—стараго демократа. Аристократъ есть созрѣвшій и начавшій давать плоды демократъ;—ибо обѣ партіи стоятъ на одной и той же почвѣ воззрѣнія на собственность, какъ на высшее благо, которое одна партія старается обрѣсти, другая—удержать за собою. Бонапартъ, можно сказать, представляетъ собою въ своей судьбѣ всю исторію этой партіи, ея юность и ея зрѣлый возрастъ; мало того, по высшей поэтической справедливости, всю ея судьбу. Контръ-революція, контръ-партія все еще ждетъ своего органа и представителя въ человѣкѣ любви и истинно общественныхъ, универсальныхъ стремленій.

Въ исторіи Наполеона мы имѣемъ опытъ дѣйствія, среди самыхъ благопріятныхъ условій, однѣхъ силъ ума, интеллекта безъ всякаго участія и контроля совѣсти. Никогда еще подобнаго рода вождь не былъ настолько одаренъ природой и въ такомъ всеоружіи, никогда вождь не находилъ столько вспомогательныхъ средствъ и послѣдователей. И какой въ концѣ концовъ получился результатъ отъ этого могучаго таланта, этой необъятной силы, этихъ несмѣтныхъ армій, испепеленныхъ городовъ, израсходованныхъ сокровищъ, милліоновъ истребленныхъ людей, этой деморализованной Европы? Результата не получилось никакого. Все исчезло, какъ дымъ его пушекъ, не оставивъ никакого слѣда. Онъ оставилъ Францію меньшею, бѣднѣе, слабѣе, чѣмъ какою онъ ее нашелъ; и всю борьбу за свободу пришлось начинать съизнова. Вся попытка оказалась въ самомъ принципѣ своемъ самоубійственной. Франція служила ему жизнью и тѣломъ и достояніемъ своихъ сыновъ до тѣхъ поръ, пока она могла свои интересы отождествлять съ нимъ; но когда люди увидѣли, что за каждой побѣдой слѣдовала новая война; за уничтоженіемъ цѣлыхъ армій слѣдовали новые наборы, и тѣ, что съ такими отчаянными усиліями боролись и трудились, никогда не приближались къ тому, чтобы пожать плоды своихъ трудовъ,—ибо они не имѣли возможности расходовать то, что они нажили, ни отдыхать на своихъ пуховыхъ постеляхъ, ни задавать шикъ въ своихъ chateaux,—они его оставили. Люди нашли, что его всепожирающій эгоизмъ оказывается убійственнымъ для всѣхъ другихъ людей. Онъ походилъ на электрическаго ската, который причиняетъ ударъ за ударомъ тому, кто его хватаетъ, вызывая этимъ судороги, стягивающія мускулы руки, такъ что человѣкъ не въ состояніи разогнуть свои пальцы, а животное продолжаетъ наносить все новые и болѣе сильные удары и сотрясенія, пока окончательно не парализуетъ и не убьетъ своей жертвы. Такъ этотъ превосходящій всякое вѣроятіе себялюбецъ съужалъ, истощалъ и поглощалъ способности и жизненную силу тѣхъ, кто служилъ ему, и дѣло дошло до того, что въ 1814 году всеобщій крикъ во Франціи и въ Европѣ былъ: «довольно намъ его», «Assez de Bonaparte».

Это не была вина Бонапарта. Онъ дѣлалъ все, что было въ его власти, для того чтобы жить и преуспѣвать, обходясь совершенно безъ моральныхъ принциповъ. То, что его обмануло и привело къ гибели, была сама природа вещей, вѣчный законъ человѣческій и міровой; и къ тому же самому результату приведетъ милліонъ другихъ подобныхъ опытовъ. Всякій опытъ, все равно производится ли онъ людскими массами или отдѣльными личностями, преслѣдующій чувственную и эгоистическую цѣль, всегда окончится неудачей. Миротворный Фурье всегда окажется столь же безуспѣшнымъ, какъ и гибельный Наполеонъ.

VII.

ГЁТЕ ИЛИ ПИСАТЕЛЬ.

На мой взглядъ въ устройствѣ міра предусмотрѣно мѣсто для писателя своего рода секретаря: онъ призванъ давать отчетъ о дѣятельности удивительнаго духа жизни, вѣчно и всюду пульсирующаго и творящаго. Его назначеніе воспринимать въ своей душѣ факты и затѣмъ выдѣлять изъ пережитаго все выдающееся и характерное.

Природа требуетъ, чтобы о ней представлялся отчетъ. Всѣ вещи вовлечены въ писаніе своей собственной исторіи. Планета, какъ и кремень, мчатся, сопровождаемые своею тѣнью. Скатывающаяся скала оставляетъ свои осколки на горѣ; рѣка—свое русло въ почвѣ; животное свой остовъ—въ земномъ пластѣ; папоротникъ и листъ—свою скромную эпитафію въ каменномъ углѣ. Падающая капля отливаетъ свое изваяніе на пескѣ или въ камнѣ. Ничья нога не ступаетъ по снѣгу или по землѣ, безъ того, чтобы не оставить въ болѣе или менѣе продолжительныхъ отпечаткахъ слѣдъ своего шествія, своего хода. Каждый актъ человѣка вписывается самъ и запечатлѣвается въ памяти его современниковъ, а также въ его собственныхъ манерахъ и внѣшнемъ обликѣ. Воздухъ полонъ звуковъ; небо—знаменій; почва подъ нашими ногами—сплошная памятная таблица съ ясно начертанными на ней писаніями, и всякая вещь носитъ на себѣ указанія, говорящія яснымъ языкомъ каждому понимающему человѣку.

Въ природѣ, этотъ процессъ саморегистрированія вещей происходитъ безпрестанно, и повѣствованіе является отпечаткомъ свершающагося. Оно представляетъ собою точное отраженіе фактовъ, ни больше, ни меньше. Но природа стремится вверхъ, къ высшимъ цѣлямъ, и въ человѣкѣ отчетъ о томъ, что вокругъ него происходитъ, оказывается чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели механическое воспроизведеніе или простой отпечатокъ. Онъ становится у человѣка новою и болѣе прекрасною копіей оригинала. Этотъ отчетъ полонъ жизни, живетъ, какъ живо то, о чемъ онъ сообщаетъ. Человѣческая память представляетъ собою родъ зеркала, которое, воспринявъ образы окружающихъ предметовъ, становится живымъ и располагаетъ ихъ въ новомъ порядкѣ.

Въ ней факты не пребываютъ въ косности, а одни изъ нихъ уходятъ въ ея глубь, другіе выступаютъ на свѣтъ, такъ что передъ нами вскорѣ открывается новая картина, состоящая лишь изъ наиболѣе замѣчательныхъ и выдающихся опытовъ жизни. Человѣкъ споспѣшествуетъ этому процессу. Онъ любитъ сообщаться, и то, что̀ ему приходится сказать, лежитъ на его сердцѣ бременемъ до тѣхъ поръ, пока оно не высказано.—Но, помимо того факта, что духовное общеніе, разговоръ, бесѣда доставляютъ всѣмъ наслажденіе, нѣкоторые люди бываютъ отъ природы одарены чрезвычайной способностью этого творческаго воспроизведенія. Люди рождены быть писателями. Садовникъ сберегаетъ каждый отводокъ, каждое сѣмячко, каждое персиковое ядро: его призваніе быть насадителемъ растеній. Съ неменьшимъ усердіемъ преданъ своему дѣлу писатель. Что̀ бы онъ ни созерцалъ и испытывалъ въ жизни, все это служитъ ему моделью и позируетъ для его картинъ. Онъ считаетъ совершеннымъ вздоромъ то, что̀ люди говорятъ, будто нѣкоторыя вещи не подаются описанію. Онъ полагаетъ, что все, о чемъ можно мыслить, можетъ быть написано, рано или поздно; онъ способенъ взяться за изображеніе Святого Духа или хоть дѣлать попытки въ этомъ направленіи: для него нѣтъ ничего слишкомъ необъятнаго, слишкомъ тонкаго или слишкомъ драгоцѣннаго: разъ оно является достойной темой для его пера, онъ его изобразитъ на письмѣ. Въ его глазахъ человѣкъ олицетворяетъ собою способность изображать, а вселенная—возможность быть изображаемой. Въ разговорѣ, въ бѣдствіи онъ находитъ для себя новые матеріалы, какъ это выразилъ нашъ нѣмецкій поэтъ: «Богъ далъ мнѣ даръ сказать,—чѣмъ я страдаю» [1]). Онъ сбираетъ свою дань съ явленій бѣшенства и муки. Цѣною быстрыхъ, необ-

[1]) Изъ «Торквато Тассо», Гёте:
«Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott, zu sagen was ich leide».
Переводчикъ.

думанныхъ дѣйствій онъ покупаетъ способность мудро говорить. Терзанія и бури страсти служатъ ему лишь попутными вѣтрами, надувающими его парусъ; такъ добрый, славный Лютеръ признается въ своихъ писаніяхъ: «когда я сердитъ, я въ состояніи хорошо молиться и читать хорошія проповѣди». Если бъ мы имѣли возможность наглядно видѣть происхожденіе и то, что̀ даетъ толчокъ чуднымъ потокамъ краснорѣчія, мы бы при этомъ, вѣроятно, невольно вспомнили султана Амурата, предупредительно повелѣвшаго отрубить нѣкоторымъ персамъ головы для того, чтобы его врачъ Везалій могъ наблюдать у нихъ судорожныя движенія шейныхъ мускуловъ. Неудачи писателя стелютъ ему путь къ побѣдамъ. Новая мысль или критическій моментъ страсти учитъ его тому, что все, что̀ онъ изучилъ и писалъ, представляетъ собою нѣчто внѣшнее,—не самый фактъ, но какой-то слухъ о немъ, его слабый отголосокъ. И что̀ же? Онъ, вслѣдствіе этого, бросаетъ перо въ сторону?—Ничуть не бывало: онъ начинаетъ опять описывать въ новомъ свѣтѣ, его озарившемъ, смутно надѣясь, что ему все-таки удастся какъ-нибудь найти и сказать истинное слово. Въ этомъ отношеніи природа словно заговорщица. Все, что̀ только можетъ быть мыслимо, можетъ также быть высказано: оно постоянно ищетъ себѣ выраженія хотя бы съ помощью грубыхъ, лепечущихъ органовъ. Если послѣднимъ выразить его не по силамъ, оно ждетъ и дѣйствуетъ до тѣхъ поръ, пока оно совершенно не переработаетъ ихъ въ послушныя орудія своей воли, и пока оно ясно ими не произносится.

Это встрѣчаемое всюду напряженное стремленіе къ подражательному выраженію, хотя и характерно для цѣли, преслѣдуемой природой, но въ сущности не представляетъ собою ничего больше, какъ своего рода стенографію. Есть высшія ступени, и для тѣхъ, кого она избираетъ для болѣе высокой дѣятельности, природа имѣетъ болѣе блестящія дарованія. Это классъ ученыхъ и писателей, которые видятъ связь между вещами тамъ, гдѣ толпа видитъ одни лишь отдѣльные куски, и которыхъ неудержимо влечетъ выставлять вещи въ извѣстномъ, ихъ внутреннему смыслу соотвѣтствующемъ порядкѣ и, такимъ образомъ, указывать ось, вокругъ которой вращается строй вещей. Сердцу природы дорого создавать человѣка умозрѣнія или науки. Это цѣль, къ которой она постоянно стремится, и которую она имѣла въ виду при первоначальной закладкѣ вещей. Писатель не есть явленіе терпимое лишь или случайное, а органическій дѣятель, одинъ изъ классовъ ея царства, предустановленный и выработанный издревле, испоконъ вѣковъ, въ общемъ сплетеніи и ткани вещей. Предчувствія, порывы его оживляютъ. Какимъ-то теплом, внутреннимъ жаромъ согрѣвается наша грудь при воспріятіи первичной истины, это—лучъ духовнаго солнца, проникшій въ глубину шахты рудника. Всякая мысль, разсвѣтающая въ душѣ, въ моментъ своего озаренія, возвѣщаетъ сама свое мѣсто и значеніе,—представляетъ ли она собою безслѣдно проходящую выдумку, причуду, или же основательную силу.

Если, такимъ образомъ, существуютъ условія, вызывающія появленіе писателя, то, съ другой стороны, въ его дарованіяхъ чувствуется потребность и всегда имѣется на нихъ спросъ. Общество во всѣ времена нуждается въ одномъ, а именно, въ человѣкѣ, обладающемъ способностью точнаго и адэкватнаго выраженія, который бы умѣлъ ставить каждый предметъ увлеченія и помѣшательства людей на его настоящее мѣсто. Люди честолюбія и корысти являются со своими послѣдними балаганными новостями и криками, въ родѣ таможеннаго тарифа, проекта желѣзной дороги, вопроса о Техасѣ, ультрамонтанизма и месмеризма или калифорнійскихъ дѣлъ, и, ловко выдѣляя предметъ изъ круга его отношеній, умѣютъ выставить его въ особенно блестящемъ свѣтѣ, и цѣлая масса людей теряетъ голову и даетъ себя этимъ дурачить, въ то время какъ другая толпа, ударяющаяся въ противоположную крайность, остается свободной отъ этого особаго вида помѣшательства, благодаря лишь тому, что предается другому равносильному сумосбродству, и ей даже не до укоровъ противной сторонѣ и не до того, чтобы ее образумить. Но стоитъ только появиться одному человѣку, который въ состояніи охватить своимъ взоромъ все и указать каждому изъ этихъ обособленныхъ предметовъ сумасбродства и чудачествъ его надлежащее мѣсто и значеніе, чтобы всеобщая иллюзія исчезла, и образумившееся общество почувствовало

себя обязаннымъ своимъ отрезвленіемъ уму того, кто предупреждалъ его и вразумлялъ своимъ вѣщимъ, пророческимъ словомъ.

Мыслитель — человѣкъ всѣхъ временъ, но и ему, подобно другимъ людямъ, надлежитъ поддерживать хорошія отношенія къ своимъ современникамъ. Въ глазахъ поверхностныхъ людей, правда, на мыслителѣ и всемъ ученомъ цехѣ лежитъ извѣстная печать чего-то смѣшного, что̀, впрочемъ, не имѣетъ никакого значенія до тѣхъ поръ, пока ученый не обращаетъ на это вниманія. Въ нашей странѣ на первомъ планѣ стоитъ дѣловой, практическій человѣкъ; онъ составляетъ излюбленный предметъ разговоровъ, общественное мнѣніе выказываетъ ему особое благоволеніе, и во всѣхъ кругахъ этотъ классъ людей, составляющій солидную часть общества, пользуется замѣтнымъ уваженіемъ. Нашъ народъ раздѣляетъ мнѣніе Бонапарта объ идеологахъ. Идеи лишь подрываютъ основы общественнаго порядка и благополучія и въ концѣ концовъ сводятъ съ толку своего носителя. Но зато общепринято считать, что отправленіе судна съ товарнымъ грузомъ изъ Нью-Іорка въ Смирну, или хлопоты и бѣготня для образованія акціонерной компаніи, долженствующей пустить въ ходъ пять или десять тысячъ ткацкихъ станковъ, или же политиканствующее агитированіе въ избирательномъ собраніи и эксплоатація предразсудковъ и легковѣрности деревенскаго населенія съ цѣлью обезпеченія за собою его голосовъ на ноябрьскихъ выборахъ президента, — что все это представляется дѣломъ практическимъ и достохвальнымъ.

Если бы мнѣ пришлось выразить свое сужденіе о томъ, что̀ выше: практическая дѣятельность, не та, конечно, примѣры которой только-что приведены, а несравненно болѣе высокая по своему тембру и напряженію, или же жизнь, посвященная чистому мышленію и созерцанію, я бы врядъ ли высказался съ достаточной увѣренностью въ пользу первой. Для человѣчества состояніе внутренняго озаренія или просвѣтлѣнія имѣетъ такое глубокое значеніе, что многое можетъ быть сказано отшельникомъ или монахомъ въ защиту своей жизни, наполненной мыслью и молитвами. Извѣстная односторонность, стремительная опрометчивость и недостатокъ уравновѣшенности являются пошлиной, которою приходится оплачивать всякое практическое дѣйствіе. Дѣйствуй, коли тебѣ угодно, но знай, что ты это дѣлаешь на свой страхъ и рискъ. Дѣйствія людей ложатся на нихъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ и сопряжены со слишкомъ серіозными для нихъ послѣдствіями. Назовите мнѣ человѣка дѣла, который бы не былъ жертвой и рабомъ своихъ дѣлъ. То, что̀ люди сдѣлали, связываетъ ихъ и заставляетъ ихъ сдѣлать то же самое снова. Первое дѣяніе, которое должно было быть опытомъ, становится священнымъ обѣтомъ. Пламенный реформаторъ воплощаетъ свою вдохновенную идею въ какомъ-нибудь религіозномъ обрядѣ или союзѣ, а въ результатѣ онъ и его послѣдователи придерживаются внѣшней формы, принося ей въ жертву само вдохновеніе. Квакеръ основалъ квакеризмъ, шэкеръ учредилъ свой монастырь съ его религіозной пляской, и, хотя каждый изъ нихъ твердитъ и толкуетъ о духѣ, никакого духа здѣсь нѣтъ, а одно лишь механическое повтореніе, которое противно всему духовному. Но гдѣ же новыя проявленія этого духа въ наши дни? Если этотъ изъянъ замѣчается въ актахъ и дѣлахъ энтузіазма, то въ болѣе низменныхъ сферахъ дѣятельности, цѣль которой не идетъ выше того, чтобы увеличить удобства нашей жизни, а съ ними и нашу трусость, въ актахъ хитрости, въ актахъ хищенія и лжи, и, наконецъ, въ той дѣятельности, которая отдѣляетъ высшую способность умозрѣнія отъ практическихъ способностей и подвергаетъ опалѣ разумъ и чувство,—во всѣхъ этихъ областяхъ ничего другого не оказывается, какъ сплошной изъянъ и отрицаніе. Въ священныхъ книгахъ индусовъ сказано: «одни лишь дѣти, а не люди знанія говорятъ объ умозрительной и практической способности, или теоріи и практикѣ, какъ о двухъ различныхъ вещахъ. Въ дѣйствительности онѣ одно и то же, ибо цѣль у нихъ совершенно одинаковая и положеніе, достигаемое послѣдователями теоріи, достигается и тѣми, кто слѣдуетъ практической дѣятельности. Тотъ человѣкъ зрячій, кто видитъ, что умозрительное и практическое ученіе одно и то же». Ибо всякое великое дѣйствіе находится въ соотношеніи съ духовною природой вещей. Мѣриломъ дѣйствія является чувство, изъ котораго оно исходитъ. Величайшимъ дѣяніемъ легко можетъ быть поступокъ изъ сферы самой частной интимной жизни.

Упомянутое умаленіе духовной дѣятельности никогда не исходитъ отъ людей передовыхъ, предводителей, а всегда отъ лицъ низшаго порядка. Сильный человѣкъ, стоящій во главѣ практическаго класса, причастенъ къ идеямъ своего времени и уже, въ силу этого, не станетъ относиться къ людямъ теоретическаго мышленія иначе, какъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Вообще, отъ людей, выдающихся въ какой-либо области, нельзя ожидать подобнаго непризнанія и умаленія значенія людей иного направленія. У людей недюжинныхъ главнымъ всегда является вопросъ, поставленный Талейраномъ, не о томъ: богатъ ли человѣкъ? имѣетъ ли онъ положеніе? благомыслящій ли онъ? умѣетъ ли онъ то-то или то-то? сторонникъ ли онъ прогресса или защитникъ существующаго порядка?, а о томъ: есть ли онъ вообще нѣчто? въ состояніи ли онъ постоять за что-либо и быть его представителемъ? Онъ долженъ быть хорошъ въ своемъ родѣ. Это и есть все, что Талейранъ, что здравый человѣческій смыслъ требуетъ. Будь настоящимъ человѣкомъ, будь достоинъ удивленія не на нашъ, а на твой собственный ладъ. Дѣльные, способные люди не спрашиваютъ, къ чему такой-то или такой-то человѣкъ способенъ, а спрашиваютъ лишь, способенъ ли онъ вообще. Истый мастеръ, артистъ, цѣнитъ другого мастера, при чемъ ему безразлично, кто онъ, ораторъ, или художникъ, или ремесленникъ или король.

Общество по истинѣ ни въ чемъ такъ серіозно не заинтересовано, какъ въ благосостояніи своихъ писателей, и нельзя отрицать того, что умственныя совершенства въ общемъ людьми привѣтствуются и встрѣчаютъ съ ихъ стороны сердечное признаніе. Но все же писатель не занимаетъ въ нашемъ обществѣ господствующаго положенія. Въ этомъ, я полагаю, его собственная вина. Фунтъ всегда принимается за фунтъ. Были времена, когда писатель являлся священной особой; онъ писалъ Библіи, первые гимны, книги законовъ, эпическія поэмы, трагическія пѣсни, сивиллины стихи, халдейскія пророчества, лаконическія изреченія, начертанныя на храмахъ стѣнъ. Каждое его слово являлось истиной и будило народы къ новой жизни. Онъ писалъ не легко и не имѣя никакого выбора: Всякое слово стояло передъ его глазами врѣзаннымъ въ землю и небо, и солнце и звѣзды являлись для него лишь знаменіями и письменами того же значенія и содержанія, что и его знаки и слова, и не большей необходимости, чѣмъ они. Но какъ можетъ онъ быть почитаемъ въ нынѣшнія времена, когда онъ самъ себя не чтитъ, когда онъ смѣшивается съ толпою и теряется въ ней, когда онъ уже не является больше законодателемъ, а общественнымъ доносчикомъ, сикофантомъ, ползающимъ и гнущимъ спину передъ мѣняющимся мнѣніемъ неразумной толпы, когда ему приходится выступать безстыжимъ адвокатомъ въ защиту какого-нибудь дурного правительства или же изъ года въ годъ, въ качествѣ наемника оппозиціи, лаять на правительство, или писать шаблонныя критики либо пахабные романы, и, вообще, писать во что бы то ни стало днемъ и ночью, безъ всякой осмысленности и вдохновенія?

Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы мы можемъ найти, если пересмотримъ списокъ людей литературнаго дарованія, принадлежащихъ нашему столѣтію. Среди нихъ мы не встрѣчаемъ имени, съ которымъ связано столько глубокаго, поучительнаго содержанія, которое бы на столько представляло собою духовную мощь и обязанности ученаго и писателя, какъ имя Гёте.

Я охарактеризовалъ Бонапарта, какъ представителя внѣшней жизни и стремленій народныхъ массъ девятнадцатаго столѣтія. Второю половиною, поэтомъ этой эпохи является Гёте, человѣкъ совершенно освоившійся со своимъ вѣкомъ, дышущій его духомъ, вкушающій его плоды, немыслимый въ предшествующіе періоды, снимающій своими колоссальными дарованіями съ духовныхъ продуктовъ и твореній современной ему эпохи упрекъ въ слабости, который, не появись такой человѣкъ, тяготѣлъ бы надъ ними. Онъ появляется въ то время, когда широко распространившіяся культурность и общее образованіе сгладили всѣ рѣзко выдающіяся индивидуальныя черты; когда, за отсутствіемъ героическихъ характеровъ, на сцену выступили принципы общественнаго комфорта и кооперацій. Это время не создаетъ единаго истиннаго поэта, но цѣлые десятки поэтическихъ писателей; ни единаго Колумба, но сотни пакетботныхъ капитановъ, совершающихъ океанскіе рейсы во всеоружіи телескоповъ, барометровъ, бульонныхъ экстрактовъ и мясныхъ консервовъ; ни одного Демосѳена, но толпы толковыхъ

парламентскихъ и судебныхъ дебаторовъ; ни единаго пророка и святого, но цѣлыя коллегіи богослововъ; ни одного по истинѣ великаго ученаго, но зато ученыя общества, дешевую печать, читальню и книжные клубы безъ числа. Никогда еще до того не бывало такой пестрой смѣси фактовъ. Міръ ростетъ въ ширь, подобно американской торговлѣ. Мы въ состояніи постичь и представить себѣ жизнь: грековъ и римлянъ, средневѣковую жизнь—онѣ еще просты и понятны; но современная жизнь представляетъ такую массу и многообразіе вещей, что можетъ свести съ толку того, кто пробуетъ въ ней разобраться.

Гёте былъ философомъ этого многообразія; сторукій, съ неусыпными взорами Аргуса, онъ былъ въ состояніи и счастливъ мѣриться съ этимъ водоворотомъ разнообразныхъ фактовъ и знаній и, благодаря своей ловкости и оборотливости, располагать ими легко по своему усмотрѣнію; это былъ могучій духъ, нисколько не заблуждавшійся и не смущавшійся калейдоскопомъ условныхъ и принятыхъ облаченій, которыми окружающая жизнь драпировалась; легко умѣвшій своимъ тонкимъ чутьемъ и проникновеннымъ взоромъ видѣть то, что̀ подъ этими нарядами скрывается, и черпать свою силу изъ природы, съ которою онъ жилъ въ полномъ общеніи. Но что̀ особенно замѣчательно, это — то, что онъ жилъ въ маленькомъ городѣ, въ незначительномъ государствѣ, въ зависимой странѣ и въ такое время, когда Германія далеко не играла столь выдающейся роли въ міровой политикѣ, чтобы наполнять сердца своихъ сыновъ патріотическою гордостью, въ родѣ той, какая могла воодушевить геніальнаго француза или англичанина, или же нѣкогда геніальнаго гражданина Рима, либо Аѳинъ. И, не смотря на это, въ творчествѣ Гёте не замѣтно ни малѣйшаго слѣда провинціальной узости и ограниченности. Внѣшнимъ условіямъ своей жизни онъ ничѣмъ не обязанъ; онъ прямо родился на свѣтъ свободнымъ, державнымъ геніемъ.

Елена, или вторая часть Фауста, представляетъ собою въ поэтической формѣ философію литературы, твореніе человѣка, который оказался мастеромъ въ области всемірной исторіи, всѣхъ миѳологій, философскихъ системъ, наукъ и національныхъ литературъ, овладѣвшимъ ими въ такомъ энциклопедическомъ масштабѣ, въ какомъ современная ученость, отвѣчая своему международному характеру и призванію представительницы духовнаго обмѣна между народами всего свѣта, распространяетъ сферу своихъ изслѣдованій на индійскія, этрусскія, циклопическія древности и искусства, геологію, химію, астрономію. Каждая изъ этихъ областей, въ силу ихъ многочисленности, получаетъ въ его твореніи возвышенный и поэтическій характеръ. На короля обыкновенно взираешь съ почтительностью; но если бы кому случилось присутствовать на съѣздѣ королей, глазъ позволилъ бы себѣ бо̀льшую свободу въ наблюденіи и критикѣ особенностей каждаго изъ нихъ. Не дикимъ, чуднымъ пѣснямъ, а выработаннымъ формамъ поэтъ ввѣрилъ плоды своихъ восьмидесятилѣтнихъ наблюденій. Эта отражающаяся въ ней, критическая мудрость дѣлаетъ названную поэму въ еще болѣе истинномъ и полномъ смыслѣ цвѣтомъ духовныхъ твореній своего времени. Одно ея содержаніе даетъ указаніе на время и эпоху ея возникновенія. И при всемъ томъ Гёте поэтъ,—поэтъ, увѣнчанный болѣе гордымъ лавромъ, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ и, не смотря на всю эту массу микроскопическихъ мелочей (ибо онъ производитъ впечатлѣніе, словно онъ видитъ и воспринимаетъ всѣми по̀рами своей кожи), онъ ударяетъ рукою по своей арфѣ съ могучей силою и прелестью героя.

Удивительнымъ въ этой книгѣ является ея высокая, недосягаемая разумность. Передъ аналитической силою ума этого человѣка прошедшія и настоящія времена съ ихъ религіями, политическими системами и движеніями, съ ихъ міросозерцаніями разлагаются на свои первообразы и основныя идеи. Какія только новыя миѳологіи не проходятъ черезъ его голову! «Александръ,—говорили греки,—дошелъ до самого Хаоса»; Гёте, чуть ли не вчера на нашихъ глазахъ, проникъ такъ же далеко, онъ даже отважился сдѣлать шагъ дальше и невредимо вернулся обратно.

Все его мышленіе дышетъ сердце радующей свободой. Необъятный горизонтъ, который всюду за нами слѣдуетъ и насъ окружаетъ, придаетъ свою величественность одинаково, какъ мелочамъ и вещамъ условнымъ и необходимымъ, такъ и торжественнымъ и праздничнымъ событіямъ. Онъ былъ душою своего вѣка. Если это былъ ученый вѣкъ,

превратившійся, благодаря росту населенія, своей компактной организаціи и развитію отдѣльныхъ талантовъ, въ одну огромную экспедицію изслѣдованія, накопляющую слишкомъ быстро груду собираемыхъ ею фактовъ и плодовъ, для того чтобы какой-либо изъ до того существовавшихъ ученыхъ могъ ихъ классифицировать,—то умъ этого человѣка оказался достаточно обширнымъ и объемлющимъ, чтобы все это вмѣстить и распредѣлить. Онъ обладалъ способностью снова объединять разрозненные атомы по ихъ собственному закону. Онъ окуталъ поэзіей наше современное существованіе. Среди мелкихъ фактовъ и подробностей онъ открылъ геній жизни, стараго продувного Протея, присосѣдивающагося непосредственно къ намъ, и показалъ, что скука и проза, приписываемыя нами нашему времени, являются лишь одною изъ его масокъ:

«Само его исчезновенье есть лишь скрытое присутствіе» [1]):

—что онъ только замѣнилъ свой веселый нарядъ рабочей блузой, а въ сущности ни на волосъ менѣе жизнерадостенъ и богатъ нынче въ Ливерпулѣ или Гаагѣ, чѣмъ онъ былъ когда-то въ Римѣ и Антіохіи. Онъ отыскивалъ его на общественныхъ площадяхъ и главныхъ улицахъ, на бульварахъ и въ отеляхъ; и въ солиднѣйшей области рутины и чувствъ онъ показалъ его притаившуюся демоническую силу; онъ показалъ, что черезъ акты рутины продолжаетъ тянуться скрытая нить миѳологіи и фабулы, обнаруживающаяся передъ нами, если прослѣдить родословную всякаго обычая и пріема, каждаго учрежденія, снаряда и орудія вплоть до его зарожденія въ организаціи человѣка. Необоснованныхъ гипотезъ и пустыхъ фразъ онъ не выносилъ. «Догадокъ у меня своихъ достаточно: если человѣкъ пишетъ книгу, пусть онъ въ ней излагаетъ только то, что онъ знаетъ». Онъ пишетъ въ самомъ ясномъ, спокойномъ тонѣ, опуская больше вещей, чѣмъ сколько онъ излагаетъ на письмѣ, и каждое слово у него означаетъ настоящую вещь. Онъ выяснилъ разницу между античными и современными духомъ и искусствомъ. Онъ опредѣлилъ, что такое искусство, его конечную цѣль и законы. Онъ высказалъ о природѣ лучшее сужденіе изъ всего, что когда-либо о ней говорилось. Онъ смотритъ на природу, какъ древніе философы на нее смотрѣли, какъ семь мудрецовъ Греціи, и сколько бы при этомъ точный методъ французовъ, все распредѣляющій по таблицамъ и разсѣкающій на части, ни страдалъ, намъ остаются зато поэзія и человѣчность, а онѣ тоже не безъ докторской учености. Для созерцанія совокупности всего, глаза все-таки лучше телескоповъ и микроскоповъ. Онъ далъ ключъ къ раскрытію многихъ областей природы, благодаря рѣдкой склонности его ума къ единству и простотѣ. Такъ, Гёте первый развилъ руководящую идею современной ботаники о томъ, что листъ или почка листа составляетъ основную ботаническую единицу, и что каждая часть растенія представляетъ собою не что иное, какъ видоизмѣнившійся въ новыхъ условіяхъ листъ, и что съ измѣненіемъ этихъ условій листъ можетъ превращаться во всякій другой органъ растенія, и всякій другой органъ можетъ превращаться въ листъ. Подобнымъ же образомъ, въ остеологіи онъ допускаетъ, что простой позвонокъ спинного хребта можетъ быть разсматриваемъ, какъ первоначальная единица скелета: голова, согласно такому воззрѣнію, не что иное, какъ верхніе видоизмѣненные позвонки. «Растеніе развивается отъ одного узла къ другому, завершаясь подъ конецъ цвѣткомъ и сѣменемъ. Точно такъ же и ленточный червь, гусеница растутъ кольцо за кольцомъ и заканчиваются головкой. Человѣкъ и высшія животныя устроены изъ позвонковъ съ сосредоточеніемъ духовныхъ способностей въ головѣ». Въ оптикѣ тоже Гёте, отвергнувъ искусственную теорію семи цвѣтовъ, считалъ, что каждый цвѣтъ представляетъ собою смѣшеніе свѣта и тѣни въ различныхъ пропорціяхъ. О чемъ собственно онъ пишетъ, это, въ сущности, не важно. Онъ видитъ тысячью глазъ, всѣми порами своей кожи, и какое-то тяготѣніе влечетъ его къ истинѣ. Что бы вы ни сказали, онъ провѣритъ его дѣйствительность. Онъ терпѣть не можетъ, когда его морочатъ пустяками и заставляютъ повторять какія-то бабьи сказки, оттого лишь, что люди вѣрили въ нихъ тысячу лѣтъ. Онъ самъ желаетъ видѣть и убѣдиться, наравнѣ съ другими, въ истинѣ всякой вещи. Онъ, раньше чѣмъ признать что за истину, провѣритъ ее и просѣетъ черезъ свое критическое сознаніе. Я здѣсь, какъ будто говоритъ онъ, для того, чтобы быть мѣриломъ и

[1]) His very flight is presence in disguise».

судьею всѣхъ этихъ вещей. Зачѣмъ же принимать мнѣ ихъ на вѣру? А потому все, что только онъ ни говоритъ о религіи, страсти, бракѣ, нравахъ, собственности, бумажныхъ деньгахъ, о вѣрованіяхъ въ различныя времена, предзнаменованіяхъ, удачѣ, о чемъ бы тамъ ни было, врѣзывается въ память и оставляетъ въ ней неизгладимый слѣдъ.

Возьмемъ самый замѣчательный примѣръ этой тенденціи придавать живой, правдивый обликъ всякому народному выраженію и понятію. Дьяволъ игралъ во всѣ времена выдающуюся роль въ миѳологіи. Гёте не допускалъ у себя ни одного слова, за которымъ бы не скрывалась сама вещь, сама дѣйствительность. Выраженіемъ такого правила служатъ также слова: «Я еще никогда не слыхалъ о какомъ-либо преступленіи, котораго бы я не могъ совершить». Такъ онъ и хватаетъ своего бѣса прямо за глотку. Послѣдній долженъ соотвѣтствовать дѣйствительности; онъ долженъ быть современнымъ; долженъ быть европейцемъ, одѣваться, какъ джентльменъ, и усвоить хорошія манеры, и показываться на улицахъ и знать хорошо жизнь Вѣны и Гейдельберга въ 1820 году, или же его совсѣмъ не должно быть. А потому онъ сорвалъ съ него миѳологическій нарядъ, отнялъ у него рожки, кривыя ноги, крючковатый хвостъ, изрыгаемые имъ сѣрные пары и синее пламя и, вмѣсто того, чтобы изучить его обликъ въ книгахъ и на картинахъ, искалъ его въ своей собственной душѣ, въ каждомъ приступѣ душевнаго холода, себялюбія и невѣрія, которые омрачаютъ, среди толпы и въ одиночествѣ, человѣческій духъ,—и нашелъ, что портретъ этотъ, благодаря каждой чертѣ, которую онъ придавалъ ему, и каждой, которую онъ у него отнималъ, выигрываетъ въ своей реальности и страшности. Онъ открылъ, что сущность, ядро того бѣса, который шатается тѣнью по жилищамъ людей испоконъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, есть чистый разсудокъ или умствованіе, приспособленное къ служенію чувственности, къ чему у насъ есть склонность: и онъ бросилъ въ литературу, въ лицѣ своего Мефистофеля, живой органическій образъ, первый за много столѣтій новый типъ, которымъ литература обогатилась, который останется въ ней такимъ же важнымъ, какимъ остался типъ Прометея.

Въ мои намѣренія не входитъ пускаться въ анализъ его многочисленныхъ произведеній. Они состоятъ изъ переводовъ, критикъ, драмъ, лирическихъ стихотвореній и всякаго другого рода поэмъ, литературныхъ дневниковъ и портретовъ выдающихся людей. Но я не могу пройти молчаніемъ «Вильгельма Мейстера» и остановлюсь нѣсколько ближе на этомъ произведеніи.

«Вильгельмъ Мейстеръ»—романъ въ полномъ смыслѣ этого слова, первый въ своемъ родѣ. Его восторженные почитатели называютъ его единственнымъ художественнымъ изображеніемъ современнаго общества, словно другіе романы, напримѣръ, Вальтера-Скотта, изображаютъ лишь одинъ нарядъ и внѣшнія условія, а романъ Гёте самый духъ жизни. Это—книга, которую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все еще окутываетъ какой-то туманъ. Она читается чрезвычайно интеллигентными людьми съ изумленіемъ и восторгомъ. Какъ геніальное произведеніе, нѣкоторые ставятъ ее выше «Гамлета». Мнѣ думается, что никакая книга нынѣшняго столѣтія не можетъ съ нею сравниться восхитительною сладостью, ни одна изъ нихъ не представляетъ столько новизны, не говоритъ столько уму, не услаждаетъ его такимъ множествомъ глубокихъ мыслей, столь правильными и проникновенными воззрѣніями на жизнь, нравы и характеры, такимъ множествомъ полезныхъ указаній на надлежащій образъ жизни, такою массою неожиданныхъ зарницъ, освѣщающихъ высшій міръ, и, наконецъ, никакая другая книга не отличается на столько абсолютнымъ отсутствіемъ малѣйшей реторики или мертвечины. Это—книга, по истинѣ, возбуждающая къ себѣ интересъ молодыхъ даровитыхъ людей, но въ то же время оставляющая въ читателѣ чувство крайней неудовлетворенности. Любители легкаго чтенія, ищущіе въ ней одну лишь занимательную сторону, какую они обыкновенно находятъ въ романахъ, разочаровываются ею. Съ другой стороны, тѣ, которые начинаютъ читать ее съ благороднымъ ожиданіемъ найти въ этомъ произведеніи достойную исторію генія и справедливаго увѣнчанія лаврами его трудовъ и самоотверженныхъ дѣяній, имѣютъ также основаніе быть недовольными. Намъ приходилось недавно читать здѣсь англійскій романъ, имѣющій претензію воплотить въ себѣ надежды и чаянія новаго вѣка и развить политическія

стремленія партіи, называемой «молодой Англіей»,—въ которомъ единственной наградой добродѣтели является депутатское мѣсто въ парламентѣ и возведеніе въ достоинство пэра. Такимъ же пошлымъ и безнравственнымъ заключеніемъ оканчивается Гётевскій романъ. Жоржъ Зандъ въ своемъ «Consuelo» и его продолженіи нарисовала болѣе вѣрную и достойную картину. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, характеры героя и героини выростаютъ настолько, что хрупкій шахматный столикъ аристократическихъ условностей у нихъ разбивается въ дребезги: они оставляютъ общество и привычки своего сословія, теряютъ свое богатство, они отдаются служенію великимъ идеямъ и самымъ возвышеннымъ общественнымъ цѣлямъ; пока, въ концѣ концовъ, герой, являющійся центромъ и основателемъ общества, имѣющаго оказывать человѣчеству самыя высокія услуги, не хочетъ больше признавать своего титулованнаго имени: оно звучитъ его уху чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ. «Я только человѣкъ,—говоритъ онъ,—я дышу и дѣйствую для людей»; и это онъ совершаетъ въ бѣдности и съ величайшими жертвами. Герой Гёте, напротивъ, отличается такою массой слабостей и нечистоплотныхъ чертъ и вращается въ столь дурной компаніи, что трезвая англійская публика, при появленіи этой книги въ англійскомъ переводѣ, нашла ее отталкивающей. А все-таки мудрость бьетъ ключемъ изъ этой книги, въ ней столько знанія свѣта и такое глубокое знакомство съ сокровенными законами, лица такъ вѣрно и тонко нарисованы, и при томъ каждое какими-нибудь двумя, тремя штрихами, и нигдѣ ни одного лишняго слова,—книга вѣчно остается настолько новой и неисчерпанной, что намъ такъ и приходится предоставить ей идти своей дорогой и быть довольными всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что мы въ состояніи изъ нея извлечь, въ твердой увѣренности, что вліяніе ея только началось, и что ей еще предстоитъ быть полезной и назидательной для милліоновъ читателей.

Ея содержаніе — переходъ демократа въ лагерь аристократіи, употребляя оба слова въ ихъ лучшемъ смыслѣ. Этотъ переходъ не совершается какимъ-либо низменнымъ образомъ, крадучись или путемъ пресмыканія, а при совершенно открытыхъ дверяхъ. Ему съ своей стороны помогаютъ природа и личный характеръ героя, и, благодаря разумному образу мыслей и порядочности аристократической среды, его вступленіе въ это сословіе оказывается настоящимъ возвышеніемъ. Чарующее впечатлѣніе, производимое правдивостью изображеній въ этой книгѣ, ея вѣрностью дѣйствительности, неотразимо дѣйствуетъ на всякаго возвышенно настроеннаго юношу, и она, такимъ образомъ, является источникомъ могучихъ стимуловъ для ума и смѣлой воли.

Пылкій и святой Новалисъ охарактеризовалъ эту книгу, какъ «безусловно современную и прозаическую, въ которой романтика совершенно устранена, равно какъ вся поэзія природы, все чудесное. Это произведеніе изображаетъ лишь обыденныя дѣла людей; оно—опоэтизированная исторія обывательской, домашней жизни. Чудесное въ ней ясно выставляется, какъ вымыселъ и энтузіастическія грёзы»: — и тѣмъ не менѣе тотъ же самый Новалисъ, что̀ также характерно, вскорѣ снова вернулся къ этой книгѣ, и она осталась его любимымъ чтеніемъ до конца его жизни.

Что̀ Гёте отличаетъ въ глазахъ французскихъ и англійскихъ читателей, это — его свойство, которое онъ раздѣляетъ со своею націей, а именно: постоянное сообразованіе, тяготѣніе къ внутренней истинѣ. Въ Англіи и въ Америкѣ таланту оказывается уваженіе и, если онъ служитъ какому-нибудь общепризнанному или понятному интересу либо партіи, или же выступаетъ противъ таковыхъ открытымъ противникомъ, публика остается этимъ удовлетворенной. Во Франціи еще больше восторгаются блестящими умственными дарованіями ради нихъ самихъ. И во всѣхъ этихъ странахъ люди таланта пишутъ оттого именно, что у нихъ есть талантъ. Тамъ достаточно, если умственный интересъ читателей находитъ удовлетвореніе, вкусъ находитъ пищу и развивается,— сколько печатныхъ столбцовъ, столько и пріятно и полезно проведенныхъ часовъ. Нѣмецкому уму недостаетъ французской живости, практической разсудительности англичанъ и авантюристической черты американцевъ; ему свойственны извѣстная честность и основательность, которая никогда не ограничивается поверхностнымъ отношеніемъ къ предмету, но всегда настойчиво спрашиваетъ: къ чему? къ какой цѣли все это клонитъ? Нѣмецкая публика требуетъ отъ писателя искренней прямоты подъ контролемъ крити-

ки. Передъ нами здѣсь духовная дѣятельность; но какова ея конечная цѣль? Что думаетъ, что хочетъ этимъ данный писатель сказать? Откуда, откуда взялись всѣ эти мысли?

Одинъ талантъ не въ состояніи еще сдѣлать изъ человѣка писателя. За книгою долженъ быть виденъ самъ человѣкъ, личность, который, по рожденію своему и личнымъ свойствамъ, является залогомъ изложенныхъ въ книгѣ ученій, и который призванъ видѣть и устанавливать вещи такъ, а не иначе, констатируя вещи потому, что онѣ есть вещи. Не удается ему надлежащимъ образомъ высказаться сегодня, сами вещи тѣмъ не менѣе остаются и найдутъ себѣ выраженіе завтра. На его душѣ лежитъ бремя, — бремя имѣющей быть возвѣщенной истины, которое онъ въ большей или меньшей степени чувствуетъ, и его призваніемъ и задачей на этомъ свѣтѣ является видѣть всѣ эти вещи насквозь и дѣлать ихъ общеизвѣстными. Что изъ того, что онъ спотыкается и заикается, что его голосъ звучитъ рѣзко или фальцетомъ; что его методъ или фигуры не удачны? Истинное призваніе найдетъ себѣ методъ и образный языкъ, отчетливое выраженіе и надлежащій тонъ. Будь онъ даже нѣмымъ, его призваніе будетъ изъ него говорить. Если же всего этого нѣтъ,—если на человѣкѣ не лежитъ печать этой Божьей благодати, — то что намъ изъ того и какое намъ дѣло до того, на сколько этотъ человѣкъ искусно, плавно и блестяще пишетъ.

Громадное вліяніе на силу всякаго сужденія оказываетъ то обстоятельство, видна ли за нимъ личность самого человѣка или нѣтъ. Въ ученомъ журналѣ, во вліятельной газетѣ, я не могу различить какой-либо опредѣленной физіономіи или личности; самое большее, что я могу здѣсь видѣть,—это какую-то неотвѣтственную тѣнь; чаще всего какія-то денежныя компаніи или же хлыща, надѣющагося подъ маской и облаченіемъ своего журальнаго анонима прослыть за что-то, изобразить собою личность. Я же встрѣчаю въ каждомъ абзацѣ, въ каждомъ отдѣлѣ истинной книги глаза самаго рѣшительнаго человѣка; его сила и подавляющая мощь наполняютъ собою каждое въ ней слово; даже всякая запятая въ ней и тире полны живого смысла, — и, такимъ образомъ, все, что онъ пишетъ, носитъ характеръ чего-то атлетическаго и подвижнаго, можетъ простирать далеко свое дѣйствіе и долго жить.

Въ Англіи и Америкѣ человѣкъ можетъ быть усерднымъ читателемъ какого-нибудь греческаго или латинскаго поэта, не обладая самъ ни каплей поэтическаго вкуса или огня. То обстоятельство, что человѣкъ потратилъ цѣлые годы на изученіе Платона или Прокла, еще не даетъ основанія предполагать, что его міросозерцаніе полно героическихъ идеаловъ, или же что онъ относится съ пренебреженіемъ къ нравамъ и фэшенэбльнымъ обычаямъ своего города. Но по отношенію ко всѣмъ этимъ вещамъ нѣмецкая нація легковѣрна до смѣшного: студентъ все еще продолжаетъ думать надъ тѣмъ, что читалъ профессоръ, послѣ того какъ онъ давно вышелъ изъ аудиторіи, а профессоръ не можетъ совсѣмъ отдѣлаться отъ фантастической мысли, что истины философіи имѣютъ такъ или иначе примѣненіе къ Берлину и Мюнхену. Эта серіозность и глубокомысліе даютъ имъ возможность видѣть дальше и лучше людей несравненно бо̀льшаго дарованія. Этимъ и объясняется, что цѣнныя различенія понятій, употребительныя въ нашихъ бесѣдахъ на возвышенныя или глубокія темы, почти всѣ заимствованы у нѣмцевъ. Но въ то время, какъ въ Англіи и Франціи люди, выдающіеся по уму и учености, избираютъ предметъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій и свою основную точку зрѣнія съ нѣкоторой легкостью и производятъ впечатлѣніе людей, въ силу своего личнаго характера, не очень ужъ глубоко захваченныхъ и слившихся съ областью своего изученія или съ партіей, къ которой они примкнули,—Гёте, глава и квинтъ-эссенція нѣмецкаго народа, говоритъ не въ силу своего таланта, а въ силу того, что изъ него излучается сама истина; онъ въ высшей степени мудръ, хотя талантъ его̀ часто оставляетъ въ тѣни его мудрость. Какъ ни превосходно то, что̀ онъ высказываетъ, то, что̀ онъ при этомъ думаетъ и видитъ духовнымъ окомъ, еще лучше. Оно возбуждаетъ мое любопытство. Онъ обладаетъ страшной независимостью, которая дается общеніемъ съ истиной: внимай его словамъ или не обращай на нихъ вниманія, фактъ остается такимъ, какимъ онъ его высказалъ; интересъ, возбуждаемый имъ въ насъ къ себѣ, какъ писателю, не ограничивается его разсказомъ, и онъ не выходитъ подобно пекарю, котораго сейчасъ же забываешь, какъ онъ отпустилъ тебѣ хлѣбъ, изъ памяти, послѣ того какъ

онъ съ честью выполнилъ свою задачу: его твореніе скорѣе является наименѣе значительной частью его существа. Старый Вѣчный Духъ, сотворившій міръ, ввѣрился этому человѣку больше, чѣмъ кому-либо другому.

Я не рѣшусь сказать, что Гёте достигъ высочайшихъ вершинъ, съ которыхъ геній когда-либо вѣщалъ людямъ. Онъ не обожалъ высшаго единства; онъ неспособенъ всецѣло отдаться нравственному чувству. Въ поэзіи встрѣчаются болѣе высокіе и благородные напѣвы, чѣмъ тѣ, которые онъ пѣлъ. Есть писатели бѣднѣе его талантомъ, тонъ которыхъ чище и сильнѣе говоритъ сердцу. Гёте никогда не можетъ быть дорогъ людямъ. Онъ даже не являетъ собою примѣра преданности чистой истинѣ ради ея самой; онъ ее чтитъ ради образованія, культурности, къ которымъ она ведетъ. Его стремленія направлены ни больше и ни меньше, какъ на завоеваніе всей области природы, на охватъ универсальной истины, дабы она стала его полнымъ достояніемъ; это—человѣкъ, котораго ничто не можетъ подкупить, ни обмануть, ни устрашить, человѣкъ стоическаго самообладанія и самоотреченія, примѣняющій ко всѣмъ людямъ только одинъ масштабъ и одну оцѣнку: «Чему могу я у васъ научиться?» Съ единственно этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ всѣ блага жизни: санъ, преимущества, здоровье, время и само бытіе.

Онъ—типъ всесторонней образованности, любитель всѣхъ искусствъ и наукъ, интересующійся всѣми событіями, художественная натура, но не художникъ, онъ полонъ духовнаго блеска и ума, но не одухотворенъ (artistic, but not artist; spiritual, but not spiritualist). Нѣтъ на свѣтѣ такой вещи, которую бы онъ не имѣлъ права знать, нѣтъ такого оружія въ арсеналѣ универсальнаго генія, котораго онъ не бралъ въ руки, соблюдая при этомъ властную осмотрительность, чтобы употребляемые имъ инструменты ни на мгновеніе не поработили его себѣ, а, наоборотъ, чтобы они оставались послушными орудіями въ его рукахъ. Онъ бросаетъ лучъ свѣта подъ каждый фактъ, проводя его между собою и своимъ самымъ дорогимъ достояніемъ. Ничто не было отъ него сокрыто, ничто не было ему чуждо. Демоны настороже и святой, видѣвшій этихъ демоновъ, позировали передъ нимъ, и метафизическіе элементы сами принимали у него живой образъ. «Благочестіе само по себѣ не есть цѣль, а лишь средство, которымъ мы съ помощью чистѣйшаго, внутренняго мира въ состояніи достигнуть высшей культурности». А его проникновеніе въ каждую тайну изящныхъ искусствъ дѣлаетъ Гёте еще пластичнѣе, еще болѣе похожимъ на изваяніе. Свои собственныя склонности онъ умѣетъ подчинить себѣ и извлекать изъ нихъ пользу, подобно тому, какъ Цицеронъ пользовался женщинами, чтобы вывѣдать секреты заговорщиковъ. У него нѣтъ враждебныхъ отношеній. Его врагомъ вы можете, пожалуй, стать, но лишь при условіи, что вы его научите этимъ чему-либо такому, чему ваша дружба научить его не можетъ, хотя бы это былъ одинъ лишь опытъ, который ему можетъ дать ваша гибель. Врагъ ему можетъ быть даже желаннымъ, но врагъ въ высокомъ смыслѣ этого слова. Ненавидѣть онъ никого не можетъ: слишкомъ дорого ему время для того, чтобы этимъ заниматься. Антагонизмъ, лежащій въ самомъ темпераментѣ противника, онъ еще въ состояніи выносить, но здѣсь онъ принимаетъ только борьбу, которая ведется съ достоинствомъ царей, вступающихъ въ вооруженный споръ изъ-за цѣлыхъ царствъ.

Его автобіографія, озаглавленная «Поэзія и правда изъ моей жизни», является выраженіемъ идеи, — нынѣ, благодаря нѣмецкому духу, ставшей знакомою всему свѣту, но представлявшей для Старой, какъ и Новой Англіи, при появленіи этой книги, нѣчто совершенно новое, — идеи, что человѣкъ существуетъ для образованія, не для того, что̀ произвести онъ въ состояніи, а для того, что въ немъ можетъ быть произведено. Единственнымъ достопримѣчательнымъ результатомъ жизни является воздѣйствіе вещей на человѣка. Умственно развитой человѣкъ можетъ разсматривать самого себя глазами третьяго лица; поэтому его ошибки и разочарованія интересуютъ его наравнѣ съ его успѣхами. Хотя онъ и желаетъ преуспѣвать въ своихъ дѣлахъ, все же ему еще болѣе желательно познать исторію и назначеніе человѣка, въ то время, какъ тѣснящіяся цѣлыми тучами вокругъ него эгоистическія натуры только и имѣютъ въ виду, что свои низменные успѣхи.

Эта идея и есть господствующая въ «Dichtung und Wahrheit», это она опредѣляетъ выборъ отдѣльныхъ эпизодовъ, которые ни-

сколько не зависятъ отъ внѣшней важности событій, ранга дѣйствующихъ лицъ или же ихъ оклада либо доходовъ. Эта книга даетъ, разумѣется, тощій матеріалъ для того, что̀ у насъ называлось бы «Жизнеописаніемъ Гёте»: въ ней мало датъ, никакой переписки, никакихъ подробностей объ его служебномъ положеніи или занятіяхъ; она не бросаетъ никакого свѣта на его бракъ и супружескія отношенія; цѣлый періодъ, обнимающій собою десять лѣтъ, слѣдовавшихъ за его поселеніемъ въ Веймарѣ, самыхъ дѣятельныхъ въ его жизни, погруженъ въ мракъ молчанія. Взамѣнъ этого, нѣкоторымъ сердечнымъ похожденіямъ, изъ которыхъ, какъ люди говорятъ, ничего не выходитъ, придается почему-то особое значеніе. Онъ закидываетъ насъ подробностями; всякаго рода своеобразныя воззрѣнія, идеи о происхожденіи міра и религіозныя системы его собственнаго изобрѣтенія, особливо же его отношенія къ замѣчательнымъ умамъ и критическимъ эпохамъ въ исторіи мысли и умственныхъ движеній — это все моменты, о которыхъ онъ больше всего распространяется. Его «Дневникъ и Ежегодникъ» («Tag- und Jahrbuch»), его «Путешествіе въ Италію», его «Французская Кампанія» и историческая часть его «Ученія о цвѣтахъ» («Farbenlehre») представляютъ такой же интересъ. Въ послѣднемъ онъ сжато упоминаетъ о Кеплерѣ, Роджерѣ Бэконѣ, Галилеѣ, Ньютонѣ, Вольтерѣ и друг., и прелесть этой части книги состоитъ въ удивительно простомъ опредѣленіи отношенія, существующаго между этими витязями исторіи европейской науки и имъ самимъ, въ простомъ проведеніи линіи отъ Гёте къ Кеплеру, отъ Гёте къ Бэкону, отъ Гёте къ Ньютону. Проведеніе такой линіи представляетъ для его времени и личности разрѣшеніе колоссальной проблемы и доставляетъ наслажденіе, въ то время, когда Ифигенія и Фаустъ его не доставляютъ, при чемъ оно не стоитъ ему такого напряженія творческаго воображенія, которое могло бы сравниться съ тѣмъ, какое пришлось потратить на Ифигенію и Фауста.

Этотъ законодатель искусства самъ не артистъ. Не оттого ли, что онъ зналъ слишкомъ много, его острое зрѣніе замѣчало микроскопическія подробности и мѣшало правильной перспективѣ, общему охвату взоромъ всего? Онъ отрывоченъ, онъ авторъ стихотвореній по случаю и цѣлой энциклопедіи изреченій. Когда онъ садится писать драму или разсказъ, онъ собираетъ и сортируетъ свои наблюденія отовсюду, и составляетъ изъ нихъ органическое цѣлое, насколько оно возможно. Но значительная часть этого матеріала не подается такому включенію; онъ въ такомъ случаѣ присоединяетъ ее внѣшнимъ образомъ, въ видѣ писемъ участвующихъ лицъ, страницъ изъ ихъ дневниковъ и тому подобнаго. Но все-таки остается еще масса вещей, которыя не подойдутъ ни къ одному мѣсту. Здѣсь ужъ одинъ переплетчикъ можетъ установить связь, и, благодаря этому, не смотря на недостатокъ единства и связности во многихъ изъ его сочиненій, онъ далъ намъ цѣлые томы разрозненныхъ абзацовъ и параграфовъ, афоризмовъ, ксеній и т. п.

Мнѣ думается, что свѣтскій тонъ его разсказовъ явился результатомъ разсчитаннаго хода его самообразованія. Въ немъ выразилась слабость изумительнаго ученаго, любившаго свѣтъ изъ чувства благодарности, знавшаго, гдѣ можно найти библіотеки, галлереи, памятники архитектуры, лабораторіи, ученыхъ и часы досуга, и не особенно вѣрившаго во внутреннія блага, сулимыя, въ видѣ возмѣщенія, бѣдностью и лишеніями. Сократъ любилъ Аѳины, Монтэнь—Парижъ, а мадамъ де Стаель говорила, что это ея единственно слабая сторона (именно Парижъ). Гёте въ этомъ отношеніи представляетъ отрадное зрѣлище. Всѣ геніальные люди обыкновенно получаютъ въ удѣлъ такой неудачный складъ жизни и плохое здоровье, что всегда желаешь, чтобы ихъ жизнь и судьба оказались сложившимися совсѣмъ иначе. Мы рѣдко встрѣчаемъ человѣка, который бы не чувствовалъ тягостей жизни, не страшился ея. Слабая краска стыдливости всегда лежитъ на лицѣ хорошихъ и стремящихся людей, равно какъ и нѣкоторый оттѣнокъ карикатурности. Но этотъ человѣкъ былъ вполнѣ счастливъ и чувствовалъ себя въ своей эпохѣ и вообще на свѣтѣ, совершенно, какъ у себя дома. Никто не былъ такъ созданъ для жизни, какъ онъ, никто съ большею жизнерадостностью не вкушалъ ея игры. Въ этомъ стремленіи къ культурному совершенствованію и образованію, составляющему духъ его твореній, заключается ихъ сила. Идея абсолютной, вѣчной истины, безъ всякаго отношенія къ моему личному росту и

величію, ей обязанному, представляетъ собою нѣчто болѣе высокое. Отдаваться потоку поэтическаго вдохновенія вещь также болѣе высокая, но въ сравненіи съ мотивами, побуждающими писать книги въ Англіи и Америкѣ, писательская дѣятельность Гёте представляется таковой, вызванной стремленіемъ къ самой истинѣ, а такой мотивъ обладаетъ свойственной истинѣ силой вдохновлять людей. Этимъ Гёте вернулъ книгѣ кое-что изъ той мощи и достоинства, которыя ей были присущи въ старину.

Гёте, появившись на свѣтъ въ эпоху и въ странѣ, которыя были пропитаны насквозь образованіемъ и цивилизаціей, когда оригинальный талантъ подавлялся грудою книгъ и механическихъ подспорій и массою всевозможныхъ притязаній, научилъ людей справляться съ этой горой всякой всячины и умѣнію ею пользоваться. Я ставлю его рядомъ съ Наполеономъ; оба они представители нетерпѣливой реакціи природы противъ выставляемой на показъ массы мертворожденныхъ и отжившихъ свой вѣкъ условностей,—два серіозныхъ, могучихъ реалиста, которые, каждый съ помощью своихъ учениковъ въ своей области, подрубили въ корень древо лицемѣрія и показной стороны вещей. Они этотъ подвигъ свершили для своего времени и для всѣхъ временъ. Этотъ жизнерадостный работникъ, не пожиная и не стремясь ни къ какой популярности, не встрѣчая никакого поощренія, черпая свои мотивы и планы изъ своей собственной груди, взвалилъ на свои плечи задачи гиганта и неослабно и безъ отдыха, за исключеніемъ лишь того, который онъ находилъ въ перемѣнахъ и чередованіи преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, работалъ восемьдесятъ лѣтъ съ настойчивостью своего первоначальнаго пыла.

Послѣднее ученіе современной науки гласитъ, что высшая простота строенія покоится не на незначительномъ числѣ его элементарныхъ частей, а на ихъ высшей сложности. Человѣкъ самое сложное изъ всѣхъ твореній; коловратка, volvox globator, составляетъ его противоположную крайность. Намъ необходимо научиться извлекать ренты и доходы изъ несмѣтнаго наслѣдія древнихъ и новыхъ вѣковъ. Гёте учитъ насъ мужеству и тому, что всѣ времена имѣютъ равную цѣнность, что недостатки любой эпохи въ дѣйствительности существуютъ лишь для слабодушнаго. Геній проносится, разливая свое солнечное сіяніе и сладость своей музыки, черезъ самыя мрачныя и глухія эпохи. Никакая сила въ мірѣ не въ состояніи закрѣпостить людей въ неподвижности и задержать бѣгъ часовъ. Міръ юнъ; великіе люди прошедшихъ временъ обращаютъ къ намъ свой дружескій призывъ. И мы должны писать Библіи, чтобы опять возсоединить небеса съ землей. Тайна генія заключается въ томъ, чтобы не допустить для насъ существованія какой бы то ни было фикціи или обмана, чтобы реализовать и оправдать все, что̀ мы знаемъ; чтобы въ высокой утонченности современной жизни, въ искусствахъ, въ наукахъ, въ книгахъ, въ людяхъ требовать и вызывать добросовѣстность, правдивость и цѣлесообразность, и отъ начала до конца, всегда и непрестанно чтить всякую истину, не только ее познавая, но и примѣняя ее въ жизни.

ЭМЕРСОНЪ И ДУХОВНЫЕ ВОЖДИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ЕГО НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

(ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА).

Среди сочиненій Эмерсона, книга, съ которой мы знакомимъ читателя въ предлагаемомъ нами русскомъ переводѣ, наиболѣе ярко и рельефно отражаетъ своеобразный геній этого чарующаго своею задушевностью и искренней человѣчностью, плѣняющаго чистотою и возвышенностью своихъ убѣжденій писателя. Трудно сказать, въ какомъ изъ трудовъ Эмерсона солнечная картина его идеалистическаго міросозерцанія нашла себѣ болѣе глубокое и отчетливое выраженіе, въ его ли знаменитыхъ «Опытахъ» (Essays) или въ настоящей книгѣ. Если первые представляютъ собою міріады волнъ безбрежнаго океана живой мысли, пытливо останавливающейся передъ всѣмъ, что̀ занимаетъ человѣческій умъ и волнуетъ человѣческое чувство, если въ нихъ мы встрѣчаемъ необозримую цѣпь разрозненныхъ думъ, полныхъ глубокой мудрости, лучезарной красоты и нерѣдко геніальной прозорливости,— то «Представители Человѣчества» даютъ намъ сводъ болѣе сосредоточенныхъ и связныхъ размышленій американскаго мудреца о человѣчествѣ, какъ символѣ вселенскаго духа, верховной души, по скольку его величіе и ограниченность, его судьбы и назначеніе отразились въ судьбахъ и дѣятельности, въ характерѣ и жизни вершинъ человѣчества, его типичнѣйшихъ представителей и выразителей различныхъ сторонъ его духа. На своеобразность Эмерсонова генія, на трудность слѣдованія за руководящей нитью его идей, пролагающихъ себѣ путь въ сокровенной глубинѣ вещей, было указано въ опытѣ характеристики его личности, какъ писателя, философа и моралиста, предпосланномъ первому тому издаваемаго нами русскаго перевода его сочиненій [1]). Эмерсонъ, при всей ясности и красивой простотѣ своего стиля, напоминающаго собою безхитростный, искренній разговоръ, полный образности и поэтическихъ красотъ, представляется довольно труднымъ для пониманія писателемъ. Онъ говоритъ вещи такъ, какъ онъ ихъ видитъ своимъ духовнымъ окомъ, не особенно заботясь о томъ, чтобы онѣ въ его передачѣ были для другихъ такъ же ясны, какими онѣ являются для него; разсказъ о нихъ идетъ у него непосредственно отъ души, почти не подвергаясь искусственной переработкѣ со стороны интеллекта, для цѣлей литературной законченности и красоты. Когда онъ говоритъ что̀ или пишетъ, его главная забо-

---

[1]) Сочиненія Эмерсона, т. I съ критическимъ очеркомъ объ Эмерсонѣ. Изданіе «Новаго Журнала Иностр. Литературы». С.-Петербургъ. 1902 г.

та—говорить искренно, правдиво, передавать только то, что онъ мыслитъ и чувствуетъ, что онъ знаетъ и въ чемъ убѣжденъ; какъ все это онъ выскажетъ, какъ оно выльется въ его передачѣ, это у него на второмъ планѣ. Можно почти безъ преувеличенія сказать, что всѣ литературныя творенія Эмерсона представляютъ собою фотографическіе снимки съ натуры процессовъ его мышленія, черезъ которое проходятъ сонмы вещей, образовъ, представленій и умственныхъ ассоціацій въ то время, какъ оно останавливается на трактуемомъ имъ въ данный моментъ предметѣ: все, что происходитъ въ это время у него въ головѣ, тутъ же выливается въ его рѣчи, запечатлѣвается подъ его перомъ на бумагѣ. Понятно, что, при такомъ способѣ умственной дѣятельности продукты ея отличаются необозримой пестротою представленій и идей, богатствомъ и разнообразіемъ образовъ, необъятнымъ горизонтомъ сверкающихъ одна за другою зарницъ мысли, которыя, хотя и чаруютъ каждый разъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, осѣняютъ умъ и будятъ мысль, но въ то же время ослѣпляютъ зрителя, не даютъ ему цѣльной картины и основной идеи всего, что писатель открываетъ его умственному взору. Такая трактовка изслѣдуемыхъ темъ и изображаемыхъ предметовъ строгой послѣдовательностью, логической стройностью и систематичностью отличаться, конечно, не можетъ: основную мысль автора, руководящія начала, на которыхъ зиждется все его разсужденіе, читателю приходится самому и не безъ большого труда отыскивать средцѣлаго зарева блестящихъ авторскихъ мыслей, удивительно тонкихъ истинъ, замѣчательныхъ сужденій и глубокихъ соображеній, имъ высказываемыхъ. Отсюда и происходитъ нѣкоторая туманность, неясность и расплывчатость твореній Эмерсона, дѣлающія пониманіе ихъ не легко доступнымъ, заставляющія преодолѣвать извѣстныя трудности при ихъ чтеніи, вынуждающія читать ихъ вдумчиво и неоднократно перечитывать, для того чтобы, сквозь лѣсъ разрозненныхъ глубокихъ мыслей, афоризмовъ, парадоксовъ и противорѣчій, открыть себѣ доступъ къ потаеннымъ основнымъ идеямъ и воззрѣніямъ автора и испытать на себѣ благотворное дѣйствіе ихъ внутренней красоты, величественной простоты и правдивости. Указанныя особенности Эмерсонова генія ярко выразились и въ его «Представителяхъ Человѣчества».

Для облегченія читателю пониманія этой рѣдкой книги, мы попытаемся подѣлиться съ нимъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ рядомъ поясняющихъ мыслей и критическихъ сужденій, основанныхъ на болѣе близкомъ знакомствѣ съ авторомъ и его твореніями. Прежде всего остановимся на писательской личности самого автора.

I.

При первомъ чтеніи Эмерсона читатель яснаго отчета о производимомъ имъ впечатлѣніи отдать себѣ не можетъ: хаосъ въ высшей степени интересныхъ и оригинальныхъ мыслей, которыя заключаютъ въ себѣ, въ сущности старыя, довольно извѣстныя истины, наборъ красивыхъ образовъ, поэтическихъ сравненій, аллегорій и метафоръ, множество цитатъ и заимствованныхъ изреченій и афоризмовъ, въ общемъ, конгломератъ странныхъ и любопытныхъ идей, не приведенныхъ въ логическую систему, нѣчто своеобразное, неуловимо тонкое, знакомое и, тѣмъ не менѣе, какъ будто новое, неясное. Лучшее представленіе о томъ, что выноситъ мыслящій читатель послѣ перваго чтенія Эмерсона, даетъ впечатлѣніе, произведенное имъ впервые на профессора Германа Гримма, талантливаго и ученаго эстетика, который въ своемъ около сорока лѣтъ тому назадъ написанномъ, чрезвычайно тонкомъ этюдѣ объ Эмерсонѣ слѣдующимъ образомъ изображаетъ исторію своего знакомства съ твореніями американскаго мудреца, повлекшаго за собою постепенный восторгъ и преклоненіе передъ ихъ рѣдкими красотами.

«Много лѣтъ тому назадъ», разсказываетъ Гриммъ: «я случайно увидѣлъ на столѣ одного изъ своихъ друзей, американца, одну часть «Опытовъ» Эмерсона; я заглянулъ въ нихъ, прочелъ страницу и былъ изумленъ тѣмъ, что, собственно говоря, я ничего

тамъ не понялъ, хотя англійскимъ языкомъ я довольно порядочно владѣю; я спросилъ, кто авторъ этой книги, и мнѣ сказали, что онъ величайшій писатель Америки, весьма остроуменъ и богатъ мыслями, но подчасъ нѣсколько не совсѣмъ въ своемъ умѣ и нерѣдко не въ состояніи самъ объяснить свои собственныя мысли и положенія. Но ни одинъ человѣкъ въ Америкѣ не пользуется, какъ характеръ и прозаикъ, равнымъ ему почетомъ. Коротко говоря, услышанный мною отзывъ показался мнѣ дотого необыкновеннымъ, что я снова заглянулъ въ книгу: нѣкоторыя фразы въ ней осѣнили мою душу такимъ свѣтомъ, что меня такъ и потянуло положить ее въ карманъ и внимательнѣе ее разсмотрѣть у себя на дому... Я положилъ около себя словарь Вебстера и началъ ее читать. Строеніе фразъ показалось мнѣ какимъ-то совершенно особеннымъ. Но вскорѣ я открылъ, въ чемъ здѣсь секретъ. То были дѣйствительныя мысли, то былъ дѣйствительный языкъ, настоящій, живой человѣкъ, а не...

«Я купилъ себѣ эту книгу. Съ тѣхъ поръ я не перестаю читать творенія этого человѣка и каждый разъ, что̀ я ихъ снова беру въ руки, мнѣ кажется, что я ихъ читаю въ первый разъ».

Трудно сказать, что̀ каждаго изъ насъ привлекаетъ въ писателѣ, особливо если этотъ писатель нашъ современникъ. Каждый, — говоритъ Гриммъ въ цитируемомъ нами этюдѣ,—въ правѣ выбрать себѣ для чтенія и эстетическаго наслажденія то, что̀ благотворно на него дѣйствуетъ, и углубляться въ него, насколько онъ въ состояніи, если только это произведеніе служитъ ему ту службу, которая отъ него требуется, а именно приподымаетъ его надъ юдолью горестной жизни и наполняетъ его свободнымъ, дѣтскимъ, полнымъ надеждъ потокомъ, какъ если бы дѣйствительными были одни идеалы жизни, а ея повседневный ходъ лишь свинцовымъ кошмаромъ, надъ нами тяготѣющимъ. Величайшіе художники, въ родѣ Рафаэля и Гёте, находящіеся въ тѣснѣйшемъ общеніи съ природой, въ состояніи возносить насъ надъ мрачнымъ міромъ дѣйствительности въ блаженную область идеала, показывая намъ вещи, какъ онѣ есть и какими онѣ должны представляться трезвому, безпристрастному оку, не ослабленному и не испорченному воспитаніемъ, и могущему собственною натуральной силой созерцать первоначальную лучезарность природы. «Такого рода писатели примиряютъ насъ съ жизнью. Что̀ раньше меня удручало, теперь меня радуетъ, я ужъ его больше не избѣгаю, я къ нему прикасаюсь, и оно подъ моими руками превращается въ явленіе красоты. Все, къ чему эти писатели притрогиваются, оказывается золотомъ, оно прекрасно, словно перстъ Божій на него указываетъ, и таинственный голосъ шепчетъ: «посмотри-ка на сіе и узнай его, и я обладаю силою узнавать это до тѣхъ поръ, пока они мнѣ его показываютъ».

Точно такое же чувство въ полной мѣрѣ Гриммъ испытываетъ при чтеніи Эмерсона. «Взгляни на звѣзды, когда желаешь быть одинокимъ», цитируетъ онъ начало одного изъ эссеевъ послѣдняго; «лучи, идущіе отъ этихъ небесныхъ міровъ, проведутъ раздѣлительную грань между тобою и всѣмъ, къ тебѣ прикосновеннымъ. Можно было бы, пожалуй, подумать, что атмосфера сдѣлана прозрачной въ тѣхъ видахъ, чтобы дать человѣку возможность, въ образѣ небесныхъ тѣлъ, видѣть постоянное присутствіе возвышеннаго. Видимыя съ улицъ городовъ, сколь велики онѣ! Если бы звѣзды появлялись лишь одну ночь, разъ въ тысячу лѣтъ, какъ бы человѣкъ вѣрилъ и обожалъ; онъ бы сохранилъ въ рядѣ многихъ поколѣній воспоминаніе о показанномъ ему когда-то Царствѣ Божіемъ! А между тѣмъ эти вѣстники красоты приходятъ каждую ночь и озаряютъ міръ своею вѣщею улыбкой»... И такъ далѣе, это вступленіе къ трактату, озаглавленному Nature («Природа») [1]). «Я читалъ его», говоритъ Гриммъ, «и по мѣрѣ того, какъ я пробѣгалъ одно предложеніе за другимъ, мнѣ казалось, что предо мною самый простой и правдивый человѣкъ, и что онъ говоритъ, а я ему внимаю. Я не спрашивалъ себя, блестящи ли его мысли, желаетъ ли онъ что-то сказать, пытается ли онъ своими положеніями доказать ту или иную заднюю мысль, — я читалъ одну страницу за другою. Возможно, что все это было безпорядочно и трудно переваримо; мнѣ, лично, оно такимъ не казалось, я слѣдилъ за теченіемъ мысли, не пропуская ни одного слова: все показалось мнѣ старымъ и знакомымъ, словно все это я ты-

---

[1]) См. нашъ переводъ сочиненій Эмерсона, т. I. «Трактатъ о Природѣ», стран. 21.

сячи разъ передумалъ и чуялъ, и въ то же время все показалось мнѣ совершенно новымъ, словно я узналъ это впервые. Когда случалось, что я долгое время не бралъ этой книги въ руки, во мнѣ подымалось чувство независимости. Я считалъ невозможнымъ предоставлять себя настолько обаянію другой личности, я казался самому себѣ обманутымъ и введеннымъ въ заблужденіе, я сказалъ себѣ: этотъ человѣкъ, вѣроятно, такой же, какъ и всѣ остальные, и онъ обладаетъ всѣми ихъ недостатками и сомнительными добродѣтелями; онъ, должно быть, тоже тщеславенъ, поддается лести и капризенъ—и, когда я затѣмъ опять брался за чтеніе того, что онъ высказываетъ, мое сердце вновь тонуло въ волшебной атмосферѣ; старая, отпѣтая сутолока жизни освѣжалась въ моихъ глазахъ, какъ если бы я никогда еще не вкушалъ въ ней такого чистаго воздуха. Недавно одинъ американецъ, посѣщавшій лекціи Эмерсона, сообщилъ мнѣ, какое неотразимое впечатлѣніе производитъ на слушателей рѣчь этого человѣка, съ которой по своему дѣйствію ничто не можетъ сравниться. Я этому могу повѣрить. Нѣтъ ничего возвышеннѣе голоса человѣка, высказывающаго изъ глубины души то, что онъ считаетъ истиной.

«Такимъ образомъ, я ознакомился ближе со всѣми его сочиненіями. Но, когда цѣлые годы подъ рядъ книга производитъ на тебя то же самое чистое, глубокое впечатлѣніе среди столь многихъ другихъ воспріятій, которыя, не смотря на накопленный опытъ, кажутся тебѣ вначалѣ чѣмъ-то истиннымъ, неподдѣльнымъ, но вскорѣ оказываются совершенно мертвенными и тлѣнными, — тогда привыкаешь въ такую книгу вѣрить; если же, сверхъ того, ты давно постигъ, что собственное чувство—единственно вѣрный показатель, на который можно положиться, тогда знаешь, что такая вѣра въ духовную мощь даннаго человѣка представляетъ собою прочное, неоспоримое достояніе; когда же при томъ наблюдаешь, какъ истинное и неподдѣльное, обыкновенно не встрѣчаетъ признанія, а пустое и безсодержательное находитъ себѣ напыщенную вѣру и панегирики, ты совершенно притупляешься къ тому, что другіе приводятъ pro и contra твоего собственнаго чутья и прочно сложившагося убѣжденія».

Мы привели этотъ отрывокъ краснорѣчивой исповѣди выдающагося нѣмецкаго ученаго о томъ, какъ онъ сталъ эмерсоніанцемъ, чтобы на его примѣрѣ наглядно показать, какую крутизну и препятствія представляетъ, но въ то же время какъ заманчива и увлекательна горная тропа, ведущая къ чистымъ снѣжнымъ вершинамъ Эмерсонова міросозерцанія. Вначалѣ къ нимъ приходится пробираться лишь одинокимъ путникамъ-смѣльчакамъ, «воздухоплавателямъ духа» — какъ картинно выражается Нитцше, но, по мѣрѣ того, какъ эти путники повѣдываютъ міру о находимыхъ ими, среди глетчеровъ и вѣчныхъ снѣговъ, сказочныхъ красотахъ альпійской природы, туда начинаютъ стремиться цѣлыя толпы образованныхъ, мыслящихъ людей, и пролагается открытый для всѣхъ и интересующихся путь. Такъ на разные Риги-Кульмы, Пилатусы, Юнгфрау и другія дивныя альпійскія высоты, куда раньше взбирались лишь рѣдкіе альпинисты-любители, теперь проложены желѣзные пути, доставляющіе на эти уединенныя вершины сотни и тысячи туристовъ. Все теперь демократизируется, и этому процессу, какъ у себя на родинѣ, такъ и въ чужихъ странахъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ подвергнуться самый одинокій и независимый писатель въ міровой литературѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, кому, какъ не ему, сыну свободной страны, плоти отъ плоти и крови отъ крови величайшей демократіи, стать достояніемъ всѣхъ, кто только хочетъ и можетъ возвыситься до его усвоенія?

Но приведенный примѣръ Гримма; равно какъ фактъ очень медленнаго вначалѣ распространенія сочиненій Эмерсона въ Германіи и во Франціи (даже въ родной по языку Англіи они врядъ ли обрѣли бы такую популярность безъ пламенной проповѣди такого пророка, какъ Карлейль) показываетъ, что этотъ писатель, говорящій и пишущій такъ искренно, просто и задушевно, вращающійся своими возвышенными мыслями среди злободневныхъ вопросовъ, волнующихъ каждаго, обожающій и признающій лишь «сегодня», настоящее и ничего знать не желающій о «вчера» и о «завтра», пишетъ не для сегодняшняго дня, не для своихъ только современниковъ, а пишетъ для «вѣчной публики»; его писаніямъ не страшна «вѣковъ завистливая даль». Оттого

этотъ современнѣйшій по духу и національнѣйшій писатель XIX столѣтія оказывается такимъ несвоевременнымъ, стоящимъ внѣ времени и національныхъ особенностей, отъ того онъ и туманенъ, загадоченъ, словно Дельфійская Пиѳія, и въ то же время говоритъ уму и сердцу каждаго мыслящаго человѣка. «Эмерсонъ», говоритъ въ цитированномъ нами эссеѣ Гриммъ, «пишетъ по-англійски. Многимъ этотъ языкъ знакомъ; многіе читаютъ быстро расходящіяся сочиненія, которыя Таухницъ томъ за томомъ пускаетъ въ ходъ по свѣту. Для этихъ читателей Маколей не представляетъ никакихъ трудностей, даже Карлейль имъ понятенъ, они умѣютъ разобраться среди искусственной безпорядочности его періодовъ; что же касается Эмерсона, то тутъ шоссейная дорога начинаетъ превращаться въ довольно опасный песчаный путь. Онъ пишетъ и мыслитъ по-американски. Онъ пишетъ не для Берлина, а для обывателей Массачузетса. Онъ употребляетъ каждое слово, которое ему въ данный моментъ понадобится, по тамошнему курсу дня; пойметъ ли это слово остальное человѣчество, ему безразлично. Эмерсону пришлось вначалѣ прослыть, благодаря тѣмъ или инымъ изъ своихъ сочиненій, то невѣрующимъ, то сумасшедшимъ, то лжеучителемъ,—это его очень мало трогало; нынче онъ выступаетъ, окруженный поклоняющейся ему, жадно внимающей толпой—не все ли ему равно, что о немъ говорятъ вообще, а особенно въ Европѣ, гдѣ его языкъ съ трудомъ понимаютъ, или же бѣгло прочитываютъ въ переводѣ то или иное изъ его произведеній?»

Эмерсона весьма удачно назвалъ мудрецомъ своего вѣка, мудрецомъ обыденной жизни одинъ изъ первыхъ его критиковъ и популяризаторовъ во Франціи, Эмиль Монтегю. Его, по вѣрному замѣчанію этого писателя, скорѣе можно причислить къ мудрымъ наблюдателямъ и тонкимъ критикамъ повседневной жизни, каковы его излюбленные писатели и учителя, Монтэнь и Шекспиръ, чѣмъ къ абстрактнымъ философамъ. Мыслители Эмерсонова закала скорѣе чувствуютъ истину, чѣмъ ее объясняютъ. Напрасно было бы искать у нихъ философскаго метода, стройной системы; они не богаты тонкими метафизическими разсужденіями; въ ихъ писаніяхъ не мало противорѣчій, не лишающихъ ихъ, однако, своей цѣнности и значенія. Когда догматическій философъ или, правильнѣе, философъ строгой системы допускаетъ у себя какое-либо противорѣчіе, вся его философская система рушится въ прахъ. Философствующій мудрецъ, философъ обыденной жизни не боится впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой: его-то и дѣло, что мыслить, не уклоняясь ни отъ какой мысли, идущей въ разрѣзъ съ установленной системой или же установившимися мнѣніями. Онъ зачастую высказываетъ воззрѣнія, прямо противоположныя тому, что всѣми и имъ самимъ раньше исповѣдывалось, выставляя ихъ, какъ сомнѣнія, возникшія въ его умѣ. Абстрактный философъ, осѣненный извѣстной идеей, оплодотворяетъ ее; открывши извѣстную истину, онъ ее сгущаетъ въ сжатое опредѣленіе, въ формулу закона. Мудрецъ же обыденной жизни не столько подводитъ итоги своимъ разсужденіямъ, сколько приводитъ всѣ свои мысли о данномъ предметѣ, всѣ выводы, положительные и отрицательные, всю, однимъ словомъ, свою мыслительную работу. «Какой-нибудь Декартъ или Лейбницъ, говоритъ Монтегю въ своей характеристикѣ Эмерсона, напечатанной въ 1847 году, являются,—этого нельзя не признать—законодателями истины, тѣми, кто находятъ основной принципъ и формулируютъ законъ; такіе же умы, какъ Эмерсонъ или Монтэнь, представляются своего рода юристами, толкователями и критиками истины; они прилагаютъ масштабъ незыблемой и неизмѣнной истины къ дѣяніямъ людскимъ, и часто оказываются въ смущеніи передъ разладомъ между абсолютной истиной и житейской дѣйствительностью. Отсюда и возникаетъ стремленіе и потребность комментировать основные принципы, объяснить встрѣчающія противорѣчія, устранить, гдѣ можно, разладъ, а, гдѣ это оказывается невозможнымъ, нерѣшительное раздумье, сомнѣніе, скептицизмъ».

Полезная роль мудрецовъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ Эмерсонъ, состоитъ, по вѣрному замѣчанію Монтегю, въ критикѣ основныхъ началъ. Истину, говоритъ этотъ французскій писатель, которой мудрецъ не умѣетъ формулировать въ видѣ закона, онъ умѣетъ примѣнять къ актамъ обыденной жизни. Онъ высказываетъ свое мнѣніе о каждомъ частномъ случаѣ и отдѣльныхъ фактахъ. Эта манера судить и мыслить отражается на его манерѣ писать. Онъ пишетъ не за-

тѣмъ, чтобы оставить послѣ себя цѣлостное зданіе, а затѣмъ лишь, чтобы высказать свое мнѣніе о томъ или иномъ предметѣ, на которомъ останавливается его мысль. Онъ предоставляетъ другимъ славу сооруженія философскаго памятника: человѣческая слава, вообще, представляется ему суетной вещью; но что̀ ему представляется далеко не пустяками, это человѣческія злость и заблужденія; противъ нихъ-то бороться онъ считаетъ своимъ долгомъ, и первой истиной онъ считаетъ раскрытіе и исправленіе человѣческихъ ошибокъ. Онъ доволенъ, когда онъ выразилъ мысль, обнаружилъ извѣстное чувство, высказалъ простой афоризмъ. Онъ пишетъ скорѣе отрывками, несвязно, несистематично, не заботясь о цѣломъ и систематичности, а имѣя въ виду лишь полноту деталей. Шекспира, говоритъ Монтегю, упрекали въ томъ, что у него нѣтъ единства; но, вѣдь, ему приходится отдавать все свое вниманіе другимъ немаловажнымъ вещамъ: ему надо стараться, чтобы всѣ его наблюденія нашли себѣ мѣсто въ его твореніяхъ, а для этой цѣли онъ въ своихъ трагедіяхъ создаетъ и выводитъ эпизоды, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ ихъ сюжету, второстепенныя дѣйствующія лица—все это съ единственною цѣлью провѣрить одно, два наблюденія, высказать одну или двѣ максимы. Методъ мудреца простъ: онъ заключается въ томъ, чтобы ввѣриться своей мысли и своему природному инстинкту. «Гляди въ свое сердце и пиши», твердитъ онъ себѣ вмѣстѣ съ Эмерсономъ правило Сиднея. Тотъ, кто пишетъ для себя самого, пишетъ для вѣчной публики».

У мудреца такого пошиба, какъ Эмерсонъ, самопроизвольность, непосредственность природнаго инстинкта и чутья преобладаетъ надъ размышленіемъ и строго логической работой мысли. Это господство инстинкта надъ внѣшнею стройностью и архитектоникой мысли не обусловливается недостаточной дисциплинированностью ума въ школѣ научнаго, формально-логическаго мышленія; оно объясняется лишь привычкой постояннаго и непрерывнаго мышленія, въ которомъ, смѣняя другъ друга, проходятъ цѣлыя вереницы образовъ и представленій; между ними какъ-будто нѣтъ видимой логической связи, въ дѣйствительности же всѣ они связаны между собою невидимою цѣпью одной основной мысли, всѣ они являются плодомъ длиннаго ряда размышленій.

Эмерсонъ, замѣчаетъ его французскій критикъ, обладаетъ всѣми качествами мудреца: оригинальностью, непосредственностью, прозорливой наблюдательностью, тонкимъ анализомъ, критическимъ чутьемъ, отсутствіемъ догматизма. Онъ собираетъ всѣ матеріалы для опредѣленной философіи, но къ созданію изъ нихъ стройной системы не приходитъ; онъ мыслитъ словно на авось, какъ попало и нерѣдко предается мечтательности, не находя твердыхъ предѣловъ своимъ грёзамъ. Мудрость этого американскаго писателя, справедливо указываетъ Монтегю, живо напоминаетъ мудрецовъ древняго міра: у Эмерсона, какъ и у нихъ, весь человѣкъ сказывается въ его писаніяхъ, не только его умъ и знаніе, но и характеръ, нравственные принципы, идеалы. Какъ характеръ, говоритъ Германъ Гриммъ, Эмерсонъ представляетъ собою еще болѣе крупную величину, чѣмъ какъ писатель. Вкладывая во все, что̀ онъ высказываетъ, всю свою характерную индивидуальность, мудрецъ Америки совмѣщаетъ въ себѣ проникновенность критика, тонкость моралиста со стойкостью апостола и отвагою пуританскаго проповѣдника. Но, напоминая своею нравственной стороной мудреца древности или какого-нибудь брамина на берегахъ Ганга, Эмерсонъ своею благоразумной осторожностью и осмотрительностью, житейскимъ здравомысліемъ рядомъ съ поэтической мечтательностью примыкаетъ къ литературнымъ мудрецамъ новаго времени, родоначальникомъ которыхъ можно считать Монтэня, у котораго онъ безсознательно заимствовалъ литературную форму «эссея», своего рода «взгляда и нѣчто—о чемъ, бишь, нѣчто, обо всемъ». Форма эссея, замѣчаетъ Монтегю, особенно пригодна для воспроизведенія всѣхъ случайно проходящихъ черезъ умъ образовъ, всѣхъ грёзъ, всѣхъ случайныхъ мыслей, которыми одинаково богатъ бываетъ какъ моралистъ, такъ и юмористъ. Всякій знаетъ, что̀ сдѣлалъ изъ этой литературной формы Монтэнь. Эмерсонъ также выливаетъ свои мысли въ формѣ эссея, столь распространенной въ англійской литературѣ, гдѣ она создала шедевры, но онъ придалъ ей нѣчто своеобразное, чисто эмерсоновское. Съ англійскимъ эссеемъ, какимъ онъ выработался, начиная съ Аддисона вплоть до Hazlitt'a и Чарльза Ламба, соединяется пред-

ставленіе объ англійскомъ юморѣ со всѣми его безчисленными остроумными выходками и шалостями, постоянными уклоненіями въ сторону, неожиданными зарницами мысли; съ нимъ ассоціируется представленіе объ отсутствіи цѣльности и единства, искупаемомъ богатствомъ и безконечнымъ разнообразіемъ деталей. Въ Эмерсонѣ, указываетъ его цитируемый нами французскій критикъ, есть какой-то особый даръ композиціи, отличающій его отъ другихъ эссеистовъ. Каждый изъ его эссеевъ изобилуетъ подробностями и наблюденіями; но, когда доходишь до конца главы, изъ подъ этой наружной хаотичности мысли ясно просвѣчиваетъ ея стройная гармоничность и единство. Что̀ придаетъ имъ единство, это личный характеръ писателя. «Эти эссеи», говорилъ о нихъ Карлейль, «представляютъ собою монологи правдивой души». Эмерсонъ, замѣчаетъ Монтегю, пишетъ не для того, чтобы выставить напоказъ свой умъ и знаніе: онъ намъ даетъ не только носимые имъ въ душѣ образы, картины и мысли; онъ открываетъ передъ нами и свой характеръ.

«Бываетъ», говоритъ въ своемъ опытѣ объ Эмерсонѣ Германъ Гриммъ, «умѣніе возвышаться надъ тѣмъ, что̀ человѣкъ усвоилъ и изучилъ. Знанія служатъ лишь лѣстницей къ тому, что̀ не поддается изученію и передачѣ заученнымъ способомъ. У самыхъ выдающихся людей я всегда встрѣчалъ эту свободу и независимость отъ всего заученнаго. Масштабомъ для нихъ служила лишь ихъ собственная природа; всѣ ихъ замѣчанія производили впечатлѣніе чего-то такого, что̀ могъ бы высказать всякій человѣкъ безъ образованія, обладающій лишь извѣстной долей здраваго человѣческаго смысла. Вмѣсто того, чтобы становиться надъ нами, они подымаются надъ самими собой и незамѣтно застилаютъ передъ нами наше незнаніе: съ ними становишься умнѣе и не знаешь, какимъ образомъ это произошло; трудное представляется легкимъ трудомъ, а неясное, запутанное съ ихъ помощью распутывается такъ, словно оно всегда было такимъ яснымъ и лишь, благодаря другимъ, стало запутаннымъ и неяснымъ».

«Эмерсонъ обладаетъ этимъ благороднымъ умѣніемъ сообщаться другимъ. Онъ наполняетъ меня мужествомъ и довѣріемъ. Онъ много читалъ, видѣлъ, но онъ скрываетъ продѣланную имъ работу. Я встрѣчалъ у него множество старыхъ вещей; но онъ ими пользуется не затѣмъ, чтобы съ ихъ помощью снова составлять старые избитые образцы, но каждая изъ нихъ оказывается у него на новомъ мѣстѣ и служитъ ему для новыхъ комбинацій. Онъ видитъ, какъ изъ каждой вещи выходитъ прямая линія, соединяющая ее съ центромъ жизни».

«Какъ мыслителя, Эмерсона, по вѣрному замѣчанію Эмиля Монтегю, слѣдуетъ скорѣе причислить къ семьѣ моралистовъ-эмпириковъ, экспериментаторовъ въ области этическихъ построеній и анализа нравственныхъ чувствъ, чѣмъ къ философамъ-этикамъ. Философомъ нравственности, правильно замѣчаетъ приводимый нами французскій критикъ, является тотъ, кто ищетъ установить незыблемое среди того, что̀ не устойчиво, вѣчное среди преходящаго, правило и законъ среди анархіи человѣческихъ страстей; моральная философія подымаетъ человѣка на высоту абсолюта, мудрость она превращаетъ въ науку жизни. Моралистами же типа Эмерсона являются тѣ, кто, наоборотъ, довольствуется наблюденіемъ и объясненіемъ отдѣльныхъ, преходящихъ явленій, тѣ, чье вниманіе это безконечное многообразіе людскихъ слабостей и желаній на себѣ останавливаетъ, кто пересматриваетъ, объясняетъ и отыскиваетъ самыя потаенныя извращенія сердца, самыя неуловимыя и тонкія страданія души; таковы Ларошфуко̀, Лабрюеръ, Аддисонъ. Но отъ всѣхъ этихъ несистематическихъ экспериментаторовъ въ области житейской мудрости и морали нашего американскаго писателя отличаетъ одна капитальная черта, составляющая, съ одной стороны, его мощь, какъ убѣдительнаго проповѣдника исповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ истинъ, и съ другой стороны, его замѣтную слабость, какъ психолога и критическаго мыслителя: черта эта—подавляющій перевѣсъ въ его міросозерцаніи и творчествѣ этическаго элемента надъ всѣми остальными.

Какъ писатель и поэтъ, какъ общественный дѣятель, Эмерсонъ является по натурѣ своей, а также въ силу наслѣдственности и склада своей жизни, этикомъ κατ᾽ἐξοχήν, какъ мы его въ очеркѣ, посвященномъ его литературному портрету[1]), назвали. Въ томъ, что онъ представляетъ собою прежде всего

[1]) См. Сочиненія Эмерсона, Т. I, стр. 15.

проповѣдника, моралиста par excellence, нѣкоторые изъ его литературныхъ критиковъ усматриваютъ огромный недостатокъ его писательскаго таланта, ослабляющій силу и притупляющій тонкость его критическаго сужденія, лишающій его совершенно психологическаго чутья, заставляющій его все подгонять подъ одну мѣрку, на все глядѣть съ одной лишь, разъ на всегда взятой точки зрѣнія, сквозь призму односторонняго этическаго міровоззрѣнія. Эти качества, по мнѣнію названныхъ критиковъ, зачастую низводятъ его красивыя, благородныя мысли, блещущія перлами чистѣйшей поэзіи, до уровня банальной фразеологіи, бѣдной содержаніемъ и вѣщающей старыя, избитыя истины, которыя подкупаютъ читателя единственно изяществомъ формы, въ которой онѣ выражены. Еще недавно одинъ изъ даровитѣйшихъ среди этихъ критиковъ, шведскій писатель Knut Hamsun, сдѣлалъ попытку развѣнчать Эмерсона, какъ оригинальнаго мыслителя и выдающееся критическое дарованіе, отдавая полную справедливость его импонирующей, всѣхъ плѣняющей личности, высокой культурѣ, изысканному вкусу и прекрасному стилю. «Онъ», говоритъ объ Эмерсонѣ названный писатель, «человѣкъ съ большимъ вкусомъ. Ни одинъ человѣкъ въ Америкѣ не могъ возбуждать въ своей аудиторіи, особливо въ слушательницахъ, столь напряженнаго вниманія и интереса, какъ Эмерсонъ въ свои лучшіе дни. Онъ никого не огорчалъ, никого не поражалъ, всѣхъ занималъ. Его появленіе было изящно, его манера держаться благородна, его жесты пріятны, напоминали собою священника. Нашъ интересъ къ себѣ, какъ критику, онъ приковываетъ не глубиной своей и не литературными знаніями: среди всего написаннаго имъ найдется удивительно мало такого, чего бы всякій образованный человѣкъ не могъ думать и выразить. Нѣтъ, главный интересъ, представляемый этимъ человѣкомъ, заключается въ томъ, что онъ дѣйствительно въ необыкновенно высокой степени обладалъ столь счастливымъ для оратора и писателя даромъ, говорить дѣло, настоящія вещи и при томъ вещи изящныя, тонкія, интересныя вещи, хорошія вещи».

«Есть писатели»,—говоритъ Хамсунъ,—«главнымъ образомъ среди журналистовъ и эссеистовъ, своеобразное дарованіе которыхъ заключается въ умѣніи превосходно, талантливо писать на любую тему, выражать умныя, блестящія мысли, которыя, строго говоря, не всегда имѣютъ къ этой темѣ отношеніе, но тѣмъ не менѣе не слишкомъ отвлеченно звучатъ, благодаря тому, что онѣ подходятъ къ тексту, отвѣчаютъ общему стилю и придаютъ статьѣ жизненность. Подобная статья читается съ интересомъ, въ силу того одного, что она сама по себѣ интересна, нисколько еще не исчерпывая, благодаря этому, трактуемаго ею вопроса, ниже давая по нему разъясненія и мало отвѣчая своему заглавію».

Не въ укоръ Эмерсону можно, по мнѣнію цитируемаго нами шведскаго писателя, не задумываясь, сказать, «что онъ въ значительной степени надѣленъ только-что указаннымъ своеобразнымъ талантомъ. Его сочиненія кишатъ тѣми тонкими, короткими предложеніями, которыя ничего относящагося къ темѣ, на которую онъ пишетъ, не содержатъ, но заключаютъ въ себѣ нѣчто и выдержаны въ общемъ тонѣ, заключаютъ въ себѣ нѣчто особенное, нѣчто удачное, сопоставленія, намеки, осязательныя вещи, какую-нибудь петарду, струю мыслей, настоящее слово; нѣчто, чего не всякій могъ бы высказать, но что каждый находитъ великолѣпно сказаннымъ. Но, обращаясь къ существу самого предмета, спрашивая себя, что собственно всѣми своими прекрасными вещами онъ хочетъ показать, доказать, объяснить, приходится, по мнѣнію Хамсуна, изумляться тому, какъ мало этотъ человѣкъ обработалъ тему, которой онъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени занималъ наше вниманіе».

Съ окончательнымъ выводомъ этого до извѣстной степени справедливаго сужденія едва-ли можно согласиться. Непонятно, какъ это можно «вѣщать истыя, существенныя, фундаментальныя вещи, вещи интересныя, полныя вкуса и изящества, превосходныя» и въ то же время скользить по ихъ поверхности, не захватывать ихъ самой сути, трактовать ихъ на манеръ газетнаго фельетониста, обреченнаго условіями журнальной дѣятельности писать бо́льшей частью подъ давленіемъ даннаго момента, неожиданной необходимости, писать, такъ сказать, по заказу, пользуясь лишь тѣми случайными, мимолетными идеями и проблесками мысли, которые ему въ данную

минуту открываютъ его талантъ, культура ума и многосторонняя образованность, а не выдѣлять въ своихъ писаніяхъ зрѣлые плоды продолжительной работы мысли, продукты неоднократныхъ, испытанныхъ, критической работой ума провѣренныхъ вдохновеній, то, что̀ въ душѣ уже выношено и вонъ изъ души просится. Отсутствіе системы и строгой логической послѣдовательности въ умственныхъ построеніяхъ Эмерсона, разбросанность, пестрота и противорѣчія въ его мысляхъ даютъ, конечно, нѣкоторое основаніе упрекать его въ томъ, что онъ больше скользитъ по поверхности трактуемыхъ имъ вещей, больше ходитъ кругомъ да около, чѣмъ проникаетъ въ самую ихъ глубь. Но такое впечатлѣніе выносишь лишь отъ поверхостнаго знакомства съ его твореніями. Ознакомившись съ ними поближе, убѣждаешься, что въ довольно хаотической и рябящей въ глазахъ формѣ этотъ человѣкъ дѣйствительно даетъ тебѣ, какъ выразился Хамсунъ, не слова, а вещи, настоящія, истыя вещи, не только красивыя и интересныя, но глубокія, вѣчно юныя, не смотря на свой старческій обликъ, откликающіяся на сокровеннѣйшіе запросы человѣческаго ума и чувства, пытающіяся дать отвѣтъ на вѣчные, такъ называемые проклятые вопросы о смыслѣ и цѣнности жизни, о цѣли бытія и т. п. За вещами, которыя онъ высказываетъ, виденъ самъ человѣкъ со всею его внутреннею, умозрительною жизнедѣятельностью, а не одинъ только талантъ и умѣніе красиво писать по поводу извѣстнаго предмета. Эмерсонъ своимъ личнымъ примѣромъ оправдываетъ глубокую истину того, что̀ онъ въ эссеѣ о Гёте высказываетъ относительно натуры и призванія настоящаго писателя. «Одинъ талантъ»,—говоритъ онъ тамъ, «не въ состояніи еще сдѣлать изъ человѣка писателя. За книгою долженъ быть виденъ самъ человѣкъ, личность, который, по рожденію своему и личнымъ свойствамъ, является залогомъ изложенныхъ въ книгѣ ученій, и который призванъ видѣть и устанавливать вещи такъ, а не иначе, констатируя вещи потому, что онѣ есть вещи... На его душѣ лежитъ бремя,—бремя имѣющей быть возвѣщенной истины, которое онъ въ бо̀льшей или меньшей степени чувствуетъ, и его призваніемъ и задачей на этомъ свѣтѣ является видѣть всѣ эти вещи насквозь и дѣлать ихъ общеизвѣстными. Что̀ изъ того, что онъ спотыкается и запкается, что его голосъ звучитъ рѣзко или фальцетомъ, что его методъ или фигуры неудачны? Истинное призваніе найдетъ себѣ методъ и о̀бразный языкъ, отчетливое выраженіе и надлежащій тонъ. Будь онъ даже нѣмымъ, его призваніе будетъ изъ него говорить. Если же всего этого нѣтъ, — если на человѣкѣ не лежитъ печать этой Божьей благодати, то что̀ намъ изъ того и какое намъ дѣло до того, на сколько этотъ человѣкъ искусно, плавно и блестяще пишетъ?».

На Эмерсонѣ именно и лежитъ печать этой Божіей благодати чувствовать бремя имѣющей быть возвѣщенною истины, видѣть, устанавливать, констатировать вещи; при всей кажущейся неметодичности его мышленія. онъ находитъ своеобразный методъ, о̀бразный языкъ, отчетливое выраженіе и надлежащій тонъ,—вращаясь вокругъ главнаго предмета и перебѣгая по поводу его отъ одной мысли къ другой, выражать, повторяясь и на разные лады, основную, «царственную» истину, его осѣняющую. Безспорно, уловить эту истину, его «неметодичный», если можно такъ выразиться, методъ не только не облегчаетъ, но чрезвычайно затрудняетъ, не смотря на о̀бразность его языка, красивую простоту его стиля. Но онъ говоритъ такъ искренно, безхитростно, задушевно, такъ открыто и непосредственно думаетъ въ слухъ, что за всѣмъ, что̀ онъ говоритъ, видна сама его личность со всѣми ея убѣжденіями, со всѣмъ ея credo и озаряющими ее глубокими интуиціями. Эта живая личность автора, видная за его произведеніями, помогаетъ читателю въ нее, такъ сказать, перевоплотиться, видѣть вмѣстѣ съ нею, вѣрить и чувствовать заодно съ нею. Иной складъ ума, иначе сложившаяся умственная индивидуальность не со всѣмъ, конечно, согласится, что̀ объявляетъ, какъ нѣчто безспорное, аподиктическое, дальнѣйшихъ доказательствъ не требующее, этотъ писатель; но всякій вынужденъ будетъ признаться, что онъ ему возвѣщаетъ нѣчто незаурядное, хотя и далеко не новое, нѣчто глубокое, интересное не только по формѣ, но и по содержанію, нѣчто будящее умъ, оплодотворяющее мысль, заставляющее сильнѣе биться вѣрою и надеждой сердце, и въ о̀бщемъ даетъ привлекательнѣйшую и своеобразнѣйшую картину міра, отражающуюся въ его мозгу. Кто столько даетъ читателю,

тотъ, конечно, не ограничивается въ своихъ произведеніяхъ однимъ «кругомъ да около», одною красивою газетной фразеологіей о вещахъ, всякому образованному человѣку давно извѣстныхъ; тотъ подходитъ къ самой сути вещей, говоритъ о нихъ sub quadam specie aeternitatis, выражаясь словами Спинозы, и, слѣдовательно, говоритъ нѣчто вѣчное, глубоко въ душу человѣчества западающее. Старыя избитыя истины въ освѣщеніи такого духа, какъ Эмерсонъ, являются вѣчно юными, вѣчно привлекательными, вѣчно лучезарными. «Ничто»,—говоритъ онъ въ своемъ опытѣ объ Искусствѣ,—«не поражаетъ людей такъ сильно, какъ здравый смыслъ и незатѣйливость исполненія. Всѣ великіе поступки были просты, таковы же всѣ великія картины». Останавливаясь передъ старыми вещами, говоря вещи давно извѣстныя, онъ только оправдываетъ истину сказаннаго имъ въ другомъ мѣстѣ афоризма, что мудрый человѣкъ отличается отъ немудраго всегда тѣмъ, что послѣдній останавливается въ изумленіи лишь передъ тѣмъ, что̀ необычайно, мудрецъ же изумляется и задумывается надъ явленіями обыкновенными. Ихъ сокровенный смыслъ старается объяснить и нашъ Конкордскій мудрецъ, и при томъ объяснить просто, съ точки зрѣнія здраваго смысла, въ соотвѣтствіи съ требованіями здороваго нравственнаго чувства и житейской мудрости.

Признавая за Эмерсономъ талантъ выражать превосходныя мысли, Кнутъ Хамсунъ отрицаетъ всякую оригинальность въ его критикѣ, считаетъ ее лишенной всякой глубины. «Читаешь»,—говоритъ этотъ шведскій писатель,—«его великолѣпное изложеніе, читаешь и ждешь услышать окончательный выводъ, касающійся самого предмета, ждешь заключительнаго слова, но увы! ждешь напрасно: гдѣ нужно имъ закончить, тамъ Эмерсонъ откланивается и уходитъ. А читатель остается, заваленный множествомъ сказанныхъ вещей, которыя не даютъ ему общей картины». Если эта характеристика въ нѣкоторой степени и соотвѣтствуетъ первоначальному внѣшнему впечатлѣнію, оставляемому Эмерсономъ въ читателѣ, она все же не даетъ вѣрнаго представленія о настоящей личности американскаго писателя. На замѣчаніе Хамсуна объ отсутствіи у послѣдняго оригинальнаго критическаго таланта, можно вмѣстѣ съ Гриммомъ возразить словами, которыми Эмерсонъ начинаетъ свой этюдъ о Шекспирѣ: «великіе люди выдѣляются больше своимъ всеобъемлющимъ духомъ и далью кругозора, чѣмъ оригинальностью; если оригинальность мы будемъ признавать лишь въ томъ, чтобы ткать, подобно пауку, свою ткань изъ своихъ же собственныхъ внутренностей, въ томъ, чтобы находить глину и дѣлать изъ нея кирпичи и строить ими домъ, — то ни одинъ великій человѣкъ не окажется оригинальнымъ. Да и настоящая оригинальность не заключается въ томъ, чтобы не походить на другихъ людей». «Гдѣ мы видимъ богатство»,—говоритъ Гриммъ,—«тамъ мы питаемъ довѣріе. Истинное наслажденіе мы испытываемъ лишь тамъ, гдѣ чувствуемъ, что то, что̀ намъ дается, течетъ изъ неизсякаемаго источника. Мы требуемъ природы, естественнаго, но ничего искусственнаго, не фейерверка, а искръ неугасимаго внутренняго пыла: онѣ должны разлетаться и свѣтить вокругъ, все равно, смотримъ ли мы на нихъ или нѣтъ. Мы оттого и благоговѣемъ такъ передъ Гёте или Байрономъ, даже тамъ, гдѣ мы съ ними далеко не сходимся во взглядахъ, что ихъ запасъ неизсякаемъ». «Никакой писатель»,—говоритъ тотъ же нѣмецкій критикъ,—«не плѣняетъ меня такъ, какъ Эмерсонъ. У него мы не встрѣчаемъ ничего лишняго, прикрашивающаго, сантиментальнаго. Обыденныя вещи становятся у него поэтическими, самое малое онъ сводитъ на величайшее. Однимъ словомъ, онъ приподымаетъ насъ надъ землею, и въ то время, какъ онъ говоритъ, что все прекрасно, мы ему въ этомъ вѣримъ. Міръ становится пестрымъ лугомъ, который онъ передъ нами разстилаетъ, и по которому духъ живого чистыми струями протекаетъ, откуда незамѣтно всѣ цвѣты и травы черпаютъ соки для своей крѣпости и роста». Такое богатство мыслей, свѣтлыхъ идей и образовъ окупаетъ въ значительной степени недостатокъ психологической глубины и оригинальной критики, которое Кнутъ Хамсунъ усматриваетъ въ талантѣ Эмерсона. Что̀ же касается указываемаго этимъ писателемъ другого недостатка у американскаго моралиста, отсутствія у него конечныхъ, рѣшительныхъ выводовъ и ясныхъ заключеній о сути предмета, о которомъ онъ пишетъ, то его, конечно, отрицать нельзя, но съ нимъ тѣмъ легче читателю примириться, что этотъ недостатокъ составляетъ обратную сторону

медали Эмерсоновскаго дарованія, сила котораго зиждется на непосредственности, самопроизвольности воспроизводимаго въ словѣ умственнаго и чувственнаго воспріятія, на естественной интуиціи и природномъ инстинктѣ. Эти свойства его писательскаго таланта, кромѣ того, заставляютъ мысль читателя продолжать не вполнѣ законченныя, не ясно формулированныя, часто обрывающіяся мысли автора и дѣлать изъ нихъ самостоятельные выводы, которыхъ послѣдній отъ себя никому не навязываетъ и въ которыхъ онъ никого не стѣсняетъ.

Творенія Эмерсона представляютъ собою вѣрное зеркало его свободной, непринужденно-капризной умственной работы, главными рычагами которой являются самопроизвольность мысли и инстинктъ. «Среди всѣхъ нашихъ дѣйствій»,—говоритъ онъ въ своемъ опытѣ объ Умѣ,—«самопроизвольный актъ всегда самое лучшее. Съ наилучшими намѣреніями и вниманіемъ ты не въ состояніи настолько близко подойти къ какому-либо вопросу, на сколько твой взглядъ, самопроизвольно на него упавшій, можетъ тебя къ нему приблизить, въ то время какъ ты встаешь со сна, или бродишь утромъ вокругъ, послѣ размышленій о данномъ предметѣ наканунѣ ночью передъ тѣмъ, какъ лечь спать. Наше мышленіе представляетъ собою благочестивое воспріятіе. Истина нашей мысли поэтому одинаково опорочивается, какъ слишкомъ насильственнымъ направленіемъ, которое ей даетъ наша воля, такъ и слишкомъ большою небрежностью по отношенію къ ней. Мы не опредѣляемъ твердо того, что̀ мы будемъ думать. Мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что открываемъ наши чувства, устраняемъ, на сколько можемъ, всѣ загражденія передъ фактомъ, и предоставляемъ уму созерцать. Мы держимъ наши мысли подъ слабымъ контролемъ. Мы плѣнники идей. Онѣ на мгновеніе подхватываютъ насъ и воздымаютъ на свои небеса и закабаливаютъ насъ до такой степени, что мы о завтрашнемъ днѣ совсѣмъ не думаемъ, глядимъ передъ собою, подобно дѣтямъ, не дѣлая никакихъ усилій усвоить себѣ эти идеи. Мало-по-малу мы освобождаемся отъ этого очарованія ими, одумываемся, гдѣ мы пребывали, и повторяемъ, насколько мы въ состояніи, доподлинно то, что̀ мы созерцали. На сколько мы можемъ вспоминать эти состоянія экстаза, мы уносимъ въ неизгладимой памяти ихъ результатъ, и всѣ люди и всѣ вѣка его подтверждаютъ. Онъ и есть то, что̀ называется истиной. Но, какъ только мы перестаемъ непосредственно воспроизводить и докладывать, и пытаемся исправлять его и умствовать, онъ уже не есть истина».

Въ этихъ словахъ удивительно вѣрно отражается творческая манера самого Эмерсона. Она, если всесторонне ее изучить, оказывается далеко не соотвѣтствующей характеристикѣ, данной ей Кнутомъ Хамсуномъ, не смотря на удачно подчеркнутыя въ ней слабыя стороны Эмерсоновскаго дарованія. По мнѣнію Хамсуна, «Эмерсонъ не есть настоящій критикъ: онъ прочитываетъ сочиненія какого-нибудь писателя, радуется всему прекрасному, что̀ онъ въ нихъ находитъ, вздыхаетъ по поводу дурного въ нихъ, отмѣчаетъ себѣ различныя цитаты, перевариваетъ все это въ теченіе нѣсколькихъ дней и затѣмъ безъ всякаго огня, безъ волненія пишетъ эссей, который оказывается, благодаря своему прекрасному языку, заслуживающимъ прочтенія и, благодаря заключающимся въ немъ хорошимъ мыслямъ, понятнымъ. Онъ всегда скажетъ кое-что̀ интересное, въ томъ смыслѣ, что оно не скучно, иногда онъ выскажетъ блестящую мысль, разъ въ годъ онъ, пожалуй, проявитъ и остроуміе. Но научной критики у него нѣтъ. Онъ отвергаетъ и признаетъ, ставитъ правила, мѣритъ одного писателя аршиномъ другого, не принимая въ соображеніе различныхъ особенностей каждаго изъ нихъ». Конечно, научнымъ критикомъ типа Ипполита Тэна или Георга Брандеса Эмерсона назвать нельзя: логическій, послѣдовательно-научный элементъ у него отодвигается на задній планъ, совершенно стушевывается передъ элементомъ интуитивнаго умозрѣнія. Но онъ поэтъ, ясновидецъ красоты и нравственныхъ истинъ, и этотъ даръ поэзіи и проницательности, восполняя въ немъ недостатокъ систематичности и логической послѣдовательности, дѣлаетъ его не только интереснымъ и занимательнымъ стилистомъ, какъ думаетъ Хамсунъ, но дорогимъ для насъ писателемъ-пророкомъ, глашатаемъ вѣчныхъ истинъ добра и красоты.

«Если мы взвѣсимъ»,—говоритъ онъ въ цитированномъ нами выше опытѣ объ Умѣ,—«какія личности оказали на насъ поощряющее и благотворное вліяніе, мы придемъ къ

убѣжденію въ превосходствѣ въ этомъ отношеніи самопроизвольнаго или интуитивнаго начала надъ ариѳметическимъ или логическимъ. Первое содержитъ уже второе, правда, въ потенціальномъ и скрытомъ состояніи. Мы требуемъ въ каждомъ человѣкѣ далекой логики; отсутствіе ея мы не можемъ простить, но она не должна выражаться. Логика является поступательнымъ ходомъ или постепеннымъ завиваніемъ интуиціи; но ея сила заключается въ молчаливомъ методѣ; какъ только она проявляетъ себя въ видѣ предложеній и претендуетъ на отдѣльную самостоятельную цѣнность, она оказывается безполезной».

«Въ душѣ каждаго человѣка»,—говоритъ онъ далѣе,—«нѣкоторые образы, слова и факты, которые другими забываются, остаются, безъ всякаго съ ея стороны усилія запечатлѣть ихъ, и впослѣдствіи они являются для него иллюстраціями важныхъ законовъ. Все наше прогрессивное движеніе представляетъ собою развертываніе, развиваніе, какъ у растительной почки. Въ началѣ у тебя инстинктъ, затѣмъ образуется мнѣніе, а потомъ знаніе, подобно тому, какъ у растенія есть корень, затѣмъ почка и плодъ. Вѣрь инстинкту до конца, хотя бы ты и не могъ привести тому основанія. Напрасно торопить его. Вѣря ему до конца, ты даешь ему созрѣть и стать истиной, и тогда ты узнаешь, почему ты ему вѣришь».

И Эмерсонъ вѣритъ тайному голосу заложенной въ него природы, своему инстинкту, до конца; логическое начало у него всегда скрыто, часто оно даже отсутствуетъ. «Единственная вещь»,—говоритъ онъ, въ заключеніе своего опыта «Круги»,—«которую мы ищемъ съ ненасытной жаждой, это—забыться, быть пораженными и увлеченными за предѣлы нашей вотчины, утратить нашу постоянную память и дѣлать нѣчто, не зная, какъ и почему это дѣлаешь; словомъ, описать новый кругъ. Безъ энтузіазма ничего великаго не совершено. Путь жизни изумителенъ; онъ совершается помощью самоотдаванія».

Преобладаніе интуиціи, самопроизвольнаго теченія мысли, инстинкта надъ логической послѣдовательностью и научной критикой, этическаго элемента надъ психологическимъ составляютъ силу и слабость Эмерсонова генія: оно отражается на его стилѣ, на всемъ его писательскомъ обликѣ. Эмерсонъ, справедливо замѣтилъ его французскій критикъ Монтегю, принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ умамъ, «у которыхъ нѣтъ краснорѣчія, рождающагося отъ мощной и непрерывной мысли, но у которыхъ за-то есть краснорѣчіе инстинкта, краснорѣчіе даннаго момента и настроенія, полное причудъ и случайностей. Оно представляетъ собою однѣ молніи мысли, но молніи безостановочно сверкающія, рождающіяся одна отъ другой, зажигаемыя огнемъ воображенія. Случайное, прихотливое теченіе мысли держитъ эти умы въ своей власти; они отдаютъ себя на волю случайныхъ сочетаній идей и образовъ, которые сулитъ имъ память и фантазія, тому непредвидимому потоку, тому пылу увлеченія, которые сдерживать одинъ лишь геній въ состояніи». Это и есть то, что Эмерсонъ обозначаетъ словами самоотдаваніе и самопроизвольность. Но у него оно не представляетъ ничего опаснаго. «Американскій моралистъ»,—говоритъ Монтегю,—«можетъ довѣриться теченію своихъ грёзъ, увѣренный въ томъ, что онъ никогда не потеряетъ изъ виду ни намѣченной цѣли, ни пройденнаго пути. Работа его мысли протекаетъ спокойно, она не знаетъ внезапныхъ порывовъ и толчковъ, она идетъ въ высь безъ всякаго усилія и шума, постепенно, безъ скачковъ; она незамѣтно подымается на высоту краснорѣчія. Разъ поднявшись на нее, мысль Эмерсона останавливается и словно витаетъ между небомъ и землею; такимъ путемъ его философія избѣгаетъ туманныхъ дебрей мистицизма и общихъ мѣстъ повседневной морали. Энтузіазмъ безъ экзальтаціи, особаго рода порывъ безъ вожделѣнія, созерцательность, свободная отъ экстаза, воображеніе души, въ которой видны самыя чистыя отраженія природы, поддерживаютъ его въ этой промежуточной области между видимымъ міромъ и безконечнымъ. Съ высоты взираетъ онъ на человѣчество, онъ слышитъ послѣдніе доносящіеся съ земли отголоски, становящіеся, по мѣрѣ того, какъ они поднимаются вверхъ, все чище, и безъ ослѣпленія взираетъ онъ на свѣтъ небесный. Всѣ его писанія какъ бы носятъ отпечатокъ его вѣры въ вѣчное, абсолютное, всѣ они озарены ровнымъ свѣтомъ, исходящимъ свыше. У него не встрѣтишь ослѣпительныхъ зарницъ, какія встрѣчаешь у мистиковъ, ни лучезарныхъ сіяній утренней зари, ни свѣтлаго полумрака, ни сумерокъ и всѣхъ тѣхъ эффек-

товъ, какими пользуется современный стиль; у него одинъ лишь благотворный и здоровый свѣтъ, взращивающій и дѣлающій зрѣлою мысль, являющійся отраженіемъ нравственнаго свѣта».

Таковъ этотъ рѣдкій писатель. Въ немъ,— замѣтилъ удачно Кнутъ Хамсунъ—сошлись духовныя направленія трехъ частей свѣта: мистическое, эстетическое и практическое. У Азіи онъ заимствовалъ религіозный складъ души, у Европы стремленіе къ умственной культурѣ, искусству и красотѣ, у родной Америки—практическій здравый смыслъ и демократическій духъ, только не узкій, ограниченный, какъ думаетъ Хамсунъ, а очищенный, облагороженный природнымъ аристократизмомъ своей души. Религіозный мистицизмъ Эмерсона, въ которомъ сказывается наслѣдіе восьми поколѣній пуританъ-священниковъ, тоже не есть, какъ утверждаетъ сказанный шведскій писатель съ точки зрѣнія своего ультрарадикальнаго міросозерцанія, неопредѣленная помѣсь слѣпой вѣры Лютеровскаго угольщика съ полурадикализмомъ, именуемая унитаріанствомъ, а скорѣе пуританизмъ, очищенный, смягченный и облагороженный его идеалистической философіей. Эмерсонъ достаточно обнаружилъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ произведеній, особливо же въ эссеѣ о Сведенборгѣ, свою глубокую несимпатію ко всякому теологическому догматизму, къ отжившему свой вѣкъ и окостенѣвшему въцерковно-христіанской догмѣ гебраизму или Готической теологіи, какъ онъ выражается. Въ теологической ограниченности Сведенборга онъ усматриваетъ капитальный порокъ его духа. «У него ничего нѣтъ, говоритъ Эмерсонъ,—«что бы носило печать свободы, всеобщей, житейской мудрости: имѣя дѣло съ нимъ, мы всегда находимся въ церкви». А церковный символизмъ совсѣмъ не по душѣ американскому философу. Онъ возстаетъ противъ чрезмѣрнаго вліянія, которое «Еврейская муза» продолжаетъ оказывать, какъ на выдающіеся умы въ родѣ Сведенборга и Якова Беме, такъ и на цѣлыя націи. Палестина въ его глазахъ сыграла уже свою воспитательную роль и должна быть отодвинута изъ жизни современнаго человѣчества въ область исторіи, уступивъ «свое первенствующее мѣсто западнымъ способамъ мышленія и формамъ выраженія». Служенію христіанской символикѣ онъ предпочитаетъ нравственное чувство, носящее въ себѣ безчисленные виды христіанства, человѣчности, божественности. Писателя, исповѣдывающаго подобные взгляды, едва-ли справедливо считать, какъ это, повидимому, дѣлаетъ Хамсунъ, морализирующимъ либеральнымъ священникомъ, съ ортодоксальными чертами, замаскированными и смягченными его нравственной философіей. Преобладаніе въ настроеніи и міросозерцаніи Эмерсона религіознаго элемента обусловливается не только его наслѣдственнымъ пуританизмомъ, но и выработавшимся въ немъ философскимъ credo, его вѣрою въ инстинктъ, въ самопроизвольность умозрѣнія, въ интуицію, въ эти божественныя и слѣпыя способности, при помощи которыхъ человѣкъ находится въ соотношеніи съ божествомъ, совершаетъ великія дѣла, вдохновляется, преисполняется благоговѣнія, становится героемъ. Красота этой Эмерсоновой вѣры, по справедливому замѣчанію Монтегю, заключается въ томъ, что она дѣлаетъ жизнь сплошнымъ героизмомъ, въ то время какъ догматическій пуританизмъ дѣлаетъ изъ нея жертву, закланіе.

Умственный и нравственно-философскій обликъ Эмерсона особенно ярко проглядываетъ въ рядѣ прекрасныхъ, удивительно своеобразныхъ мыслей, которыми онъ заканчиваетъ свой опытъ объ Умѣ. Этими мыслями мы, для вящшей характеристики его писательской личности, и заключимъ нашъ очеркъ о немъ.

«Богъ»—говоритъ онъ въ названномъ опытѣ,—«предлагаетъ всякому уму свой выборъ между истиной и покоемъ. Бери любое изъ нихъ: обоими обладать ты никогда не сможешь. Между тою и другимъ человѣкъ колеблется, какъ маятникъ. Тотъ, въ комъ преобладаетъ любовь къ покою, приметъ первую попавшуюся вѣру, первую встрѣчную философію, примкнетъ къ первой политической партіи, которая ему встрѣтится на пути—прежде всего къ партіи, философіи, вѣрѣ своего отца. Онъ такимъ образомъ обрѣтаетъ покой, удобства жизни и видное положеніе, но онъ этимъ закрываетъ себѣ двери къ истинѣ. Тотъ же, въ комъ любовь къ истинѣ преобладаетъ, будетъ держаться вдали отъ всѣхъ якорныхъ стоянокъ и нестись по волѣ волнъ. Такой человѣкъ воздержится отъ всякаго догматизма и будетъ сознавать всѣ противоположныя другъ другу отрицанія, среди которыхъ, какъ

среди стѣнъ, его существо мечется изъ изъ стороны въ сторону. Онъ смиряется передъ неудобной необходимостью отложить свое окончательное мнѣніе или довольствоваться несовершеннымъ, но зато онъ является кандидатамъ истины, каковымъ человѣкъ противоположнаго типа не бываетъ, преклоняющимся передъ высшимъ закономъ своего бытія.

«Ему приходится изойти весь бѣлый свѣтъ, чтобы найти человѣка, который бы могъ повѣдать ему истину. Онъ тогда узнаетъ, что въ томъ, чтобы слушать, есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ въ томъ, чтобы говорить. Счастливъ человѣкъ внимающій, несчастливъ человѣкъ глаголящій. Все время, что я внимаю истинѣ, я утопаю въ волнахъ прекрасной стихіи и не чувствую никакихъ границъ моей натурѣ. Внушенія, которыя я воспринимаю слухомъ и зрѣніемъ, многократны и многообразны на тысячи ладовъ. Воды необъятной пучины имѣютъ входъ и выходъ въ мою душу. Но, когда я говорю, я опредѣляю, я отграничиваю, я умаляюсь. Когда говоритъ Сократъ, Лизисъ и Менексенъ не испытываютъ никакого стыда въ томъ, что они не говорятъ. Они также хороши. Онъ же равнымъ образомъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, съ любовью въ то время, какъ онъ говоритъ. Это оттого, что истинный и натуральный человѣкъ содержитъ и представляетъ собою ту же самую истину, которую человѣкъ, обладающій даромъ рѣчи, выражаетъ въ словѣ; но въ краснорѣчивомъ человѣкѣ, въ силу того, что онъ въ состояніи воспроизводить ее рѣчью, она какъ будто пребываетъ въ меньшей степени, и онъ обращается къ этимъ прекраснымъ молчаливцамъ съ тѣмъ большимъ расположеніемъ и почтительностью. Древнее изреченіе гласило: «будемъ молчаливы, ибо таковы также боги». Молчаніе есть то разлагающее начало, которое разрушаетъ личность и позволяетъ намъ быть великими и универсальными. Духовное развитіе всякаго человѣка совершается съ помощью послѣдовательнаго ряда учителей, изъ которыхъ каждый въ данный моментъ кажется оказывающимъ наибольшее вліяніе; но это вліяніе въ концѣ концовъ уступаетъ каждый разъ мѣсто новому. Пусть же онъ открыто воспринимаетъ всѣ эти вліянія. Іисусъ говоритъ: оставь отца и матерь, домъ и землю и слѣдуй за Мной. Кто все оставляетъ, получаетъ больше. Это такъ же вѣрно въ умственномъ, какъ и въ нравственномъ смыслѣ. Всякій новый умъ, къ которому мы приближаемся, кажется требующимъ отъ насъ отреченія отъ всѣхъ нашихъ прошедшихъ и настоящихъ достояній. Новое ученіе является вначалѣ какъ бы цѣлымъ переворотомъ во всѣхъ нашихъ мнѣніяхъ, вкусахъ и образѣ жизни. Такими казались, такое дѣйствіе оказывали на многихъ молодыхъ людей въ нашей странѣ и Сведенборгъ, и Кантъ, и Кольриджъ, и Гегель или его толкователь Кузенъ. Берите съ сердечной благодарностью все, что они вамъ могутъ дать. Исчерпайте ихъ до дна, противьтесь и боритесь съ ними, не отпускайте ихъ до тѣхъ поръ, пока благодать, сулимая ими, вами не обрѣтена, и тогда, черезъ короткій промежутокъ времени, вашъ благоговѣйный страхъ передъ ними будетъ побѣжденъ, черезчуръ сильное вліяніе ихъ на васъ умѣрится, и они больше не будутъ являться для васъ вызывающимъ переполохъ и тревогу метеоромъ, а каждый изъ нихъ явится новой свѣтлой звѣздой, сіяющей яснымъ свѣтомъ на вашемъ небѣ и сливающей свой свѣтъ со всѣмъ сіяньемъ вашего дня.

«Но въ то время, какъ человѣкъ беззавѣтно отдается тому, что влечетъ его къ себѣ, оттого что оно является его собственнымъ, роднымъ, онъ долженъ отрекаться отъ всего, что его не привлекаетъ, какой бы славой и авторитетностью оно ни было окружено, разъ оно не представляетъ для него ничего своего, родного. Совершенное довѣріе къ себѣ подобаетъ и присуще уму. Наша душа противовѣсъ всѣмъ душамъ, подобно тому, какъ капиллярный столбикъ воды можетъ быть стоящимъ на одномъ уровнѣ противовѣсомъ цѣлому морю. Она должна относиться къ вещамъ и книгамъ и верховному генію такъ же, какъ и къ себѣ самой, тоже верховной владычицѣ. Если Эсхилъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, какимъ онъ слыветъ, онъ еще не исполнилъ всей своей службы, послѣ того, какъ онъ воспитывалъ ученыхъ Европы въ теченіе тысячи лѣтъ. Онъ и теперь долженъ оправдать въ моихъ глазахъ свою славу недосягаемаго сулителя величайшихъ умственныхъ наслажденій. Если онъ этого не въ состояніи сдѣлать, вся его слава для меня ничего не будетъ значить. Я былъ бы глупъ, если бъ остановился передъ тѣмъ, чтобы пожертвовать тысячью Эсхилами ради моей

умственной цѣлости и невредимости. Особливо продерживайтесь того же самаго принципа по отношенію къ отвлеченной истинѣ, къ наукѣ о духѣ. Бэконъ, Спиноза, Юмъ, Шеллингъ, Кантъ и кто бы тамъ еще ни предлагалъ вамъ свою философію духа, является лишь болѣе или менѣе неудачнымъ проводникомъ вещей въ ваше сознаніе, которыя вы сами также имѣете свои способы видѣть, и, можетъ быть, обозначать. Заявите въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы боязливо глядѣть, не спуская глазъ, въ предлагаемый имъ темный для васъ смыслъ, что онъ не сумѣлъ вернуть вамъ ваше ясное сознаніе. Онъ не сумѣлъ, такъ пусть попытается другой это сдѣлать. Если Платонъ этого не въ состояніи, то, можетъ быть, Спиноза сумѣетъ. Если Спиноза не умѣетъ, то, можетъ быть, Кантъ. Такъ или иначе, когда оно, наконецъ, сдѣлано, вы увидите, что писатель открываетъ передъ вами не нѣчто туманное, непонятное, а простое, натуральное, обычное положеніе.

«Но поставимъ точку всей этой дидактикѣ. Я не стану, хотя сюжетъ могъ бы дать поводъ къ этому, говорить по остающемуся открытымъ вопросу о выборѣ между истиной и любовью. Я не хочу претендовать на вмѣшательство въ старинную политическую распрю на небесахъ: «херувимы знаютъ наибольше, серафимы любятъ наибольше». Пусть боги сами улаживаютъ свои собственные споры. Но я не могу приводить, даже въ такой неточной и необработанной формѣ, какъ сейчасъ, законы ума, не упомянувъ о томъ возвышенномъ и совершенно обособленномъ классѣ людей, которые были его пророками и оракулами, о высшемъ жреческомъ сословіи чистаго разума, отѣхъ Trismegisti (трижды величайшихъ), излагателяхъ началъ мышленія изъ вѣка въ вѣкъ. Когда черезъ большіе промежутки времени мы перелистываемъ ихъ таинственныя, полныя глубокаго, сокрытаго смысла страницы, чудесной представляется намъ спокойная и величественная манера этихъ немногихъ избранныхъ, этихъ великихъ вельможъ духа, которые когда-то были странниками по сему свѣту,—этихъ властелиновъ древней религіи,— окруженныхъ такимъ поклоненіемъ и культомъ, ибо «убѣжденіе живетъ въ душѣ, а законъ необходимости въ умѣ». Эта кучка господарей, Гермесъ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, Платонъ, Плотинъ, Олимпіодоръ, Проклъ, Синезій и прочіе, обладаетъ чѣмъ-то столь необъятнымъ въ своей логикѣ, столь первоначальнымъ, непосредственнымъ въ своемъ мышленіи, что оно кажется предустановленнымъ раньше всѣхъ обычныхъ разграниченій риторики и литературы и какъ бы напоминаетъ собою въ одно и то же время поэзію, и музыку, и танцы, и астрономію, и математику. Взирая на нихъ, я словно присутствую при посѣвѣ сѣмянъ, началѣ вселенной. Съ помощью геометріи солнечныхъ лучей душа кладетъ основы природы. Истина и величественность ихъ мысли подтверждены ея далью и примѣнимостью, ибо она для своей иллюстраціи распоряжается всѣмъ перечнемъ и инвентаремъ вещей. Но что отличаетъ ихъ возвышенность и даже носитъ въ нашихъ глазахъ нѣсколько комическій обликъ, это— невинная ясность, съ какою эти младенцоподобные Юпитеры пребываютъ въ своихъ облакахъ и вѣкъ отъ вѣка щебечутъ, калякаютъ другъ съ другомъ и ни съ кѣмъ изъ современниковъ. Вполнѣ спокойные на счетъ того, что ихъ рѣчь понятна и является самой естественною вещью въ свѣтѣ, они ставятъ тезисъ за тезисомъ, ни разу не замѣчая и не обращая вниманія на всеобщее изумленіе копошащагося внизу подъ ними человѣчества, которое не можетъ понять ихъ самыхъ ясныхъ доводовъ; и никогда они не проявляютъ столько слабости, чтобы возвѣстить какое-нибудь воззрѣніе въ популярной или объяснительной формѣ, они же выказываютъ когда-либо малѣйшее неудовольствіе или претензію на то, что ихъ изумленная аудиторія скучаетъ и ничего не понимаетъ. Ангелы до того влюблены въ языкъ, на которомъ говорятъ въ небесахъ, что они не желаютъ напрягать своихъ губъ произнесеніемъ рѣзкихъ и немузыкальныхъ звуковъ человѣческихъ діалектовъ и говорятъ только на своемъ собственномъ, мало заботясь о томъ, понимаетъ ли ихъ кто или нѣтъ».

Авторъ только-что приведенныхъ удивительно простыхъ и въ то же время чудныхъ мыслей можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ тоже причисленъ къ типу этихъ ангеловъ человѣческой мысли. Онъ говоритъ на своемъ, трудно доступномъ толпѣ, небесномъ языкѣ. Чтобы понять его и оцѣнить, надо его раньше знать и изучить. А между тѣмъ въ Россіи къ нему больше, чѣмъ гдѣлибо, примѣнимы слова, сказанныя о немъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ его выдаю-

щимся нѣмецкимъ знатокомъ и цѣнителемъ. «Эмерсонъ», — говорилъ тогда профессоръ Германъ Гриммъ, — «почти что непзвѣстенъ, и только немногихъ здѣсь онъ успѣлъ захватить своею неотразимой индивидуальностью. Переводъ его сочиненій представляется трудомъ, который не такъ скоро можетъ быть и будетъ выполненъ; ничто не стоило мнѣ такихъ усилій, какъ сдѣланный мною опытъ кое-что изъ его произведеній воспроизвести на настоящемъ нѣмецкомъ языкѣ. Онъ не пишетъ, онъ словно говоритъ въ слухъ; вначалѣ не видишь у него никакого плана, никакого порядка и удивленно ищешь внутреннюю связь между всѣми этими предложеніями, которыя кажутся столь оторванно и чуждо другъ возлѣ друга поставленными и все-таки образуютъ невидимую цѣпь, прочно связывающую ихъ между собою своими звеньями. Но черезъ короткое время открываешь глубокую закономѣрность, съ какою онъ эти мысли развиваетъ, и строгую послѣдовательность въ нихъ тамъ, гдѣ онѣ въ началѣ, казалось, уклонялись вправо и влѣво отъ прямого пути. То, однако, не закономѣрность шпалернаго дерева, у котораго вѣтви подчиняются приказу садовника, гдѣ имъ расти и гдѣ быть срѣзанными, а закономѣрность здороваго бука, у котораго ростъ дѣлится и ширится, повидимому, безпорядочно, но въ результатѣ образуетъ роскошнѣйшій древесный куполъ, въ которомъ не оказывается ни малѣйшей вѣточки, фальшиво, излишне и не на своемъ мѣстѣ поставленной».

III.

Изложенныя черты писательскаго таланта Эмерсона, его сильныя и слабыя стороны особенно явственно сказываются въ настоящей книгѣ, которая, какъ большинство его сочиненій, составилась изъ читанныхъ имъ публичныхъ лекцій. Предлагаемый нами русскимъ читателямъ трудъ Эмерсона, не скроемъ отъ нихъ, читается съ большимъ трудомъ, разобраться въ немъ съ перваго раза нелегко; еще бо́льшія трудности представляетъ онъ для перевода на иностранный языкъ. Даже англійской публикѣ эта книга не такъ легко открываетъ свой сокровенный смыслъ и вложенныя въ нее руководящія идеи. Одинъ изъ недавнихъ нѣмецкихъ переводчиковъ ея, Карлъ Федернъ, утверждаетъ вмѣстѣ съ англійскими критиками, что болѣе оракулоподобнаго труда, въ которомъ столько неподдающагося передачѣ словами содержанія, не выходило изъ-подъ пера Эмерсона. Этотъ трудъ насыщенъ глубокими мыслями. Гдѣ бездна мысли, гдѣ одна только безплотная мысль, безъ всякихъ на эффектъ и дешевую популярность бьющихъ прикрасъ, тамъ, естественно, должна быть глубина, часто темная, съ трудомъ освѣщаемая. Неясность писателя въ большинствѣ случаевъ обусловливается тѣмъ, что трактуемый имъ предметъ ему не по плечу, что адэкватное изображеніе его ему не дается, такъ какъ духовный взглядъ его не въ состояніи схватить явленіе цѣликомъ, а остается, такъ сказать, позади него. Эмерсонъ, какъ справедливо замѣчаетъ Федернъ, бываетъ теменъ, благодаря тому, что онъ проникаетъ глубже другихъ подъ поверхность вещей, что онъ ищетъ выразить въ словѣ самую суть явленій и ихъ сокрытую взаимную связь, на сколько онѣ открываются нашему воспріятію. Въ настоящей книгѣ онъ мыслитъ въ слухъ объ одной изъ труднѣйшихъ и отвлеченнѣйшихъ философскихъ проблемъ, о человѣчествѣ, какъ символѣ и сознательномъ проявленіи безконечной природы, представленномъ съ разныхъ сторонъ и наиболѣе ярко выраженномъ въ лицѣ своихъ избранниковъ, столповъ. Черезъ его мозгъ проходитъ бездна думъ о сложныхъ узлахъ историческихъ отношеній, тонкихъ, неуловимыхъ психологическихъ процессахъ, самыхъ потаенныхъ пружинахъ человѣческихъ дѣйствій и стремленій, часто не находящихъ себѣ адэкватнаго выраженія; отразить всѣхъ ихъ изъ своего ума и перевести на общедоступный языкъ человѣческой рѣчи оказывается и такому рѣдкому писателю не подъ силу; многое ему приходится выражать неясно, недостаточно, темно; многаго не досказать, многое лишь слегка затронуть, на многое бросить одни лишь намеки, каждый разъ мѣнять направленіе своихъ мыслей и перебѣгать ими съ предмета на предметъ.

*
* *

Книга Эмерсона въ оригиналѣ названа не «Представители Человѣчества», какъ намъ пришлось, сообразуясь съ духомъ нашего языка, озаглавить ее въ русскомъ переводѣ, а «Представительные Люди» (Representative Men). Это названіе на иностранномъ языкѣ не въ состояніи передать того, чѣмъ оно въ оригиналѣ звучитъ англійскому или амери-

канскому уху. Со словомъ «представительный» (representative) у англичанина и американца ассоціируется представленіе о самомъ близкомъ ихъ быту, общеизвѣстномъ явленіи. Вся общественная и политическая жизнь англо-саксонской расы зиждется на идеѣ представительства. Гдѣ только на свѣтѣ ни сойдется для общежитія контингентъ англосаксовъ, они инстинктивно сплотятся въ общественную организацію, управляемую выборными изо всей массы лицами, призванными представлять ея образъ мыслей и волю, ограждать ея интересы, осуществлять ея цѣли и стремленія. Одинъ является представителемъ множества, цѣлой группы отдѣльныхъ лицъ, обособленной отъ остальной массы и другихъ такихъ же группъ, не только внѣшнимъ образомъ, территоріально, но и съ внутренней стороны, своими воззрѣніями, характеромъ, интересами и стремленіями. Единица является, такимъ образомъ, концентраціей, воплощеніемъ въ одномъ лицѣ, типичнымъ выраженіемъ тысячъ; а собраніе этихъ выразительныхъ единицъ представляетъ собою собирательный волевой и интеллектуальный образъ всей громады, всего общественнаго и государственнаго организма. «Государство, общественное мнѣніе и воля со всѣми ихъ оттѣнками и теченіями, — это я», можетъ сказать о себѣ такое собраніе; членамъ его ничто, свойственное представляемымъ ими массамъ, не чуждо, а послѣднимъ въ свою очередь не чуждо ничего, что составляетъ особенность ихъ представителей. По характернымъ чертамъ такихъ представительныхъ единицъ можно судить о духѣ и характерѣ всей массы.

На этихъ принципахъ соціальной психологіи, составляющихъ коренную основу англосаксонскаго политическаго быта, Эмерсонъ строитъ свое изученіе всего человѣчества, или, вѣрнѣе, духа, генія человѣчества, рельефно вылившагося разными своими сторонами въ живомъ индивидуальномъ образѣ выдающихся единицъ, немногихъ избранниковъ, которыхъ исторія вѣнчаетъ именемъ великихъ. Представителями величія и въ то же время ограниченности генія человѣческаго американскій философъ выставляетъ шесть типичныхъ богатырей духа: Платона, какъ недосягаемый образецъ философскаго творчества, Сведенборга, какъ величайшаго изъ тѣхъ умовъ, которые, дерзая приподнять завѣсу надъ сокровенными и послѣдними тайнами бытія, запутываются въ лабиринтѣ и тонутъ во мглѣ мистическаго ясновидѣнія; Монтэня, какъ безподобнаго представителя осторожнаго критицизма человѣческой мысли, не берущаго на себя ставить вопросы о первыхъ и послѣднихъ вещахъ ребромъ, все осмотрительно взвѣшивающаго и изслѣдующаго, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, оставляющаго во многихъ случаяхъ мѣсто сомнѣнію и отдающаго справедливость какъ объективнымъ постулятамъ холоднаго разума, научной, безпристрастной мысли, такъ и субъективнымъ требованіямъ практическаго разума, чувства, страсти. За этимъ скептикомъ въ Эмерсоновой галлереѣ представительныхъ типовъ человѣчества слѣдуетъ великанъ поэзіи, царь пѣвцовъ міровой и душевной красоты, Шекспиръ; за нимъ — титанъ умственной мощи и энергіи въ служеніи низменнымъ, матеріально-практическимъ стремленіямъ безграничнаго эгоизма, типичнѣйшій карьеристъ, олицетвореніе жажды преуспѣванія и господства въ жизни, Наполеонъ; и, наконецъ, образецъ литературно-научнаго дѣятеля, писателя въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, Гёте. На этихъ шести столпахъ покоится въ изображеніи Эмерсона грандіозный храмъ духовной жизни человѣчества. Весь историческій духовный міръ красуется въ этомъ изображеніи, по вѣрному замѣчанію Гримма, какъ необъятный, величественный чертогъ, въ который ведетъ шесть воротъ, охраняемыхъ каждыя однимъ изъ этихъ шести человѣкъ. Кто желаетъ вступить въ сей чертогъ, долженъ отдать себя подъ власть одного изъ этихъ сторожевыхъ великановъ. Они же всѣ стоятъ на одинаковой высотѣ, каждый недосягаемый корифей въ своей сферѣ.

Но что такое эти корифеи, великіе люди вообще, какое ихъ значеніе, какая отъ нихъ польза всему человѣчеству, въ какомъ отношеніи послѣднее стоитъ къ нимъ и они къ нему, — въ глубь этихъ вопросовъ заглянуть, дать имъ универсальное, философское освѣщеніе Эмерсонъ пытается въ первомъ своемъ эссеѣ «Uses of great men», предпосланномъ галлереѣ выставленныхъ имъ шести портретовъ.

Въ основѣ Эмерсоновскаго понятія о величіи человѣческой личности лежитъ его идея о представительствѣ и представительной натурѣ вещей. Эта идея у Эмерсона, какъ выше было вскользь замѣчено, сложилась, поми-

мо склонности его ума къ символизму, къ чтенію въ вещахъ ихъ внутренняго, скрывающагося за внѣшнимъ обликомъ другого смысла, несомнѣнно и подъ вліяніемъ размышленій о представительномъ образѣ правленія въ родной странѣ. «Человѣкъ»,—говоритъ онъ въ своемъ замѣчательномъ опытѣ о личности (Character),—«являющійся обыкновенно придаткомъ, дополнительной декораціей окружающихъ его событій, лишь на половину и то несуразнопривязанный къ міру, въ которомъ онъ живетъ, въ случаяхъ личностей выдающихся производитъ впечатлѣніе участвующаго въ общей жизни вещей и являющагося выраженіемъ того самаго закона, который управляетъ явленіями прилива и отлива и движеніемъ солнца, числами и количествами. Но ограничиваясь болѣе скромной иллюстраціей и болѣе намъ близкой сферой явленій, я наблюдаю, что въ нашихъ политическихъ выборахъ, гдѣ этотъ элементъ (личности, представительнаго характера), если онъ вообще попадается, можетъ встрѣчаться лишь въ самой грубой формѣ, мы достаточно чувствуемъ и понимаемъ его огромное, несоизмѣримое значеніе. Народъ знаетъ, что ему въ его представителѣ необходимо нѣчто большее, чѣмъ талантъ, необходима сила внушить довѣріе къ своему таланту. Народъ не въ состояніи достигнуть преслѣдуемой имъ цѣли, посылая въ конгрессъ ученаго, тонкаго и плавнаго оратора, если таковой не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто раньше, чѣмъ быть опредѣленнымъ націей, представлять ее, предопредѣленъ Всемогущимъ Богомъ стоять за фактъ, представлять его собою, будучи непоколебимо убѣжденъ въ самомъ этомъ фактѣ, такъ что самыя самоувѣренныя и необузданныя лица убѣждаются, что здѣсь они имѣютъ дѣло съ такою стойкостью, съ такою силой сопротивленія, которой не сломить ни наглости, ни устрашенію, а именно съ силою вѣры въ фактъ. Людямъ, умѣющимъ проводить свою линію, незачѣмъ спрашивать у своихъ избирателей, что имъ слѣдуетъ говорить; они сами—страна, которой представителями они являются: нигдѣ возбужденія и мнѣнія, въ ней преобладающія, не выражены такъ сильно и вѣрно, какъ въ подобныхъ людяхъ, нигдѣ они не такъ чисты и свободны отъ вліянія эгоистическихъ мотивовъ. Избирательный округъ у себя дома внимаетъ ихъ словамъ, наблюдаетъ за краской, загорающейся на ихъ щекахъ, и, какъ передъ зеркаломъ, сообразуетъ съ тѣмъ, что видитъ и слышитъ передъ собою, свой собственный образъ мыслей и стремленія. Наши народныя собранія являются превосходными испытательными учрежденіями мужественной силы. Наши свободолюбивые земляки съ запада съ юга понимаютъ толкъ въ характерѣ, въ личномъ достоинствѣ человѣка и любятъ знать, представляетъ ли собою новоанглича̀нинъ (житель болѣе культурныхъ и старыхъ штатовъ Востока) основательнаго, субстанціональнаго, человѣка, или же призракъ человѣка, черезъ который можно просунуть руку».

Подобно тому, какъ истымъ народнымъ представителемъ является человѣкъ, въ волѣ котораго вылилась воля народа, могущій выражать и проводить ее въ жизнь, — такъ и истыми представителями духа человѣчества, великимъ человѣкомъ является тотъ, въ комъ этотъ духъ нашелъ себѣ наиболѣе вѣрнаго, полнаго и типичнаго выразителя. Выражать же вещи, быть символомъ, представителемъ идеи, вещей и сокрытаго въ нихъ разума, по міровоззрѣнію Эмерсона, есть назначеніе всего существующаго вообще, а человѣка по преимуществу. «Люди»,—говоритъ онъ,—«обладаютъ символическимъ или представительнымъ свойствомъ и служатъ намъ духовно. Бементъ и Сведенборгъ познали, что вещи вообще являются символами и представителями. И люди также обладаютъ свойствомъ представительности: они, во-первыхъ, представители вещей, и во-вторыхъ, — идей».

* * *

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній своего поэтически-мистическаго воззрѣнія на міръ, какъ на безпредѣльное многообразіе и переплетаніе символовъ единаго Божественнаго Духа, въ Комъ все и Кто во всемъ, въ Комъ вѣчная игра—борьба двухъ началъ, начала Единства и начала Множественности (principium individuationis), исходя изъ положеній о представительной природѣ всѣхъ вещей и о томъ, что только подобное можетъ познавать подобное и быть его выразителемъ,—Эмерсонъ опредѣляетъ великихъ людей, какъ феномены, олицетворяющіе собою въ самой высокой степени какую-нибудь область природы и черты, свойства и потенціи обыкновенныхъ, маленькихъ людей, плоть отъ плоти и кровь отъ крови которыхъ они составляютъ. Какъ на явленія исключительныя, неостижимо-величественныя и бла-

готворныя, остальное человѣчество взираетъ на нихъ съ благодарностью и благоговѣніемъ.

Чѣмъ же объяснить эту «вѣру человѣчества въ великихъ людей, это обожаніе ихъ, это исканіе ихъ, составляющее мечту юности и самое серіозное занятіе возмужалаго возраста: эту славу и значеніе великихъ людей, которыми живетъ весь человѣческій родъ?» Эмерсонъ объясняетъ это именно тѣмъ, что великіе люди составляютъ плоть отъ плоти нашей и кровь отъ крови нашей, что въ нихъ мы видимъ какъ бы себя самихъ, осуществленіе всѣхъ нашихъ стремленій къ высокому и идеальному, актуализацію всѣхъ нашихъ лучшихъ потенцій. Кромѣ того, это обожаніе величія въ другихъ обусловливается соціальностью нашей натуры, нашимъ влеченіемъ къ тому, что̀ не мы, что̀ составляетъ высшую степень насъ самихъ. А великій человѣкъ именно и отличается отъ всѣхъ окружающихъ тѣмъ, что онъ является такимъ, какимъ вышелъ изъ рукъ природы и никогда не напоминаетъ собою другихъ.

Въ своемъ панегирикѣ величію отдѣльныхъ личностей, Эмерсонъ, съ свойственнымъ ему чувствомъ мѣры, во̀-время останавливается, не дастъ себя увлечь имъ до воздвиженія алтарей полубогамъ и сверхчеловѣкамъ, а, не въ примѣръ Нитцше, умѣряя свой индивидуалистическій аристократизмъ, думаетъ и объ обратной сторонѣ медали, вспоминаетъ свой категорическій императивъ: «вѣрь самому себѣ!», который онъ проповѣдуетъ не герою, въ немъ не нуждающемуся, а обыкновенному смертному, человѣку толпы. Онъ въ пылу своего превознесенія титановъ духа не забываетъ упрека и совѣта, даннаго богиней поэзіи своему забывшемуся въ самомнѣніи верховному жрецу, величайшему пѣвцу нѣмецкаго народа, когда она къ нему обращается со словами:

«Kaum bist du sicher von dem gröbsten Trug,
«Kaum bist du Herr vom ersten Kinderwillen,
«So glaubst du dich schon Uebermensch genug,
«Versäumst die Pflicht des Mannes zu erfüllen!
«Wie viel bist du von andern unterscheiden?
«Erkenne dich, leb' mit der Welt in Frieden!»

Эмерсонъ именно и ставитъ вопросъ Гётевской музы героямъ духа: «wie viel bist von anderen unterscheiden?», указывая на то, что̀ духовные пиры, которые намъ доставляетъ поклоненіе имъ, могутъ вести къ пресыщенію. «Нашъ восторгъ передъ силою разума»,—говоритъ онъ,—«нерѣдко вырождается въ идолопоклонство передъ его герольдомъ». Ничтожество людей съ одной стороны вызываетъ безстыдное высокомѣріе власти съ другой. А это высокомѣріе власти съ одной стороны и ничтожество людей съ другой наводитъ американскаго философа на грустныя размышленія. «Но великіе люди!»—восклицаетъ онъ, «... въ этомъ словѣ есть нѣчто обидное. Обособленная ли это каста людей? баловни ли судьбы? Что̀ же послѣ этого добродѣтель и награды, которыя ей сулились и ее ждутъ? Вдумчивый юноша невольно приходитъ въ уныніе при видѣ столь односторонней щедрости и обилія природы? «Твой герой», — говоритъ онъ ей,— «благородент и прекрасенъ, но вотъ взгляни тамъ на бѣднаго ирландца, для котораго отечествомъ является его тачка; взгляни на всю его націю, состоящую изъ такихъ же несчастныхъ падди, какъ онъ самъ». Отчего съ самаго разсвѣта историческихъ временъ, человѣческія массы существуютъ лишь на то, чтобы служить жертвой меча и пушечнымъ мясомъ? Судьбы избранниками являются лишь немногіе, осѣненные идеей, вожди человѣчества, обладающіе пламеннымъ чувствомъ, ясностью мысли, силою любви и самоотреченія; они освящаютъ войну и смерть. Но что̀ же остается несчастнымъ, которымъ приходится у нихъ наниматься и быть водимыми на убой? Дешевизна человѣческой жизни составляетъ трагедію обыденной жизни. То, что другимъ приходится пребывать въ ничтожествѣ и пресмыканіи, представляетъ такой же изъянъ въ порядкѣ вещей, какъ если бы намъ самимъ приходилось находиться въ такомъ же положеніи, ибо, въ силу общественности нашей натуры мы безъ общества другихъ обойтись не можемъ».

Изъ тисковъ столь гнетущаго пессимистическаго раздумья о вопіющей міровой несправедливости въ распредѣленіи между людьми даровъ природы и духовныхъ благъ, Эмерсона освобождаетъ его житейская мудрость, его возвышенная, полная свѣтлой вѣры въ добро, философія и здоровое, жизнерадостное міросозерцаніе. Онъ проникнутъ убѣжденіемъ, что надъ міромъ царитъ высшая справедливость, законъ равновѣсія или возмѣщенія; что тѣни являются лишь обратными сторонами лучезарнаго свѣта; что природа обладаетъ коррективнымъ средствомъ

противъ всѣхъ замѣчаемыхъ въ ней золъ, что это средство есть вѣчный круговоротъ силъ, вѣчное возмѣщеніе убыли, изъяновъ, тѣни—прибылью, совершенствомъ, свѣтомъ. Круговоротъ, дѣйствіе и противодѣйствіе, акція и реакція являются законами природы. Подавляющее превосходство титаническаго духа, передъ которымъ обыкновенные люди кажутся пигмеями, червяками, эта вопіющая рѣзкость контраста между тѣмъ и другими, находитъ себѣ коррективъ, во-первыхъ, въ самой натурѣ истаго генія, а во-вторыхъ, въ томъ, что на смѣну и въ противовѣсъ одному неограниченному, самодержавному уму природа посылаетъ другой не менѣе властный, но въ иной области. «Истый геній стремится оградить насъ отъ себя. Истый геній не обездолитъ, а дастъ намъ свободу и обогатитъ насъ новыми способностями духа». Аристократу духа по природѣ и демократу по политическимъ убѣжденіямъ, Эмерсону одинаково нелюбы деспотизмъ отдѣльной личности, какъ и деспотизмъ его величества народа, неограниченное народовластіе толпы. Восклицаніе Байрона въ его Донъ-Жуанѣ (Cantos IX, st. 25):

«I wish men to be free
As much from mobs as kings—from you as me!»

вполнѣ выражаетъ точку зрѣнія Эмерсона. Онъ и указываетъ, правда, смутно, не въ вполнѣ ясныхъ выраженіяхъ, на грань, установленную природою подавляющему господству героя надъ толпою и чрезмѣрному подчиненію героя вкусамъ и желаніямъ толпы. Путемъ круговорота, смѣны одного выдающагося человѣка другимъ «ограждается наша самобытность отъ гнетущаго превосходства нашихъ болѣе грубыхъ вождей и учителей; что же касается лучшихъ, первоклассныхъ вождей человѣчества, то противъ нихъ есть болѣе деликатное средство: богатство, которое они сообщаютъ, не составляетъ ихъ собственности. Когда насъ вдохновляютъ идеи, мы этимъ обязаны не Платону, но идеѣ, которой должникомъ былъ самъ Платонъ». Въ горькомъ самочувствіи своего ничтожества передъ міровыми геніями, заурядный человѣкъ, по Эмерсону, долженъ утѣшаться и поддерживать въ себѣ мужество сознаніемъ того, что онъ тотъ же человѣкъ, изъ того же тѣста сдѣланъ, что и геній, котораго онъ производитъ изъ своей среды, который является его представителемъ въ верховномъ парламентѣ духа; что, какъ дружина немыслима безъ вождя, такъ и вождь немыслимъ безъ дружины; что не столько онъ, обыкновенный человѣкъ, представляетъ собою, какъ надменно провозгласилъ Нитцше, расплывающуюся копію великаго человѣка, оттиснутую старымъ клише на скверной бумагѣ, и среду сопротивленія, а также орудіе въ рукахъ великаго человѣка, сколько послѣдній является высшимъ типомъ, наиболѣе удавшейся природѣ репродукціей и идеализированной копіей обыкновеннаго смертнаго. Великій человѣкъ есть проявленіе, но лишь въ несравненно болѣе высокой и напряженной степени, того самаго мірового разума или духа, который проявляется и въ маломъ человѣкѣ. Въ каждомъ нормальномъ человѣческомъ существѣ заложена возможность, потенція величія. Поэтому нечего ему такъ пресмыкаться и лежать во прахѣ передъ великимъ избранникомъ среди тысячъ и милліоновъ. Пусть онъ дѣлаетъ то, что̀ ему предназначено, и тогда все, на что̀ онъ надѣется и дерзаетъ, не будетъ чрезмѣрно. Хотя мы и живемъ геніемъ и, благодаря его появленію, нѣсколько освѣжаемся въ удушливой атмосферѣ непрестаннаго общенія съ себѣ подобными, вкушая блаженство проникновенія въ глубокіе тайники природы по направленію, въ которомъ онъ насъ водитъ; хотя одинъ великій человѣкъ представляетъ собою возмѣщеніе цѣлыхъ поколѣній пигмеевъ, все же не слѣдуетъ упускать изъ вида особой, опасной стороны вліянія великаго человѣка. Его притягательная сила сдвигаетъ насъ съ подобающаго намъ мѣста, мы становимся въ подчиненное положеніе и превращаемся въ интеллектуальныхъ самоубійцъ. Но въ лицѣ вновь появляющихся другихъ великихъ людей—заря нашего спасенія: они своими новыми доблестями и качествами являются взаимнымъ противовѣсомъ другъ другу и задерживающимъ тормозомъ исключительнаго, всеподавляющаго господства каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Мы въ концѣ концовъ пресыщаемся медомъ, вкушаемымъ нами отъ каждаго вида величія. Каждый герой въ концѣ концовъ пріѣдается своимъ обожателямъ, и они, въ силу реакціи, совершенно свергаютъ съ себя иго его вліянія. «Ничего не подѣлаешь», восклицаетъ въ концѣ всѣхъ этихъ разсужденій Эмерсонъ: «такой пріемъ огражденія

цѣны и значенія своей собственной личности, оказывается, неизбѣженъ и коренится глубоко въ природѣ человѣческой».

Таковы въ общихъ чертахъ мысли о пользѣ и значеніи великихъ людей, высказываемыя Эмерсономъ въ первой главѣ его книги. Воспроизвести въ систематической передачѣ всю полноту и глубину ихъ, все богатство ихъ оттѣнковъ и освѣщенія,—задача, съ которой справиться могла бы только выдающаяся кисть и незаурядное перо мыслителя-художника. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь руководящія идеи, основной тонъ и конечные результаты этого эссея, на сколько таковые возможно выдѣлить изъ множества одинаково важныхъ и глубокихъ, одинаково общихъ и всеобъемлющихъ положеній, которыя щедрою рукою автора въ немъ разсыпаны. Какъ ни опасно для личной самостоятельности чрезмѣрное вліяніе великаго человѣка, Эмерсонъ все-таки совѣтуетъ ввѣриться и поклоняться ему. Служи великимъ! восклицаетъ онъ; не бойся покорности и преклоненія! Преклоняясь передъ ними, человѣкъ преклоняется передъ тѣмъ великимъ, что̀ живетъ въ немъ самомъ. Въ сущности, того, что̀ мы называемъ толпою, людьми мелкаго калибра, низменными, не существуетъ. Всѣ люди въ концѣ концовъ одного калибра, а потому свободное развитіе силъ и открытое поприще и самые свѣжіе лавры для всѣхъ, кто ихъ завоевалъ! На самомъ дѣлѣ, духовное величіе далеко не монополія и привилегія рѣдкихъ, избранныхъ натуръ въ данное время и данномъ мѣстѣ. Спросите великаго человѣка, нѣтъ ли на свѣтѣ еще болѣе великихъ людей. Онъ знаетъ ихъ: это его товарищи, которые отнюдь не менѣе, а скорѣе тѣмъ болѣе велики, что для общества они остаются незамѣтными. Природа никогда не посылаетъ на сей свѣтъ великаго человѣка, безъ того, чтобы не довѣрить тайны его величія другой, родственной душѣ [1]). Да и личное вліяніе величайшаго человѣка далеко не исчерпываетъ всего величія, доступнаго человѣчеству. Величія, въ которомъ весь геній человѣчества — настоящій предметъ исторіи — можетъ проявиться. «Ни одинъ изъ всей плеяды проходящихъ передъ глазами исторіи знаменитыхъ мужей не олицетворяетъ собою вполнѣ разума или свѣта или же той сущности, которую мы ищемъ жадными взорами, но каждый изъ нихъ является въ извѣстной области проявленіемъ и осуществленіемъ новыхъ возможностей, потенцій. «О, если бы», восклицаетъ, вдохновляясь, Эмерсонъ, «мы когда-либо могли закончить необъятный образъ, который эти лучезарныя точки образуютъ! Изученіе разныхъ индивидуальностей приводитъ насъ въ концѣ концовъ къ первоосновной, элементарной области, въ которой отдѣльный индивидъ теряется, или гдѣ всѣ своими вершинами соприкасаются. Пробивающіяся тамъ наружу мысль и чувство не даютъ себя запереть въ рамки одной личности. Въ этомъ и заключается ключъ къ отгадкѣ духовной мощи величайшихъ людей: ихъ духъ самъ собою разливается и распространяется вокругъ. Новое душевное качество или сила неудержимо несется день и ночь концентрическими кругами отъ первоначальнаго центра своего возникновенія и обнародываетъ самоё себя новыми, неизвѣстными раньше методами: обнаруживается

---

[1]) Любопытно привести въ параллель къ этимъ мыслямъ о томъ, что геніальность вовсе не столь рѣдкое явленіе въ природѣ, а исключительно лишь ея практическое осуществленіе въ жизни, дивныя мысли Нитцше о тотъ же предметѣ. Въ § 274 сооего «По ту сторону добра и зла», озаглавленномъ: «Задача ожидающаго», онъ говоритъ:

«Для того, чтобы человѣкъ высшаго порядка, въ которомъ дремлетъ разрѣшеніе цѣлой проблемы, во-время проявилъ свою дѣятельность, вылился наружу», какъ сказать можно было бы,—необходимо стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ и многое множество не подающихся разсчету условій. Обыкновенно этого не бываетъ, и во всѣхъ уголкахъ земли находятся люди, которые едва знаютъ, до какой степени они пребываютъ въ ожиданіи, а еще меньше сознаютъ, что ожиданіе ихъ напрасно. Иногда, впрочемъ, призывъ, тотъ именно случай и поводъ, который даетъ, такъ сказать, разрѣшеніе дѣйствовать, раздается слишкомъ поздно—когда молодость и сила дѣйствія израсходованы сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ; и сколько есть такихъ, кто съ ужасомъ почувствовалъ тогда именно, когда онъ «встрепенулся и воспрялъ» что его члены онѣмѣли и духъ отяжелѣлъ.—Не составляетъ ли, быть можетъ, въ области геніальнаго, «Рафаэль, лишенный рукъ», (разумѣя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ), вмѣсто исключенія, скорѣе правило?—Возможно, что геній вовсе не такъ рѣдокъ: рѣдки тѣ полъ-тысячи рукъ, которыя ему необходимы для того, чтобы тираннизировать, привести къ послушанію καιρός—«надлежащій моментъ», чтобы схватить счастливый случай за хохолъ».

вся глубина и сокровенность единенія душъ между собою; что нашло доступъ къ одному, не можетъ быть удержано отъ единенія съ другими; малѣйшее завоеваніе новой истины или энергіи въ какой бы то ни было области является пріобрѣтеніемъ, новымъ вкладомъ въ общую сокровищницу всѣхъ душъ. Если неравенства природныхъ дарованій и положенія стушевываются, когда отдѣльныя личности подвергаются продолжительному наблюденію, безъ котораго невозможно представить законченную картину жизненнаго поприща каждой изъ нихъ, то ужъ несравненно быстрѣе исчезаетъ эта кажущаяся несправедливость, когда мы подымаемся на высоту пониманія основного центральнаго тождества всѣхъ индивидовъ и познаемъ, что всѣ они созданы изъ одной и той же субстанціи, которая велитъ и дѣйствуетъ... Все, что касается отдѣльной личности, отличается временнымъ, преходящимъ характеромъ и имѣетъ значеніе лишь для будущаго, подобно индивиду самому, подымающемуся изъ рамокъ своего личнаго существованія на высоту вселенскаго бытія. Мы до тѣхъ поръ не будемъ понимать и пользоваться истиннымъ и лучшимъ значеніемъ всякаго генія, пока мы будемъ считать его оригинальною, самостоятельною силою». Понятнымъ становится и истинную пользу приноситъ намъ геній лишь тогда, когда мы на него взираемъ, не какъ на первоначальную, непостижимую силу, а какъ на ея проявленіе, какъ на выразителя болѣе могучаго духа и воли, ибо темное «я» представляется намъ тогда въ свѣтѣ Первопричины вещей и становится видимымъ и прозрачнымъ.

Вотъ руководящія идеи и тонъ всего разсужденія Эмерсона о пользи значеніи великихъ людей. Но, вмѣсто того, чтобы весь этотъ собранный имъ кабинетъ рѣдкихъ драгоцѣнностей, всѣ эти перлы мысли привести въ систему, подвести имъ общій итогъ и выразить ихъ въ осязательной, всеобъемлющей формѣ, онъ ограничивается лишь установленіемъ одного частнаго вывода изъ всего сказаннаго, а, именно, что великіе люди существуютъ для того, чтобы могли явиться на свѣтъ еще болѣе великіе, и весь дивный концертъ на тему о человѣческомъ величіи и идеалѣ онъ, какъ это ему всегда свойственно, обрываетъ однимъ аккордомъ, въ которомъ слышится вдохновенный гимнъ прогрессу и цѣли человѣческой жизни.

* * *

«Какое счастіе»,—говоритъ Эмерсонъ въ концѣ только-что разсмотрѣнной нами первой главы своей книги,—«когда хоть нѣсколько именъ остается на такой высотѣ, что намъ невозможно читать ихъ съ болѣе близкаго разстоянія, и ни вѣка, ни сравненіе съ другими не въ состояніи отнять отъ ихъ сіянія ни одного луча». Слѣдующія шесть главъ своей книги онъ и посвящаетъ портретамъ-характеристикамъ шести носителей такихъ именъ. Карлейль, который, если не ошибаемся, десятилѣтіемъ или пятилѣтіемъ раньше (въ 1840 году) обнародовалъ свои лекціи «о Герояхъ, Поклоненіи Героямъ и Героическомъ въ исторіи», посвященныя тоже ряду типическихъ богатырей духа (герой-божество: Одинъ и скандинавская миѳологія; герой-пророкъ: Магометъ и исламъ; герой-поэтъ: Данте, Шекспиръ; герой священнослужитель: реформація и пуританизмъ, Лютеръ и Ноксъ; герой-писатель: Джонсонъ, Руссо, Бёрнсъ; герой-государь: Кромвэль, Наполеонъ, революціонизмъ), назвалъ эту галлерею Эмерсона рядомъ гравюръ высочайшей законченности, портретами удивительнаго сходства, въ которыхъ бездна поучительнаго матеріала и пищи для размышленія. Они являются изображеніями шести великихъ людей, изъ которыхъ громадное большинство—Платонъ, Сведенборгъ, Монтэнь, Шекспиръ и Гёте—герои духа въ настоящемъ смыслѣ этого слова, съ перомъ въ рукѣ, въ качествѣ оружія, и лишь одинъ, Наполеонъ, — герой меча и скипетра. Эти великіе люди изображаются Эмерсономъ, какъ представители шести различныхъ міровоззрѣній и направленій человѣческаго духа. Біографическая сторона въ Эмерсоновыхъ портретахъ играетъ второстепенную и часто самую незначительную роль. Онъ показываетъ намъ въ Платонѣ типическое воплощеніе философскаго воспринимания и воспроизведенія міра, въ Сведенборгѣ—религіозно-мистическаго, въ Монтэнѣ—скептическаго, въ Шекспирѣ—поэтическаго, въ Наполеонѣ — практически матеріалистическаго и эгоистическаго и, наконецъ, въ Гёте — литературно-научнаго.

Превосходенъ у Эмерсона его этюдъ о Платонѣ. Ученыхъ спеціалистовъ по исторіи

философіи вообще и греческой въ частности онъ, пожалуй, оставляетъ неудовлетворенными. Но, какъ художественное изображеніе, какъ изваяніе фигуры философа и оставленнаго имъ въ исторіи человѣческой мысли слѣда, этотъ этюдъ является достойнымъ кисти Плутарха и самого Платона. Удивительно тонко и глубоко въ немъ подмѣчено сліяніе въ духѣ Платона генія Европы съ геніемъ Азіи, азіатскаго единства, монизма, религіознаго направленія—съ детальностью, сосредоточеніемъ на частностяхъ Европы, съ европейской метафизикой и натуръ-философіею; мѣтко дано опредѣленіе философа, какъ души, носящей въ себѣ равновѣсіе, могущей видѣть двѣ стороны вещей, реальную и идеальную, какъ великаго средняго человѣка, одного изъ тѣхъ, въ комъ съ наибольшею силою мышленія соединяются соразмѣрность и уравновѣшенность способностей, обладающаго могучимъ аналитическимъ умомъ, съ помощью котораго онъ свою поэзію приводитъ въ согласованіе съ явленіями міра и соединяетъ мостомъ улицы городовъ съ Атлантидой. Прекрасна въ этомъ этюдѣ характеристика писательскаго таланта и поэтическаго дара Платона, его высокой культурности, религіозныхъ постулятовъ его души, творящей не однимъ только разумомъ, но и вдохновеніемъ, могучимъ чувствомъ и страстью, божественнымъ дареніемъ, доставшимися ему въ удѣлъ. Но что̀ всего безподобнѣе въ эссеѣ Эмерсона о Платонѣ, это—вылитый, живой портретъ Сократа, свидѣтельствующій, вопреки мнѣнію Хамсуна, о томъ, что американскому моралисту присуще было и критическое и тонкое психологическое чутье. Нигдѣ еще кисть Эмерсона не достигала такой правдивой, конкретной художественности, какъ въ этомъ портретѣ. Взирая съ нескрываемою любовью и благоговѣніемъ на характеризуемаго имъ царя философовъ, Эмерсонъ со свойственной ему объективностью не закрываетъ глазъ на его недочеты, указывая на замѣчаемые у Платона изъяны: преобладаніе въ его писаніяхъ литературно-ученаго, книжнаго элемента надъ авторитетомъ жизни, придающимъ такую мощь «вопіющимъ призывамъ пророковъ и проповѣдямъ необразованныхъ арабовъ и евреевъ»; онъ подчеркиваетъ въ Платонѣ то, что̀ Нитцше называетъ и цѣнитъ въ великихъ людяхъ — Pathos der Distanz, чувство разстоянія, раздѣляющаго философа отъ его читателей, и, наконецъ, тотъ грѣхъ, который самому Эмерсону присущъ въ несравненно бо̀льшей степени,—отсутствіе системы: Платоновская теорія сего міра представляетъ собою лишь мозаику изъ клочковъ и обрѣзковъ. Говоря о Платонѣ съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ о вѣковѣчной, недосягаемой модели философа, нашъ авторъ почтительно указываетъ на неудачу его попытки разгадать тайну міра, неудачу, обусловливаемую предѣльностью охвата, какимъ располагаетъ всякая философія. Очертивъ глубокій слѣдъ и могучее вліяніе Платона на величайшіе умы среди человѣчества, Эмерсонъ подчеркиваетъ рисовавшуюся греческому мыслителю величественную идею абсолютнаго первенства, долженствующаго быть предоставленнымъ корифеямъ духа, для и про которыхъ законы гражданскаго общежитія среднихъ людей не писаны. Демократическое чувство равенства въ Эмерсонѣ, повидимому, слабо возмущается противъ такой привилегированности избранниковъ природы, ибо онъ заявляетъ, что никто не долженъ осмѣлиться мѣрить своимъ деревенскимъ аршиномъ и критиковать неправильности, допускаемыя какимъ-либо Макель-Анджело и Сократомъ. Но все же онъ не можетъ скрыть своего огорченія по поводу того, что такой универсальный геній, какъ Платонъ, считалъ, вообще, позволительнымъ, хотя бы только для исключительныхъ натуръ, малѣйшее отступленіе отъ категорическаго императива нравственности. Здѣсь сказалось высокоразвитое и надъ всѣмъ преобладающее этическое чувство въ американскомъ моралистѣ.

* * *

Слѣдующее за греческимъ философомъ мѣсто въ книгѣ Эмерсона занимаетъ мистикъ Сведенборгъ, вліяніе котораго на-ряду съ Платоновскимъ сильнѣе всего сказывается въ міросозерцаніи американскаго писателя. Въ лицѣ геніальнаго шведа, удивительнымъ образомъ совмѣщавшаго въ себѣ умственную мощь Архимеда и необъятную ученость Аристотеля съ каббалистическимъ суевѣріемъ схоластика-талмудиста, Эмерсонъ изображаетъ, какъ самого вождя, такъ и представляемое имъ особое направленіе человѣческой мысли въ область таинственнаго, мистическаго. Мистицизмъ играетъ видную

роль въ міросозерцаніи самого Эмерсона; но у него онъ представляется возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всего конкретнаго, отъ всякой обрядности и матеріальной символистики, у него онъ свѣтитъ чистой вѣрой въ то, чего не видитъ глазъ и не воспринимаетъ чувственность, но что постигаетъ разумъ, и къ чему влечется сердце, наше сокровенное «я». У Сведенборга это чистое ядро мистики окутано безпросвѣтнымъ туманомъ теолого-схоластическихъ измышленій, умствованій и хитросплетеній, грубыхъ конкретныхъ наслоеній, буквоѣдства, условностей и неправдъ, которыми исторически сложившееся христіанство затемнило и извратило чистое ученіе своего Основателя. Крупная заслуга Эмерсона заключается въ томъ, что, давъ мастерской портретъ этого умственнаго работника-гиганта и изобразивъ яркими красками его изумительную личность, какъ ученаго, натуралиста, инженера и богослова,—онъ обнажилъ изъ-подъ непроницаемыхъ, отталкивающихъ и затхлыхъ теологическихъ покрововъ его мистики чистѣйшее ядро его «мистерій любви и совѣсти», этическое ученіе о добрѣ и злѣ, въ которомъ такъ мало поэзіи, но столько возвышеннаго нравственнаго чувства, столько стремленія взобраться на вершины явленій и постичь ихъ первопричину, столько благоговѣнія передъ міровой гармоніей, столько блаженства и обожанія. Въ его выразительной критикѣ Сведенборгова мистицизма ярко выступаетъ собственный мистико-религіозный идеализмъ Эмерсона, возвышающійся надъ всякой христіанской символикой и догматикой, стоящій исключительно «на почвѣ нравственнаго чувства, которое обнимаетъ собою безчисленные виды христіанства, человѣчности, божественности». Въ противоположность безцвѣтному, тусклому ландшафту, созданному мрачнымъ геніемъ скандинавскаго мистика, этимъ садамъ смерти, которыхъ ни одна птица не оживляла своимъ пѣніемъ,—тайна неба, картина и обстановка, которую встрѣчаетъ покидающая сей міръ душа, по представленію и глубокой вѣрѣ Эмерсона, «должна совпадать со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть ниже и уступать въ тонѣ знакомымъ уже твореніямъ художника, который изваиваетъ шары на сводѣ небесъ и начертываетъ законъ на скрижаляхъ морали; она должна быть свѣжѣе цвѣтовъ радуги, незыблемѣе горныхъ хребтовъ, напоминать собою красу и благоуханіе цвѣтовъ, величественный ландшафтъ приливовъ и отливовъ, великолѣпіе восхода и заката звѣздъ на осеннемъ небѣ; сладчайшіе, мелодичнѣйшіе рапсоды и поэты должны показаться хриплыми, уличными пѣвцами, когда раздастся когда-либо проникновенный тонъ, основной аккордъ природы и мірового духа,—тотъ пульсъ земной жизни, тотъ трепетъ моря, то біеніе сердца, которые опредѣляютъ тонъ, по которому солнце несется въ небесныхъ пространствахъ, и кровяной шарикъ циркулируетъ и въ деревьяхъ движется сокъ».

Отъ изображенія и критики мистицизма Эмерсонъ въ слѣдующей главѣ своей книги переходитъ къ анализу скептицизма, типичнымъ представителемъ котораго является Монтэнь, конгеніальный ему моралистъ и философъ житейской мудрости. Эта глава безподобна, чуть ли не лучшая во всей книгѣ: въ ней дается удивительно тонкая и мѣткая оцѣнка скептическаго міросозерцанія, указываются его психологическія и этическія основанія, и объясняется его громадное значеніе въ исторіи мысли и умственномъ прогрессѣ человѣчества. Личность и творенія самого представителя этого направленія, этого «верховнаго жреца культа собственнаго «я», удивительнаго собесѣдника и мастера легкаго разговора», очерчиваются здѣсь лишь мимоходомъ; главное вниманіе автора сосредоточено на критическомъ изображеніи самого направленія. Подъ скептицизмомъ Эмерсонъ разумѣетъ «такое міросозерцаніе, которое покоится на вдумчивомъ соображеніи, на сдержанности сужденій, отнюдь не на невѣріи, отнюдь не на огульномъ отрицаніи или огульномъ сомнѣніи,—сомнѣніи, въ концѣ концовъ сомнѣвающемся въ самомъ себѣ,—и которое менѣе всего удѣляетъ мѣсто шутливому тону и развращенному издѣвательству надъ всѣмъ, что незыблемо и хорошо». Матеріалистическій скептицизмъ Эмерсонъ даже не удостоиваетъ своего вниманія: онъ въ его глазахъ является міровоззрѣніемъ четвероногихъ. Американскій мудрецъ представляетъ себѣ скептика въ высокомъ и благородномъ смыслѣ слова, въ качествѣ «созерцателя, человѣка благоразумія, убирающаго паруса, разсчитывающаго свой капиталъ, хозяйственно обращающагося со своими средствами и придерживающагося того мнѣнія, что у человѣка слишкомъ много не-

друговъ для того, чтобы онъ могъ себѣ позволить роскошь быть своимъ собственнымъ врагомъ,—что мы не можемъ извлечь слишкомъ много выгодъ изъ этой неравной борьбы между столь могучими и непстощимыми силами съ одной стороны и, съ другой, съ этимъ мелкимъ, самомнящимъ, обидчивымъ, фатоватымъ, вверхъ и внизъ во всякой опасности болтающимся созданьицемъ, какимъ представляется человѣкъ». Идеальный типъ такого скептика и представляетъ собою Монтэнь. Удивительно характерный литературный портретъ его, который нѣсколькими штрихами даетъ намъ нашъ американскій авторъ, дотого напоминаетъ послѣдняго, что положительно кажется списаннымъ съ самого Эмерсона. И, дѣйствительно, не смотря на коренное различіе въ міросозерцаніи, оба они по писательской натурѣ своей родные братья. Къ Эмерсону, какъ къ писателю, вполнѣ примѣнимы слова, которыми онъ характеризуетъ Монтэня. «Были люди»,—говоритъ онъ о немъ,—«большей глубины и проницательности»; но не было, можно сказать, еще человѣка съ такимъ обиліемъ мыслей: онъ никогда не проявляетъ неискренности и обладаетъ изумительной способностью заинтересовать и заставлять читателя призадуматься надъ всѣмъ, что́ его интересуетъ, и надъ чѣмъ онъ самъ задумывается. Искренность и духовное ядро этого человѣка проявляется въ каждомъ его сужденіи. Я не знаю другой книги, которая бы казалась менѣе книжной, писанной, чѣмъ его. Ея языкъ — языкъ разговорной рѣчи, перенесенный въ книгу. Разрѣжьте эти слова, и изъ нихъ польется кровь, дотого они, если можно такъ выразиться, сосудисты и живыя». Весь этотъ портретъ писателя не живая ли копія Эмерсона самого?

Указывая на здоровыя основы Монтэневскаго скептицизма, на бездну житейской мудрости, лежащей въ немъ, американскій философъ возстаетъ только противъ скептицизма, вырождающагося въ самодовольное и самоувѣренное невѣріе, отрицающее нравственную цѣль міра. Коррективомъ агностицизма, къ которому скептическое міровоззрѣніе приводитъ, видоизмѣняющаго Монтэневскую формулу Que sçais-je? въ Спенсеровское «непознаваемое» или Дюбуа-Реймондовское: ignorabimus, Эмерсонъ выставляетъ верховенство нравственнаго чувства. «Урокъ жизни», — говоритъ онъ, — «заключается въ томъ, чтобы научить насъ прежде всего обобщать, вѣрить тому, что́ годы и столѣтія говорятъ намъ противъ голоса часовъ, оказывать отпоръ тиранніи частностей и отдѣльныхъ фактовъ, проникать въ ихъ каѳолическій, вселенскій смыслъ. Вещи какъ будто имѣютъ въ виду сказать намъ одно, а въ дѣйствительности говорятъ какъ разъ обратное. Наружная, казовая сторона явленія ненравственна, нравственъ результатъ. Ходъ вещей, по внѣшнему виду, имѣя низменную тенденцію, оправдываетъ малодушіе, поощряетъ негодяевъ, разбиваетъ стремленія праведныхъ; плуты, какъ и мученики идеи, одинаково споспѣшествуютъ правому дѣлу. Хотя во всякой политической борьбѣ въ выигрышѣ остаются плуты и мошенники, и хотя ходъ цивилизаціи представляетъ собою не что иное, какъ непрерывный рядъ преступленій,— тѣмъ не менѣе въ конечномъ результатѣ всеобщія, міровыя цѣли такъ или иначе достигаются. Мы видимъ теперь какъ разъ велительное осуществленіе событій, которыя культура въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, казалось, задерживала и даже силилась повернуть назадъ. Но міровой духъ оказывается хорошимъ пловцомъ, и бури и волны безсильны его потопить. Онъ потѣшается надъ законами: и, такимъ образомъ, черезъ весь историческій процессъ небо какъ бы пользуется низменными убогими средствами. Сквозь годы и столѣтія, сквозь дурныя дѣйствующія начала и факторы зла, сквозь тьму бездѣлицъ и атомовъ, пробиваясь, несется неудержимый потокъ великаго и благотворнаго стремленія». Указывая на свѣтлую перспективу этого стремленія, Эмерсонъ заканчиваетъ свой эссей о Монтэнѣ тѣмъ же напоминаніемъ, какимъ онъ заключаетъ свою первую главу настоящей книги, что человѣкъ здѣсь не для того, чтобы явить себя самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ факторомъ, чтобы дѣйствовать отъ себя и быть своею собственною цѣлью, а для того, чтобы явить собою дѣйствіе Первопричины вещей, самому подвергнуться воздѣйствію, служа экспонентомъ, выразителемъ болѣе могучаго духа и воли, чтобы, какъ выражается въ подобныхъ случаяхъ Толстой, исполнить волю Пославшаго его.

Обозрѣвая необъятное богатство глубокихъ, свѣтозарныхъ мыслей, разсыпанныхъ

въ только-что бѣгло очерченномъ нами этюдѣ, можно смѣло сказать, что въ немъ апостолъ новаго евангелія житейской мудрости, какъ Эмерсона полъ-вѣка тому назадъ назвалъ его французскій критикъ и популяризаторъ Монтегю, воздвигъ достойный памятникъ евангелисту житейской мудрости XVI столѣтія, какимъ въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ былъ Монтэнь для духовной аристократіи человѣчества.

*
* *

Мы не будемъ долго останавливаться на послѣднихъ трехъ главахъ книги Эмерсона, посвященныхъ Шекспиру, Наполеону и Гёте, или, вѣрнѣе, тѣмъ сторонамъ генія человѣчества, которыхъ представителями эти великіе люди явились. Эти превосходныя характеристики личностей, идей и цѣлыхъ эпохъ сами говорятъ за себя читателю: ихъ надо прочесть и перечитывать, чтобы укрѣпиться въ убѣжденіи, какую обильную и изысканную пищу онѣ даютъ уму и сердцу. Пониманіе этихъ главъ представляетъ меньше трудностей, чѣмъ какія встрѣчаешь при чтеніи первыхъ четырехъ главъ «Представителей Человѣчества», благодаря тому, что изложеніе въ нихъ болѣе конкретное, имѣетъ своимъ предметомъ больше область историческихъ и соціально-психологическихъ фактовъ, чѣмъ отвлеченныя философскія разсужденія «о первыхъ и послѣднихъ вещахъ». Въ эссеяхъ о Шекспирѣ, Наполеонѣ и Гёте Эмерсонъ являетъ себя неменьшимъ художникомъ слова въ области конкретнаго, чѣмъ какимъ онъ представляется, вообще, въ сферѣ абстрактнаго мышленія. Относительно портрета Шекспира замѣтимъ, что превосходства этого чуднаго произведенія Эмерсоновой кисти какъ-то нарушаются въ своей гармоничности страннымъ результатомъ, къ которому онъ приходитъ въ своемъ сплошномъ панегирикѣ и славословіи этому титану человѣческаго духа. Охарактеризовавъ величайшаго драматурга Англіи, какъ самый замѣчательный продуктъ нашей планеты, какъ явленіе, возвѣщающее новыя эры и высшія состоянія постояннаго прогресса, какъ превосходящаго всякое пониманіе мірового мудреца, давшаго міру въ своей книгѣ жизни такіе образы царской величавости, что не найдется такого вѣнценосца, которому незачѣмъ было бы ей у него учиться;—охарактеризовавъ его, какъ художника, превзошедшаго своею нѣжностью нѣжнѣйшія чувства самой чистой дѣвы, въ изображеніи любви самаго безумнаго влюбленнаго; какъ умъ, проницательность котораго затмеваетъ все, что̀ есть мудраго на свѣтѣ; какъ учителя благородства, у котораго самый безукоризненный джентльменъ найдетъ чему поучиться по части умѣнія держать себя съ достоинствомъ; какъ недосягаемаго поэта, изливающаго на міръ красоту и духъ радости и веселья,—Эмерсонъ вдругъ вспоминаетъ, что, не смотря на такое незнающее ничего себѣ подобнаго величіе духа, Шекспиръ въ практической жизни былъ веселымъ актеромъ и антрепренеромъ. Этого факта переварить американскій моралистъ не можетъ, примириться съ нимъ для него немыслимо: «то»,—говоритъ онъ,—«что этотъ избранникъ изъ милліоновъ, величайшій среди великихъ, давшій наукѣ о душѣ новое и болѣе широкое содержаніе, чѣмъ существовавшее когда-либо до того, и водрузившій знамя человѣчества на значительное пространство дальше въ глубинѣ дебрей Хаоса, что и такой человѣкъ не оказался мудрымъ по отношенію къ себѣ,—это уже должно остаться на скрижаляхъ исторіи и вѣчно свидѣтельствовать, что величайшій изъ всѣхъ поэтовъ велъ темную и суетную жизнь, употребляя свой геній лишь на потѣху и развлеченіе толпы». Такой неожиданный выводъ изъ вдохновеннаго псалмопѣнія въ честь величайшаго богатыря духа, такой странный приговоръ превознесенному выше небесъ кумиру невольно поражаетъ читателя. Какое дѣло критику-философу до частной жизни поэта, давшаго міру величайшія творенія, на величіи которыхъ тѣневыя стороны этой жизни не оставили никакихъ пятенъ? Такая странная оцѣнка крупнѣйшаго представителя человѣчества даетъ, разумѣется, придирчивымъ и субъективнымъ критикамъ, въ родѣ Кнута Хамсуна, прекрасный матеріалъ для развѣнчанія американскаго писателя, какъ литературнаго критика и психолога. Но, если относиться къ Эмерсону объективнѣе, то вышеприведенная странная оцѣнка имъ Шекспира найдетъ себѣ болѣе вѣрное объясненіе опять таки въ подавляющемъ преобладаніи въ натурѣ американскаго моралиста надъ критическимъ и психологическимъ элементами элемента эти-

ческаго, который не могъ живо не чувствовать боли сознанія, что недосягаемый образецъ умственнаго величія въ нравственномъ отношеніи оказался заурядным человѣкомъ. Эмерсонъ, приходится думать,—далъ въ своей критикѣ этотъ крупный промахъ потому, что онъ тщетно искалъ подогнуть, какъ выражается Федернъ, подъ свою мѣрку моралиста образы, которые были черезчуръ для него могучи, и которые со своей недосягаемой высоты со снисходительной улыбкой взираютъ на его этическій масштабъ. Это одинаково вѣрно въ отношеніи Шекспира, какъ и Гёте. Нашъ авторъ, произнося свой приговоръ, забылъ свои же собственныя слова, сказанныя нѣсколькими десятками страницъ раньше: «пусть никто не дерзнетъ мѣрить своимъ деревенскимъ аршиномъ неправильности, допускаемыя какимъ-либо Микель-Анджело и Сократомъ!» Это тѣмъ болѣе странно, что непосредственно послѣ вышеприведенной нравственной оцѣнки Шекспира онъ говоритъ, что и тѣ, которые не остановились, подобно послѣднему, передъ одною красотою міра, а пошли дальше его, заглянули въ самую глубь жизни и ея содержанія, въ ея этическій смыслъ, этимъ тоже рѣшительно никакой пользы не принесли: красота тотчасъ же исчезла у нихъ изъ виду, жизнь въ ихъ глазахъ стала печальной, безрадостной, превратилась въ сплошное бремя долга и жестокаго аскетизма, изобразила собою проклятіе, тяготѣющее въ прошедшемъ, и ожиданіе дней страшнаго суда, чистилища и адскихъ огней въ грядущемъ. Необъятная духовная мощь Шекспира, какъ и подвиги духа людей строго этическаго закала, не дали еще душѣ цѣльнаго и полнаго удовлетворенія. «Міръ»,—говоритъ Эмерсонъ,—«все еще ждетъ своего поэта-жреца, примирителя обоихъ направленій и міросозерцаній (эстетическаго и этическаго), который не станетъ игриво относиться къ смыслу жизни, подобно актеру Шекспиру, ни рыться въ могилахъ, какъ мрачный Сведенборгъ; а будетъ видѣть, говорить и дѣйствовать съ равнымъ, неизмѣннымъ вдохновеніемъ».

* * *

Еще большею односторонностью и узкостью, чѣмъ конечная оцѣнка Шекспира, страдаетъ у Эмерсона его сужденіе о Гёте. Онъ удивительно вѣрно схватилъ и точно очертилъ образъ этого величайшаго нѣмецкаго поэта, «свободнаго, державнаго генія», какъ идеальный типъ писателя, ниспосланнаго какъ бы въ качествѣ секретаря природы, въ изображеніи котораго всякое явленіе, всякая область жизни оказывается интересной и поучительной. Но, отдавъ ему полную справедливость, какъ поэту и представителю внутренней жизни народныхъ массъ девятнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ Наполеона онъ изобразилъ величайшимъ представителемъ ихъ внѣшней жизни, Эмерсонъ недостаточно постигъ совокупный образъ веймарскаго олимпійца, онъ недостаточно понялъ его цѣльную, гармонично сложившуюся, всеобъемлющую личность, которой дано было слышать «травъ прозябанье», «звѣздная книга была ясна, и съ кѣмъ говорила морская волна», — личность, вся долгая жизнь которой была сплошнымъ служеніемъ красотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добру и истинѣ, а не одному только ненасытному стремленію къ знанію. Гёте въ глазахъ Эмерсона не достигъ высочайшихъ вершинъ, съ которыхъ геній когда-либо вѣщалъ людямъ: онъ не обожалъ высшаго единства; онъ неспособенъ всецѣло отдаться нравственному чувству; тонъ его не ихъ самыхъ чистыхъ и не всегда говоритъ сердцу. Гёте, по Эмерсону, никогда не можетъ быть дорогъ людямъ: въ немъ слишкомъ много мраморной холодности, свѣтскости, того, что французы называютъ égotisme (не égoisme, низменное себялюбіе, а культъ своего высшаго духовнаго «я»). Все это отзывы неновые: еще Гердеръ охарактеризовалъ творенія Гёте, какъ «безучастное, точное воспроизведеніе видимости». Кто близко знакомъ съ внутреннею, теперь съ каждымъ десятилѣтіемъ все больше раскрывающеюся жизнью великаго поэта и съ его твореніями, тотъ легко можетъ видѣть односторонность и субъективноеть оцѣнки, которую ему даетъ Эмерсонъ. Могъ ли не обожать высшаго единства и быть неспособнымъ всецѣло отдаваться нравственному чувству тотъ, чьи поэтическія грёзы вращались вокругъ «Ἓν καὶ Πᾶν», кто, взирая на черепъ своего великаго друга Шиллера, думаетъ:

«Was kann der Mensch im Leben mehr gewinnen,
Als dass sich Gott-Natur ihm offenbare,
Wie sie das Feste lässt zu Geist verinnen,
Wie sie das Geisterzeugte fest bewahre».

Несоотвѣтствіе творца «Фауста» и «Ифигеніи» Эмерсоновскому идеалу совершенной

человѣческой личности приходится отнести на счетъ собственнаго несовершенства и ограниченности американскаго моралиста, какъ міротолкователя и искателя Правды, Добра и Красоты. Въ немъ слишкомъ глубоко сидѣли наслѣдственный богословъ, нелюбая ему самому «еврейская муза» и деистическая узкость, чтобы онъ могъ вполнѣ понять и симпатизировать великому «язычнику» Гёте, прикованному всѣми фибрами своего здороваго, жизнерадостнаго существа къ землѣ, мало интересующемуся небомъ и потусторонимъ міромъ, искренно презиравшему церковный фетишизмъ [1]) и недалеко въ своемъ отрицательномъ отношеникъ христіанству [2]) ушедшему отъ современнаго enfant terrible богослововъ, Фридриха Нитцше. Чисто эллинскій эротицизмъ автора «Римскихъ Элегій», какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни, также мало импонировалъ Эмерсону, пѣвцу «Начальной, Демонической и Небесной Любви» («Initial, Daemonic and Celestial Love»). Слишкомъ вольнымъ въ своей чувственности и слишкомъ державнымъ въ сферѣ земного, суетнаго казался отпрыску восьми поколѣній священниковъ этотъ Юпитеръ литературы XIX вѣка, и Эмерсонъ не могъ прозрѣть сквозь оболочку земного и чувственнаго у того, кто пѣлъ:

«Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte»!

— ядро нравственнаго идеала, который по чистотѣ и возвышенности не уступитъ собственному идеалу американскаго идеалиста.

Гдѣ нравственный приговоръ Эмерсона не можетъ встрѣтить ни возраженій, ни оговорки, это въ его оцѣнкѣ колоссальной личности типичнаго представителя карьеризма, Наполеона. Его характерный обликъ у Эмерсона вышелъ не только шедевромъ портретной живописи, но и образцомъ незыблемаго историческаго вердикта, который, думается намъ, человѣчествомъ будетъ окончательно подписанъ. Много лѣтъ спустя по созданіи этого портрета, великій французскій историкъ и психологъ-критикъ Тэнъ ничего, кромѣ болѣе полной, систематической группировки и научнаго анализа фактовъ, не могъ къ нему прибавить. Но помимо безподобнаго изображенія личности, Эмерсонъ въ своемъ эссеѣ о Наполеонѣ развиваетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ и для его общественныхъ идеаловъ характерныхъ воззрѣній на вѣчный антагонизмъ между богатыми и неимущими, между консервативными и революціонными, власть имущими и къ власти стремящимися классами, составляющій историческій процессъ соціальнаго развитія человѣчества. Въ этой вѣковѣчной борьбѣ между противоположными интересами, воплощеніемъ неукротимой защиты и преслѣдованія которыхъ явился Наполеонъ, обѣ враждующія стороны, по убѣжденію Эмерсона, будутъ неправы и достойны нравственнаго осужденія, обѣ обречены на взаимныя пораженія и неудачи до тѣхъ поръ, пока предметовъ этихъ интересовъ будутъ одни лишь матеріальныя, земныя, а не нравственныя блага. «Бонапартъ дѣлалъ все, что было въ его власти, для того, чтобы жить и преуспѣвать, обходясь совершенно безъ моральныхъ принциповъ. То, что его обмануло и привело къ гибели, была сама природа вещей, вѣчный законъ человѣческій и міровой; и къ тому же самому результату приведетъ милліонъ другихъ подобныхъ опытовъ. Всякій опытъ, все равно производится ли онъ людскими массами или отдѣльными личностями, преслѣдующій чувственную и эгоистическую цѣль, всегда окончится неудачей. Миротворный Фурье всегда окажется столь же безуспѣшнымъ, какъ и гибельный Наполеонъ».

Мы сдѣлали попытку въ предшествующемъ изложеніи сколько-нибудь систематически представить читателю богатѣйшую сокровищницу глубокихъ мыслей, тончайшія блюда умственной пищи, которыя ему можетъ дать книга американскаго мудреца. Мы пытались сжато, но критически изложить ея содержаніе, не только выставляя ея рѣдкія красоты, но и отмѣчая аберраціи ея автора, ея крупные изъяны и недочеты. Мы не скрыли отъ читателей трудностей, цѣною которыхъ достается ея пониманіе и открывается

---

[1]) «Vieles kann ich ertragen. Die meisten beschwerlichen Dinge
Duld ich mit ruhigen Mut, wie es ein Gott mir gebeut.
Wenige sind mir jedoch wie Gift und Schlange zuwider,
Viere: Rauch des Tabaks, Wanzen und Knoblauch und Kreuz»!
Goethe. Venetianische Epigramme, № 67.

[2]) «Was vom Christenthum gilt, gilt von den Stoikern-freien
Menschen geziemet es nicht, Christ oder Stoiker sein»!
Venetianische Epigramme, Nachlese XIX.

доступъ къ ея богатымъ и рѣдкимъ красотамъ. Ея благотворное дѣйствіе на умъ и сердце, ея облагораживающее вліяніе, направляющее помыслы и волю въ сторону нравственнаго совершенствованія и идеала, стоятъ тѣхъ усилій, съ какими приходится ее читать и преодолѣвать трудности ея пониманія, и позволяютъ легко мириться съ отмѣченными въ ней изъянами. Эта книга, повторяемъ, насыщена мыслями, обильна свѣтлыми идеями, часто совершенно новыми и оригинальными, часто съ новой стороны и чрезвычайно интересно освѣщающими старыя, но вѣчно юныя истины: отъ нея вѣетъ глубокой мудростью жизни. И распространеніе такой книги среди образованныхъ, мыслящихъ слоевъ общества особенно желательно въ наши дни, дни распатанности мысли, неустойчивости нравственныхъ идеаловъ, умственнаго броженія и глухой борьбы интересовъ, переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, погони за новыми, модными и эфемерными кумирами, на смѣну которыхъ каждый слѣдующій день появляются новые идолы. Возвышаясь надъ всѣмъ временнымъ и условнымъ, содержа въ себѣ перспективы sub specie aeternitatis и не старѣющія красоты, книга американскаго мудреца оказывается настоящимъ откровеніемъ для всѣхъ временъ и тѣмъ болѣе для такой переходной эпохи, какъ наша. Наша эпоха поголовной нивеллировки правъ и положеній, соціализаціи и демократизаціи всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, особенно страдаетъ упадкомъ вѣры, пониманія и культа великихъ людей.

Съ легкой руки раціоналистовъ, подготовившихъ умственное движеніе, приведшее къ французской революціи и «декларація правъ человѣка», широкую популярность получило демократическое ученіе о томъ, что всѣ люди по рожденію равны, и что поэтому всякія преимущества и привилегіи однихъ людей передъ другими являются вопіющимъ искаженіемъ закона природы. Подъ вліяніемъ этой идеи абсолютнаго равенства, формально осуществившейся на практикѣ лишь въ области политической и публичныхъ правъ (souveraineté du peuple, suffrage universel, равенство всѣхъ передъ закономъ), но далекой еще отъ своего реальнаго осуществленія въ самой важной области жизни, экономической и частноправной, все больше забывается непреложный фактъ, что изъ рукъ природы люди выходятъ далеко неравными, что ей отъ времени до времени удается среди моря своихъ сѣрыхъ и грубыхъ фабрикатовъ, какъ выразился Шопенгауэръ, создавать и перлы творенія, истыхъ аристократовъ духа, рожденныхъ предводительствовать и начальствовать надъ остальными людьми, въ свою очередь предназначенными свободно, но благоговѣйно слѣдовать за ними. Послѣдовательное проведеніе до крайнихъ предѣловъ соціалъ-демократическаго принципа равенства и нивеллировки вызываетъ въ теченіе прошлаго вѣка духовную реакцію, энергическій отпоръ со стороны въ свою очередь слишкомъ ужъ крайнихъ и ультра-радикальныхъ защитниковъ личности, типичнымъ представителемъ которыхъ въ серединѣ XIX столѣтія явился неукротимый индивидуалистъ Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ), а на нашихъ глазахъ неистовый аристократъ Фридрихъ Нитцше. Но реакція, оказываемая такими радикальными умами несомнѣннымъ заблужденіямъ крайняго демократизма, въ свою очередь доходитъ до утрировки, приводя къ весьма нежелательнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ, принесеніемъ въ жертву культу личности принципа «возможно большаго блага возможно большаго числа людей». Напоминать человѣчеству, что аристократизмъ не есть тлѣнное созданіе рукъ человѣческихъ, а истый продуктъ природы, что онъ лежитъ въ природѣ вещей и въ основѣ людского общежитія, но что этотъ истый, природный аристократизмъ не есть грубое преобладаніе, гнетъ единицъ надъ массами, а гармоничное, духовное взаимодѣйствіе между тѣми и другими,—книга американскаго писателя и призвана. Эта книга, дающая намъ изображеніе ряда людей, явившихся въ жизни человѣчества несомнѣнными аристократами Божьей благодати и щедрости природы, рисующая ихъ въ отношеніи, въ какомъ они стоятъ ко всему человѣчеству и ко вселенной, книга, написанная при томъ безъ всякаго высокомѣрія и въ самомъ человѣчномъ, примирительномъ духѣ, отдающая полную справедливость тому, сколь многимъ великіе люди въ свою очередь обязаны массамъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ ея недавнихъ нѣмецкихъ переводчиковъ, благодаря именно тому, что въ ней столько несовременнаго, является въ наши дни особенно цѣнной и своевременной.

Инв. 9733